

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет

**МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОРЕЕВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДВФУ**

Владивосток

5–6 ноября 2021 г.

**X FEFU INTERNATIONAL KOREAN
STUDIES CONFERENCE
PROCEEDINGS**

Vladivostok

5–6 November 2021

Ответственный редактор
В.С. Акуленко

Владивосток

2021

УДК ^а314.148
ББК 94.3(5Ко)
М34

Издано при финансовой поддержке Korea Foundation

М34 **Материалы X Международной корееведческой конференции ДВФУ, Владивосток, 5–6 ноября 2021 г. = X FEFU International Korean Studies Conference Proceedings, Vladivostok, 5–6 November 2021** / отв. ред. В.С. Акуленко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. – 208 с.
ISBN 978-5-7444-5144-8.

В материалы сборника включены тезисы выступлений и доклады участников конференции, состоявшейся в Восточном Институте – Школе региональных и международных исследований ДВФУ. В них затронуты вопросы истории, экономики, культуры, филологии и политики стран Корейского полуострова.

Предназначается для специалистов, интересующихся проблемами Южной и Северной Кореи, студентов, аспирантов и широкого круга читателей.

УДК ^а314.148
ББК 94.3(5Ко)

Содержание

Секция I. Фактор Китая в международных отношениях стран Корейского полуострова.....	6
<i>Тарантул Р.В.</i> Пограничные пункты пропуска с КНДР как инструмент Китая по укреплению экономического и политического сотрудничества с Северной Кореей	6
<i>Волощак В.И.</i> Будущее американо-южнокорейского альянса и фактор Китая	9
<i>Волошина А.В.</i> Эволюция отношений Китайской Народной Республики и Республики Корея: в количественных оценках	11
<i>Дышин А.В.</i> Перспективы отношений Китая и Республики Корея в XXI в.	15
Секция II. Политика и социум Южной Кореи.....	18
<i>Козлов Л.Е.</i> Приграничные регионы Республики Корея: специфика развития	18
<i>Кукла М.П.</i> Институты торговой политики и дипломатии Республики Корея.....	20
<i>Чихрамов К.А.</i> Назначения представителей Республики Корея на должности в рамках системы ООН.....	22
<i>Лисицын П.П.</i> Влияние онлайн-технологий на борьбу с пандемией COVID-19 в Южной Корее.....	26
Секция III. Актуальные проблемы КНДР.....	29
<i>Ким Ен Ун.</i> Оценка новых аргументов политиков РК по денуклеаризации КНДР	29
<i>Шарафетдинова А.И.</i> Об усилиях РК по налаживанию диалога и сотрудничества с КНДР в период пандемии	31
<i>Хрусталева В.В.</i> Возможности КНДР по созданию асимметричного ответа на перспективные программы вооруженных сил США	34
Секция IV. Экономическое сотрудничество и российско-корейские отношения	38
<i>Денисенко В.А.</i> Взаимодействие Республики Корея и дальневосточных регионов России: экономический аспект	38
<i>Иванов К.В.</i> Российско-южнокорейские отношения в преддверии президентских выборов в Республике Корея: проблемы и перспективы	41
<i>Олейников И.В.</i> Иркутская область и Республика Корея: реалии внешнеэкономического взаимодействия в начале третьего десятилетия XXI века	43
<i>Демина Л.С.</i> Особенности организации питания туристов из Республики Корея в г. Хабаровске	46
<i>Переславцев Н.И.</i> Российский взгляд на проблему воссоздания Транскорейской магистрали. Опыт России в строительстве ветки Хасан – Рачжин	49
<i>Sokolova D.A.</i> Korean and Russian business interaction: regional trust networks formation	52
<i>Хан Чжихи, Толстокулаков И.А.</i> Становление и содержание политики Южной Кореи по развитию въездного культурного туризма	55
<i>Хренов В.В., Кавун М.Д.</i> Основные направления торгово-экономического сотрудничества Республики Корея и Монголии в конце XX – начале XXI века	60
Секция V. Issues in Korean Search for Sovereignty: With a Focus on the March First Movement and the Early Liberation Periods.....	63
<i>Choi Jung Sook.</i> The Actual Conditions of Acceptance and Application of Japan's "Self-Determination" in Korean Rule	63
<i>Bae AhRan Ellie.</i> The Public Discussions Surrounding the Issue of Ch'inilp'a Criteria: 1990-2000s ..	72
<i>Caprio Mark E.</i> Japanese Reactions to the Korean Independence Movement in March 1919	75
<i>Hyun Sohee.</i> The Process and Development of the Jeju 4-3 Incident: Memory of the Incident as seen from the Eyes of Jeju Refugees in Japan	77
Секция VI. Корейская диаспора в России и за рубежом.....	87
<i>Баллод Ж.О.</i> Русскоязычная диаспора в Республике Корея на современном этапе	87
<i>Ефремов Е.А.</i> Этнокультурная идентичность корейцев Казахстана (по результатам социологического опроса).....	90

<i>Опарин А.Е.</i> Лос-анджелесский бунт как фактор подъёма национального самосознания корейской диаспоры в США	96
<i>Дмитриева М.О.</i> Роль корейской диаспоры в развитии сотрудничества между Республикой Кореей и Узбекистаном.....	98
Секция VII. История Кореи в XX в.....	101
<i>Забровская Л.В.</i> Состояние китайско-корейской границы в период 1906-1945 гг.	101
<i>Начарова Е.Ю.</i> Советско-северокорейские экономические отношения (1945-1953 гг.) как часть советской геополитической стратегии на Дальнем Востоке	103
<i>Ким Н.Н.</i> Исторический нарратив о Второй мировой войне в Республике Корея.....	106
Секция VIII. История Кореи: Новое время.....	109
<i>Иванов А.Ю.</i> Национально-освободительное движение за независимость Кореи на территории Дальнего Востока России (1905-1919 гг.).....	109
<i>Финько Н.В.</i> Реализация концепции кубон синчхам на примере реконструкции дворца Кёнунгун в период Корейской империи 1897 – 1910 гг.....	112
<i>Мусинова И.А.</i> Мария-Антуанетта Зонтаг (1838-1922) и ее роль в установлении германо-корейского культурного диалога на рубеже XIX-XX вв.	115
Секция IX. История и культура Кореи	118
<i>Гурьева А.А.</i> Фигура Петра Великого в трудах южнокорейских исследователей.....	118
<i>Чеснокова Н.А.</i> Наука против мистицизма: сравнение опыта Кореи, Японии и России при проведении первой всеобщей противооспенной вакцинации в XVIII-XIX вв.....	120
<i>Загорюлько А.В.</i> «Кухванъсинмуль», заменяющие растения в периоды голода.....	122
<i>О Донгон.</i> Архитектурное наследие нового и новейшего времени в Чханвоне, городе-побратиме Уссурийска.....	126
<i>Victoria Ten.</i> Practices of Immortality in South Korea: Is Unscientific Good or Bad?	134
Секция X. Литература Кореи	140
<i>Солдатова М.В.</i> «Удачный день» в истории современной корейской литературы.....	140
<i>Тихоненко В.А.</i> Нравственная дихотомия в романе Чон Юджон «Семилетняя ночь».....	142
<i>Курыжко В.О.</i> Концепт «еда» и его лексико-семантическое поле в сборнике рассказов Сон Сокче «Пикник»	143
<i>Цой И.В.</i> Трактовка образа отца-жирафа в рассказах Пак Мингю (р. 1968) и Чо Гённан (р. 1969).....	145
<i>Кириллова Е.О.</i> Коннотации орнитологических мифологем в повести С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны»: удэгейское–корейское–японское	148
Секция XI. Филология Кореи	151
<i>Колодина Е.А.</i> Системность и динамичность корейского делового дискурса.....	151
<i>Кондратьева Е.Н.</i> Способы адаптации русских заимствований в языке КНДР	153
<i>Ни Ж.В.</i> Отражение языковой картины мира в культуре и языке (на примере Северной и Южной Кореи)	154
<i>Бречалова Е.В.</i> Об одной особенности морфосинтаксиса связки в кёнсанском диалекте корейского языка.....	158
<i>Ким Хэ Ран.</i> Исследование различий северокорейской и южнокорейской лексики.....	162
Секция XII. Молодая волна российского корееведения.....	168
<i>Стройкина С.С.</i> Применение исторического кинематографа в образовании в Республике Корея.....	168
<i>Шихова Л.А.</i> Трансформация правового положения представителей ЛГБТ-сообщества в Республике Корея.....	170
<i>Комарова К.А.</i> Гендерные стереотипы в профессиональной сфере: анализ корейского медиа-пространства	173
<i>Михеев В.А.</i> Восприятие и трактовка конфуцианских ценностей в работах режиссера Пак Чханука.....	176

<i>Ни М.Л.</i> Каузальный механизм формирования потоков транснациональной трудовой миграции из постсоветских стран в Республику Корея	179
<i>Хатанзейская В.В.</i> Конференция свободы 1942 г. и ее роль в решении корейского вопроса	180
Специальная секция. Problems of distortion of history and nationalism in the ROK and the DPRK	183
<i>Logie Andrew Miles.</i> The Function of Pseudohistory and Pseudo-Archaeological Interpretation in South Korean Millenarian Religion	183
<i>Akulenko V.S.</i> Ethno-National Origins Discourse in South and North Korea	185
<i>김원일.</i> 모스크바, 루데엔 대학교. 21세기 한국민족주의의 방향 전환 : 종족적 민족주의에서 문화적 민족주의로.....	187
Summary	191

Секция I
Фактор Китая в международных отношениях стран
Корейского полуострова

УДК 339.544

**ПОГРАНИЧНЫЕ ПУНКТЫ ПРОПУСКА С КНДР
КАК ИНСТРУМЕНТ КИТАЯ ПО УКРЕПЛЕНИЮ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА С СЕВЕРНОЙ КОРЕЕЙ**

Роман Викторович Тарантул

г. Владивосток, ДВФУ

В статье рассмотрена деятельность Китая по развитию пунктов пропуска на границе с КНДР в 2001-2020 годах. Результатом исследования является вывод о том, что модернизация китайско-северокорейских погранпереходов во многом обусловила закрепление за Китаем нынешнего статуса ключевого внешнеторгового партнёра КНДР.

Ключевые слова: Китай, Северная Корея, пункт пропуска, грузооборот.

Становление Китая в роли ключевого внешнеэкономического партнёра КНДР пришлось на 2001-2020 года, когда доля КНР в северокорейской внешней торговле выросла с 25 до 96%. В 2001 году стороны подписали «Соглашение между правительством КНР и правительством КНДР о пограничных переходах и системах управления ими» (Соглашение) [1], установившее пятнадцать пунктов пропуска. В 2001-2020 годах Китай модернизировал большинство из них.

В **автомобильном пункте пропуска Цюаньхэ-Вонджонг** в 2018 году был построен новый автомобильный мост длиной 549 и стоимостью 180 млн. юаней [11].

Автомобильный пункт пропуска Шатуоцзы-Себель в 2010-2013 гг. был полностью реконструирован [8], благодаря чему его пропускная способность выросла вдвое – до 100 000 тонн грузов и 100 000 человек в год.

Пункт пропуска Тумэнь-Намьян объединяет под одним названием обособленные друг от друга железнодорожный и автомобильный переходы. Первый – **железнодорожный пункт пропуска Тумэнь-Намьян** с пропускной способностью в 5 млн. тонн при фактическом объёме грузоперевозок не выше 1,5 млн. тонн в год. Как следствие, в 2015 году Китай реконструировал железную дорогу Намьян-Раджин, а в 2020 году модернизировал станцию Тумэнь [5]. В **автомобильном пункте пропуска Тумэнь-Намьян** в 2018 году был построен новый мост длиной 497 метров и стоимостью 16,4 млн юаней, увеличивший в три раза пропускную способность погранперехода – с 200 до 600 тысяч тонн грузов в год [7].

В **автомобильном пункте пропуска Кайшаньтун-Самбон** в 2016-2018 гг. были реконструированы здания инспекционных служб и некоторые вспомогательные объекты, что ускорило процесс досмотра лиц при пересечении границы [6].

Автомобильный пункт пропуска Саньхэ-Хверён благодаря реконструкции моста и доработок сооружений в 2012 году в два увеличил свою пропускную способность со 150 до 300 тысяч тонн грузов в год [10].

В **автомобильном пункте пропуска Наньпин-Мусан** в 2004 году был построен новый автомобильный мост, в 2005 году – здание инспекционных служб, в 2014 году – новый комплекс зданий погранперехода. В 2014 году объём грузооборота здесь достиг 850 000 тонн [4].

Проведённая в 2013 году в **автомобильном пункте пропуска Гучэнли-Тэхондан** модернизация стоимостью 20 млн. юаней увеличила его пропускную способность до 600 тысяч тонн грузов и 80 тысяч пассажиров в год [12].

Служебному переходу Шуанмуфэн-Шуантоуфэн в 2009 году был присвоен статус временного пункта пропуска, а в 2019 году – постоянного погранперехода [3].

Проведённая в 2009-2014 годах модернизация **автомобильного пункта пропуска Чанбай-Хэсан** увеличила его грузооборот до 170 000 тонн, что в 5 раз превысило показатели 2007 года [6].

В **автомобильном пункте пропуска Линьцзян-Чунган** в 2019 году было построено новое здание погранперехода, а в 2018 году создана китайско-северокорейская зона приграничного сотрудничества Линьцзян-Чунган [15].

Железнодорожный пункт пропуска Цзиань-Манпхо практически не развивался. Однако в 2018 году здесь был открыт отдельный автомобильный погранпереход Цзиань-Манпхо с пропускной способностью 500 000 тонн грузов и 200 000 пассажиров в год и стоимостью 280 миллионов юаней [9].

Речной пункт пропуска Лаохушао-Вивон в 2014-2016 годах получил новую пристань площадью 2500 кв. м., а также досмотровую площадку [2].

Речной пункт пропуска Тайпинвай-Шуочжоу не имел какого-либо существенного развития, как и **речной погранпереход порт Даньчжи – порт Синьйчжу**.

В **железнодорожном пункте пропуска Даньдун-Синьйчжу** в 2006-2008 годах была проведена масштабная реконструкция [13]. В 2016 году на ж/д станции Даньдун число международных путей было увеличено с 4 до 6.

Автомобильный пункт пропуска Даньдун-Синьджу в 2010-2014 годах получил новый автомобильный мост стоимостью \$360 млн., который не эксплуатировался из-за проволочек со стороны Северной Кореи. В 2019 году главы КНР и КНДР договорились о завершении работ, благодаря чему реализация проекта вошла в завершающую фазу.

Таким образом, за прошедшие с подписания Соглашения двадцать лет Китай модернизировал систему пунктов пропуска с КНДР, увеличив число постоянных погранпереходов с 16 до 18 (рисунки 1). Результатом проведённых мероприятий стала эффективная система пунктов пропуска, обеспечивающая экономическое господство Китая во внешнеторговом обороте Северной Кореи.

Список литературы

1. 中华人民共和国政府和朝鲜民主主义人民共和国政府关于边境口岸及其管理制度的协定 = Соглашение между правительством КНР и правительством КНДР о пунктах пересечения границы и системах управления ими // Сайт Министерства коммерции КНР. URL.: <http://policy.mofcom.gov.cn/pact/pactContent.shtml?id=859>.

2. 集安市人民政府口岸办公室集安市老虎哨口岸维修改造项目公开招标公告 = Объявление Управления пунктов пропуска народного правительства города Цзиань о публичных торгах на проект по техническому обслуживанию и ремонту пункта пропуска Лаохушао в городе Цзиань // Информационная сеть по государственным закупкам Министерства финансов КНР. URL.: http://www.ccgp.gov.cn/cggg/dfgg/gkzb/201909/t20190929_13013797.htm.

3. 2019年全国口岸验收情况 = Перечень утверждённых в 2019 году пунктов пропуска национального уровня // Сайт главного таможенного управления КНР. URL.: <http://www.customs.gov.cn/customs/ztl86/302310/kakfygb/2659191/index.html>.

4. 李玉晶, 张冬梅, 金炯宇. 2016 关于和龙边境经济合作区的调研报告 = Ли Юйцзин, Чжан Дунмэй, Цзинь Цзюньюй. Отчёт об исследовании зоны приграничного экономического сотрудничества Хэлун в 2016 году // 延边党校学报. 2016 年 4 月, 第 32 卷第 2 期 2016 年 4 月, 87-89 = Журнал партийной школы Яньбянь, апрель 2016 г., том 32, выпуск 2, стр. 87-89. DOI: 10.16332/j.cnki.cn22-1302/d.2016.02.028.

5. 中国图们到朝鲜七宝山铁路旅游线路恢复开通 = Возобновил работу туристический маршрут железной дороги Цибаошань из китайского города Тумэнь в Северную Корею // Информационный портал «Sohu». URL.: https://www.sohu.com/a/329034513_362042.

6. 学习贯彻十八大 = Изучение и внедрение положений 18-го национального конгресса Коммунистической партии Китая // Сайт Министерства коммуникаций КНР. URL.: http://zizhan.mot.gov.cn/zhuantizhuanlan/qita/zoujinzgjtb/xinwencehua/xuexiguancheshibada/201606/t20160623_2048682.html.

7. 中朝签署《中朝图们—南阳口岸新界河公路桥建桥协定》 = Китай и Северная Корея подписали «Соглашение КНР и КНДР о строительстве нового моста через пограничную реку в пунктах пропуска Тумэнь-Намьян» // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL.: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbd_673032/wshd_673034/t1296816.shtml.

8. 珲春沙坨子口岸鱿鱼进口量大幅增长创新高 = Объем импорта кальмаров в порту Шатуоцзы в Хуньчуне резко увеличился и достиг нового максимума // Информационное агентство «Sina.com». URL.: <http://jl.sina.com.cn/yanbian/hunchun/2015-07-22/7549.html>.

9. 中朝集安—满浦公路口岸正式开通 = Официально открыт китайско-северокорейские автомобильный пункт пропуска Циань-Манпхо // Информационное агентство «Хубэй Жибао». URL.: <http://news.cnhubei.com/caijing/p/10553646.html>.

10. 关于将龙井市三合口岸升级改造的建议 = Предложения по модернизации и ремонту пункта пропуска Саньхэ в городе Лунцзин // Сайт Постоянного комитета НПКС Яньбянь-корейского автономного округа. URL.: <http://www.ybrd.gov.cn/rmdbdh/dychy/2015-07-13/172562.html>.

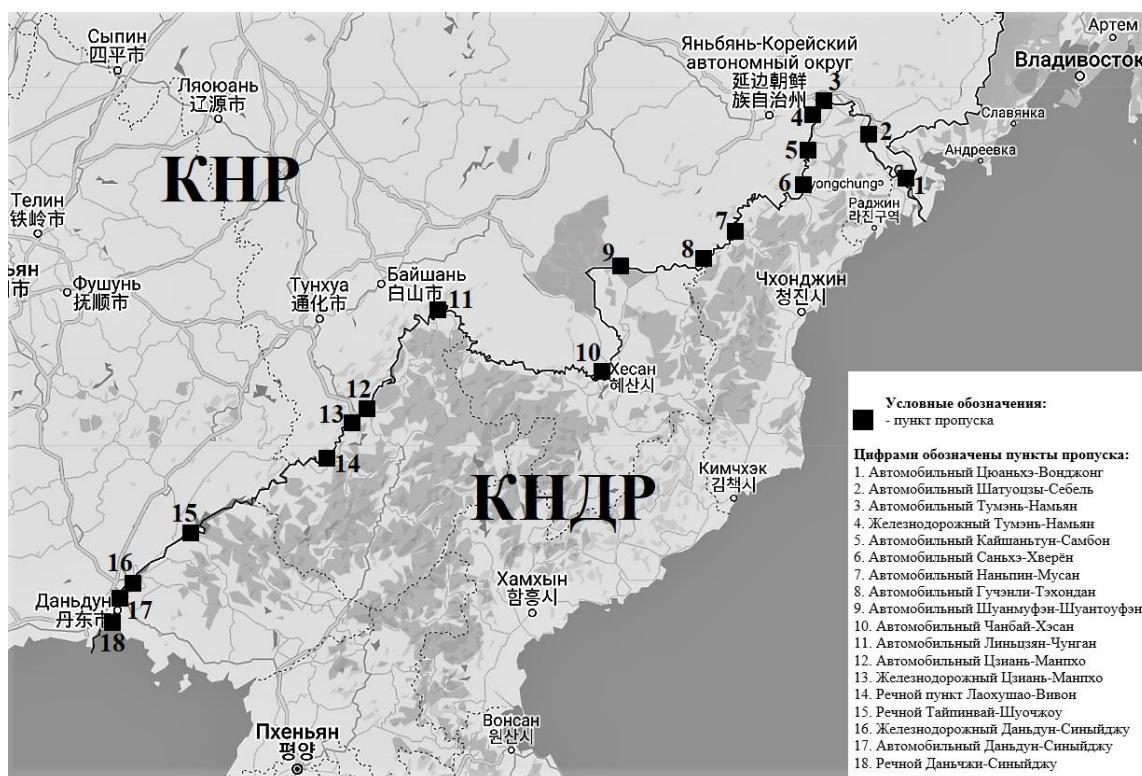
11. 我院设计的中朝圈河-元汀界河公路大桥项目交工验收 = Приёмка китайско-северокорейского автодорожного моста Цюаньхэ-Вонджин через пограничную реку, спроектированного нашим институтом // Сайт дорожного управления города Хуньчунь. URL.: <http://www.hcygs.net/index.php?id=2862>.

12. 古城里口岸 = Пункт пропуска Гучэнли // Интернет-энциклопедия «Байду». URL.: <https://www.baike.com/古城里口岸>.

13. 丹东陆路(铁路)口岸 = Пункт пропуска Даньдун (железнодорожный) // Сайт ассоциации пунктов пропуска КНР. URL.: <http://kouanxiehui.langye.net/kaifangkouan/yunshufangshi/tielukouan/2019-02-19/199.html>.

14. 南坪口岸 = Пункт пропуска Наньпин // Интернет-энциклопедия «Байду». URL.: <https://baike.baidu.com/南坪口岸>.

15. 打造 500 公里鸭绿江经济带奋力谱写白山开放发展新篇章 = Создание пятисоткилометрового экономического пояса реки Ялу и позволит написать новую главу в развитии открытости региона Байшань // Сайт Комиссии по развитию и реформам провинции Цзилинь. URL.: http://jldrc.jl.gov.cn/qt/sxzx/201802/t20180228_5224554.html.

БУДУЩЕЕ АМЕРИКАНО-ЮЖНОКОРЕЙСКОГО АЛЬЯНСА И ФАКТОР КИТАЯ

Валентин Игоревич Волощак

г. Владивосток, ДВФУ

Сегодня военно-политический союз между США и Республикой Корея переживает один из поворотных моментов. Это обусловлено несколькими причинами: сменой администрации США в 2021 г. и предстоящей сменой администрации РК в 2022 г.; отсутствием прогресса в межкорейском диалоге и процессе урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова; ростом военно-политического влияния Китая и попытками США уравновесить баланс сил в АТР; глобальными вызовами пандемии COVID-19. Успешное заключение соглашения о распределении расходов на содержание военного контингента США в РК в марте 2021 г. после долгого периода переговоров, а также принятие обширной программы двустороннего экономического и технологического сотрудничества по результатам саммита лидеров двух государств в мае 2021 г. свидетельствует о переходе к более гибкой модели отношений между Сеулом и Вашингтоном. В данном докладе предпринимается попытка охарактеризовать траектории развития отношений между союзниками и оценить значение китайского фактора для диалога США и РК.

Ключевые слова: безопасность, альянс, США, Республика Корея, КНР.

Военно-политический альянс между США и Республикой Корея имеет глубокие исторические корни и берет свое начало, по меньшей мере, в 1953 г., когда между Сеулом и Вашингтоном был заключен Договор о взаимной обороне, ставший фундаментом сотрудничества двух государств в области безопасности. За эти годы отношения между союзниками претерпели определенную трансформацию, обусловленную региональными и глобальными изменениями архитектуры безопасности и росту влияния РК на мировые политические и экономические процессы.

Важные изменения в альянсе произошли в период 2016-2017 г., когда, с одной стороны, новое правительство Мун Чжэина сместило акцент внешней политики РК на межкорейский диалог а, с другой стороны, пришедшая к власти в США администрация Д. Трампа в некоторой степени изменила привычную модель американской стратегической культуры. В частности, подход Трампа был построен на критике отношений Вашингтона со своими союзниками и был направлен на снижение степени вовлеченности США в сотрудничество с ними. В течение всего президентского срока Трампа между США и РК проходили сложные переговоры о распределении расходов на совместную оборону, на которых требованием США было значительное (от 50% до 400% на разных этапах переговоров) увеличение доли РК в бюджете альянса.

Новая администрация США также стремится использовать альянс с РК для эффективного противодействия росту Китая. Для этого Дж. Байден стремится переосмыслить прагматичный и своего рода «изоляционистский» подход Трампа к сотрудничеству с РК в области безопасности и перейти к более конструктивной модели отношений. Следует отметить, что в своем внешнеполитическом курсе Дж. Байден в целом уделяет большое внимание военным союзникам Вашингтона [3], характеризуя их как «величайший стратегический актив Америки» и подчеркивая их идеологическую значимость как защитников демократии, как это обозначено в докладе «Временное стратегическое руководство по вопросам обеспечения национальной безопасности», выпущенном в марте 2021 г [2]. В послании Дж. Байдена Конгрессу США 28 апреля 2021 г. четко обозначена угроза растущего влияния авторитарий в мире, противников демократической Америки и ее союзников [4].

Альянс с РК также имеет важное значение для нового правительства США, о чем свидетельствует ряд событий, произошедших в 2021 г. Во-первых, в марте 2021 г. было оперативно достигнуто соглашение по вопросу распределения расходов на совместную оборону. По условиям сделки, увеличение доли РК составило лишь 13%, что существенно меньше, чем требовал Д. Трамп [1]. Таким образом, Байденем был выстроен задел для дальнейшего диалога. Во-вторых, в мае 2021 г. (спустя всего 4 месяца после инаугурации Дж. Байдена) состоялся саммит лидеров двух государств, на котором стороны обсудили и сформулировали достаточно много приоритетов развития альянса. Наиболее заметным результатом этой встречи можно назвать окончательную ликвидацию ограничений по развитию ракетных технологий [5], существующую с 1979 г., когда Сеул

и Вашингтон договорились о том, что дальность действия баллистических ракет, разрабатываемых Республикой Корея, не должна превышать 180 км, а масса полезной нагрузки этих ракет – 500 кг. Сеул, однако, всегда настаивал на пересмотре этих рамок в сторону расширения, и в течение нескольких десятилетий в результате переговоров несколько раз удавалось повысить потолок дальности действия и полезной нагрузки ракет. Теперь же все ограничения были сняты полностью, и отныне РК формально может разрабатывать любые ракетные вооружения, в том числе и межконтинентальные баллистические ракеты, что является важным шагом на пути к полной военно-политической самостоятельности Сеула.

В совместном заявлении по итогам саммита 21 мая 2021 г. были обозначены и другие направления сотрудничества, многие из которых имеют стратегическое значение и направлены на углубление связей с РК в контексте растущего политического и экономического противостояния США с Китаем. В первую, очередь, партнеры вновь обозначили в качестве своей позиции стремление к полной денуклеаризации Корейского полуострова и приверженность принципам, установленным в Пханмунджомской декларации и Сингапурского совместного заявления 2018 г. Роль альянса США-РК за пределами Корейского полуострова также подчеркнута в заявлении Байдена и Муна, и основным приоритетом здесь обозначена поддержка партнерских связей Сеула и Вашингтона с государствами Юго-Восточной Азии и Индии и продвижение т.н. «Новой южной политики» РК. США и Южная Корея стремятся к расширению регионального сотрудничества в области кибербезопасности, здравоохранения, «зеленого роста», энергетической безопасности и ответственного водопользования в бассейне р. Меконг. Сеул, таким образом, сохраняет значение для Вашингтона в качестве важного игрока в Индо-Пацифике [6].

В приоритетах двустороннего сотрудничества РК-США четко выделяется сотрудничество в области передовых технологий. Технологии 5G и 6G, производство полупроводников и экологичных батарей для электрических транспортных средств, биотехнологии, квантовые технологии, технологии open-RAN перечислены в совместном заявлении Муна и Байдена как важные сферы сотрудничества [6]. Подобное внимание к ним неслучайно ввиду продолжающегося и растущего технологического соперничества между США и КНР, которая является одним из ключевых торговых партнеров РК, и Вашингтон, без сомнения не заинтересован в зависимости РК от технологий Китая.

Другим стратегическим приоритетом является совместная борьба с пандемией COVID-19, в рамках которой союзники не только вместе участвуют в международных программах по противодействию распространению коронавирусной инфекции, но и содействуют друг другу в производстве вакцин. Так, Сеул при поддержке Вашингтона поддерживает связи с Всемирной организацией здравоохранения в рамках программы Глобальной повестки дня по безопасности здоровья, на поддержку задач которой РК намерена инвестировать 200 млн долл. на период 2021-2025 гг. Союзники также договорились учредить «Глобальное партнерство по вакцинам РК-США», направленное на технологическое и научное сотрудничество по производству вакцин, кроме того, при поддержке Вашингтона Сеул намерен содействовать расширению глобального снабжения вакцинами через программу COVAX [6].

Интересной частью новых договоренностей между РК и США является содействие РК в разрешении миграционных угроз на американском континенте. Мун Чжэин объявил о плане инвестирования около 220 млн долл. за период 2021-2024 гг. на развитие стран Северного треугольника Центральной Америки (Гондурас, Гватемала, Сальвадор) с целью противодействия незаконной миграции из этих стран в США. Кроме того, РК намерена развивать сотрудничество в целом со странами Латино-Карибского региона, в особенности по вопросам экологии и цифровизации [6].

Подобные инвестиции, на наш взгляд, являются результатом компромисса между Сеулом и Вашингтоном. Заключение сделки о расходах на совместную оборону в марте 2021 г. носит компромиссный характер, в целом удовлетворяющий интересам РК. Другим важным моментом можно считать снятие ограничений на развитие ракетных технологий, которое является важной мерой для обеспечения военно-политической самостоятельности Сеула. В свете этих двух обстоятельств, вложения РК в проекты развития в регионе Центральной Америки и программу COVAX видятся частью сделки с США и компенсацией за сделанные Вашингтоном уступки. В целом, можно ожидать своего рода «перезагрузку» отношений между РК и США, не только по причине смены администраций в обеих странах (в РК она предстоит в 2022 г.), но и ввиду развивающегося противо-

стояния между США и КНР. Многие инициативы Вашингтона сегодня имеют подчеркнута антикитайскую направленность: создание в 2021 г. альянса AUKUS между США, Великобританией и Австралией, направленный на противодействие военному присутствию Пекина в Южно-Китайском море; участие РК в 2020 г. в расширенном формате Четырехстороннего диалога по безопасности, объединяющего Японию, США, Индию и Австралию; обсуждение в 2021 г. вопроса присоединения РК к разведывательному альянсу Five Eyes (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания и США). Все это свидетельствует о том, что РК сохранит свою важность для США в качестве ключевого партнера в АТР, и роль двустороннего альянса будет лишь расти в будущем, имея одной из своих центральных задач сдерживание Китая.

Список литературы

1. Ferrier, K. Biden Takes the Right First Steps With South Korea, But a Long Road Lies Ahead [Electronic resource] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/biden-takes-the-right-first-steps-with-south-korea-but-a-long-road-lies-ahead/> (дата обращения 03.11.2021)
2. Interim National Security Strategic Guidance, March 2021 [Electronic resource] // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения 03.11.2021)
3. Macias, A. Biden vows to restore U.S. alliances and lead with diplomacy in his first foreign policy address [Electronic resource] // CNBC. 04.02.2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/02/04/biden-vows-to-restore-alliances-in-first-foreign-policy-address.html> (дата обращения 03.11.2021)
4. Remarks by President Biden in Address to a Joint Session of Congress [Electronic resource] // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/29/remarks-by-president-biden-in-address-to-a-joint-session-of-congress/> (дата обращения 03.11.2021)
5. S. Korea, US agree to end bilateral missile guidelines [Electronic resource] // Yonhap. 22.05.2021. URL: <http://yna.kr/AEN20210522003451315> (дата обращения 03.11.2021)
6. U.S.-ROK Leaders' Joint Statement [Electronic resource] // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/> (дата обращения 03.11.2021)

УДК: 327

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОЦЕНКАХ

(Обновлённые данные исследования Университета Цинхуа
по состоянию отношений КНР с крупными державами)

Анна Валерьевна Волошина
г. Москва, ИДВ РАН

Развитие отношений с Южной Кореей является одним из ключевых внешнеполитических приоритетов КНР. Используя методику количественной оценки отношений Китая с крупными державами, разработанную на базе Университета Цинхуа, автор прослеживает эволюцию отношений двух стран и представляет свое видение актуальных проблем и перспектив развития их связей.

Ключевые слова: КНР, Республика Корея, двусторонние отношения, количественная оценка, проблемы, Соединенные Штаты.

Развитие отношений с Республикой Корея (РК) является одним из ключевых внешнеполитических приоритетов Китайской Народной Республики (КНР). Политический и экономический вес Южной Кореи, близкое соседство и расположение в важнейшем геополитическом узле субрегиона (Корейском полуострове) обуславливают заинтересованность Пекина в поддержании стабильных и здоровых отношений с этой страной. Также в последнее десятилетие на фоне нарастания конкуренции в отношениях КНР и США стала очевидна стратегическая роль Сеула в поддержании баланса сил в Северо-Восточной Азии (СВА).

Для исследователя ценным инструментом анализа китайско-южнокорейских отношений может стать методика количественной оценки отношений Китая с крупными державами, разработанная на базе Института современных международных отношений Университета Цинхуа. Исследование представлено в виде базы данных с ежемесячными числовыми оценками состояния двусторонних отношений КНР с 1950 года. Отношения, получившие баллы в диапазоне от -9 до -6, характеризуются как «конфронтационные» (страны являются стратегическими противниками; вероятно ведение полномасштабной войны), от -6 до -3 – как «напряжённые» (враждебные отношения, при которых возможны приграничные трения и мелкомасштабные конфликты); от -3 до 0 – как «дисгармоничные» (в отношениях больше враждебности, чем дружественности); от 0 до 3 – как «обычные» (в отношениях больше дружественности, чем враждебности; политика сотрудничества проводится во многих областях); от 3 до 6 – как «хорошие» (стороны находятся в добрых отношениях, но по некоторым вопросам имеют явные стратегические расхождения); от 6 до 9 – как «дружественные» (отношения дружеские, стратегические позиции по международным вопросам в основном совпадают, расхождения сравнительно малы) [9].

1. Согласно базе данных, в период 1950-1992 гг. оценки устойчиво находятся в зоне отрицательных значений. Исторический минимум был достигнут в годы Корейской войны (-7,8 с декабря 1952 по апрель 1953 г.). На протяжении трех последующих десятилетий двусторонние связи носят «конфронтационный» характер, их оценка держится на уровне «-6,6». Этот показатель представляется вполне обоснованным, учитывая, что Пекин, признавший в качестве законного представителя Кореи КНДР и являющийся ее союзником, и Сеул, в свою очередь признавший законным представителем Китая Китайскую Республику с правительством на о. Тайвань и поддерживающий союзнические связи с США, не имели официальных контактов и не устанавливали дипломатических отношений. Предпосылки для выхода из этого «тупика» заложил переход руководства КНР после 1978 г. к проведению новой прагматичной внешней политики, ориентированной, в первую очередь, на решение задач экономического строительства страны, что включало сотрудничество с ведущими капиталистическими державами. Демонстрировавшая беспрецедентные темпы экономического роста в результате реформ 1960-70-х гг. Южная Корея представляла для Пекина особый интерес. В этой атмосфере положительные подвижки в отношениях не заставили себя ждать. Так, в мае 1983 г. оценка впервые с 1953 г. меняется с «-6,6» на «-6,4», что связано с успехом первого официального контакта между представителями КНР и РК по поводу возврата угнанного в Южную Корею китайского самолета и подписанием двустороннего меморандума, определившего порядок взаимодействия стран в подобных чрезвычайных ситуациях в будущем. Намечившаяся «оттепель» была подкреплена решением сторон принимать участие в международных конференциях, заседаниях международных организаций и спортивных соревнованиях, проходивших на территориях стран друг друга. Так, оценки положительно реагируют на участие спортивной делегации КНР в X Азиатских играх, стартовавших в Сеуле в сентябре 1986 г. (рост до -6,3), и на открытие в Пекине XI Азиатских игр в сентябре 1990 г., в подготовке которых Южная Корея оказала Китаю значительную материальную помощь (рост до -6,1). Поворотным моментом стала первая встреча министров иностранных дел двух стран, Ли Сан Ока и Цянь Цичэня, в октябре 1991 г. на полях сессии Генассамблеи ООН, выведшая отношения из категории «конфронтационных» в «напряженные» (-5,7). Последовавшие переговоры, завершившиеся подписанием Совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и РК 24 августа 1992, повысили оценку почти на три балла, с «-5,4» в июле до «-2,5» в августе 1992 г., переводя их в категорию «дисгармоничных».

2. Период 1992-2008 гг. Установление дипломатических отношений между Пекином и Сеулом проложило дорогу для стремительного расширения политических, экономических, культур-

ных и гуманитарных обменов. Согласно оценкам исследователей, уже в 1994 г. отношения стран выходят из категории «дисгармоничных» в область «обычных» и впредь находятся только в поле положительных значений.

Отмечая растущую значимость двусторонних связей, государства неоднократно повышали уровень своих отношений: в 1998 г. они объявили об установлении «отношений сотрудничества и партнерства, ориентированных в XXI век», что отразилось в росте связей до уровня «хороших» (3,1) в следующем году. В июле 2003 г. отношения переводятся на уровень «всестороннего сотрудничества и партнерства» (рост до 4,4), а в мае 2008 г. РК и КНР объявили о создании «отношений стратегического сотрудничества и партнерства», что привело к трансформации отношений из «хороших» в «дружественные» (рост до 6,0).

В эти годы стороны установили механизмы диалога на высоком уровне между законодательными органами, министерствами и вооруженными силами для диалога и координации по отдельным вопросам. Пекин и Сеул совместно работали в рамках ООН, АТЭС, АСЕАН+3, форумов Восточноазиатского саммита, а также шестисторонних переговоров для решения проблем Корейского полуострова. К 2008 г. было достигнуто соглашение о запуске ежегодные встреч на высшем уровне в формате КНР-Япония-Южная Корея.

Тренд на укрепление сотрудничества подкреплялся расширением экономических связей. Объемы двусторонней торговли выросли с 4,4 млрд долл. в 1991 г. до 168 млрд. долл. в 2008 г. [7]. В 2004 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Сеула. Инвестиции РК в китайскую экономику увеличились с 141,3 млн. долл. в 1992 г. до 3832,1 млн. долл. в 2008 г. [4, р. 712] С 2004 г. по инициативе президента РК Но Му Хёна и председателя КНР Ху Цзиньтао стороны стали изучать возможности создания двусторонней зоны свободной торговли [3].

Беспрецедентное расширение контактов между КНР и РК позволило специалистам заявить о том, что, хотя Китай и Южная Корея не являются союзниками, их связи фактически поднялись до уровня «особых отношений» [5, р. 5].

3. Однако, **период с 2008 г.** продемонстрировал, что подобные оценки оказались чрезмерно оптимистичными. Продолжавшееся укрепление двусторонних экономических связей (в 2020 г. объем торговли достиг 285,26 млрд. долл. [8]), заключение соглашения о свободной торговле в июне 2015 г., присоединение РК к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, а также позитивные заявления на самом высоком уровне о том, что Китай и Республика Корея являются истинными стратегическими партнерами и их «двусторонние отношения переживают наилучшие времена» [1] не смогли компенсировать расхождения КНР и РК по целому ряду важных вопросов. Во-первых, камнем преткновения стали различия в подходах к урегулированию проблем межкорейских отношений и вопросу денуклеаризации Северной Кореи. По мере роста напряженности на Корейском полуострове все большее разочарование и недовольство Сеула вызывала позиция Пекина, заинтересованного в сохранении стабильности северокорейского режима и зачастую предпочитавшего дистанцироваться от обвинений в адрес КНДР, оказывая своему союзнику политическое и экономическое содействие, как это произошло в случаях с потоплением южнокорейского корвета «Чхонан» в марте 2010 г. и артиллерийским обстрелом со стороны КНДР южнокорейского острова Ёнпхёндо в ноябре 2010 г. Похолодание в отношениях отражается в том, что в период с декабря 2010 г. по март 2011 г. двусторонние связи опускаются с «дружественных» до «хороших» (5,9). Следующим и, как демонстрируют оценки исследователей, более серьезным вызовом для отношений КНР и РК стал фактор укрепления союзнических связей Сеула с Вашингтоном на фоне углубляющегося всестороннего американо-китайского соперничества. В последние два десятилетия Пекин прикладывал усилия для реализации модели «двух колес и одной оси» в отношениях с Сеулом, ставя цель дополнить двустороннее экономическое сотрудничество развитием связей в сфере безопасности, чтобы ослабить привязку РК к США, и расширением гуманитарных и культурных обменов [6, с. 22-23]. До тех пор, пока Сеул умело балансировал между США и КНР, союз США-РК не имел очевидного деструктивного влияния на китайско-южнокорейские отношения. Однако решение Южной Кореи в июле 2016 г. о размещении на своей территории комплекса американской ПРО ТНААД, встреченное жесткой реакцией Пекина и введением им неофициальных экономических санкций против РК, вызвало самый серьезный кризис между странами с 1992 г. Отношения стремительно вышли из категории «дружественных», демонстрируя спад на более чем

три балла («6,5» в начале 2016 г.; «3,3» к сентябрю 2017 г.). В последующие годы оценки стабилизируются и с декабря 2019 г. устанавливаются на уровне «4,1», но все же они далеки от категории «дружественных».

Перспективы китайско-южнокорейских связей во многом будут зависеть от политики Сеула на фоне растущей напряженности между США и Китаем. В интересах Пекина не допускать дальнейшего крена Южной Кореи в сторону Вашингтона, чтобы предотвратить устойчивое разделение стран СВА на противостоящие «блоки». Балансирование между Пекином и Вашингтоном, несомненно, выгодно Сеулу, однако, наблюдаемое в последние годы дальнейшее укрепление союза Южной Кореи с США, декларация РК о намерении сопряжения своей Новой южной политики с Индо-Тихоокеанской стратегией США, а также официальные заявления относительно ситуации в Тайваньском проливе и по проблеме Гонконга вкупе с беспрецедентным усилением антикитайских настроений среди населения Южной Кореи [2] создают опасность того, что Сеул будет по все большему числу вопросов придерживаться антикитайской повестки.

Список литературы

1. Выступление председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Сеульском национальном университете 4 июля 2014 года. // “Mojseul.ru”. URL: <http://mojseul.ru/obshhestvo/si-czinpina-pered-auditoriej-v-seulskom-nacionalnom-universitete.html>

2. Chan, T., Choi, S. Anti-China Sentiment and South Korea’s Presidential Race // “The Diplomat”, 21.09.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/09/anti-china-sentiment-and-south-koreas-presidential-race/>

3. China FTA Network. China-Korea FTA // Ministry of Commerce of the PRC. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/enkorea.shtml>

4. Kim, M. South Korea’s Strategy toward a Rising China, Security Dynamics in East Asia, and International Relations Theory // “Asian Survey”, 2016, № 4. P. 707–730.

5. Min, Ye. China–South Korea Relations in the New Era: Challenges and Opportunities. Lanham, MD: Lexington Books, 2017, 183 pp.

6. Жуань Цзунцзэ, Чэнь Юйжун, Лань Цзяньсюэ, Сун Цзюньин, Го Цзиньюэ. Чжунго чжоубянь синь вайцзяо: цун цзин люэ чжун цю вэньдин [Новая приграничная дипломатия Китая: стремление к стабильности через управление и планирование] / СИИ яньцзю баогао № 9 [Исследовательский отчет СИИ № 9]. Пекин: Чжунго гоцзи вэньти яньцзю юань, 2015. 59 с.

7. Чжун-хань цзинцзи жунхэ фачжань дэ сылу [Идеи развития экономической интеграции между Китаем и Южной Кореей] // Гоцзя синьси чжунсинь [Государственный информационный центр]. URL: <http://www.sic.gov.cn/News/456/7857.htm>

8. Чжунго тун Ханьго дэ гуаньси [Отношения Китая и Южной Кореи] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо бу [Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676524/sbgx_676528/

9. Чжунго юй даго гуаньси шуцзюй ку» шиюн фанфа [Методика использования базы данных об отношениях Китая с великими державами]. Пекин: Цинхуа дасюэ дандай гоцзи гуаньси яньцзю юань [Институт современных международных отношений Университета Цинхуа], 2012. 52 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В XXI ВЕКЕ

Алексей Викторович Дышин

г. Владивосток, ДВФУ

В течение длительного времени (1392-1895 гг.) отношения между корейским государством и китайской империей характеризовались принципом «Sadae» («служение великому»), который предполагал определенные вассальные отношения. После «освобождения» южной части страны США в ходе 2-ой Мировой войны этот принцип был распространен на США. Превращение Китая в мировую державу и укрепление его экономической мощи требуют корректировки политики Республики Корея. С одной стороны, США требуют выполнения определенных союзнических действий, с этим связано размещение на территории Республики Корея ракет США в рамках программы ПРО ТНААД. С другой стороны, укрепление экономической мощи Китая способствует росту национализма в стране. В Китае все чаще вспоминают о «золотом веке» страны, а также о «своеобразных» отношениях королевства Чосон и средневекового Китая. Руководству Республики Корея предстоит сделать непростой выбор между двумя гегемонами, с учетом важности Китая как экономического партнера для Республики Корея сделать этот выбор будет вдвойне непросто.

Ключевые слова: Корея, Китай, США, мировая держава, экономическая мощь, выбор.

Термин «Sadae» («служение великому») восходит к китайской классической литературе, точнее, к беседе известного философа конфуцианского направления Мэн-цзы (Мэн Кэ) (372-289 гг. до н.э.) с правителем царства Лян Хуэй-ваном. На вопрос правителя о том, как его царству, сравнительно небольшому по площади и по имеющимся ресурсам, обеспечить мирное сосуществование с такими царствами, как Чу и Цинь, Мэн-цзы предложил принцип «служения великому», т.е. формальное признание патронажа со стороны более сильного царства. Данный принцип был распространен в Древнем Китае, среди царств выделялось царство-гегемон, которому остальные царства подчинялись в той или иной степени. Данную политику стало проводить корейское государство в период с 1392 г. до 1895 г., т.е. до поражения Китая в японо-китайской войне 1894-1895 гг., когда Китай был вынужден отказаться от протектората над Кореей. Данная политика была достаточно результативной. Один из объединителей Японии Тойотоми Хидэёси в 1592 г. во главе 160-тысячной армии вторгся в Корею, но был разбит при помощи китайских войск. В 1597 г. он собрал 100-тысячную армию и опять вторгся в Корею, но при помощи китайских войск опять потерпел поражение. Больше попыток вторгнуться в Корею он не предпринимал. Как уже было выше сказано, после обострения кризиса империи Цин и поражения Китая в войне с Японией в 1894-1895 гг. данная политика стала неэффективной. Попытка использовать в качестве патрона Российскую империю и распространить на нее действие политики «Sadae» оказалась безрезультатной, хотя определенную помощь от России Корея получала как в дипломатической, так и в военной области. После аннексии Японией в 1910 г. Корея вошла в состав Великой Японской империи и была в таком статусе до разгрома Японии в 1945 году.

С 17 июля по 2 августа в пригороде Берлина Потсдаме проходила Международная конференция участников Антигитлеровской коалиции, на которой США и СССР заключили соглашение о разграничении сфер влияния на Корейском полуострове, с этого периода начинается очередной этап в формировании и развитии корейского государства. Ни одностороннее проведение в Южной Корее «демократических» выборов, ни Корейская война (1950-1953 гг.), ни последовавшее после нее «военное управление» не способствовали нормализации и развитию отношений с КНР. Изменения в данной области начались после провозглашения в Республике Корея периода «Шестой республики» (с 1987 г.). Отношения с КНР стали улучшаться, до официального установления дипломатических отношений 24 августа 1992 г. торговля велась через Гонконг, поэтому оценить ее масштабы достаточно сложно. Затем, после установления дипломатических отношений двусторонняя торговля стала стремительно развиваться.

Товарооборот Республики Корея и Китая в 1996-2019 годах

год	Товарооборот, млрд. долл.	Доля КНР в импорте Республики Корея, %	Доля КНР в экспорте Республики Корея, %
1996 г.	20	3-е место в импорте Республики Корея	4-ое место в экспорте Республики Корея
2007 г.	159,89	26,2	16,9
2010 г.	136	23,2	16,8
2019 г.	284, 54	25	21

Источник: рассчитано по [1], [2].

Как видно из указанной выше таблицы, в 1996-2007.гг. наблюдался значительный рост двустороннего товарооборота, после мирового экономического кризиса 2008 г. в области двусторонней торговли наблюдается спад в течение нескольких лет, потом последовал быстрый рост, тем не менее КНР занимает существенную долю в импорте и экспорте Республики Корея, в последнее время наблюдается рост доли Китая в экспорте Республики Корея, наблюдается тенденция к сближению долей Китая импорте и экспорте Республики Корея. При этом следует заметить, что данный процесс происходит на фоне сокращения торговли Республики Корея с традиционными партнерами в ЕС. Негативные изменения в данной области были связаны с деятельностью США, которые требуют выполнения определенных союзнических действий, с этим связано размещение на территории Республики Корея ракет США в рамках программы ПРО ТНААД, разработанной в Пентагоне. Это привело к кризису в двусторонних отношениях в июле 2016 г. В результате официальные власти КНР не только сократили масштабы двусторонней торговли, а также сотрудничества в области культуры и туризма, что оказалось весьма болезненным для Республики Корея в условиях пандемии и общего спада экономической активности в мире в целом, но нанесли «точечный удар» по корпорации «Лотте», которая произвела обмен земельными участками с правительством Республики Корея, чтобы разместить ракетные комплексы в рамках программы ПРО ТНААД, органы санитарно-эпидемиологического контроля КНР выявили в деятельности супермаркетов корпорации «Лотте» на территории КНР массу нарушений и фактически приостановили их деятельность.

Вторым чувствительным ударом стала блокировка продукции «Халлю» в Китае. «Халлю», или «Корейская волна», включают в себя продукцию кинематографа и произведения популярной музыки, экспорт которых в Китай приносит Корею около 11 млрд. долларов ежегодно [3]. Китай резко ограничил концерты корейских поп-групп на своей территории и показ корейских сериалов на телевидении. Некоторые исследовательские центры экономики и торговли, в частности, КОТРА, выделяют четыре отрасли кроме "Корейской волны", которые обязаны ей значительной частью своих успехов. Это видеоигры, туризм, пищевая промышленность и производство косметики. КОТРА считает, что 2,25 трлн. вон (около 2 млрд. \$) дают видеоигры, 2,11 трлн. вон – туризм, 1,82 трлн. вон- пищевая промышленность, 0,88 трлн. вон- косметическая отрасль[5]. Экспорт продукции косметической промышленности по данным за 2014 год дал самый существенный рост – 57% [4].

Визит президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина в Пекин (13-16 декабря 2017 г.) должен был оставить в прошлом охлаждение в двусторонних отношениях. Для визита самого высокого уровня в Пекин отправились «звезды» из популярной группы «EXO» и актриса Сон Хё Гю, «звезда» сериала «Потомки Солнца», очень популярного на китайском телевидении. Артисты приняли участие в церемонии открытия форума Корейско-китайского торгово-экономического партнерства и в торжественном ужине [6]. с, поэтому руководство КНР закрывает глаза на позицию США по этому вопросу.

Как мы видим, произошла определенная трансформация двусторонних отношений между Республикой Корея и Китаем, если не учитывать позицию КНДР по этому вопросу, от проведения политики «Sadae» в XIV-XIX веках стороны перешли к активизации двустороннего экономического сотрудничества в конце XX – начале XXI века, наметилась тенденция превращения КНР в основного торгово-экономического партнера Республики Корея в регионе, как бы к этому не относилась КНДР. С другой стороны, большую роль в этом процессе играет позиция США, которые не заинтересованы в укреплении позиций Китая в регионе и усилении торгово-экономического сотрудничества между ним и Республикой Корея.

Список литературы

1. China (CHN) and South Korea (KOR) Trade | OEC – The Observatory of Economic Complexity. [Электронный ресурс] – URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/kor>. (Дата обращения 18.09.2021).
2. South Korea: trade balance with China 2020 | Statista. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.statista.com/statistics/657629/south-korea-trade-balance-with-china-since-free-trade-agreement>. (Дата обращения 19.09.2021).
3. South Korea Exports to China | 2014-2021 Data | 2022-2023 Forecast | Historical (tradingeconomics.com). [Электронный ресурс] – URL: <https://tradingeconomics.com/south-korea-exports-to-china>. (Дата обращения 17.09.2021).
4. See Ben Dolven, K. Alan Kronstadt, Bruce Vaughn, Mark E. Manyin, Paul Belkin, Derek E. Mix, Emma Chanlett-Avery, and Kirt Smith, Indo-Pacific Strategies of U.S. Allies and Partners: Issues for Congress, Washington, D.C.: Congressional Research Service, R46217, January 30, 2020, p. 9.
5. Da-min Jung, “South Korea Responds to U.S. Call for Support on Indo-Pacific Strategy,” Korea Times, July 10, 2019.
6. «Новая эра» в отношениях Китая и Южной Кореи// «Азия», 18.12.2017.

Секция II

Политика и социум Южной Корея

УДК 332.14(519.5)

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ

Леонид Евгеньевич Козлов
г. Владивосток, ДВФУ

В докладе рассматривается феномен приграничных регионов в Республике Корея. С этой целью анализируется развитие провинций Кёнги, Канвон, Чеджу, а также уезда Уллын провинции Сев. Кёнсан. Делается вывод о том, что, несмотря на малую территорию РК, специфика приграничных регионов здесь выражена заметно.

Ключевые слова: приграничный регион, региональное развитие, центр-периферийные отношения, Республика Корея.

В России всегда существует повышенный интерес к изучению государственных границ и приграничных регионов, поскольку более половины субъектов Российской Федерации являются приграничными, а её границы входят в число самых протяжённых в мире. В настоящем докладе ставится вопрос о том, существует ли феномен приграничных регионов в Республике Корея с её малой территорией. С этой целью было проанализировано развитие провинций Кёнги, Канвон, Чеджу и Сев. Кёнсан. Приграничными регионами в научной литературе обычно называются субрегионы первого уровня, прилегающие к государственной сухопутной границе. В зависимости от открытости политического режима и национальной экономики граница влияет на их развитие в большей мере своей контактной или барьерной функцией [1]. По нашему мнению, в случае РК субрегиональный уровень анализа не всегда применим. Например, провинцию Чеджу следует анализировать целиком, в Канвоне – уезды рядом с Демилитаризованной зоной (ДМЗ) и приморские уезды, в Кёнги – только северную часть (о которой в РК даже идёт дискуссия на предмет выделения в специальную провинцию), а в Сев. Кёнсане – только уезд Уллын. По итогам предварительного анализа влияние границы на развитие указанных регионов представляется вполне заметным. Возле ДМЗ оно проявляется в усиленной милитаризации и важной роли военных в социально-экономическом развитии приграничных муниципалитетов, затруднённой экономической деятельности и обусловленной этим хорошей экологии и более строгих природоохранных ограничениях, повышенном значении проблем безопасности, оборонительной психологии гражданских жителей [3; 4]. Граница нередко трактуется этими регионами также и как источник возможностей, прежде всего, развития туризма, переговорной и конгрессно-выставочной сферы. В частности, планы Кёнги и Канвона тесно связаны с ДМЗ. Сейчас она привлекательна в экономическом смысле лишь как туристический объект, в особенности, переговорный пункт Пханмунчжом, но обе провинции выступают за скорейшую нормализацию межкорейских отношений и выражают надежду на активизацию сотрудничества в торговле, транспорте, промышленности и других сферах [6; 7; 8]. Канвон в своём плане развития до 2040 г., среди прочего, предлагает вместе с Северной Кореей проводить охрану и восстановление водных и лесных ресурсов, археологические исследования, спортивные обмены, создать трансграничный промышленный комплекс Чорвон (по аналогии с Кэсоном), зону свободного международного туризма Восточного побережья вплоть до Вонсана, даже «особую самоуправляющуюся провинцию мира Канвон» [6]. Также Канвон на фоне других регионов РК поддерживает более тесную коммуникацию с Россией. «Остров мира» Чеджу развивается как центр международного туризма, переговоров и форумов и предоставляет разнообразные льготы для иностранцев [5; 9]. Правительство РК ежегодно проводит «Форум Чеджу за мир и процветание», ориентированный на дискуссию высокого политического уровня об укреплении дружественных отношений в СВА. Однако корейское население Че-

джу озабочено наплывом иностранных, в первую очередь, китайских туристов, а также протестует против размещения на острове военно-гражданской морской базы в рамках оборонительного союза РК, США и Японии. Правительство РК поддерживает приграничные регионы в рамках специального закона [2]. Вопросы международного сотрудничества, в особенности, создания новых транспортных коридоров с участием приграничных регионов, находят существенное отражение в национальных планах территориального развития [10]. При этом внимание правительства РК к приграничным регионам кажется не таким гипертрофированным, как в России, возможно, потому что геополитические споры касаются южнокорейской территории только в части островов Токто уезда Уллын. В этом уезде центр усиленно инвестирует в инфраструктуру военной безопасности и транспорта, в ответ на японские территориальные претензии, а также поддерживает внутренний туризм с целью демонстрации своим согражданам суверенитета над Уллындом и Токто. Больше же внимание в своей региональной политике правительство РК проявляет к проблемам Юго-Запада. Впрочем, приграничные регионы РК, в основном, имеют средние статистические показатели и не требуют экстренных мер по преодолению отсталости.

Список литературы

1. Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / Под общей ред. Ю.В. Савельева, О.В. Толстогузова. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. – 490 с.
2. Border area support act [Enforcement Date 01. Dec, 2010.] [Act No.10331, 31. May, 2010, Amendment by Other Act] // Korean Law Information Center. – URL: www.law.go.kr (Дата обращения: 10.03.2021).
3. Gelézeau, Valérie. The Inter-Korean Border Region – ‘Meta-border’ of the Cold War and Metamorphic Frontier of the Peninsula // The Ashgate research companion to border studies / Ed. Doris Wastl-Walter. – Farnham: Ashgate, 2011. – P. 325-348.
4. Kim, Jeong Ho. Spatial planning and economic development in border region: The experiences of Gangwon Province, Korea // Ordnungspolitische Diskurse. – 2010. – №5. – 24 S.
5. Kim, Seon-Pil. Mainland development policy in an autonomous subnational island jurisdiction: spatial development and economic dependence in Jeju, South Korea // Island Studies Journal. – 2020. – Vol. 15, No. 1. – P. 169-184.
6. 강원비전 2040 / 강원도청. – 춘천, 2017. – 490 쪽. Концепция развития Канвондо до 2040 г. / Администрация Канвондо. – Чхунчхон, 2017. – 490 с. – URL: https://www.provin.gangwon.kr/gw/portal/sub06_02_02_04 (Дата обращения: 10.03.2021).
7. 경기도 종합계획 2020-2040 / 경기도청. – 수원, 2012. – 60 쪽. Комплексный план Кёнгидо 2020-2040 / Администрация Кёнгидо. – Суwon, 2012. – 60 с. – URL: <https://www.gg.go.kr/contents/contents.do?ciIdx=828&menuId=2003> (Дата обращения: 20.10.2021).
8. 경기지역균형발전비전 수립 / 경기연구원. – 수원, 2019. – 42 쪽. Формирование видения сбалансированного развития Кёнгидо / НИИ Кёнгидо. – Суwon, 2019. – 42 с. – URL: https://www.gri.re.kr/%EC%97%B0%EA%B5%AC%EB%B3%B4%EA%B3%A0%EC%84%9C/?pageno=1&division=&pub_start_year=&pub_end_year=&sc=author1&sv=%EC%9E%A5%EC%9C%A4%EB%B0%B0&limit=10&searchcode=&pcode=&brno=13143&prno=6387 (Дата обращения: 20.10.2021).
9. 제 2 차 제주특별자치도 지역균형발전기본계획 / 제주도청. – 제주, 2019. – 289 쪽. Второй Базовый план сбалансированного регионального развития Специальной самоуправляющейся провинции Чеджудо / Администрация Чеджудо. – Чеджу, 2019. – 289 с. – URL: <http://center.jejuessd.kr/research/planDetail?noticeId=507> (Дата обращения: 20.10.2021).
10. 제 5 차 국토종합계획 (2020~2040) / 국토교통부. – 세종, 2019. – 266 쪽. Пятый Комплексный национальный территориальный план / Министерство земли, инфраструктуры и транспорта. – Седжон, 2019. – 266 с. – URL: https://www.molit.go.kr/USR/policyData/m_34681/dtl.jsp?id=4453 (дата обращения: 10.03.2021).

ИНСТИТУТЫ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ И ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Марина Петровна Кукла
г. Владивосток, ДВФУ

Торговая политика Республики Корея основана на необходимости синхронизации интересов государства, крупного бизнеса и малого и среднего бизнеса. С этой целью создана система институтов, зарекомендовавшая себя весьма эффективной. В статье рассмотрены особенности деятельности институтов торговой политики и торговой дипломатии Республики Корея.

Ключевые слова: Республика Корея, торговая политика, экономическая дипломатия, институты.

Успехи Республики Корея на фронте торговой политики обусловлены опытом институтов торговой политики и дипломатии страны, система которых может быть оценена как весьма эффективная.

Направлениями внешнеэкономической политики Республики Корея являются технические вопросы торговли, поддержка предприятий-производителей, инвестиционная политика, борьба с протекционизмом и стимулирование свободной торговли, политика и дипломатия. Основным индикаторами успехов торговой политики считается положительное сальдо торгового баланса, диверсификация структуры экспорта, доля в экспорте страны предприятий малого и среднего бизнеса.

Текущие задачи внешнеэкономической политики и дипломатии Республики Корея обозначены в опубликованном впервые в 2017 г. докладе администрации Мун Чжэина «100 задач государственной политики» [4]. С момента публикации доклад регулярно адаптировался к изменениям внутренней и международной обстановки. В докладе обозначены следующие задачи. Во-первых, поддерживать сотрудничество с четырьмя ведущими мировыми державами – США, КНР, Россией и Японией. Во-вторых, сформировать «Ответственного сообщества стран СВА+». В-третьих, сформировать открытую среду внешнеэкономического сотрудничества, реагирование на изменение климата и экологические вызовы, создание качественных рабочих мест для молодежи, международная помощь развитию. Важно отметить, что за реализацию этих трех задач несёт ответственность Министерство иностранных дел. Наконец, последняя задача посвящена вопросам защиты интересов национального производителя. Ответственность за реализацию этой задачи несёт Министерство промышленности, торговли и ресурсов.

В принятии решений, определяющих внешнеэкономическую политику РК, участвуют все министерства, деятельность которых так или иначе связана с международной деятельностью. Основная работа концентрируется в правительстве, в Министерстве стратегии и финансов, которое включает два отдела, специализирующихся на ВЭД: Департамент внешнеэкономической деятельности и Департамент международных финансов.

Основным механизмом выработки согласованных решений является проводимое 2 раза в месяц совещание министров по внешнеэкономической деятельности, председательствует на котором Министр стратегии и финансов. В Совещании принимают участие министры правительства РК, чья деятельность связана с международным сотрудничеством. За минувшие несколько лет число участников совещания расширилось, в выработке направлений внешнеэкономической политики участвует всё больше министерств. Каждый из участников совещания может внести в повестку дня интересующий его вопрос, заблаговременно предоставив его в Министерство стратегии и финансов [5].

Значительную роль в реализации решений внешнеэкономической политики играют Министерство иностранных дел, участвующее в дипломатии, и Министерство торговли, промышленности и энергетики, осуществляющее взаимодействие с непосредственными производителями экспортных товаров.

Министерство иностранных дел (MOFA), созданное в 1948 г., традиционно отвечает за международное сотрудничество и дипломатию Республики Корея. В 1998 г. его название изменилось на Министерство иностранных дел и торговли (MOFAT), а полномочия были расширены. Эта ре-

организация была вызвана необходимостью более эффективно и активно осуществлять регулирование усложняющейся системы торговых соглашений, в которой РК принимала активное участие. Благодаря деятельности нового министерства Республика Корея смогла центром международной свободной торговли. В 2013 г. институты регулирования торговли были вновь реструктурированы. Министерство иностранных дел вернуло своё первоначальное название, и стало отвечать за участие Республики Корея в переговорном процессе по вопросам многосторонней интеграции и двусторонних соглашений [5].

Ряд полномочий MOFAT, связанных с торговой политикой, был передан Министерству торговли, промышленности и энергетики (MOTIE) с целью более эффективного использования возможностей ССТ в интересах национального производителя [6]. В настоящее время MOTIE осуществляет координацию деятельности регуляторов и акторов торговой политики в соответствии с потребностями непосредственных производителей экспортных товаров. В ведении министерства находится сбор жалоб производителей и экспортёров, решение вопросов, связанных с техническими торговыми барьерами, проблемами малого и среднего бизнеса, мерами торговой защиты.

На совещании министров по внешнеэкономической деятельности, состоявшемся в декабре 2013 г., были приняты важные решения, определяющие современное лицо экономической дипломатии Республики Корея:

- вошел в оборот термин “использование дипломатии высшего уровня в целях экономики”, заменившее использовавшееся ранее “дипломатия продаж”,

- объявлен “План поддержки предприятий для максимизации успехов дипломатии высшего уровня”.

- принято решение организовать портал дипломатии на высшем уровне [3], работу которого обеспечивает КОТРА.

Важнейшую роль в торговой дипломатии РК играет президент страны. Начиная с 2010-х гг задача дипломатии высшего уровня заключается в повороте от поддержки крупного бизнеса к поддержке малых и средних предприятий и их внешнеэкономической, прежде всего экспортной деятельности.

В экономической дипломатии принимают участие и государственные органы власти – президент, государственные и негосударственные институты внешнеэкономической политики и дипломатии. Первоочередной задачей дипломатии является вывод на новый уровень экспорт малого и среднего бизнеса.

В Республике Корея действуют институты дипломатии как государственные, так и негосударственные. Такая система даёт возможность осуществлять главную задачу торговой политики – объединять интересы государства с интересами национального производителя.

Агентство содействия торговле и инвестициям Республики Корея (КОТРА) – государственная организация, созданная в 1962 г. с целью содействия развитию внешней торговле Кореи [2]. В 1995 г. КОТРА была переименована в «Корейское агентство содействия торговле и инвестициям», а ее полномочия и функции расширены. КОТРА имеет сеть из 127 зарубежных представительств в 84 странах мира, 12 представительств в регионах Кореи. Одним из основных направлений работы Агентства является создание цифровых сервисов, который с каждым годом становится всё больше [5].

Корейская ассоциация международной торговли (КИТА) была создана в 1946 г. как неправительственная экономическая организация, призванная способствовать развитию корейской экономики посредством защиты интересов и прав участников внешнеторгового сектора Республики Корея. В настоящее время является крупнейшей деловой ассоциацией Республики Корея, насчитывающей более 70 000 компаний-участников. Ассоциация включает 13 представительств в Кореи и 11 зарубежных филиалов в крупных городах [7].

В нынешних условиях целью КИТА является поддержка экспортной активности малого и среднего бизнеса Республики Корея. В разгар пандемии COVID-19 КИТА занимается поддержкой корейских экспортёров, испытывающих серьезные трудности из-за срыва выставок и других международных мероприятий. В таких условиях особое внимание получают вопросы развития бесконтактного маркетинга и бесконтактного потребления.

Экспортно-импортный банк Кореи (КЕХИМ) – государственный банк, который был создан в 1976 г. с целью финансовой поддержки компаний, осуществляющих экспортные и импортные

операции, международные инвестиционные проекты и разработку природных ресурсов за рубежом. В функции банка входит кредитование экспортеров и инвесторов, управление Фондом сотрудничества с зарубежными странами и Фондом межкорейского сотрудничества [1].

Таким образом, система торговой политики и дипломатии Республики Корея объединяет усилия государственных и негосударственных институтов, функционирует в таком виде уже несколько десятилетий, подтверждая из года в год свою эффективность. На сегодняшний день система заточена на решение задачи расширения экспорта малого и среднего бизнеса. В условиях пандемии многие традиционные инструменты дипломатии видоизменились – прежде всего перешли в онлайн-формат многочисленные встречи и мероприятия. Однако положительная динамика торговли свидетельствует об эффективности системы поддержки экспорта в Республике Корея.

Список литературы

1. Korea Eximbank. – URL: <http://koreaexim.co.kr/kr/index.jsp> (Дата обращения: 20.10.2021 г.). Экспортно-импортный банк Кореи
2. KOTRA History [Electronic resource]. – URL: <https://www.kotra.or.kr/foreign/kotra/KHENKT160M.html> (Дата обращения: 20.10.2021 г.).
3. 경제외교활용포털 [Electronic resource]. – URL: <https://prapp.globalwindow.org/> (Дата обращения: 20.10.2021 г.). Портал экономической дипломатии Республики Корея.
4. 국정과제 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.president.go.kr/government-projects>. (Дата обращения: 20.10.2021 г.). Задачи государственной политики.
5. 산업부, 자유무역협정 (FTA) 이행 및 화령 유관기관 협의회 개최 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156458382> (Дата обращения: 20.10.2021 г.). Министерство промышленности проводит собрание заинтересованных организаций и производителей по вопросам ССТ
6. 산업통상자원부. 정책_정보. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.motie.go.kr/motie/py/brf/motiebriefing/motiebriefing8.do?brf_code_v=8#header (Дата обращения: 20.10.2021 г.). Министерство торговли, промышленности и энергетики Республики Корея.
7. 한국무역협회 = Korea International Trade Association. – URL: kita.net (Дата обращения: 20.10.2021 г.). Ассоциация внешней торговли Республики Корея

УДК: 94 (5)

НАЗНАЧЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА ДОЛЖНОСТИ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ООН

Константин Александрович Чихрамов
г. Владивосток, ДВФУ

В докладе статье «Назначения представителей Республики Корея на должности в рамках системы ООН» содержатся сведения, касающиеся представителей Республики Корея, назначенных на высокие должности в системе ООН, а также вкратце освещается их деятельность на самых высоких занимаемых ими постах. Наибольшее внимание уделяется Хан Сын Су, занимавшему пост Председателя Генеральной Ассамблеи ООН с 2001 г. по 2002 г., и Генеральному Секретарю ООН Пан Ги Муну, который был назначен на эту должность в 2006 г. В статье представлены сведения об их работе и зафиксированы некоторые оценки их деятельности в структуре ООН.

Ключевые слова: ООН, Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея, «мягкая сила», Генеральный секретарь ООН, глобальные проблемы.

Республика Корея известна во всём мире не только по продукции её знаменитых крупнейших компаний, таких как Самсунг, Хёнде, Дэу, Элджи, Киа, Лотте и многих других. Не только благодаря высоким темпам экономического развития Южная Корея заставила мировое сообщество считаться с её интересами. Немаловажный вклад в укреплении международного авторитета Республики Корея внесло весьма долгое и тернистое, но благополучно завершившееся в 1993 г. её вступление в ООН – глобальную международную организацию, созданную в целях поддержания и укрепления международного мира и безопасности, а также для развития сотрудничества между государствами человечества [2]. После вступления в ООН Республика Корея благодаря своим политическим и дипломатическим усилиям дважды в 1996-1997 гг. и в 2013-2014 гг. соответственно была избрана непостоянным членом Совета Безопасности ООН – постоянно действующего органа Организации Объединённых Наций, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Совет Безопасности ООН относится к числу шести «главных органов» ООН, в состав которого входят 15 государств-членов – 5 постоянных и 10 непостоянных, избираемых Генеральной Ассамблеей ООН на двухлетний срок по 5 каждый год [1]. Таким образом, участвуя в работе Совета Безопасности в качестве непостоянного члена, Республика Корея получила возможность быть причастной к решению важнейших международных вопросов, что не могло не сказаться на повышении её международного статуса. Помимо этого, Республика Корея председательствовала в Генеральной Ассамблее ООН с 2001 г. по 2002 г., что в свою очередь тоже способствовало укреплению её авторитета в глазах мирового сообщества. Однако, по мнению самих корейцев, одного из самых выдающихся достижений на международной арене Республика Корея добилась в результате избрания министра иностранных дел и внешней торговли Южной Кореи Пан Ги Муна на должность Генерального секретаря ООН, которую он занимал с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2016 г. Однако, речь сегодня у нас пойдет не только о Пан Ги Муне. В своём докладе автору хотелось бы также отметить и других представителей Республики Корея, которые принимали участие в работе различных агентств и органов ООН, занимая при этом довольно высокие должности в её структуре.

Первым в этом списке хотелось бы отметить Чхве Дон Чжина, посла Республики Корея в Великобритании, который стал первым южным корейцем, избранным на пост Председателя 20-й Генеральной Ассамблеи Международной морской организации (одного из специализированных учреждений ООН), состоявшейся в ноябре 1997 г.

Далее, стоит упомянуть и Сон Бонг Сук, которая в 1999 г. была назначена членом Центральной избирательной комиссии, отвечавшей за проведение всенародного референдума под наблюдением ООН в Восточном Тиморе. В 2001 г. она уже являлась Председателем независимого избирательного комитета ООН в Восточном Тиморе, который занимался организацией и проведением всеобщих и равных парламентских выборов в стране, состоявшихся 30 августа 2001 г.

Когда в 2000 году учёный из Южной Кореи Ким Хак Су был назначен Генеральным секретарем Экономической и социальной комиссии для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), он стал первым выходцем из Республики Корея, который занял пост заместителя Генерального секретаря ООН, оставаясь на этой должности до 2007 г.

В 2002 г. судья из Республики Корея Квон О Гон работал в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии, а его соотечественник Пак Чун Хо был избран судьей Международного трибунала по морскому праву. Назначение доктора Ли Чон Ука Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 2003 г. стало первым назначением гражданина Республики Корея на такую высокую должность в одном из специализированных учреждений ООН.

Переломным моментом в дипломатической истории Республики Корея стало председательство Южной Кореи на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в лице министра дел иностранных и внешней торговли Республики Корея Хан Сын Су с сентября 2001 г. по сентябрь 2002 г. Следует отметить, что, учитывая ту крайне незначительную роль, которую Корея играла на международной арене в течение многих десятилетий, это назначение было воспринято с небывалым энтузиазмом. Наряду с местом непостоянного члена в Совете Безопасности в 1996-1997 гг., Южная Корея считает избрание Хан Сын Су на столь высокий пост главным достижением своей дипломатии с тех пор, как страна стала членом ООН, даже своего рода кульминацией дипломатиче-

ской деятельности Сеула в ООН. О его деятельности в структуре ООН хотелось бы поговорить несколько подробнее. Ещё в 2009 г. Министерство иностранных дел и внешней торговли Республики Корея отмечало, что, когда Хан Сын Су вступил в должность Председателя Генеральной Ассамблеи на следующий день после террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, он сосредоточил все свои силы на разработке политических мер, направленных на определение того, каким именно образом ООН должна реагировать на новую угрозу международного терроризма. Другие вопросы, поднятые им в 2001-2002 гг., касались осуществления Декларации тысячелетия ООН, активизации деятельности Генеральной Ассамблеи, укрепления миротворческого потенциала, распространения информации о правах человека и демократии, разработки политических мер по искоренению международного терроризма, выявления и сокращения пробелов в информационном обеспечении, развития африканских государств и т.д.

Немедленно приняв после вступления в должность Председателя Генеральной Ассамблеи соответствующую резолюцию, осуждающую международный терроризм, Хан Сын Су активно способствовал принятию и поддержке более решительных действий мирового сообщества по решению проблемы искоренения терроризма, которая рассматривалась в качестве задачи, которая не терпит отлагательств. Во время обсуждения этого вопроса с 1 по 5 октября 2001 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, 167 государств-членов ООН решительно осудили международный терроризм. Это самое большое число государств-членов ООН, когда-либо высказывавших единое мнение по одному конкретному вопросу, что в свою очередь отражает стремление мирового сообщества искоренить международный терроризм.

Другие вопросы, поднятые на Генеральной Ассамблее, касались диалога между цивилизациями, принятия последующих мер по итогам Саммита нового тысячелетия, кризиса в Афганистане, палестинского вопроса, мобилизации международных финансовых ресурсов и плана распространения информационно-коммуникационных технологий в развивающихся странах. Будучи Председателем пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей с сентября по декабрь 2001 г., Хан Сын Су встретился с высокопоставленными должностными лицами из каждой страны, принимавшей в ней участие, и провел 78 совещаний и визитов вежливости. Он представлял ООН наряду с Генеральным секретарем Кофи Аннаном, получившим Нобелевскую премию мира в 2001 г. за выполнение ООН своей центральной роли в достижении мира и безопасности и решении мировых экономических, социальных и экологических проблем. Осуществляя руководство прениями по решению перечисленных глобальных проблем, Южная Корея получила глубокое их понимание и научилась эффективно решать их в 2001-2002 гг. [3, с. 34].

В дополнение к весьма ценному опыту, приобретённому Хан Сын Су в деле укрепления положения Сеула на международной арене, в 2005 г. Южная Корея впервые стала Председателем Первого комитета на 60-й Генеральной Ассамблее ООН. Примечательно, что к 2005 г. 22 представителя Республики Корея занимали специальные должности в Секретариате ООН. В марте 2007 г. советник ООН Пак Ун Ха была избрана на должность Заместителя председателя Комитета ООН по положению женщин. В мае 2007 г. профессор Университета Сонгюнган (старейшего университета Кореи) Ли Ян Хве был избран Председателем Комитета ООН по правам детей на срок два года. В июле 2007 г. Ли Хо Чжин, руководитель Центра по оценке дипломатического потенциала при Министерстве иностранных дел и торговли, был избран Председателем Консультативного Совета ООН по вопросам разоружения, основанного в 1978 г. в качестве консультативного органа при Генеральном Секретаре ООН по вопросам международной безопасности, разоружения и нераспространения оружия. В октябре 2007 г. посол ООН Ким Хён Чон был избран председателем Азиатско-Тихоокеанской группы ООН, насчитывавшей 53 члена, а Генеральный секретарь по миротворческим операциям ООН Чхве Ён Чжин был назначен специальным представителем Генерального Секретаря ООН в Кот-д'Ивуаре.

Таким образом, с конца 2006 г. по ноябрь 2008 г. число выходцев из Республики Корея, работающих в Секретариате ООН и связанных с ним учреждениях, возросло с 245 до 305, что является наивысшим показателем для Южной Кореи с 1992 г. Среди 10.583 сотрудников Секретариата ООН 60 чел. были из Южной Кореи. В декабре 2010 г. из 353 южных корейцев, работающих в 51 международной организации, 23 чел. занимали должность выше Директора бюро в штаб-квартире ООН или в международных организациях, связанных с ООН. Из 353 южнокорейских сотрудников

65 работали в штаб-квартире ООН. В августе 2014 г. 120 представителей Республики Корея работали в Секретариате ООН, в отличие от 1992 г., когда никто из южных корейцев там не работал. В 1992 г. в Детском фонде ООН (ЮНИСЕФ) работали всего три гражданина Республики Корея, а в 2014 г. их было уже 13. В Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) это число сотрудников из Южной Кореи за те же годы возросло с 5 до 30.

Как отмечал в 2012 г. Посол и Постоянный представитель Республики Корея при ООН Ким Сук, единогласное избрание Генеральной Ассамблеей 13 октября 2006 г. тогдашнего министра иностранных дел и внешней торговли Республики Корея Пан Ги Муна восьмым Генеральным секретарем ООН, несомненно, считается одним из важнейших достижений в истории южнокорейской дипломатии. Ранее он работал главным секретарем Хан Сын Су с 2001 г. по 2002 г. Избрание Пан Ги Муна Генеральным секретарём ООН имело огромное значение для укрепления положения Южной Кореи на международной арене. Пан Ги Мун обладал выдающимися талантами и сумел извлечь выгоду из тщательно продуманной и проведённой избирательной кампании, заручившись поддержкой не только со стороны правительства Республики Корея, но и со стороны геополитического союзника Южной Кореи США, для которых Пан Ги Мун являлся подходящим лидером, который смог бы оказать содействие осуществлению их стратегических интересов и с которым можно будет наладить эффективное сотрудничество [4, с. 90].

Первый срок пребывания Пан Ги Муна в занимаемой должности явился для него великолепной возможностью повысить эффективность так называемой «мягкой силы», когда он принимал активное участие в решении таких глобальных проблем, как нищета, болезни, региональные конфликты и гуманитарные катастрофы, а также укрепление политического и дипломатического руководства ООН. Его мягкий, но в то же время решительный стиль руководства поднял доверие мирового сообщества к ООН, а внутренние реформы, предпринятые им, способствовали повышению эффективности работы ООН. По мнению представителей многих государств-членов ООН, при решении глобальных проблем он действовал нейтральным образом или же дружественным способом. Пан Ги Мун решительно выступал за прекращение беспорядков в Кот-д'Ивуаре, возникших в то время, когда проигравший на президентских выборах в ноябре 2010 г. Лоран Гбагбо отказался признать их результаты и привлек тем самым внимание мировой общественности во время «Арабской весны» 2011 г.

В заключении хотелось бы отметить, что назначение граждан Республики Корея на высокие должности в структуре ООН позитивно сказалось на укреплении имиджа Южной Кореи в глазах мировой общественности и явилось признанием выдающихся способностей южнокорейских дипломатических работников, подтверждающим в свою очередь, что Южная Корея может оказывать влияние на решение основных текущих международных проблем.

Список литературы

1. Совет Безопасности ООН [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Совет_Безопасности_ООН](https://ru.wikipedia.org/wiki/Совет_Безопасности_ООН) (дата обращения: 26.08.2021).
2. Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Организация_Объединённых_Наций](https://ru.wikipedia.org/wiki/Организация_Объединённых_Наций) (дата обращения: 26.08.2021).
3. Chung, Utak. «South Korea's Diplomatic Strategy Toward the UNESCO – Within Focus on a Plan to Strengthen Influence within the UNESCO». Vol. 2, no.1 (2007), p.121.
4. Park, Heung-soon, Cho, Han-seung and Chung, Utak. «International Organizations and Korean Diplomacy». Seoul: Toso ch'ulp'an Oreum, 2015.

ВЛИЯНИЕ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ НА БОРЬБУ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19 В ЮЖНОЙ КОРЕИ

Павел Петрович Лисицын
г. Санкт-Петербург, СПбГУ
Наталья Андреевна Орлова
г. Санкт-Петербург, СПбГЭУ

Текст основывается на материалах проведенного исследования «Сравнительный анализ развития и преодоления последствий COVID 19 в России, Южной Кореи, Швеции и США»¹.

В рамках исследования были выделены идеально-типические конструкции национального государства, отличающихся по форматам "входа" в состояние пандемии. Случаи России и США были объединены в рамках одного идеального типа – модели "локдауна", которая является типичной реакцией национальных государств на пандемию. В рамках этой модели основное средство регулирования социально-экономических взаимодействий – это строгая социальная изоляция собственного населения в сочетании с закрытием национальных границ. Швеция и Южная Корея представляют собой "отклоняющиеся случаи" по отношению к этой модели, и для них ключевой является проблема доверия государству как со стороны собственного населения, так и со стороны международных организаций и других стран.

В настоящем тексте, авторы фокусируют свое внимание на случае Южной Кореи, представляющей модель "превентивного надзора", при котором основой для регуляции социально-экономических взаимодействий оказывается повсеместное тестирование и отслеживание контактов граждан, а социальная изоляция представляет дополнительную меру. Такая политика основана на опыте борьбы Южной Кореи с предшествующими эпидемиями и на применении современных технологий, в том числе – онлайн-приложений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сравнительный социальный анализ, регуляция социально-экономических взаимодействий, эпидемиологический кризис, онлайн культура, капитализм платформ, модели преодоления эпидемиологических угроз.

Перед тем как перейти непосредственно к описанию случая Южной Кореи в борьбе с пандемией COVID-19, необходимо отметить, что эпидемии всегда были не только биологическими, но и социальными процессами, поскольку распространение инфекций опосредуется социальными взаимодействиями. Исходя из этого, успех в преодолении эпидемических кризисов может быть подвергнут анализу через исследование действий центральных государственных органов и должностных лиц, и их способностью предвидеть возможное будущее и направлять государственные структуры и общество в правильном направлении.

Анализ борьбы с пандемией в Южной Корее авторский коллектив проводил на основе сравнительного анализа борьбы с ней в трех других странах (Россия, США, Корея и Швеция). Для настоящего текста, важным является то, что все обследованные страны являются различными в политике регулирования пандемии и ее восприятия со стороны своего населения и международного сообщества. Вместе с тем, основным результатом для сравнительного анализа принесло сравнение "отклоняющихся" в отношении политики изоляции ("локдауна") случаев, которым, в частности, является случай Южной Кореи. Этот случай является "отклоняющимся по отношению к политике "локдауна" (строгой социальной изоляции), которая является основной в большинстве стран мира, в том числе – в России. В случае Южной Кореи в государственном регулировании пандемии преобладали крупномасштабное поголовное тестирование населения и отслеживание заболевших, в то время как политика изоляции играла дополнительную роль.

Южная Корея является примером страны, которая быстро выровняла кривую эпидемии с поразительно низкими показателями инфицирования и смертности. Кроме того, бремя COVID-19 не было тяжелым для экономики страны по сравнению с другими странами с высоким уровнем дохода, при этом применялись относительно менее строгие меры по сравнению с последними. Эксперты выделяют три основные причины этого успеха: (1) сложное крупномасштабное тестирование с помощью новейших технологий молекулярной диагностики и инновационной инфраструктуры тестирования; (2) передовые технологии отслеживания контактов; (3) бесплатное медицинское об-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60033

служивание. Южная Корея была одной из первых стран, сообщивших о первом случае COVID-19 20 января 2020 года, и к 12 марта Южная Корея достигла плато. Это была одна из самых своевременных и сложных ответных мер на эпидемию COVID-19 в мире. В августе в стране наблюдалась умеренная вторая волна с 200 и 300 случаями ежедневно, а к октябрю цифры сократились до двузначных цифр. Однако с ноября 2020 года наблюдается заметное увеличение ежедневных новых подтвержденных случаев заболевания. 7 декабря Министерство здравоохранения Южной Кореи сообщило, что ситуация ухудшилась и возникла необходимость в более строгих мерах по смягчению последствий. Так, 12 декабря было зарегистрировано 1030 новых случаев заболевания. По данным Министерства здравоохранения и социального обеспечения Южной Кореи, к 13 декабря 3 374 595 человек прошли тестирование с 42766 (1,27%) положительными результатами, 90129 (2,67%) находились в процессе и 3 241 700 (96,06%) были отрицательными. Корейские центры по контролю заболеваний заявляют, что людям, которые посещают временные станции скрининга для теста на COVID-19, рекомендуется немедленно вернуться домой, оставаться дома и избегать контактов с семьей и друзьями до выяснения результатов теста. В случае положительного результата экспресс-теста на антиген люди должны сдать ПЦР-тест носоглотки, после чего эти люди должны быть помещены в карантин до тех пор, пока не станет доступен результат ПЦР-теста. Инновационные стратегии тестирования дают первые результаты всего за семь минут. Временные станции скрининга, или “телефонные будки”, которые представляют собой небольшие помещения, где стеклянный забор отделяет медицинского работника и пациента, а первый использует телефон для связи и резиновые перчатки на расстоянии вытянутой руки для проведения тестирования, позволили Южной Корее увеличить пропускную способность тестирования в десять раз. Кроме того, эти станции дезинфицируются и вентилируются после каждого испытания. Сокращение пространства, в котором тестируется пациент, позволило ускорить процедуру дезинфекции помещения. В настоящее время медицинский работник может сдавать 70-80 анализов в день. Активное выявление случаев COVID-19, таким образом, происходит независимо от клинических симптомов.

В пресс-релизе от 11 ноября 2020 года Корейское агентство по контролю и профилактике заболеваний сообщает о разработанной классификации уровней социального дистанцирования (KDCA, 2020). Они различают пять уровней. Уровень 1 относится к профилактическим мерам, когда еженедельное среднее число ежедневных случаев передачи инфекции на местном уровне составляет менее 100 в районе Большого Сеула, менее 10 в Канвоне и Чеджу и менее 30 в других регионах. Уровень 1.5 объявляется, когда местное обращение начинается со 100 или более, 10 или более и 30 или более случаев в соответствующих регионах. Уровень 2 относится к интенсификации передачи на местном уровне и началу передачи в общинах по всей стране и включает, по крайней мере, один из трех критериев: число случаев в 2 раза или более из критериев уровня 1.5; передача продолжается в двух или более регионах; более 300 случаев по всей стране. Для этого уровня существуют дополнительные показатели. По первому критерию это среднее еженедельное число случаев заболевания в возрасте 60 лет и старше. Для второго критерия эксперты учитывают вместимость больничных коек для лечения тяжелых или критических случаев, и этот показатель считается особенно важным для повышения до уровней 2,5-3. Для последних критериев учитывается потенциал эпидемиологических исследований. Другими жизненно важными показателями являются базовая численность размножения, ситуация с кластерной инфекцией, процент случаев с исследуемой цепочкой передачи и процент случаев, подтвержденных во время домашнего карантина. Уровень 2.5 представляет собой интенсификацию передачи инфекции в общинах по всей стране с 400-500 новыми ежедневными случаями или быстрым ростом числа случаев. Наконец, уровень 3 относится к общенациональной массовой передаче инфекции в общинах, где ежедневно регистрируется 800-1000 или более новых случаев заболевания.

Корейское агентство по контролю и профилактике заболеваний (KDCA) также предоставляет подробную информацию о проблемах, связанных с COVID-19, на своем веб-сайте в разделе пресс-релизов на корейском и английском языках. В своем ежедневном отчете о ситуации с COVID в стране KDCA представляет количество новых и совокупных случаев заболевания в целом по стране и в разбивке по регионам, количество случаев у въехавших и регион/страна приезда, а также место подтверждения (либо в пункте въезда, либо в сообществе). Кроме того, отчеты включают

информацию о статусе подтвержденных случаев заболевания (количество выписанных, находящихся в изоляции, тяжелых/критических случаев и умерших). Далее читатель находит информацию о недавних крупных локальных кластерах вспышек (их местоположение в регионе, место, где это произошло (например, школа, строительная площадка, университет), количество новых случаев и общее количество случаев). Затем KDCA предоставляет таблицу с еженедельными показателями оценки рисков с данными за четыре предыдущие недели. Они подсчитывают риск случаев с исследуемой цепочкой передачи, процент под контролем (процент новых случаев, подтвержденных во время самостоятельного карантина), новый кластер, число размножения (R_t) и количество средних критических/тяжелых пациентов, смертей и доступных отделений интенсивной терапии. Существует также таблица с ранжированием источника передачи по возрастным группам, т.е. наиболее распространенные места заражения для разных возрастных групп, подсчитанные с 01 октября. Наконец, KDCA сообщает о результатах тестов и подтвержденных случаях COVID-19. Во-первых, есть таблица с общим состоянием дела и теста с 03 января (кумулятивным) и суточной разницей. В нем описывается, сколько человек было протестировано в общей сложности и сколько человек получили положительный результат ПЦР (включая подтвержденный, находящийся в изоляции, выписанный из изоляции и умерший), количество выполненных тестов и отрицательный результат (ПЦР). Кроме того, KDCA предоставляет графики, демонстрирующие динамику тестирования и подтвержденных случаев. Во-вторых, читатель находит таблицу с региональным распределением случаев заболевания с указанием количества новых случаев заболевания (местных и импортированных), совокупного общего числа случаев заболевания (с 03 января), доли инфицированного населения и показателя заболеваемости на 100 тыс. населения. Кроме того, читатель может узнать социально-демографические характеристики подтвержденных случаев и групп (пол и возрастная группа для подтвержденных случаев, смертность, тяжелые/критические случаи). KDCA также предоставляет диаграммы с новыми случаями по цепочке передачи (за последние две недели), а также динамику и распределение импортированных случаев. Отчет заканчивается таблицей регионального распределения и эпидемиологических связей подтвержденных случаев заболевания.

Новые информационные и коммуникационные технологии играют центральную роль в сдерживании и контроле распространения вируса в Южной Корее. Среди них – ГИС-технологии, мобильные приложения, мобильные телефоны и другие источники данных. Использование технологических достижений позволило Южной Корее активно выявлять новые случаи заболевания путем отслеживания контактов и устанавливать быструю и эффективную связь между органами здравоохранения и гражданами (OECD, 2020; Kim, 2021). Например, в случае расследования или подтверждения нового случая заражения граждане получают SMS-оповещение. Кроме того, данные с мобильных телефонов, кредитных карт и камер видеонаблюдения используются для отслеживания перемещений и контактов. Южная Корея также подсчитывает мобильный трафик и включает его в метрики. Увеличение объема трафика косвенно свидетельствует о снижении интенсификации личных контактов. Таким образом, изменение объема трафика также позволяет оценить последствия и успешность введенных мер (например, при переходе от одного этапа ограничений к другому).

Реакция Южной Кореи на COVID-19 и соблюдение ее гражданами таких радикальных мер учета могут быть интерпретированы с точки зрения их специфической культуры. Однако введение таких мер было также обусловлено их опытом борьбы с предыдущими пандемиями. Таким образом, государство и его население должны были прилагать сознательные усилия для укрепления доверия в ситуациях эпидемической угрозы и в целом. Основное различие между Южной Кореей и другими странами с высоким уровнем дохода заключается в том, что она сосредоточена на стационарной помощи. Еще до вспышки пандемии в 2016 году в Корее было 12 коек на 1000 человек. В 2020 году число коек стало 12,4 (ОЭСР/ВОЗ, 2020). Это более чем в два раза превышает среднее количество коек в странах ОЭСР. Таким образом, организованное и срочное реагирование на эпидемическую угрозу является результатом заранее установленных и усиленных механизмов реагирования на эпидемиологические угрозы в целом.

Секция III

Актуальные проблемы КНДР

УДК 32

ОЦЕНКА НОВЫХ АРГУМЕНТОВ ПОЛИТИКОВ РК ПО ДЕНУКЛЕАРИЗАЦИИ КНДР

Ким Ен Ун

г. Москва, ИДВ РАН, НИУ ВШЭ

Предмет исследования – эволюция аргументов Республики Корея для денуклеаризации КНДР на примере выдвигаемых в последние два года примеров добровольного отказа Казахстана, Белоруссии и Украины от доставшегося им в наследство от СССР ядерного оружия, якобы обеспечивших им безопасность и достижения успехов в экономическом развитии.

Ключевые слова: денуклеаризация, КНДР, Казахстан, Белоруссия, Украина.

Республика Корея рассматривает денуклеаризацию КНДР как жизненно важную проблему не только для себя, но и для человечества. С этой целью они поддержали разные формы многосторонних усилий по денуклеаризации КНДР. При этом аргументация, которую используют южнокорейские политики и дипломаты, сводится к следующим основным постулатам. Первое – создание ядерного оружия в КНДР – это нарушение международного договора о нераспространении ядерного оружия, стало быть, нарушение международного права. И за это международное сообщество должно наложить на нее репрессивные акции в виде экономических и иных рестрикций. Поэтому метод силового давления, т.е. кнута, является первым аргументом. Впоследствии, когда стало понятно, что это силовое давление не приносит должного эффекта, к тому же еще и грозит возможной эскалацией напряженности и конфликту на самом Корейском полуострове, способном нанести сильнейший удар по экономике и благополучию самой Южной Кореи, политики сменили тон и стали высказывать другие меры. В частности, лауреат Нобелевской премии мира президент Ким Дэ Джун пытался, отказываясь принципиально от кнута, путем предоставления пряника, провозгласив политику «солнечного тепла», убедить своего северного соседа пойти на примирение с Югом и отказаться от своей ядерной программы, Эта политика провозглашалась всеми последующими президентами. .была провей будет оказана большая экономическая помощь со стороны мирового сообщества. Президент Ли Мен Бак (25.02.2008-24.02.2013) объявил о создании фонда экономического содействия КНДР общим объемом в 40 млрд долл. в рамках своего политики «Сансен гонъен» и программы «비핵화, 개방, 3000 (Денуклеаризация, открытость , 3000)».[3,30]

Второе – ракетно-ядерное вооружение КНДР не усиливает безопасность КНДР.

Третье – побудить все страны-соседей КНДР оказать максимальный нажим на нее, чтобы заставить отказаться от ядерного оружия. В этом же русле и оказать давление на Северную Корею всеми государствами мира. Эти планы и доводы не возымели никакого влияния на политику КНДР по укреплению своего оборонного потенциала и не смогли помешать ей стать ракетно-ядерной державой. В годы правления президента Мун Чжэ Ина Южная Корея пытается добиться цели денуклеаризации Северной Кореи , с одной стороны, настаивая и строго соблюдая все санкции не только СБ ООН, но и выходящие за пределы санкций СБ ООН, например, Евросоюза, а также США, Японии и свои собственные. С другой стороны, она пытается, доказать полезность отказа КНДР от ядерного оружия, ссылаясь на отказ от ядерного оружия Казахстана, Белоруссии и Украины, доставшегося им после распада СССР.

Впервые об этом заговорил президент Мун Чжэ Ин во время встречи с бывшим президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым во время своего визита в г. Нурсултан: «Сейчас Казахстан дает 70% всего ВВП стран Центральной Азии. Думаю, что основой такого экономического роста явилась решимость

Первого Президента, отказавшись по собственной инициативе от ядерного оружия, выбрать экономический рост. Такое прозорливое решение служит вдохновляющим примером для Южной Кореи, продвигающей полную денуклеаризацию и вечный мир Корейского полуострова» [1].

15. сентября 2021 г. Министр объединения РК Ли Ин Ен, выступая с основным докладом на международной конференции «Инициатива "Совместное снижение угрозы плюс" и будущее денуклеаризации в Корее», сказал: «Как вы все знаете, СТР была успешной программой, которая позволила осуществить мирный демонтаж ядерного оружия в таких странах, как Украина, Казахстан и Беларусь, которые унаследовали такое оружие после распада Советской империи в обмен на гарантии безопасности и экономическую поддержку» [2]. Правда, он сделал оговорку, что методы, которые были использованы по Казахстану и другим перечисленным странам не могут быть скопированы для Северной Кореи, т.к. и ситуация другая, и время другое. Но основной посыл такой: что нужно идти поэтапно, и оказывать экономическую поддержку КНДР по мере того, как она будет осуществлять демонтаж своей ядерной программы. Но Северная Корея три года назад как раз в одностороннем порядке вывела из строя ядерный полигон, демонтировала установку для испытания двигателей для тяжелых ракет, разрушили градирню на 5 МВт реакторе, предложили демонтировать с участием иностранных специалистов оборудование не только реакторов, но и других установок, включая радиохимическую лабораторию. Но США не пошли ни на какие хотя бы небольшие ограничения санкций даже по гуманитарным вопросам. Кроме того, предложенные министром объединения РК, все же что называется, ставят телегу вперед лошади. Ведь вся конструкция его предложения сводится к тому, что КНДР должны сначала полностью отказаться от своего не только ядерного, но и ракетного вооружения и только после этого США и РК рассмотрят вопросы оказания экономической помощи КНДР, т.е. поставят по условиям оказания помощи детальнейший отчет о всей финансовой отчетности страны. Не далее как в начале нынешнего века две страны, проводившие самостоятельную политику, которых еще и хвалили за отказ от намерений создать ядерное оружие, США своими интервенциями с союзниками просто уничтожили. С начала 2020 г., вынужденно закрыв все границы из-за пандемии КОВИД-19, Северная Корея продемонстрировала всему миру, что она в условиях почти полной блокады все же не только сохраняет социальную устойчивость, но и совершенствует новые виды высокотехнологичного оборонного оружия и не собирается сдаваться на условиях США.

Применение опыта Казахстана, Украины и Беларуси к денуклеаризации Северной Кореи несостоятельно. Ситуация совершенно другая. У них не было ни средств, ни кадров для содержания своего ядерного оружия. Кроме того, нельзя забывать, какую цену заплатила Россия, чтобы все три новых государства отказались о ЯО. Россия взяла на себя выплату всех долгов СССР и делала это почти 20 лет, Кроме того, долгие годы поставляла нефтепродукты, электроэнергию не по мировым ценам, а фактически по внутрироссийским ценам. Одной только Украине скидки на поставляемые из России энергоносители, практически бестамженный или с минимальными таможенными платежами, на большинство поставляемых продовольственных, промышленных товаров составили более 30 млрд долл.

А нынешняя ситуация на Украине предельно ясно показывает, способна ли была некогда самая развитая союзная республика в качестве самостоятельного государства конкурировать с европейскими странами и найти там свою нишу на рынке. Экономический рост Казахстана связан не только с умелым руководством страной политической и экономической элиты страны, а и ее теснейшими экономическими связями с Россией. А самое главное – никому из них на протяжении всех лет самый мощный из соседей не угрожал. Все они были под зонтиком России. А вот Беларусь наверное после прошлогодних событий серьезно задумалась о том, насколько можно доверять гарантиям Запада. Поэтому пример Казахстана, Белоруссии и Украины не является аргументом для КНДР и не может оказать на нее серьезное влияние

29 октября 2021 г. президент РК Мун Чжэ Ин встретился с папой Римским Франциском и выразил надежду, что возможный «визит Понтифика в КНДР послужил бы важным моментом для установления мира на Корейском полуострове» [1]. Это тоже непонимание политики КНДР.

Пока будут американские войска в Южной Корее и будут проводиться совместные военные учения США-РК на земле РК (а их ежегодно по 80 штук), и сохраняться санкции, ни на какое ядерное разоружение КНДР не пойдет.

Список литературы

1. Президент РК встретился в Ватикане с Папой Римским Франциском. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=67847/ дата обращения: – 29/10/2021
2. Lee In-Young. CTR and the Future of Denuclearization in Korea. Keynote speech at the first of three APLN webinars on the potential for an effective Democratic People’s Republic of Korea (DPRK) Cooperative Threat Reduction plus (CTR+) initiative. URL: <https://www.apln.network/projects/ctrplus/keynote-speech-by-rok-minister-of-unification-lee-in-young>. (Accessed 29.10.2021)
3. **상생과 공영의 대북 정책**(Северокорейская политика сосуществования и сопроцветания». Сеул: Министерство объединения Республики Корея, 2008. 56-с. (кор.яз.)
4. **한정우, 청와대 부대변인. 문재인 대통령, 나자르바예프 초대 대통령 면담 관련 서면브리핑**(Хан Чон У, заместитель пресс-секретаря Голубого дворца . Письменный брифинг о беседе президента Мун Чжэ Ина с Первым Президентом Назарбаевым» 2019-04-22. URL:<https://www1.president.go.kr/articles/6141/> (дата доступа: 10.10.2021) (кор.яз.)

УДК 327

ОБ УСИЛИЯХ РК ПО НАЛАЖИВАНИЮ ДИАЛОГА И СОТРУДНИЧЕСТВА С КНДР В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Алина Исмаиловна Шарафетдинова

г. Москва, ИВ РАН

На фоне застопорившегося переговорного процесса между КНДР и США после достигнутого в 2018 г. прогресса в вопросе нормализации отношений, а вместе с тем, полной самоизоляции КНДР от внешнего мира ввиду принятия мер против проникновения коронавирусной инфекции, Республика Корея последовательно стремится восстановить контакты с КНДР. В качестве меры по установлению доверия президент РК на 76-й сессии ГА ООН предложил заключить Декларацию об окончании Корейской войны 1950-53 гг. На сегодняшний день данное предложение встретило поддержку как со стороны союзников по альянсу США и Японии, так и со стороны КНДР и Китая, что дает ему шансы стать реализуемым в ближайшей перспективе. Одновременно РК пытается наладить контакты с северокорейской стороной в наиболее чувствительной сфере взаимоотношений – гуманитарной.

В данном контексте докладчик уделяет внимание активизированной деятельности Министерства объединения РК в настоящий период, обозначает перспективы межкорейского сотрудничества в условиях новых вызовов.

Ключевые слова: РК, КНДР, Мун Чжэ Ин, декларация, Корейская война, межкорейские отношения, гуманитарная помощь.

Развернувшаяся в сторону налаживания диалога с КНДР в 2018 году политика Соединённых Штатов позволила активизироваться межкорейскому взаимодействию. После 2000 и 2007 гг. в апреле, мае и сентябре 2018 г. были проведены встречи президента Республики Корея Мун Чжэ Ина и председателя Госсовета КНДР Ким Чен Ына. По итогам саммита, состоявшегося 27 апреля 2018 года в Доме мира (Пханмунчжом, КНДР), президент Республики Корея Мун Чжэ Ин и председатель Госсовета Ким Чен Ын подписали Пханмунчжомскую декларацию о мире, процветании и воссоединении Кореи из трёх пунктов [7], среди них содержится отказ от военных действий, а также стремление обоих государств к полной денуклеаризации Корейского полуострова. Её подписание позволило возобновить взаимодействие между Сеулом и Пхеньяном по ряду важных вопросов: военное сотрудничество, создание «Пояса мира» в демилитаризованной зоне, проведение встреч разделенных семей, гуманитарное сотрудничество, заключение мирного договора, работа по модернизации и развитию сети железных и автомобильных дорог КНДР, возобновление сов-

местных проектов, таких как Кэсонский индустриальный комплекс и Кымгансанская туристическая программа, совместное проведение летней Олимпиады 2032 года.

В рамках реализации Пханмунчжомской декларации от 27 апреля по линии оборонных ведомств РК и КНДР 19 сентября 2018 г. было заключено межкорейское соглашение в военной области, предусматривающее снижение напряжённости на Корейском полуострове и предотвращение случайных военных столкновений (вступило в силу 1 ноября 2018 г.). В соответствии с соглашением, установлена 10-километровая буферная зона вдоль сухопутной границы, в которой запрещены артиллерийские стрельбы и военные учения. Аналогичные буферные зоны шириной 80 км установлены на границах между Югом и Севером в Восточном и Жёлтом морях с целью предотвращения столкновений между военными кораблями. В воздушном пространстве над демилитаризованной зоной установлены бесполётные зоны, в которых запрещается эксплуатация беспилотных летательных аппаратов, вертолётов и других воздушных судов [4]. Данное соглашение позволило военным Юга и Севера Кореи провести разминирование демилитаризованной зоны протяженностью 4 км [6]. В период Корейской войны там шли тяжёлые бои, и на заминированной территории, как полагают, находятся останки не менее чем 500 военнослужащих, в том числе около 300 воевавших под флагом ООН. Корейские военные также договорились подготовить совместные правила для JSA, обсудив обмен информацией и размещение постов охраны [4].

Тем не менее после американо-северокорейского саммита 28 февраля 2019 года, завершившегося без результата, межкорейское сотрудничество снова застопорилось. При этом, следует отметить, что резкое снижение интенсивности двусторонних контактов с марта 2019 года было вызвано прежде всего отказом американских властей от ослабления санкций в отношении КНДР в качестве ответного действия на ликвидацию ядерного полигона в Нёнбёне. До саммита в Ханое северокорейцы готовы были обсуждать с американцами каждый шаг по направлению к денуклеаризации в обмен на частичное снятие санкций. К тому же, несмотря на заверения Д. Трампа во время встречи с Ким Чен Ыном об отказе от масштабных ежегодных совместных военных учений с РК, США совместно с РК 5 августа 2019 года провели совместные штабные учения "Тонмэн". Не способствуют разрядке напряженности продолжающиеся в рамках действующего плана 2020-2024 гг. поставки в ВВС РК американских бомбардировщиков F-35A новейшего поколения с технологией «стелс» [2, с. 95, 96].

Республика Корея в свою очередь, несмотря на сложившуюся неблагоприятную обстановку, последовательно стремится восстановить контакты с КНДР. До конца президентского срока в мае 2022 года Мун Чжэ Ин намерен продвигаться по пути сближения с КНДР. Как им было заявлено на 76-й сессии ГА ООН 24 сентября 2021 г. [3], важной вехой этого процесса должно стать заключение Декларации об окончании Корейской войны 1950-53 гг.

Документальное подтверждение окончания Корейской войны заняло «значительную часть» недавних переговоров 18-19 октября с.г. спецпредставителей военно-политического альянса США, Японии и РК. Спецпредставитель по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Но Гю Док, спецпредставитель США по КНДР Сон Ким и директор департамента Азии и Тихого океана МИД Японии Такэхиро Фунакоси обсудили совместные усилия, направленные на возвращение КНДР за стол переговоров по денуклеаризации. В ходе встречи был согласован ряд мер гуманитарной поддержки КНДР [9]. В данном аспекте интересно, учитывая индифферентный, даже негативный настрой северокорейской стороны, пойдут ли власти КНДР на то, чтобы принять данную поддержку.

Непонятна здесь и роль Японии в решении корейского вопроса, которую северокорейцы предпочитают видеть на задворках переговоров с тех пор, как японцы активно муссируют проблему с похищенными северокорейской разведкой японскими гражданами. На мой взгляд, вопрос с гуманитарной помощью представляет собой палку о двух концах, и северокорейские оппоненты очень хорошо подумают, прежде чем принять какие-либо предложения альянса. Очевидно, что одна гумпомощь не достаточна, чтобы сдвинуть с мертвой точки переговорный процесс.

Вместе с тем сегодня складывается ситуация, когда обеим Кореям следовало бы объединить свои усилия в борьбе с коронавирусной инфекцией. В этом свете актуально предложение Мун Чжэ Ина о создании Инициативы сотрудничества Северо-Восточной Азии в борьбе с инфекционными заболеваниями и в сфере здравоохранения, которую могла бы представлять КНДР наряду с РК, Китаем, Японией и Монголией [1]. Обе страны, приняв беспрецедентные меры, достойно справляются с но-

вым вызовом, а взаимодействие по данному аспекту способствовало бы нормализации отношений. В рамках Инициативы РК может способствовать улучшению качества системы здравоохранения Северной Кореи. Как предложил Мун Чжэ Ин, «Корея в данных обстоятельствах должна стать мостом между развитыми и развивающимися странами» [1].

Мониторинг выполнения условий межкорейских соглашений осуществляет Министерство объединения Кореи. Большое внимание уделяется сотрудничеству в гуманитарной сфере. В начале октября с.г. Минобъединения одобрило три запроса гражданских организаций об отправке гуманитарных материалов «для нужд сферы здравоохранения» на Север [5]. В прошлом месяце министерство приняло решение выделить до 10 миллиардов вон (8,5 миллиона долларов) на помощь гражданским организациям в реализации проектов помощи северокорейскому народу, который сталкивается с острыми гуманитарными потребностями в условиях глобальной пандемии коронавируса. Согласно одобренному правительством решению министерства, до 500 миллионов вон может быть выделено на один проект, направленный на улучшение питания и состояния здоровья граждан Северной Кореи [8]. Такого рода шаги нацелены прежде всего на привлечение Пхеньяна к внешнеполитическим контактам.

Избрание в 2017 году Мун Чжэ Ина президентом РК после его предшественников Ли Мён Бака и Пак Кын Хе привело к значительной активизации в межкорейских отношениях. В период пандемии, когда интеграция и взаимодействие на мирной основе важны как никогда, официальное завершение Корейской войны путем принятия соответствующего документа стало бы надёжным фундаментом для построения доверительных взаимоотношений между РК и КНДР. В данный период важным подспорьем в отношениях двух стран могло бы стать тесное взаимодействие в сфере здравоохранения, а также по линии гуманитарного сотрудничества.

Список литературы

1. Выступление лидеров стран. 75-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Часть 1. 22.09.2020 [Электронный ресурс]. URL <https://www.youtube.com/watch?v=WveRKwaJLE8> (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

2. Шарафетдинова А.И. Перспективы перезапуска американо-северокорейского диалога по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова и позиция России // Проблемы национальной стратегии. – М: РИСИ, 2020. – С. 91-101.

3. Address by President Moon Jae-in at 76th Session of United Nations General Assembly. 2021-09-24 [Электронный ресурс]. URL https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=320659 (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

4. Agreement on the Implementation of the Historic Panmunjom Declaration in the Military Domain. Ncnk.org. Retrieved 30 December 2018. [Электронный ресурс]. URL <https://www.ncnk.org/sites/default/files/Agreement%20on%20the%20Implementation%20of%20the%20Historic%20Panmunjom%20Declaration%20in%20the%20Military%20Domain.pdf> (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

5. Ministry approves 3 requests by civilian groups to provide humanitarian aid to North Korea // Korea Times. 2021/10/07 [Электронный ресурс]. URL https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/10/103_316633.html (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

6. North and South Korea begin removing mines along DMZ // CBS news. 1 October 2018 [Электронный ресурс]. URL <https://www.cbsnews.com/news/north-korea-south-korea-removing-land-mines-dmz-panmunjom-arrow-head-hill/> (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

7. Panmunjeom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula // The Korea Times. 2018/04/27. [Электронный ресурс]. URL https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/04/731_248077.html (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

8. South Korea to provide up to 10 billion won for civilian aid projects for North Korea // Korea Times. 2021/09/24 [Электронный ресурс]. URL https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/10/103_315945.html (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

9. Special Representative for the DPRK Kim's Trilateral Meeting with Republic of Korea Special Representative Noh and Japanese Director General Funakoshi in Washington, D.C. // U.S. Department of State October 19, 2021 [Электронный ресурс]. URL <https://www.state.gov/special-representative-for-the-dprk-kims-trilateral-meeting-with-republic-of-korea-special-representative-noh-and-japanese-director-general-funakoshi-in-washington-d-c/> (Дата обращения: 27.10.2021 г.)

ВОЗМОЖНОСТИ КНДР ПО СОЗДАНИЮ АСИММЕТРИЧНОГО ОТВЕТА НА ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПРОГРАММЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США

Владимир Владимирович Хрусталеv

г. Владивосток, North-East Asian Military Studies

В свете развития перспективных американских военных программ, а также объективных возможностей создаваемых современными и ожидаемыми перспективными технологиями, перед Пхеньяном встает ряд вопросов. В первую очередь о том, существует ли возможность обеспечения полноценной дееспособности национального ядерного арсенала относительно американской угрозы. Как по способности выжить при первом ударе (современные и перспективные средства мониторинга территории КНДР), так и нанесению ядерного удара ракетами в условиях существования гипотетических перспективных систем ПРО (ПРО на активном участке, космические средства перехвата, новые ракеты-перехватчики и т. д.). Анализ имеющихся у КНДР технологических заделов, а также того, что может быть доступно для разных мелкотоннажных закупок через третьи руки, показывает – задел для решения этой задачи есть. К таким решениям относятся ракеты со сверхкоротким активным участком, ракеты с разделяющимися головными частями и комплексами преодоления средств ПРО, ракеты с частично-орбитальными боеголовками, ракеты-мишени, противоспутниковые ракеты, ядерные взрывы в высоких слоях атмосферы и космосе и многие другие. К 2030-2035 гг Пхеньян в принципе способен создать такие образцы, при принятии политического решения.

Ключевые слова: ядерный удар, ПРО, ПРО на активном участке, космические средства перехвата, ракеты со сверхкоротким активным участком, ракеты с разделяющимися головными частями, ракеты с частично-орбитальными боеголовками, ракеты-мишени, противоспутниковые ракеты, ядерные взрывы.

1. Потенциальные перспективные опасности для ядерных сил КНДР

В настоящее время (и на ближнюю перспективу) ракетный потенциал КНДР обладает достаточными способностями по выживанию в первом ударе и по преодолению систем противоракетной обороны (ПРО) противника. Однако в США широко обсуждаются различные варианты (и реализуются опытные перспективные программы) относительно того, чтобы создать ПРО с радикально новыми возможностями. Не только против ракетного потенциала КНДР, но наиболее опасного именно для ракетных сил КНДР.

Одновременно идет совершенствование способности по ведению разведки (практически в реальном времени), и нанесению по ее данным эффективного первого обезоруживающего удара (как ядерного так и неядерного). Однако рассмотрение вопросов предполагаемого обеспечения парирования этой опасности выходит за рамки данного текста.

Именно ПРО является основным центром приложения усилий и в настоящее время в том или ином виде изучается/отрабатывается целый ряд принципиально новых возможностей. Неизвестно какие именно будут внедрены в итоге, но при анализе перспектив следует изучить весь спектр вариантов.

Во-первых, речь идет о различных программах создания систем перехвата баллистических ракет еще на взлете. Это предполагается сделать либо специальными ракетами-перехватчиками запускаемыми с летательных аппаратов вблизи территории КНДР, либо (в случае решения ряда принципиальных проблем) лазером размещенном на некоем крупногабаритном воздушном носителе.

Во-вторых, орбитальные спутники-перехватчики из созвездий спутников движущихся по низким околоземным орбитам и обеспечивающих возможность быстрого столкновения (за счет прохождения очередного спутника недалеко от района прохождения расчетной траектории ракеты) дежурного в данный момент перехватчика с ракетой идущей в космическом пространстве на восходящем участке.

В-третьих, широкое развертывание новых противоракет способных поражать цели на баллистическом (после выключения двигателя ракеты) и конечном (вхождение боеголовки в атмосферу и снижение в ней). Что в ответ может предпринять Пхеньян?

2. Возможные меры противодействия перспективным системам ПРО

Нейтрализация системы ПРО на активном участке

БР способная преодолеть такую оборону должна иметь очень короткий по времени активный участок, и высокую защищенность от поражающих факторов оружия направленной энергии. [1-7] Схожие задачи были успешно решены при создании противоракет еще в 1960-х гг. и на очень простой технологической базе.

Например, ракета ПРО «Спринт». [8-9] Достигающая высоту в 30 км за 15 секунд. Скорость ракеты 3.4 км в секунду могла достигаться за 5 секунд. Это скорости ракет средней дальности в конце активного участка. Чтобы ракета не расплавилась от нагрева, её обшивка была покрыта слоем абляционной защиты.

Это пример того, какие варианты могут быть реализованы КНДР. Но не для создания противоракеты, а для конструирования новых баллистических ракет средней и большой дальности. Коническая геометрия, очень высокая тяговооруженность, оснащение корпуса по всей поверхности серьезной абляционной теплозащитой.

Такая ракета успеет взлететь и обеспечить отделение головной части что в условиях полета в зоне стрельбы ракетами-перехватчиками, что в зоне стрельбы лазера. В первом случае в большинстве вариантов активный участок может завершиться еще даже до пуска противоракеты по факелу (а даже если пуск состоялся, то догнать ракету вовремя будет большая проблема). Во-втором, случае абляционная теплозащита обеспечит возможность двигателю успеть полностью доработать до момента, когда воздействие лазера сможет нанести ущерб запуску.

3. Нейтрализация эшелона ИСЗ-перехватчиков

Во-первых, короткий активный участок завершаемый как можно ниже (по возможности до высот 150-200 км). В этом случае, если отделение полезной нагрузки произошло раньше зоны перехвата, то резко растет число целей которые надо успеть сбить силами эшелона обороны.

Во-вторых, атаки с земли по самим ИСЗ ПРО, в том числе с использованием ядерных боеголовок. [10] Собственно первые противоспутниковые ракеты США — это были специальные адаптированные БР средней дальности «Тор» с ядерным зарядом. Для КНДР создание такого оружия принципиальной проблемы не представляет (есть все компоненты технологии). Ракеты могли перехватить орбитальный объект на высоте до 1300 км и на дистанции до 2800 км. Радиус поражения мегатонной боевой части гарантировал уничтожение спутника радиационным и термическим воздействием на дистанции до 8 км. И это было создано на технической базе начала 1960-х гг. [11]

4. Нейтрализация эшелона противоракет морского и наземного базирования на среднем и конечном участке траектории

Во-первых, КНДР достаточно продвинулась в области, как ракет, так и ядерных зарядов. Потому логичным входом становится создание БР с разделяющимися головными частями (несколько боеголовок (БЧ) на одну ракету). Чем больше боеголовок, тем больше шансов что ПРО хотя бы часть преодолеет.

Хороший пример того, как могла бы выглядеть БР оптимизированная под насыщение ПРО – это американская БРПЛ «Посейдон-С3» созданная во второй половине 1960-х. [12] Это была двухступенчатая твердотопливная БР способная нести до 14 зарядов. 14 на дальность 3300 км, 10 на 4600 км, и 6 на 5600 км. В варианте на 14 боеголовок не было индивидуального нацеливания каждой. После проведения нацеливания двигателем второй ступени производится одновременный отстрел всех боеголовок. 14 боеголовок – это 28 противоракет для перехвата из расчета минимального 2 к 1. Хотя в реальности может уйти и 56 противоракет на нагрузку одной БР и больше!

При этом необязательно чтобы все блоки нагрузки были в ядерном снаряжении, Даже если все кроме одной будут болванками с тем же весом и объемом – это будет резким ростом сложности перехвата. А ведь еще есть и более легкие ложные цели (вроде надувных «боеголовок» весящих от 0.5 до 6 кг и сохраняющих свои имитирующие свойства до высот 120-160 км или

металлических имитаторов весом в десятки кг выглядящих убедительно до десятков км высоты). Также можно заранее использовать часть ракет, как ракеты преодоления ПРО (т е сразу несущие только ложные цели для перенасыщения ПРО).

Предположим есть 10 ракет, 2 настоящих ядерных боеголовки и 500 ложных целей. А у противника 250 противоракет. Расчеты показывают, что если ложные цели не отличаются от боеголовок для систем наведения ПРО, то итоговая ситуация очень интересная. Вероятность что перехватят каждую отдельную боеголовку составит менее 50%, а что перехватят обе реальных боеголовки – менее 25%. Зато вероятность того, что хотя бы одна реальная боеголовка преодолеет ПРО – составит около 75%!

Во-вторых, в теории КНДР может пойти на создание и достаточно экзотического оружия – ракет с частично-орбитальными боеголовками. Такие системы еще имеют название «систем частично-орбитального бомбометания». У таких ракет боеголовка после запуска и выхода на низкую околоземную орбиту, совершив неполный оборот по орбите, поражает цель на поверхности Земли. Такая система не имеет ограничений по дальности стрельбы, а траектория орбитального полёта не позволяет до самого последнего момента прогнозировать точку прицеливания. Теоретически такая система позволила бы наносить ракетно-ядерные удары по территории США по наименее защищенным траекториям. Например, в обход кратчайших баллистических траекторий через Тихий Океан избыточно перекрываемых противоракетами с кораблей.

В СССР уже в 1968 г была поставлена на вооружение подобная ракета – Р-36орб. [13] С боевого дежурства были сняты в рамках договоров в 1983 г. Однако факт постановки на вооружении такого оружия еще в 1960-х говорит о многом. Аналогичный проект был начат в Китае еще в 1965 г, а в 1970 г началась разработка специальной ракеты. В 1973 г проект был прекращен из-за технических трудностей. Однако технический уровень КНДР в области ракетостроения ныне явно выше чем Китая в 1973 г!

Поэтому если у КНДР будет за десятилетие накоплен опыт серии успешных запусков спутников различного назначения на разные орбиты, то такая система станет достижима при принятии политического решения.

Выводы:

Во-первых, развитие систем ПРО будет толкать КНДР к мерам по их нейтрализации, в первую очередь созданием, испытанием и производством образцов ракетной техники способных эту ПРО преодолевать.

Во-вторых, КНДР создать такие системы в принципе способна. Даже при самых пессимистических сценариях Пхеньян имеет ряд реалистичных вариантов по нейтрализации новых систем ПРО США и их союзников.

Список литературы

1. Широкомасштабная система противоракетной обороны и международная безопасность.// Климатические и биологические последствия ядерной войны. М.: Наука, 1987. С. 221-284.
2. Dean A. Wilkening. Airborne Boost-Phase Ballistic Missile Defense.//Science and Global Security, 2004, Volume 12, №1-2, pp. 1-67.
3. Jan Stupl, Götz Neuneck. Assessment of Long Range Laser Weapon Engagements: The Case of the Airborne Laser.//Science and Global Security, 2010, Volume 18, №1, pp. 1-60.
4. Barton, David K. et al. Report of the American Physical Society Study Group on Boost-Phase Intercept Systems for National Missile Defense: Scientific and Technical Issues.// 2004, Reviews of Modern Physics, 76.3, p 1–424.
5. Richard L. Garwin and Theodore A. Postol. Airborne Patrol to Destroy DPRK ICBMs in Powered Flight. November 26, 2017. Адрес доступа: <https://rlg.fas.org/refine.pdf>
6. R.L. Garwin and T.A. Postol. Technical Refinements in Design Features of the Airborne Patrol Against North Korean ICBMs. May 10, 2018. Адрес доступа: <https://rlg.fas.org/refine.pdf>

7. Countermeasures. A Technical Evaluation of the Operational Effectiveness of the Planned US National Missile Defense System. 2000, Union of Concerned Scientists, MIT Security Studies Program. Адрес доступа: <https://www.ucsusa.org/sites/default/files/2019-09/countermeasures.pdf>
8. Sprint ABM. Адрес доступа: <http://www.astronautix.com/s/sprintabm.html>
9. Антиракета Sprint. Адрес доступа: <https://missilery.info/missile/sprint>
10. David Wright. How to Think about Space-Based Missile Defense. August 22, 2018. Адрес доступа: <https://allthingsnuclear.org/dwright/space-based-missile-defense/>
11. Хрусталеv В. А сможет ли КНДР сбивать спутники?. NEAMS, 1 ноября 2021 г. Адрес доступа: <http://www.neams.ru/a-сможет-ли-кндр-сбивать-спутники/>
12. Стратегический ракетный комплекс UGM-73A Poseidon-C3. Адрес доступа: <https://missilery.info/missile/poseidon>
13. Ракетный комплекс с орбитальной ракетой Р36орб (8К69). Адрес доступа: https://rvsn.info/missiles/r_36orb.html
14. DF-6. Адрес доступа: <https://nuke.fas.org/guide/china/icbm/df-6.htm>

Секция IV
Экономическое сотрудничество
и российско-корейские отношения

УДК 327.8

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ
И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Виктория Анатольевна Денисенко
г. Владивосток, ДВФУ

Автором анализируется достигнутый уровень взаимодействия между РФ и Республикой Корея на Дальнем Востоке России; выделяются сдерживающие факторы такого сотрудничества; приводятся данные, характеризующие динамику российско-южнокорейского внешнеторгового оборота.

Ключевые слова: Российско-южнокорейское сотрудничество на Дальнем Востоке России, российско-южнокорейский внешнеторговый оборот, Дальний Восток, российско-южнокорейские отношения, Республика Корея.

По словам российского президента, Республика Корея является одним из ключевых партнеров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. За тридцать лет дипломатических отношений две страны сделали значительные шаги в сторону сближения. С 2014 г. действует режим безвизового посещения при туристических и деловых поездках; в 2017 г. в рамках «новой северной политики» президент Республики Корея (РК) выдвинул инициативу по возведению «девяти мостов» с РФ. В свою очередь, Россия, как отмечается в Концепции внешней политики РФ, также заинтересована в поддержании традиционно дружественных отношений с Республикой Корея. При этом экономическое взаимодействие двух стран рассматривается Москвой в том числе через призму необходимости стимулирования ускоренного регионального развития субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО). Безусловно, т.н. «поворот на Восток» предполагал активизацию сотрудничества в первую очередь, с КНР. Однако, учитывая устойчивые двусторонние связи России и Республики Корея, возможно, ожидалось, что объемы южнокорейского вклада в экономику дальневосточных регионов будут существенно увеличены. Тем не менее, на данный момент масштабы экономического взаимодействия двух стран не настолько значительны, как предполагалось.

Как известно, ведущее место в международных экономических отношениях принадлежит внешней торговле. В настоящее время доля Республики Корея во внешнеторговом обороте РФ составляет 3,5%. Как показывает таблица 1, внешнеторговый оборот между Россией и Южной Кореей в 2020 г. составил 19603,6 млн. долл. – всего лишь 80,5% от уровня 2019 г., немногим больше, чем в 2017 г. В данном случае очевидно негативное влияние пандемии, вследствие чего можно предполагать, что в «нормальных» макроэкономических условиях возможно возвращение к допандемийным темпам взаимодействия. Стоит также отметить, что в течение практически всего анализируемого периода (кроме 2020 г.) наблюдается преобладание экспорта над импортом. Казалось бы, это свидетельствует о положительной тенденции развития экономических отношений, так как обратная ситуация означает низкую конкурентоспособность товаров страны за рубежом. Однако, учитывая сырьевую направленность российского экспорта, в данном случае можно констатировать лишь увеличивающуюся потребность РК в ресурсах.

Таблица 1

Показатели внешней торговли РФ с Республикой Корея (2015-2020 гг.), млн. долл.

Показатели	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Внешнеторговый оборот	18051,9	15118,9	19278,7	24835,4	24359,3	19603,6
Экспорт	13491,8	10006,4	12345,3	17824,8	16357,3	12444,3
Импорт	4560,1	5112,5	6933,4	7010,6	8002	7159,3

Составлено по данным: [1]

Что касается дальневосточных регионов России, то удельный вес Республики Корея во внешнеторговом обороте субъектов ДФО достаточно существенен (таблица 2), что во многом объясняется географическим фактором. Кроме того, следует отметить, что РК не присоединилась к западным санкциям.

Таблица 2

Удельный вес Республики Корея во внешнеторговом обороте ДФО, %

	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Дальневосточный федеральный округ	24,1	22,6	24,9	28,2	27,2	24,3

Составлено по данным: [2]

Наибольший товарооборот с РК наблюдается в Сахалинской области (47,5%), что объясняется специализацией региона, где основным видом экономической деятельности выступает добыча минеральных ресурсов (71% в структуре ВРП [3]). Это позволяет Сахалину выступать практически главным бенефициаром экономического сотрудничества дальневосточных регионов с РК.

Значителен удельный вес Южной Кореи во внешнеэкономической деятельности резидентов Камчатского края (31,2%), Приморского края (28,8%) и Магаданской области (21,7%). В Хабаровском крае доля Республики Корея во внешнеторговом обороте региона составила в 2020 г. 16,2%, в Республике Бурятия – 6,6%, в Чукотском автономном округе – 3,1%, в Республике Саха (Якутия) – 2,1%. В других регионах ДФО доля РК в товарообороте не столь ярко выражена.

При этом именно Республика Корея выступает ведущей страной-контрагентом регионов Дальнего Востока РФ при экспорте (29,7% от общей стоимости экспорта), опережая Китай (таблица 3).

Таблица 3

Основные торговые партнеры субъектов ДФО при экспорте, млн. долларов США

Страны – контрагенты	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Корея	5935,7	4870,6	6138,1	9157,6	9420,4	7139,1
Китай	3882,8	4783,4	5080,6	6415,0	6453,4	6935,4
Япония	6527,1	3850,4	4821,8	6121,3	6069,3	4510,3
Индия	652,1	818,2	736,3	748,7	685,0	721,2

Составлено по данным: [2]

Основными статьями дальневосточного экспорта в РК выступают сырая нефть и сырые нефтепродукты (58,3%), а также рыба и ракообразные (10,9%).

В отличие от ситуации с экспортом, РК не является лидером – торговым партнером дальневосточного региона России при импорте. В таблице 4 указаны основные страны-контрагенты регионов российского Дальнего Востока при импорте. Ведущие позиции в данном направлении занимают Китай и Япония.

Основные торговые партнеры субъектов ДФО при импорте, млн. долларов США

Страны – контрагенты	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Китай	2503,2	2280,6	2690,9	3361,0	4018,6	3905,6
Япония	716,5	424,5	967,3	494,5	1243,1	1078,2
Республика Корея	445,0	635,7	582,9	564,0	701,8	657,2
США	614,8	729,3	367,5	410,0	401,2	318,6

Составлено по данным: [2]

В отличие от минерально-ресурсного «наполнения» экспорта, импорт из Южной Кореи (8,2% от общей стоимости импорта) представлен продукцией более высокой добавочной стоимости. При этом следует особо подчеркнуть, что в течение последних лет структура товарооборота не претерпела особых изменений. Так, в 2020 г. из Республики Корея в ДФО поступили, в том числе, суда круизные, грузовые, паромы (19,1%), косметические средства (5,1%). Соответственно, по-прежнему наблюдаются серьезные диспропорции: с одной стороны, преимущественно сырьевой характер российского экспорта, с другой – импорт из Южной Кореи носит более высокотехнологичную направленность. Данная ситуация свидетельствует о сохранении нацеленности на традиционные направления российско-южнокорейского (как, впрочем, и российско-китайского, и российско-японского) экономического сотрудничества на территории дальневосточных регионов РФ. Однако развитие дальневосточных субъектов России сугубо в качестве «ресурсных регионов» делает экономику ДФО слишком уязвимой, увеличивая ее зависимость от колебаний цен на сырье.

Таким образом, можно отметить наличие устойчивых связей в торгово-экономической сфере между дальневосточными регионами России и Республикой Корея. Южнокорейское государство является ключевым контрагентом большинства субъектов российского Дальнего Востока, по объему товарооборота ДФО уступая лишь КНР. Тем не менее, в целом экономическое взаимодействие регионов ДФО и Республики Корея, особенно в инвестиционной сфере (наибольший вклад в ТОР – китайский), остается на сравнительно невысоком уровне. В этой связи следует подчеркнуть влияние ряда факторов, ограничивающих развитие двустороннего взаимодействия. Так, Республика Корея связана союзническими отношениями с США и, несмотря на отказ присоединиться к антироссийским санкциям и не столь серьезную «отягощенность» ярко выраженными геополитическими противоречиями с РФ, безусловно, выступает в русле западной политики, что означает возможность прекращения сотрудничества в любой момент в случае вспышки очередной конфронтации. Факторами, сдерживающими двустороннее взаимодействие, также являются недостаточное правовое регулирование вопроса на уровне субъекта ДФО, наличие административных барьеров, а также ориентация при сотрудничестве на крупные корпорации. Кроме того, следует отметить высокий уровень транспортных издержек в связи с необходимостью морских перевозок. Вследствие этих и целого ряда других факторов, масштабы двустороннего экономического сотрудничества на настоящий момент недостаточны для того, чтобы выступать в качестве одного из катализаторов ускоренного развития субъектов ДФО.

Список литературы

1. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран // Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (Дата обращения: 20.10.2021).
2. Внешняя торговля субъектов РФ ДФО // Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс] URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/143395> (Дата обращения: 20.10.2021).
3. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2020: стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 766 с.

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Константин Владимирович Иванов
г. Иркутск, ИГУ

В рамках данного доклада даётся оценка реализации планов российско-корейского сотрудничества в рамках Новой северной политики президента Республики Корея Мун Джэина и, в частности, в рамках плана «Девять мостов 2.0». В связи со скорым окончанием президентского срока Мун Джэина весной 2022 г. большое значение для сотрудничества России и Республики Корея будет иметь готовность нового южнокорейского президента и его правительства смириться с известными рисками ведения дел с Россией, и способность найти баланс между сотрудничеством с Россией и необходимостью сохранения союзнических отношений с США.

Ключевые слова: российско-корейское сотрудничество, план «Девять мостов», Новая северная политика, президентские выборы в Корее.

В «Новую северную политику» президента Республики Корея Мун Джэина, в том числе одну из её составляющих – план «Девять мостов», представленный в 2017 году, – было заложено множество надежд и ожиданий. Хотя инициатива «9 мостов» была принята позитивно как Россией, так и в Южной Корее, эксперты обеих стран отметили как выгоды, так и риски двухстороннего сотрудничества.

Несмотря на заявленные задачи, развитие сотрудничества тормозилось как с российской, так и с южнокорейской стороны по вполне понятным причинам. С российской стороны сохранились традиционные проблемы, возникающие перед любым иностранным инвестором: сложный деловой климат, часто меняющиеся законы и правовые нормы, административные барьеры, чрезмерная централизация системы принятия решений и т.п.

Южнокорейский бизнес в свою очередь проявлял (и проявляет) значительную осторожность в крупных инвестициях в российский рынок. Происходит это как по уже озвученным выше причинам, так и по причине санкций, введённых США в отношении ряда российских компаний и физических лиц.

Предложенный в 2020 году обновлённый план «Девять мостов 2.0» представляет собой немало скорректированную версию изначальной концепции российско-южнокорейского сотрудничества и включает в себя следующие направления: 1) Энергетика, 2) Железные дороги и инфраструктура, 3) Судостроение, 4) Порты и судоходство, 5) Здравоохранение, 6) Сельское хозяйство и рыболовство, 7) Инвестиции, 8) Инновации, 9) Культура и туризм [11].

К осени 2021 года можно наблюдать продвижение преимущественно по направлениям «Энергетика» и «Судостроение». В первом случае развитие идёт вполне традиционно – Россия выступает для Республики Корея поставщиком энергоресурсов, а развитие заключается в основном в росте объёма поставок. [4]. Однако сотрудничество в судостроительной отрасли требует более внимательного изучения, в том числе и потому, что оно представляет собой хороший пример российско-южнокорейского партнёрства, а также взаимной и равной заинтересованности.

После начала рецессии судостроительной отрасли, вызванной помимо прочего конкуренцией со стороны КНР, Республика Корея и её крупный бизнес активно искал новых заказчиков в этой сфере. Можно с уверенностью говорить, что в 2017-2018 гг., Россию, в данном контексте, видели в первую очередь как заказчика на постройку танкеров и газовозов, в том числе арктического класса. Однако Россия на тот момент не вполне оправдывала подобные ожидания, поскольку предпочитала развивать свою собственную судостроительную отрасль [3]. Тем не менее, в 2020 году данное направление получило новый импульс развития, когда компания НОВАТЭК заключила соглашение с южнокорейской компанией Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering о строительстве ещё 7

¹Данная работа подготовлена при поддержке Корейского Фонда в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции».

танкеров-газовозов, в дополнение к 15 уже построенным. Кроме того, ещё 15 танкеров-газовозов класса Arc7 НОВАТЭК заказала у ССК Звезда, который в свою очередь заключил контракт с южнокорейской компанией Samsung Heavy Industries на проектирование этих танкеров [9].

Подобный пример взаимосвязанных цепочек заказов между российскими и южнокорейскими компаниями представляет собой пример удачного поиска взаимовыгодных решений. С российской стороны в этом процессе наиболее представлены АО «Объединенная судостроительная корпорация» и Судостроительный комплекс «Звезда», с корейской – Hyundai Heavy Industries, Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering и Samsung Heavy Industries [1]. Основное направление сотрудничества – НИОКР и строительство танкеров (в т.ч. классов Aframax и Yamalmax) для перевозки нефти и сжиженного природного газа.

Существенной деталью является то, что российские верфи в данном случае выступают не только в качестве заказчиков работ у южнокорейских компаний (например, на проектирование судов), но и в качестве исполнителей [9]. Безусловно, ключевым фактором успешного сотрудничества в сфере судостроения является как прямая вовлечённость интересов российских нефтегазовых компаний, так и явная протекция государства. О заинтересованности российских судостроительных компаний может также свидетельствовать активизация деятельности по трудоустройству и оформлению договоров целевого обучения для студентов-лингвистов, специализирующихся на корейском языке [2; 10].

Сотрудничество по другим направлениям плана «Девять мостов 2.0» проходит не столь успешно, что во многом это связано с продолжающейся пандемией COVID-19. Как отмечают российские исследователи, российская сторона разочарована тем, что с момента объявления плана «Девяти мостов» в 2017 году южнокорейская сторона так и не вложила ни в один крупный проект и значительная часть активности сводится к переговорам и декларациям о намерениях [6; 8]. Впрочем, в этом нет ничего особенно неожиданного – хорошо известно, что южнокорейские предприниматели рассматривают российский рынок как периферийный и слишком рискованный, и исправить данное мнение представляется трудновыполнимой задачей в ближней перспективе.

Не улучшает ситуацию также тренд на секьюритизацию международных отношений со стороны России, что существенно снижает потенциальные возможности для сотрудничества с южнокорейским бизнесом [5]. Также есть основания для беспокойства, связанные со скорыми президентскими выборами в Республике Корея, которые пройдут весной 2022 года. Южнокорейская внутренняя политика известна своими крутыми поворотами и есть ненулевая вероятность, что новый президент решит пересмотреть «Новую северную политику», в том числе в невыгодную для России сторону.

Этому могут способствовать как перемены в российско-южнокорейских отношениях, так и влияние третьих стран, в первую очередь КНДР, США и КНР. В таких условиях вероятно поможет снижение уровня огосударствления российско-южнокорейского сотрудничества и увеличение роли частного капитала. Однако с учётом того, что наибольшее развитие в рамках плана «Девять мостов 2.0» получила отрасль, развивающаяся при прямой протекции российского государства, перспективы будут представляться весьма туманными. В подобной ситуации перед Россией с большой вероятностью встанет вопрос о необходимости корректировки текущей парадигмы секьюритизации, как вовне, так и внутри. Республика Корея, в свою очередь, может быть поставлена перед непростым выбором: сблизиться с Россией или пожертвовать этим направлением, в угоду другим внешнеполитическим партнёрам. В силу специфики внутривнутриполитической системы Республики Корея, прямые политические решения не оказывают такого влияния, на которое бы могла рассчитывать российская сторона. Поэтому очень большое значение будет иметь реализация долгосрочного сотрудничества между российскими и южнокорейскими компаниями, при минимально необходимом вмешательстве государства.

Список литературы

1. В рамках выставки НЕВА 2021 состоялся российско-корейский семинар по судостроению // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/news/63528/> (дата обращения: 23.09.2021)

2. Вакансии // Судостроительный комплекс «Звезда». URL: <http://sskzvezda.ru/index.php/ru/vacansy-main> (дата обращения 20.10.2021).
3. Волощак В.И., Лукин А.Л. Российско-южнокорейское сотрудничество в рамках «Новой северной политики» Республики Корея: предварительные итоги // Известия Восточного института. 2018. 4(40). С. 68-80.
4. Дёмина О.В. Перспективы развития российских энергетических проектов на Корейском полуострове // Власть и управление на Востоке России. 2020. №3(92). С. 8-19.
5. Иванов К.В. Перспективы сотрудничества России и Республики Корея по плану «Девяти мостов 2.0» в условиях постковидной реальности // **Россия** и Корея: взгляд из Сибири – 2021: тезисы и доклады Международной научно-практической конференции (Иркутск, 9–10 октября 2021 г.). Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. С. 22-28.
6. Лукин А.Л. Инициатива «Девяти мостов» президента Мун Чжэ Ина: предварительные итоги для российско-южнокорейских экономических отношений // Известия Восточного института. 2020. № 4. С. 61–75. DOI: 10.24866/2542-1611/2020-4/61-75
7. Россия – Республика Корея: возможности и перспективы сотрудничества в области судостроения. Шаги реализации концепции «Девяти мостов» // Бизнес России. URL: <https://glavportal.com/materials/rossiya-respublika-koreya-vozmozhnosti-i-perspektivy-sotrudnichestva-v-oblasti-sudostroeniya-shagi-realizacii-konceptii-devyati-mostov> (дата обращения: 23.06.2021)
8. Станонис А. Я., Лукин А. Л. Сотрудничество России и Республики Корея в области высоких технологий // Известия Восточного института. 2020. № 3. С. 48–58. DOI: 10.24866/2542-1611/2020-3/48-58
9. Строительство танкеров-газовозов для Арктик СПГ-2 на ССК Звезда будет вестись в партнерстве с Samsung // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/Suda-i-sudostroenie/655150-stroitelstvo-tankerov-gazovozov-dlya-arktik-spg-2-na-ssk-zvezda-budet-vestis-v-partnerstve-s-samsung/> (дата обращения: 16.12.2020).
10. Целевое обучение / Устройство на работу // «Корейский язык в Иркутске! ИФИЯМ ИГУ!» (группа в ВК). URL: https://vk.com/club_korea_irkutsk?w=wall-135022250_816 (дата обращения 20.10.2021).
11. 9-BRIDGE Strategy // Presidential Committee on Northern Economic Cooperation. URL: http://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/vision_policy/9-bridge/ (дата обращения: 31.07.2021)

УДК 339.9(571.53:519)

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ И РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: РЕАЛИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА¹

Илья Васильевич Олейников
г. Иркутск, ИГУ

Выявлена динамика внешнеэкономического взаимодействия между Иркутской областью и Республикой Корея в начале третьего десятилетия XXI века, представлен анализ торговой статистики, рассмотрены сценарии развития внешнеэкономических связей, а также аспекты торговли товарами, услугами и инвестициями.

Ключевые слова: Иркутская область, Республика Корея, торговля, инвестиции, международное сотрудничество.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Корейского фонда (Korea Foundation) в рамках проекта ИГУ «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции», Грантовое соглашение б/н от 02.02.2021.

В конце второго десятилетия XXI в. субнациональные контакты между Республикой Корея и Иркутской областью РФ, развивавшиеся в нулевые годы, столкнулись с вызовами, сформированными динамикой мирополитических процессов, изменением внешнеполитической повестки на российском и южнокорейском уровнях. Актуальность темы связана с выявлением динамики внешнеэкономического взаимодействия между Иркутской областью и Республикой Корея, анализом данных торговой статистики, рассмотрением воздействия административных факторов на двустороннюю торговлю товарами, услугами и инвестициями.

Интерес представляет рассмотрение субнационального сотрудничества в условиях вызовов пандемии COVID-19, способствующих стагнации взаимодействия в экономической области. Внешнеэкономические аспекты уже становились предметом внимания отечественных исследователей [1; 2], но протяженное во времени воздействие фактора пандемии ставит необходимость более пристального изучения проблемы.

В 2009 г. иркутским исследователем А.В. Вишняковым был сделан прогноз развития внешнеэкономических связей Иркутской области с Республикой Корея. Автор представил три варианта развития внешнеэкономических связей Иркутской области на южнокорейском направлении: «стратегию сохранения», «стратегию ограниченного роста» и «стратегию устойчивого роста» [1]. Первый вариант предполагал сохранение позиций ВЭС в условиях ухудшения конкурентоспособности экспорта из Иркутской области на южнокорейских рынках, полного отсутствия южнокорейской инвестиционной активности. Во втором варианте был сделан акцент на ограниченном росте товарооборота и сохранении топливно-сырьевой направленности регионального экспорта. Третий вариант был направлен на формирование активных внешнеэкономических связей, обладающих потенциалом долгосрочного устойчивого роста в рамках развития ресурсодобывающего комплекса, увеличения объемов экспорта продукции обрабатывающих отраслей [1, с. 156]. Автор сделал вывод, что наиболее предпочтительна стратегическая альтернатива устойчивого роста, но она практически нереализуема в краткосрочной перспективе, так как направлена на серьезные изменения в региональной экономике [1, с. 158].

По прошествии десятилетия попробуем выявить тенденции развития внешнеэкономических связей и выявить сценарий, наиболее подходящий для отражения двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

В середине второго десятилетия XXI в. Республика Корея была одним из ведущих торговых партнеров Иркутской области со следующими показателями по итогам 2014 г.: экспорт из региона в РК составлял 365 670,1 тыс. долл. США (5,1 % от общего объема), а импорт – 29 426,0 тыс. долл. США (2 % от общего объема). В доковидный 2019 г. областной экспорт из региона в Республику Корея составил 282 266,5 тыс. долл. США, а импорт – 30 841 тыс. долл. США [5]. В 2020 г. экспорт из Иркутской области в Республику Корея составил 285 192,8 тыс. долл. США, а объемы импортируемой продукции возросли до 58 103,1 тыс. долл. США [6]. Как видим, тенденции пандемии COVID-19 не повлияли на объемы экспортно-импортных операций, между предприятиями Иркутской области и южнокорейскими контрагентами отмечается незначительный рост экспортно-импортных операций.

Основу экспорта Иркутской области в Республику Корея составляют необработанный алюминий и нефть, бензин и дизельное топливо. Компании Иркутской области экспортируют в РК древесину, древесную массу (целлюлозу), крафт-бумагу и картон, пиломатериалы. В небольших объемах корейским компаниям осуществляются поставки товаров иных категорий: мебель, котлы, оборудование и механические устройства, продукты неорганической химии, штукатурные материалы и известь, пищевые продукты, алкогольные и безалкогольные напитки, продукты животного происхождения. Из Республики Корея в Иркутскую область поставляется продукция органической и неорганической химии, мыло и поверхностно-активные органические вещества, пластмассы и изделия из них, изделия из черных металлов, котлы, оборудование и механические устройства, инструменты, оптические и фотографические аппараты, средства наземного транспорта, их части и принадлежности. Отметим, что более 90 % торгового оборота составляет экспорт иркутских фирм на южнокорейский рынок, что способствует значительному перекосу сальдо торгового баланса в торгово-экономическом сотрудничестве в пользу Иркутской области. Значительная часть импортных товаров из Республики Корея попадает в Иркутскую область через дилерские и дистрибью-

торские центры крупных южнокорейских корпораций, зарегистрированных в Москве, товарные позиции проходят таможенную очистку в других регионах Российской Федерации, поэтому проследить полный объем импорта продукции из Республики Корея в регион не представляется в полной мере возможным.

Процессы пандемии негативно сказались на торговле услугами – наблюдается резкое снижение российско-корейских туристических контактов в силу закрытия границ. Снижился объем авиаперевозок. Отметим, что развитие взаимодействия между Иркутской областью и регионами Республики Корея еще в середине второго десятилетия XXI в. сталкивалось с системными вызовами. Региональные туристические операторы подчеркивали, что «...Иркутская область как туристический объект не пользуется особым спросом в Южной Корее. “К сожалению, с корейскими туристами у нас все довольно печально, они занимают всего 1% среди общего потока иностранных туристов, и этот показатель остается стабильно низким уже несколько лет, – утверждают в отделе по связям с общественностью компании “Гранд Байкал”. – Для наращивания турпотока из Южной Кореи нужно выстраивать отношения с туроператорами, проводить рекламу готовых программ, индивидуальных туров отдыха на Байкале: активного отдыха...» [4]. В общей схеме двустороннего субнационального сотрудничества постепенное развитие туристических контактов оказывало позитивное воздействие на общий уровень связей, но оно было постепенно нивелировано тенденциями текущей пандемии.

На протяжении первых двадцати лет XXI в. инвестпроекты с участием капитала южнокорейских холдингов «Хёндэ», «Самсунг», «LG», «Лотте» концентрировались в европейской части России – влияли факторы наличия рынка сбыта, удобства логистики, близости центра принятия решений. В Иркутской области нет подобных крупных инвестиций из Республики Корея, но присутствует положительный пример российско-корейского сотрудничества в сфере здравоохранения: фирма ООО «МедТехСервис» при содействии АНО «Агентство инвестиционного развития Иркутской области» создала совместно с южнокорейской компанией «B-bio Ltd» осенью 2018 г. производство тест-полосок и глюкометров [3]. Положительный пример совместного взаимодействия в инвестиционной сфере следует внедрять и в других российских регионах Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, во внешнеэкономических связях между Иркутской областью и Республикой Корея присутствуют тенденции «стратегии сохранения», внешние инвестиции незначительны, преобладает топливно-сырьевая ориентация экспорта предприятий региона на южнокорейские рынки. Реализация сценария «стратегии ограниченного роста» сдерживается фактором санкционного давления, под влиянием пандемии наблюдается спад активности в сфере туризма и образовательных обменов, что нивелирует возможность развития подобной схемы в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Международная активность Иркутской области на южнокорейском направлении не испытывает положительного воздействия со стороны административных структур региона в силу того, что региональная бюрократия вынуждена реагировать на внутренние вызовы пандемии, решение электоральных проблем, чрезвычайные ситуации внутри региона. Внешние связи с Республикой Корея на субнациональном уровне в обозначенных условиях не являются системным элементом повестки развития Иркутской области в начале третьего десятилетия XXI в.

Список литературы

1. Вишняков А. В. Построение прогноза развития внешнеэкономических связей Иркутской области с Республикой Корея / А. В. Вишняков // Известия ИГЭА. – 2009. – № 6 (68). – С. 155–158.
2. Иванов К. В. Состояние и перспективы российско-корейского сотрудничества (на примере Иркутской области) / К. В. Иванов // Материалы IX Междунар. корееведческой конф. ДВФУ, Владивосток, 2–3 октября 2020 г. / отв. ред. М. П. Кукла, К. А. Пак. – Владивосток : Изд-во ДВФУ. – С. 105–109.
3. Колодина Е. А. Перспективы международного сотрудничества России и Республики Корея в области медицины и здравоохранения / Е. А. Колодина, О. В. Архипкин, Ж. С. Каetano // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 35. – С. 55–63.
4. «Нам всегда казалось, что Байкал меньше» // Иркутский репортер. – 05.08.2014. – URL: <https://www.vsp.ru/2014/08/05/nam-vsegda-kazalos-что-bajkal-menshe/> (дата обращения: 20.10.2021).

5. Статистическая информация об итогах внешней торговли Иркутской области за 2019 г. // Сибирское таможенное управление. Официальный сайт. – 06.03.2020. – URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/229793> (дата обращения: 15.10.2021).

6. Статистическая информация об итогах внешней торговли Иркутской области за 2020 г. // Сибирское таможенное управление. Официальный сайт. – 12.03.2021. – URL: https://stu.customs.gov.ru/statistic/2020_god (дата обращения: 15.10.2021).

УДК 338.48

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПИТАНИЯ ТУРИСТОВ ИЗ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В Г. ХАБАРОВСКЕ

Лариса Сергеевна Демина

г. Хабаровск, независимый исследователь

В работе дан анализ результатов проведенного автором опроса персонала хабаровских предприятий, предоставляющих услуги питания, и южнокорейских туристов-получателей услуг. Изучение позволило обозначить основные проблемы оказания услуг питания для корейских туристов в Хабаровске и наметить пути их решения.

Ключевые слова: Республика Корея, туристы, услуги, питание, предприятие, туриндустрия, въездной туризм.

Хабаровский край наряду с Приморским краем и Амурской областью занимает лидирующие позиции среди субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного Федерального округа [1]. Вместе с тем, въездной туризм в Хабаровском крае развивается неравномерно и незначительными темпами [5].

Республиками Корея входит в тройку основных доноров въездного туризма в Хабаровском крае [4], что ставит перед принимающей стороной задачу повышения качества обслуживания корейских туристов, что невозможно без тщательного изучения особенностей и предпочтений корейских туристов, использования этих знаний в практической деятельности туристских предприятий [2].

Питание является одной из основных услуг в технологии туристского обслуживания. Ожидаемое развитие въездного туризма из Республики Корея после улучшения ситуации с пандемией коронавируса вызывает необходимость изучения особенностей питания корейцев. Организаторам питания въездных туристов необходимо знать характерные черты этого питания, уметь готовить блюда корейской кухни, правильно подавать их, квалифицированно включать их в меню.

В результате проведенного изучения предпринята попытка выявить особенности и потребности южнокорейских туристов, степень их соответствия услугам питания, предоставляемым хабаровскими предприятиями.

В ходе изучения выявлены рестораны и кафе Хабаровска, предоставляющие услуги питания корейским туристам, что составляет 17% от всей численности кафе и ресторанов города, оказывающих услуги питания туристам.

Ранжирование по месту расположения показало, что 62% предприятий питания находятся в местах отдыха или в отдельно стоящих зданиях, 38% – это рестораны при гостиницах [6].

По ассортименту реализуемой продукции классический ассортимент предлагали туристам 52% предприятий питания, на национальной кухне специализировались 46% заведений. Специализированные рестораны и кафе с национальной корейской кухней составили 23% («Пусан», «Ансан», «Корея»). Блюда в этих заведениях приготавливаются с использованием необходимой технологии.

Только завтрак предлагали 77% заведений (как правило, это рестораны и кафе при гостиницах, где останавливались туристы – «Версаль», «Амур», «Интурист»), обед 92%, ужин 31%. Услуги полупансиона оказывали 42% ресторанов и кафе, а полный пансион предоставляли 15% предприятий. Наиболее активно в режиме полупансиона и полного пансиона работали с организованными группами корейских туристов «Пусан», «Биркопф», «Баку», «Император», «Шанхай», «Ансан», «Зарина».

По способу обслуживания питание преимущественно предоставлялось по методу «табльдот» (92%), «шведский стол» использовали 8% предприятий.

Меню на русском и английском языках имеется в большинстве ресторанов и кафе, работающих с корейцами (92%). На корейском языке меню имеют рестораны, специализирующиеся на национальной корейской кухне (15%).

В настоящей статье представлены результаты анкетного опроса менеджеров и специалистов предприятий, организующих питание туристов из Республики Корея, а также корейских туристов, полученные в процессе практической работы автора с организованными группами корейских туристов в период с 2016 по 2020 гг. В опросе приняли участие 244 респондента.

Мы попытались, определить, насколько, по мнению респондентов, услуги питания, предоставляемые корейским туристам их предприятием, соответствуют потребностям туристов. Оценка проводилась по пятибалльной шкале. Согласно полученным ответам, 63% опрошенных считает, что услуги питания можно оценить на «хорошо» или «очень хорошо» (35% и 29% соответственно); 23% оценили предоставляемые их предприятием услуги питания на 3 балла, а 4% – поставили 1 и 2 балла (по 2% соответственно); 10% не ответили или затруднились ответить на вопрос.

Подобный вопрос был задан получателям услуг питания – туристам из Кореи. В этой группе респондентов ответы расположились следующим образом: 40% опрошенных считает, что услуги можно оценить на «хорошо» или «очень хорошо» (19% и 21% соответственно), 31% – удовлетворительно, 19% – плохо или очень плохо; 11% не ответили или затруднились ответить на вопрос.

Таким образом, оценка услуг питания со стороны поставщиков и потребителей услуг различается. Туристы из Кореи в целом более недовольны качеством оказания услуг, нежели поставщики этих услуг.

Респонденты ответили на вопрос о причинах недостаточного, по их мнению, уровня оказываемых услуг питания.

По мнению представителей предприятий-поставщиков услуг питания, основными причинами проблем в оказании услуги питания корейским туристам являются: плохая проработанность меню со стороны заказчика на уровне предварительного заказа (29%), недостаточное знание персоналом национальных особенностей и предпочтений корейских туристов (25%), невысокое качество блюд (14%), несоблюдение технологии приготовления корейских блюд (13%), низкий уровень обслуживания, несоответствие ассортимента предлагаемых блюд потребностям туристов (по 12%).

Респонденты – туристы из Кореи среди главных причин неудовлетворённости услугами питания назвали: незнание персоналом национальных особенностей и предпочтений корейцев (56%), низкий уровень сервиса, незнание правил подачи блюд корейской кухни (по 45%), невысокое качество блюд (36%), несоблюдение персоналом правил корейского этикета (35%), несоответствие ассортимента блюд потребностям (34%), несоблюдение технологии приготовления корейских блюд (24%), плохая проработанность меню со стороны заказчика на уровне предварительного заказа (12%).

Изучение показало, что проблемы в организации питания во многом обусловлены недостаточным знанием персонала ресторанов и кафе особенностей и потребностей корейских туристов.

Опрос туристов из Кореи показал, что при формировании программы питания следует учитывать особенности режима питания корейцев.

Изучение показало, что корейские туристы охотно интересуются блюдами российской кухни, однако они знакомы мало или незнакомы вообще с особенностями приготовления и правил подачи европейских блюд (на это указали 75% опрошенных).

Организаторам питания следует быть осведомлёнными о поведенческих особенностях корейских туристов.

Ещё одной проблемой является недостаточное знание персоналом предприятий питания английского и корейского языка: разговорным английским языком на бытовом уровне владеют 38% респондентов (в том числе 44% менеджеров и администраторов, 35% официантов и барменов) корейским языком на условно бытовом уровне 12% участников опроса (в том числе 22% менеджеров и администраторов, 6% официантов и барменов).

Таким образом, результаты изучения позволили выявить существенные проблемы кафе и ресторанов Хабаровска в организации питания туристов из Кореи. Эти проблемы вызваны слабым знанием персоналом особенностей и потребностей корейцев, их менталитета. Персонал предприятия питания должен быть обучен техникам приготовления корейских блюд, правилам обслуживания корейских туристов.

Фирме-туроператору, а также гида, сопровождающему корейских туристов, рекомендуется объяснять порядок и последовательность подачи блюд в российских ресторанах и кафе, правила приёма пищи, этикетного поведения в заведении (отсутствие бесплатной добавки, не шуметь за столом, не ставить использованные приборы и посуду на пол и т.п.).

Важной проблемой, препятствующей оказанию качественных услуг питания корейских туристов, является слабая осведомлённость фирм-туроператоров, организующих туры в Хабаровск, о возможностях и качестве услуг питания.

Проведенный автором опрос свидетельствует о том, что деятельность по организации питания южнокорейских туристов сопровождается наличием как позитивных, так и негативных факторов, а также имеет определенные перспективы развития в связи с новыми условиями рынка туристских услуг.

Въездное направление из Республики Корея является перспективным для города Хабаровска, поскольку в представлении корейцев Хабаровск ассоциируется с Россией в целом. Поэтому очень важно сформировать у этой категории туристов позитивное отношение к Хабаровскому краю, а через него – ко всей стране.

Список литературы

1. Информация о развитии туристской отрасли Хабаровского края в 2020 году [Электронный ресурс]. – URL <http://travel.khv.ru/pages/216/> (Дата обращения 04.10.2021).
2. Информация о развитии туристской отрасли Хабаровского края по итогам 2019 года [Электронный ресурс]. – URL <http://travel.khv.ru/pages/191/> (Дата обращения 04.10.2021).
3. Ли, Р. Традиции корейской кухни / Р. Ли. – М, 2006. – 36 с.
4. Международное сотрудничество края в 2019 году [Электронный ресурс]. – URL <http://travel.khv.ru/pages/192/> (Дата обращения 04.10.2021).
5. Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае (2013-2020 годы): государственная целевая программа Хабаровского края [утв. Постановлением Правительства Хабаровского края от 26.06. 2012 №211-пр; ред. от 07.09.2021] [Электронный ресурс]. – URL <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/> (Дата обращения 04.10.2021).
6. Туристская инфраструктура края [Электронный ресурс]. – URL <http://travel.khv.ru/sections/17/> (Дата обращения 27.10.2021).

РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ВОССОЗДАНИЯ ТРАНСКОРЕЙСКОЙ МАГИСТРАЛИ. ОПЫТ РОССИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ВЕТКИ ХАСАН-РАЧЖИН

Николай Иванович Переславцев

г. Владивосток, МГУ им. Невельского

Автор рассматривает в своей статье перспективы строительства Транскорейской железнодорожной магистрали (ТКЖД), через Юг и Север Корейского полуострова, с конечным выходом на российские транспортные сети и далее до Европейского континента. Задействование нескольких маршрутов для связи АТР и Европы (например, ТКЖД и российский Северный морской путь), помимо того, что проходит через Индийский океан и Суэцкий канал, могло бы совершенно по-иному выстроить глобальные логистические связи, придать экономическому развитию всех заинтересованных стран, а также решить многие политические региональные проблемы. Представляется, что главным препятствием для осуществления плана ТКЖД является отсутствие устойчивого взаимопонимания между двумя корейскими государствами, которые по разным причинам пока не могут найти общего языка по многим, важным для Сеула или Пхеньяна вопросам. В связи с этим, до начала сооружения Транскорейской дороги еще предстоит пройти большой путь. Проект содержит много вопросов, и можно сосредоточить усилия на поиске способов для их взаимовыгодного решения. Кроме того, Россия предлагает активизировать совместное использование, путем грузовых перевозок, уже готового участка ТКЖД, от Хасана до северокорейского порта Расон

Ключевые слова: Транскорейская железнодорожная магистраль, Корейский полуостров, Транссибирская магистраль, КНДР, Расон, пандемия COVID-19.

В последние годы в связи с обсуждением ситуации вокруг Корейского полуострова регулярно поднимается тема реализации здесь многосторонних экономических проектов.

Один из таких проектов – Транскорейская железнодорожная магистраль (ТКЖД) с выходом на трансконтинентальные транспортные пути до Европы.

Изначально идея проекта подразумевала, что с его помощью Республика Корея может получить:

- прямой и быстрый транзитный доступ через территорию Севера в северо-восточные провинции Китая;
- доступ к трансконтинентальной транспортировке грузов в Европу по Транссибирской магистрали;
- возможность для диверсификации внешнеторговых обменов и снижения зависимости в этом плане от традиционных партнеров.

В свою очередь, у КНДР появятся дополнительные источники иностранного инвестирования за счет транзитных платежей. Благодаря им можно будет расширить производственные мощности и поднять жизненный уровень населения.

Что касается РФ, то ее перспектива железной дороги через Корейский полуостров заинтересовала:

- во-первых, потому что запуск многостороннего торгово-экономического сотрудничества в рамках сооружения ТКЖД позволит снизить градус военно-политической напряженности в стратегически важном районе у ее границ. Кроме того, Россия обеспечит себе возможность постоянного экономического, а в будущем и геополитического присутствия здесь;
- во-вторых, и это даже более существенно, международные проекты призваны, в конечном счете, послужить социально-экономическому развитию Дальнего Востока. Лишь на этой основе удастся остановить отток населения из региона и привлечь сюда миграционные потоки из западных областей России, а также отечественных и иностранных инвесторов.

До разделения Кореи южная и северная части Полуострова были соединены двумя железнодорожными ветками. Одна называлась «Кеныйсон» и соединяла Сеул и Синыйджу, вторая – «Кен-вонсон», которая пролегла между Сеулом и Вонсаном. Обе железные дороги были построены еще Японией.

Для изучения их технического состояния Юг и Север договорились в 2018 г. на саммите двух лидеров провести силами специального совместного комитета проверку, восстановление и строительство в общей сложности четырех железнодорожных веток.

В Северной Корее – это направления Кэсон – Синийджу и Кымгансан – Туманган. На Юге правительство одобрило в качестве внутреннего инфраструктурного проекта, но в рамках будущей ТКЖД, строительство железнодорожного сообщения на восточном побережье между Канньном и Чхончжилли, то есть, в сторону КНДР [4,5].

На сегодняшний день наиболее реальной выглядит такая схема ТКЖД.

Поезда по существующей линии «Кёнбусон» доходят из Пусана до Сеула. Отсюда часть грузопотока направляется из Сеула через Пхеньян и Синийджу, и далее в Китай, в районе Даньдуна. Москву больше интересует восточный отрезок: из Сеула по линии «Кенвонсон», через Чхорвон и Кымгансан до Вонсана, и далее по существующему северокорейскому пути (линия Пхённасон, около 600 км) до Тумангана, затем в Россию.

Это и будет Трансконтинентальный железнодорожный путь, который откроет для Южной Кореи выход на материк.

Осуществление работы по ТКЖД, если она начнется, потребует обеспечения техникой, поставками готовой продукции и сырья. Думается, что российские поставщики получили бы в этом случае преимущество и коммерческую выгоду за счет объемов поставок и стабильной загрузки производственных предприятий. Дальневосточный рынок РФ находится в ближайшей транспортной доступности от Корейского полуострова. Это означает минимальный объем транспортных и иных накладных расходов, а, значит, и более низкую стоимость перевозимых ресурсов и их привлекательность для потенциального потребителя.

За прошедший период Юг и Север Кореи неоднократно договаривались на различных уровнях осуществить работы по соединению через ДМЗ дороги между ними, как на западном, так и на восточном участке [1,3].

В 2018 г. президент Мун Чжэ Ин даже выдвинул идею создания «Железнодорожного сообщества Северо-Восточной Азии», с участием Республики Корея, КНДР, РФ, США, КНР. Во время его визита в Москву в июне 2018 г. ОАО РЖД и Kogail («Корейские железные дороги») подписали меморандум о готовности к проработке условий организации железнодорожных перевозок в сообщении Республика Корея – Россия – Европа, включая трехсторонний проект соединения ТКЖД и Транссибирской магистрали [2].

Однако, фактически, дело с места так и не сдвинулось.

Можно сказать, что на данном этапе Транскорейская магистраль – это не более чем лозунг, цель, к которой можно, и, наверно, необходимо стремиться. Однако, пока на Корейском полуострове не достигнуто стабильное снижение военно-политической напряженности (для чего необходима договоренность между всеми, заинтересованном в этом процессе партнерами) реальное осуществление строительства ТКЖД настолько проблематично, что даже конкретные сроки для решения этой задачи не обозначаются.

В связи с этим, пока можно сосредоточиться на отдельных ее этапах. Частью ТКЖД можно назвать уже введенный в эксплуатацию железнодорожный участок протяженностью 54 км от российской пограничной станции Хасан до северокорейского города Расон (порт Рачжин находится в одном из его районов).

В реконструкции участка РФ принимала участие с 2008 г. Модернизация включала в себя замену верхнего строения пути совмещенной колеи (1520 мм и 1435 мм), восстановление 18 мостов, 3 туннелей, прокладку магистральных линий связи. В самом порту был обновлен причал, проведены дноуглубительные работы, оборудованы складские площадки, установлены конвейерные линии, завезено новое современное оборудование. На все это затрачено, по оценкам 2015 г., около 300 млн. долл., из которых больше половины ушло на железнодорожную инфраструктуру [6].

В 2013 г. дорога, а на следующий год и портовые сооружения были запущены в эксплуатацию. Однако почти сразу возникли сложности.

Было ясно: средства затрачены, но для того, чтобы их вернуть и потом поддерживать инфраструктуру в нормальном состоянии ее необходимо активно использовать, для чего наладить стабильный грузопоток в объемах, предполагающих получение прибыли.

Первоначально планировалось запустить контейнерные перевозки из Южной Кореи: до 400 тыс. 20-ти футовых контейнеров в год, при общей пропускной способности участка Хасан – Рачжин и российского грузового комплекса – до 5 млн. т. [6]. Однако скоро обнаружилось, что даже на эти небольшие объемы контейнерного потока рассчитывать не приходится.

В результате, в РФ решили перепрофилировать мощности под востребованные на региональном рынке сыпучие грузы, прежде всего уголь. В 2014-2015 гг. в южнокорейские порты ушло из Рачжина несколько судов с партиями российского угля. В последующий период, в расчете на южнокорейское и южнокитайское направления, планировались объемы поставок угля в рачжинский порт в 1,5, 2,5 и даже в 4 млн. т. [7]

Но в 2016-2017 г. последовали санкции ООН против КНДР (резолюции Совета безопасности 2270, 2321, 2371, 2375). Из-под их действия удалось, правда, вывести Расон, но многого это не изменило. Пандемия COVID-19, начиная с 2020 г., подтвердила тенденцию: из-за упавшего грузопотока участок Хасан-Рачжин и находящиеся под российским управлением рачжинские портовые мощности остаются, и, видимо, еще долго останутся недогруженными, уже прошедший через них объем товарного потока не отвечает имеющимся возможностям.

Из-за пандемии коронавируса Северная Корея на сегодняшний день практически закрыла свои границы, так что немногочисленные российские, а также китайские грузы попадают из приграничных областей на ее территорию с большими задержками и трудностями. Лишь после снятия пандемийных ограничений, а в перспективе и решения военно-политических разногласий между потенциальными партнерами, можно будет реально планировать рост грузопотоков как по действующим участкам, например Хасан-Рачжин, так и по ТКЖД в целом.

Однако это не означает, что о проекте можно забыть (поставить крест). Создавшаяся вынужденная пауза, наоборот, предоставляет время для подробного изучения и решения проблемных моментов, связанных с ТКЖД, например, для определения источников постоянной грузовой базы.

При этом необходимо помнить, что потенциальные отправители воспользуются железнодорожной транспортировкой, если к тому времени будут решены следующие задачи.

- как обеспечить быстрое и безопасное прохождение грузовых составов через КНДР. Невысокое качество северокорейских железных дорог широко известно, по меньшей мере, около половины из них даже не электрифицированы;

- как уменьшить время, затрачиваемое на перегрузку товаров из-за разницы ширины железнодорожной колеи в Корее и в РФ. На границе контейнеры необходимо будет перегружать в другие вагоны, с российскими колесными парами. Или колесные пары будет необходимо менять на первоначальных, корейских вагонах. Эти процессы можно автоматизировать, но, опять же, необходимо подумать на этот счет заранее.

Как известно, от Хасана до Рачжина построена теперь колея с российскими стандартами, что снимает проблему с вагонами на границе, но не уменьшает необходимости автоматизации и модернизации процесса перегрузки товаров в порту с кораблей на железнодорожный транспорт;

- каким образом обеспечить максимально возможную загрузку для трансконтинентального маршрута;

- как минимизировать бюрократические сложности, связанные с таможенной очисткой по российским правилам;

- как обеспечить «обратную» загрузку подвижного состава, для того, чтобы вагоны не возвращались назад пустыми, что накладно и для отправителя, и для перевозчика. С точки зрения коммерческой выгоды принято считать, что транспортный маршрут должен работать в обоих направлениях;

- как поддерживать пропускную способность российской железнодорожной сети не в «форс-мажорном», а в «регулярном» режиме.

На данный момент известно, что если бы стабильный и прибыльный объем грузооборота по ТКЖД и Транссибирской магистрали в Европу был гарантирован, российские компании нашли бы средства не только для модернизации проблемных отрезков Транссибирской магистрали (особен-

но на Дальнем Востоке), прокладки дополнительных электрических мощностей, автоматизации портовых перегрузочных операций. Дополнительно можно было бы отрегулировать через Москву транспортные тарифы, а также вложиться совместно с южнокорейскими партнерами в обновление транспортной инфраструктуры Севера.

В связи с этим, а также, имея в виду идею «Железнодорожного сообщества Северо-Восточной Азии», может быть стоит опять вспомнить о Расоне для того, чтобы направить через него часть грузопотоков между Россией и Республикой Корея?

Пандемия COVID-19 рано или поздно закончится, мир вернется к активной жизни, и мы сможем осуществить все задуманное, но только совместными усилиями.

Список литературы

1. Транскорейская железная дорога: инвестиционные и геополитические перспективы, Финансовая информация Finversia, 03.06.2020, URL: <https://www.finversia.ru/publication/transkoreiskaya-zheleznaya-doroga...>

2. Сеул предложил создать железнодорожное сообщество Северо-Восточной Азии, ТАСС, 15.08.2018, URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5457897>

3. Сеул и Пхеньян провели оценку состояния западной линии железных дорог КНДР, ИА РЖД «Партнер.ру», 04.12.2018, URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/seul-i-pkhenyan-proveli-otsenku-sostoyaniya-zapadnoy-linii-zheleznykh-dorog-kndr/>

4. Южная Корея и КНДР договорились о дате и месте церемонии начала дорожных работ, ИА РЖД «Партнер.ру», 13.12.2018, URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/yuzhnaya-koreya-i-kndr-dogovorilis-o-date-i-meste-tseremonii-nachala-dorozhnykh-rabot/>

5. Ko Chang-Nam. East Asia Railway Community (EARC Initiative) and its related projects, presentation of Korea Rail Network Authority for ESCAP/GTI Seminar, October, 2019

6. Nikolai I. Pereslavl'tsev. The place of North Korean port Rason in the logistic scheme of the Southern Primorye and the Far East, Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education, Vladivostok, Volume 8, Number 2, 2019, P. 14-24

7. 니콜라이 페레슬라브체프. 극동지역 및 연해주 남부지역 내 물류 거점으로서 나선 항만의 역할. KMI 북방물류 동향리포트 제 90 호 2019 년 5 월 29 일, 페이지 5-21 / Николай Переславцев. Северо-корейский порт Расон в логистической схеме Дальнего Востока и Южного Приморья. Бюллетень Корейского морского института о северной логистике, №90, 2019, С.5-21.

УДК 316.723

RUSSIAN AND KOREAN BUSINESS INTERACTION: REGIONAL TRUST NETWORKS FORMATION

*Darya Andreevna Sokolova,
Tatyana Valeryevna Selivanova*
Vladivostok, FEFU

Business is human interactions and human networks. It is particularly true in the era of the 4th industrial revolution. Nowadays business keywords are 'externalities' and 'ecosystem' where human interactions and trust networks are of ultimate value. No collaboration and interactions, no survival in the highly competitive business world of today.

The Russian Federation is highly interested in fruitful economic cooperation with one of the world's leading powers – the Republic of Korea in the territories of the Far East.

Key words: Far East of Russia, ROK, economic actor, network.

The Russian Federation is highly interested in fruitful economic cooperation with one of the world's leading powers – ROK in the territories of the Far East. The economic development of the Far East aims not so much at increasing the total number of entrepreneurs, but at promoting business connections with high growth potential, that could harmoniously enter the highly advanced business system of the North-East Asia countries. That will inevitably lead to the new type of business relationship in the Far East. Increasing the mutual benefit of the business cooperation is seen through the business networks' activities with their personal connections, trustworthiness and communicational culture. We assume that using this potential to expand business connections will have the greatest investment effect for the Russian Far Eastern region. Our research aims at mitigating risks, effective organization and managing the process of the Russian-Korean entrepreneurs' reciprocation. We consider North-East Asian region as a mental construct and organized space the integrity of which is ensured by the system of regional connections [7]. We develop a methodological outline that more fully distinguishes the exceptional characteristics and functions of the Siberian-Far Eastern part of Russia as a regional subjectivity in the structure of North-East Asia at the level of trade and industrial connections within the systematic approach. From this outline, we obtain type and structure of trade and industrial connections of the Siberian-Far Eastern part of the North-East Asia with the key regional partner – the Republic of Korea.

Our previous study provided empirical data revealing the main socio-cultural business networks' characteristics distinguishing current Far Eastern business community's dominant patterns between the Russian Far Eastern region and the North-East Asia countries. Now, it is necessary to evaluate the emergent properties of the emerging networks' structures of the international business interaction by their influence on the networking actors' behavior, decision-making process, and strategies choice that determine the economic policy in the region. We plan to investigate some conditions of the international business connections and daily communicative practices formation in details via the leading Russian-Korean MNEs. In addition, the main factors of these business practices might become the foundation for international business cooperation model in new regional socio-economic conditions. Medium and large joint ventures, Korean and Russian companies carrying out their economic activities in the territory of the Russian Far East and in ROK are accepted as a sample for empirical data collecting. The socio-metric approach principles is handled for the first time to analyze the Russian-Korean entrepreneurs' business cooperation process in the Far Eastern region.

Already today, our states are cooperating in the most favorable mode. The indicator of which is that ROK and its business representatives are ready to invest into the Far Eastern region development. In the globalization, Russian and Korean economic institutional systems differ a little bit, but the ethnographic and cultural-historical characteristics of these systems functioning over long historical periods have formed a special vector for their growth. Having economic rules and norms of interaction commonality, the Russian-Korean business partners do not always understand and interpret correctly each other's subjective behavioral patterns, institutional forms and norms, customs that have been developing during some companies' sociocultural business environment evolution [6;5]. As a rule, individual cultural experience determines the characteristics of behavior, perception and assessment of what is happening, which cannot be underestimated when entering into foreign cultural business environment.

The problem is not only in the specific network interaction structural and functional features understanding, but also in determining the mutual influence of the phenomena «business cooperation and social network» – «actor' social behavior» in real socio-economic conditions. Preliminary elaboration of such sociocentric network model of those relationships is required concerning many accompanying factors identified during extensive empirical studies of real business affairs experience. Considering exclusive interest of Russia to cooperation with ROK [2; 1; 8], it would be useful to investigate a number of the Russian and Korean companies as the sample of network interaction.

Therefore, study of formation process of the business cooperation's social networks between the Russian-Korean entrepreneurs is possible only based on the interdisciplinary methodological approach, implementing a wide range of various scientific approaches' tools: post-social, economic-sociological, economic-geographical, economic-institutional, socio-metric, structure-functional, systemic and other approaches. Analyzing the process of the Russian-Korean entrepreneurs' business interaction, we will allign to the theoretical foundations of the methodological sociological individualism from the point of socio- and cultural centrality; «Homo economicus» rationality is culturally

and historically determined and an individual is considered in the «totality of his social connections and inclusion into heterogeneous social structures» [3; 4].

Stable formal and informal ties might be considered as social networks foundation with their potential for personal connections, climate of trust and communication culture, as social capital and resource for further increasing mutual benefit from business affairs [3]. Nevertheless, Actor-network theory direct imposition on a specific situation of some relations is unproductive. The problem is not only in the specific network interaction structural and functional features understanding, but also in determining the mutual influence of the phenomena «business cooperation social network» – «actor' social behavior» in real socio-economic conditions. Preliminary building of such sociocentric network model of these relationships is required concerning many accompanying factors identified during extensive empirical studies of real business affairs experience.

Analyzing the process of the Russian-Korean entrepreneurs' business interaction we will orient to the theoretical foundations of the methodological sociological individualism from the point of socio- and cultural centrality; «Homo economicus» rationality is culturally and historically determined and an individual is considered in the «totality of his social ties and inclusion into heterogeneous social structures» [4, 21].

The challenge is that the elaborated model of the key actors' international business connections will be the theoretical and methodological foundation for further full-scale socio-economic studies of the Russian Far Eastern region and ROK cooperation from the point of the policy-oriented perspectives. That model will be complemented and improved during the intended empirical studies. The contribution here is in discovering new forms for Korean and Russian MNEs reciprocation via the entrepreneurs' networks and interactions that have not been seen before. There is a balance between being appropriate and extensive. We try to find out new forms of the networks' interaction, which might be clearly different with their specific nuances. Such model will provide future economic benefits for both sides.

Bibliography

1. Fedorenko, I.S., Vorobyova, N.A. // Prospects for the development of the Russian-Korean relations in the context of the introduction of anti-Russian sanctions / – St. Petersburg, 2015 – 272-283 pp.
2. Mutalenko, V.A. // Transnational corporations as the main factor of globalization in the economic development of the Republic of Korea – St. Petersburg, 2015 – 283-289 pp.
3. Radaev, V.V. // Economic sociology, 2005 – 286 p.
4. Radaev, V.V. // Once again about the subject of economic sociology // Economic sociology, 2002. No. 3.- 21-34 pp.
5. Ryzhova, N.P. // Economic integration of the border regions – Academy of science Far Eastern depart. Inst. of economy, Khabarovsk, 2013 – 352 p.
6. Tangalycheva, R.K., Kozlovsky, V.V. // New trends of sociocultural changes in Korean and Russian societies – St. Petersburg, 2015 – 420 p.
7. Voskresensky, A.D. Greater East Asia: world politics and regional transformations / edited by A.D. Voskresensky – Moscow: Moscow State Institute of International Relations -University, 2010 – 83-123 pp.
8. Strategy for the socio-economic development of the Far East and the Baikal region for the period until 2025: Order of the Government of the Russian Federation dated 28.12.2009. No. 2094

СТАНОВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИКИ ЮЖНОЙ КОРЕИ ПО РАЗВИТИЮ ВЪЕЗДНОГО КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

*Хан Чжисхи,
Игорь Анатольевич Толстокулаков*
г. Владивосток, ДВФУ

Статья нацелена на определение базовых принципов государственной политики Республики Корея в сфере въездного культурного туризма. Поставлена задача выявить этапы её становления и основные направления. Главное внимание уделено стимулированию государством самых значимых туристических программ и объектов. Выделены наиболее востребованные зарубежными туристами программы. Определены ведомственная подотчётность и место въездного культурного туризма в системе государственной культурной политики. Авторы проводят чёткую корреляцию политики в сфере туризма с общим внутри- и внешнеполитическим курсом властей. Руководство Южной Кореи определяет туризм как интегрированный элемент общегосударственной и региональной политики в сфере национальной культуры. Государственная политика направлена на широкое использование культурной традиции наряду с достижениями современной культуры с целью сохранения национального наследия, его популяризации внутри страны и за рубежом, а также активного использования в интересах южнокорейского государства и народа. Одним из наиболее значимых достижений Республики Корея в сфере международного туризма является формирование исключительно положительного имиджа страны на мировой арене и повышение интереса к брендам южнокорейских производителей на зарубежных рынках.

Ключевые слова: культурный туризм; въездной туризм; Республика Корея; культурное наследие; государственная политика.

Начало становления государственной политики Республики Корея (*далее – РК*) в сфере въездного туризма приходится на середину 1970-х гг., к концу 1980-х гг. она приобретает завершённую форму, но наибольшая активность южнокорейского государства в данной области связана с возникновением феномена т. н. «корейской волны» (кор. – *халлю*). Разработкой и реализацией туристической политики РК на современном этапе занимается министерство культуры, спорта и туризма, с конца 1990-х гг. являющееся центральным государственным ведомством, совокупно курирующим культуру и искусство, религию и спорт, а также туризм.

История ответственного за туризм ведомства началась в 1948 г., когда в составе министерства образования появилось Бюро общественной информации. В начале 1955 г. туристическую деятельность делегировали в министерство транспорта, в котором создали Бюро по содействию туризму, ставшее первым в истории РК отраслевым ведомством по делам туризма. Оно существовало до 1961 г., когда компетенция в сфере туризма окончательно перешла к министерству, совокупно отвечающему за национальную культуру и спорт. В последующий период оно неоднократно переименовывалось, реорганизовывалось¹, но общая сфера компетенции данного ведомства, включавшая и туризм, оставалась неизменной [8, с. 62]. Современное министерство культуры, спорта и туризма РК включает министра, двух его заместителей, трёх помощников и более 60 отраслевых подразделений, общая численность персонала составляет около 2,2 тыс. чел., при этом непосредственно в министерском офисе работают чуть более 600 чел. [12].

В истории становления государственной политики РК в туристической сфере можно выделить четыре принципиальных события, каждое из которых знаменует переход на следующий этап её развития:

(1) принятие в 1964 г. Закона о продвижении туристических объектов [7], основная цель которого состояла в обеспечении валютных поступлений в госбюджет, но именно этот закон послужил импульсом для развития туристической инфраструктуры в стране;

(2) принятие в 1975 г. Закона о поддержке строительства туристических комплексов, стимулировавшего деловые круги РК к строительству и эксплуатации торговых и развлекательных центров, парков, аттракционов и стадионов;

¹ До 1990 г. ведомство именовалось министерством культуры и информации; в 1990 – 1993 гг. – министерством культуры; в 1993 – 1998 гг. министерством культуры и спорта; в 1998 – 2008 гг. – министерством культуры и туризма (см.: [11]).

(3) подготовка и проведение Сеульской Олимпиады 1988 г., означавшие окончательный отказ властей от каких-либо ограничений на развитие внутреннего и выездного туризма;

(4) развившийся на рубеже XX – XXI вв. феномен «корейской волны», простимулировавший настоящий туристический бум в РК и интерес к стране за её пределами.

Соответственно вышеуказанным вехам в истории государственной политики РК в сфере туризма можно следующие выделить этапы её развития:

– 1948 – 1964 гг., как период становления национальной политики в сфере туризма (провозглашение южнокорейского государства, выделение ведомства, отвечающего за политику в сфере туризма, первичное формирование нормативно-правовой базы).

– 1964 – 1975 гг., когда с принятием Закона о продвижении туристических объектов в РК начинается формирование туристической инфраструктуры для обеспечения въездного туризма (совершенствование правовой и создание инфраструктурной базы въездного туризма).

– 1975 г. – середина 1980-х гг., когда Закон о поддержке строительства туристических комплексов обеспечил дальнейший прогресс въездного туризма (превращение въездного туризма в отрасль современного бизнеса на основе строительства и эксплуатации торговых и развлекательных центров, парков, аттракционов и стадионов);

– середина 1980-х – конец 1990-х гг., когда в годы подготовки к Сеульской Олимпиаде существенно изменилось законодательство РК и были окончательно сняты ранее существовавшие ограничения на развитие внутреннего, въездного и выездного туризма. В страну приехало более 2 млн. зарубежных гостей, во время Игр организовано более 40 масштабных мероприятий, основанных на национальной культурной традиции и рассчитанных на иностранцев [15, с. 24] (данный период можно считать подлинным становлением массового культурного туризма внутри РК и началом активного выездного туризма за её пределы).

С конца 1990-х гг. наблюдается настоящий туристический бум, основанный на феномене «корейской волны», вызвавшей интерес зарубежной аудитории не только к ряду элементов национальной корейской культуры, но и к стране в целом [8, с. 29]. Успех «халлю» стал возможным благодаря политике южнокорейских властей, осуществляющих программу поддержки национальной культуры за рубежом и на мировой арене. С этого времени развитие въездного туризма, как основная форма поддержания позитивного имиджа страны, становится безусловным приоритетом культурной политики РК. Особенно следует подчеркнуть её коммерческую составляющую: на фоне активного развития «корейской волны», во многом обеспеченного государственной поддержкой, наблюдается повышение интереса к брендам южнокорейских производителей на зарубежных рынках. Таким образом имиджевые приобретения в рамках «халлю» сопровождаются существенными экономическими дивидендами.

Сегодняшнее министерство культуры, спорта и туризма РК создано в 2008 г. (Нормативный акт № 8852 от 29.02.2008 г. [18]), однако собственно «туризм» фигурирует в названии ведомства ещё с 1998 г. Особо подчеркнём, что его закрепление в официальном наименовании министерства подтверждает окончательную концептуализацию роли и значения туристической сферы в государственной политике РК с конца 1990-х гг., что хронологически совпадает с выходом «халлю» на международную арену.

Содержание государственной политики РК в туристической сфере можно охарактеризовать следующими базовыми направлениями:

(1) Власти определяют культурный туризм в качестве интегрированного элемента общегосударственной и региональной культурной политики, выдвигая задачу «...неуклонного роста культурного и творческого потенциала граждан РК, при этом развитие туризма и спорта является одним из направлений совершенствования указанного потенциала и в целом роста человеческого капитала в стране» [12]. Её достижению служат различные общереспубликанские и региональные программы и мероприятия. Одним из наиболее значимых с 2014 г. стало движение «День культуры в нашей жизни», нацеленное на привлечение отечественных и зарубежных туристов [10, с. 6-7]. В такие дни отечественным и зарубежным туристам наравне с местными жителями предоставляется возможность посетить платные государственные, муниципальные и частные выставки, концерты, театры и кинотеатры и прочие учреждения культуры со значительной скидкой [9, с. 16].

(2) Государственная политика нацеливает туристические учреждения на потребление исключительно отечественной культурной продукции, и в этом следует усматривать не только очевидное патриотическое содержание, но и заботу о соблюдении национальных экономических интересов.

(3) Финансовые возможности региональных властей и турфирм подкрепляются существенной государственной поддержкой: прямым бюджетным финансированием или предоставлением местным бизнесменам, обслуживающим туристов со скидками, различных преференций, в том числе разовых и регулярных налоговых вычетов [9, с. 17]. Подобная финансовая и налоговая политика государства позволяет активно стимулировать интерес туристов, нацеленных на получение качественных, но не дорогих услуг. В 2016 г. в ходе общенациональной туристической недели более 1,6 тыс. южнокорейских туроператоров предоставили скидки на её мероприятия [14, с. 18].

(4) Если не поддерживать и не развивать интерес народа и, особенно подрастающего поколения к национальной культуре, её ценность и значение будут постепенно вымываться и исчезать из повседневной жизни людей. Государственная политика в сфере туризма нацелена на борьбу с данной негативной тенденцией, особенно проявляющейся в современном потребительском обществе. Она стимулирует осознанное потребление собственной культурной продукции в общенациональных рамках, что служит важным воспитательным и образовательным целями и составляет основу культурного туризма в РК.

(5) Государственная политика нацелена на активное использование культурного туризма в качестве живой рекламы корейской культуры и отечественной культурной продукции. За её реализацию отвечает Управление государственной охраны объектов культурного наследия, входящее в состав министерства культуры, спорта и туризма. Оно организует специальные туристические акции, стимулирующие интерес к традиционной корейской культуре. Так, с 2013 г. реализуется программа бесплатного посещения иностранными туристами пяти королевских дворцов Сеула при условии переодевания в корейский национальный костюм [17]. В дальнейшем её распространили на отечественных туристов, в итоге ношение национальной одежды во время экскурсий вошло в моду среди молодежи и других людей, целенаправленно желающих прикоснуться к старинным традициям [13].

(6) Государство признаёт, что культурный туризм дает возможность собственным и зарубежным гражданам познакомиться с культурными достижениями и историей страны. Показателем пример акции, адресованной туристам из России: в 2018 г. открыт новый туристический маршрут т. н. «Путь вана Коджона». Это – пешая прогулка по пути бегства Коджона и наследного принца в русское посольство в 1896 г. [19]. Культурный туризм как элемент государственной политики предоставляет отечественным и зарубежным туристам новые возможности для познания истории Кореи, служит поддержанию связи между прошлым, настоящим и будущим страны.

(7) Приоритетное развитие культурного туризма отражается на повышении качества услуг: туристических, смежных и пр. В рамках государственной поддержки разработана и внедрена кампания «К-смайл / K-smile», направленная на повышение уровня удовлетворенности иностранных гостей. Она определяется встречей и сопровождением зарубежных гостей в доброжелательной манере, её конечная цель – придание Южной Корее такого образа, чтобы у туристов возникло желание посетить её вновь [4].

(8) В РК приступили к созданию комплексных культурно-туристических зон, идея которых опирается на «халлю», значительная часть финансирования данной программы покрывается государством. В настоящее время реализуются три проекта: «Зона корейской культуры / Корейский туристический хаб» в Сеуле, «Долина Кей-культуры / K-Culture Valley» (г. Коян, Кёнгидо) и зона «Корейский опыт» [6].

(9) Особое внимание уделено развитию наиболее востребованных иностранцами туристических практик¹, таких как:

---

¹ Относительно конкретного наполнения популярных туристических программ и характеристики туристических объектов Южной Кореи подробнее см.: [1, с. 62-81].

– программа «Темплстей», предполагающая проживание в или при буддийском монастыре (в 2009 г. включена ОЭСР в число пяти наиболее успешных в мире культурно-экскурсионных программ [5]);

– программа «Путь тхэквондо», знакомящая иностранцев с традициями страны через исконно корейский вид боевых искусств (с 2004 г. проект имеет общереспубликанский статус Национальной организации туризма Кореи [20]);

– медицинский туризм, не ограничивающийся представлением медицинских услуг, но обеспечивающий туристам доступ к культурно-развлекательной программе и экскурсиям по стране (в 2013 – 2015 гг. ежегодно в РК за медицинским обслуживанием приезжало 30 – 35 тыс. чел. [16, с. 24]).

Ярким свидетельством значительных достижений РК по развитию туристической сферы, в том числе въездного культурного туризма, является включение 15 южнокорейских объектов (13 историко-культурных и 2 природных) в Перечень объектов всемирного наследия ЮНЕСКО [2, с. 104]; ещё 12 объектов (из них 9 историко-культурных) имеют статус кандидата на такое международное признание [3].

Государственная политика РК в сфере туризма направлена на активное использование национальной культурной традиции и достижений современной культуры с целью сохранения культурного наследия, его популяризации и активного использования в интересах населения и страны. Благодаря развитию туризма потребительский спрос на культурные объекты и продукцию неуклонно возрастает, как в самой РК, так и за её пределами. В таких условиях туризм становится движущей силой современной экономики, а благодаря масштабному вовлечению зарубежных туристов национальные культурные программы становятся более доступными, разнообразными и технически оснащенными.

Столь же значимым достижением государственной политики в сфере туризма является формирование положительного имиджа РК на мировой арене и повышение интереса к брендам корейских производителей. В конечном счёте это ведёт к повышению конкурентной способности страны на глобальных рынках и объективно содействует защите и реализации национальных интересов.

Список литературы

1. Хан, Чжихи. Региональный культурный туризм: проблемы и перспективы развития (на примере Приморья и Южной Кореи): дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / ДВФУ. – Владивосток, 2021. – 227 с.

2. Хренов, В.В. Этапы развития и особенности въездного туризма Южной Кореи / В.В. Хренов, А.С. Меркулова // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке – 2018. Матер. VII Междунар. корееведческой конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 101–108.

3. UNESCO World Heritage List // UNESCO: Website [Electron. source]. – URL: <http://whc.unesco.org/en/list/&order=country#alphaR> (access date: 28.08.2021).

4. 2016–2018 한국방문의해 ‘청년 외교대사’, K 스마일로 한국을 알려요! 한국방문위원회 / Молодёжная дипломатия в 2016 – 2018 гг.: поездка в РК, познайте Корею с помощью «К-смайл»! // Корейская ассоциация въездного туризма: сайт [Электрон. ресурс]. – URL: <https://vkc.or.kr/about/vkc/> (дата обращения: 18.10.2020).

5. OECD «템플스테이» 성공적 문화관광상품. 연합뉴스 / ОЭСР: успешность программы «Темплстей» для туристов // Рёнхап: новостной портал [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/culture/2009/11/11/0907000000AKR20091111169100005.HTML> (дата обращения: 12.11.2020).

6. 고양 K-컬처밸리 테마파크·상업시설 내달 착공. 연합뉴스 / В следующем месяце в Кояне начнётся строительство тематического парка K-Culture Valley и коммерческого комплекса // Рёнхап: новостной портал [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20180424117800061> (дата обращения: 26.10.2020).

7. 관광 개발정책. 행정안전부 국가기록원 / Политика в сфере туризма // Национальный архив РК: сайт [Электрон. ресурс]. – URL: <http://theme.archives.go.kr/next/organ/organBasicInfo.do?code=OG0027452> (дата обращения: 07.04.2021).

8. 관광 반 세기 대한민국의 가치를 상승. 서울: 한국관광공사, 2012. 113 с. / Полвека туристической отрасли: улучшение имиджа Республики Корея. – Сеул: Корейская туристическая организация, 2012. – 113 с.
9. 권태일. 2015 관광주간 주요성과 분석 및 정책과제. 서울: 한국관광문화연구원, 2016. 114 с. / Квон, Тхэиль. Значение фестиваля «Туристическая неделя – 2015» / Квон Тхэиль. – Сеул: Корейский НИИ культуры и туризма, 2016. – 114 с.
10. 김지은. 문화가 있는 날 정책의 정착요인: 석사논문. 서울, 2015. 82 с. / Ким, Джиын. Политические факторы фестиваля «День культуры»: дисс. ... магистра культуроведения / Сеульский национальный ун-т. – Сеул, 2015. – 82 с.
11. 대한민국 구석구석. 한국관광공사 / Вся Республика Корея // Национальная организация туризма Кореи: сайт [Электрон. ресурс]. – URL: http://korean1.visitkorea.or.kr/kor/bz15/where/where_main_search.jsp?cid=126823&areaCode=1 (дата обращения: 15.11.2020).
12. 대한민국 문화체육관광부 / Министерство культуры, спорта и туризма РК: сайт [Электрон. ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20111002133030/http://www.mct.go.kr/english/index.jsp> (дата обращения: 20.01.2021).
13. 내맘에 드는 한복입고 고궁으로. 서울방문 / Наденем ханбок и во дворец! // Визит в Сеул: туристический портал [Электрон. ресурс]. – URL: https://korean.visitseoul.net/hallyu/내-맘에-드는-한복-입고-고궁으로_/15747 (дата обращения: 28.12.2020).
14. 정광민. 관광주간의 성과와 시사점 // 한국관광정책. 2016. 60 호. С. 16-25. / Чон, Кванмин. Достижения и уроки фестиваля «Туристическая неделя» / Чон Кванмин // Туристическая политика Южной Кореи. – 2016. – № 60. – С. 16–25.
15. 조배행. 88 서울 올림픽의 관광에 대한 연구. 서울: 한국관광연구원, 1999. 112 с. / Чо, Бэхен. Влияние Олимпийских игр 1988 г. на отечественный туризм / Чо Бэхен. – Сеул: Корейский НИИ туризма, 1999. – 112 с.
16. 한국 의료관광 마케팅. 서울: 한국관광공사, 문화체육관광부, 2016. 94 с. / Маркетинг медицинского туризма в Республику Корея. – Сеул: Национальная организация туризма Кореи, Министерство культуры, спорта и туризма РК, 2016. – 94 с.
17. 한복 유행을 바라보는 서로 다른 시선. 한국국제 문화교류진흥원 / Почему столь популярен национальный корейский костюм «ханбок» // Корейский фонд международного культурного обмена: сайт [Электрон. ресурс]. – URL: http://kofice.or.kr/b20industry/b20_industry_03_view.asp?seq=7939&page=10&find=&search=&genre= (дата обращения: 12.10.2020).
18. 행정안전부 국가기록원. 문화체육관광부 / Каталог Национального архива РК // Министерство культуры, спорта и туризма РК: сайт [Электрон. ресурс]. – URL: <http://theme.archives.go.kr/next/organ/organBasicInfo.do?code=OG0027452> (дата обращения: 17.01.2021).
19. 아관파천 고종의 길 걸어봤어요. 서울특별시 / Я прошел по «Пути вана Коджона» // Особый город Сеул: туристический портал [Электрон. ресурс]. – URL: <https://opengov.seoul.go.kr/mediahub/15920028> (дата обращения: 30.11.2020).
20. 우수사례. 한국문화관광콘텐츠개발 / Наиболее успешные культурные туристические продукты // Разработка контента культурного туризма в РК [Электрон. ресурс]. – URL: http://www.kcntc.com/renewal/sub03_02.asp?step1=3&step2=2 (дата обращения: 23.10.2020).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

*Валентин Валерьевич Хренов,
Мария Дмитриевна Кавун*
г. Екатеринбург, УрФУ

В статье рассматриваются основные направления торгово-экономического сотрудничества Республики Корея и Монголии в конце XX – начале XXI века. Особое внимание уделено роли Южной Кореи в становлении и эффективном развитии торгово-экономического комплекса Монголии.

Ключевые слова: Республика Корея, Монголия, торгово-экономические отношения, экспорт, импорт, инвестиции.

Установление дипломатических отношений между Республикой Корея и Монголией обусловило начало развития экономических и культурных связей между ними. Этому способствовали ежегодные встречи на высшем уровне Президентов двух стран. В конце марта 1991 года впервые с официальным государственным визитом в Сеул прибыл Президент Монголии Пунсалмаагийн Очирбат. Во время своей встречи Президенты выразили свою готовность и заинтересованность в развитии двусторонних отношений между государствами в различных областях. Важнейшим итогом этого визита явилось подписание 28 марта 1991 года Соглашения об экономическом, научном и техническом сотрудничестве между правительством Монголии и правительством Республики Корея, согласно которому Южная Корея получила возможность стать одним из крупнейших инвесторов монгольского государства [3, с. 15].

Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун в ходе официального визита в Монголию в мае 1999 года подписал ряд договоров и соглашений, в том числе и Договор о создании объединенного комитета по сотрудничеству в энергетической и минеральной сфере, который позволил Монголии и Республике Корея расширить сотрудничество в энергетической области, открывать совместные производства для разработки и добычи полезных ископаемых, что может официально считаться началом двусторонних экономических отношений между двумя государствами [3, с. 15-16]. Во время официального визита премьер-министра Монголии Ринчиннямына Амаржаргала в Южную Корею 8 ноября 1999 года было подписано Соглашение между правительством Республики Корея и правительством Монголии о сотрудничестве в энергетической и горнодобывающих секторах [4, р. 169]. Все это позволило значительно расширить сотрудничество двух стран не только в области добычи полезных ископаемых, разработкой которых Республика Корея активно занимается с 1990 года, но и в области электро- и атомной энергетики, а также транспорта.

Одной из самых значимых встреч президентов двух стран стал официальный визит в Южную Корею в феврале 2001 года президента Монголии Нацагийн Багабанди, во время которого проходило обсуждение дальнейшего укрепления монголо-южнокорейских отношений в соответствии с современными мировыми экономическими и политическими требованиями, предполагающими проведение открытой внешней экономической политики, определение подхода к развитию взаимовыгодных отношений в таких областях как наука, инновационные технологии, разработка и добыча полезных ископаемых, электроэнергетика. Этот визит послужил началом абсолютно нового этапа развития двусторонних взаимоотношений, определению совместных задач по изменению как во внешней, так и во внутренней политике этих государств [3, с. 15]

Одним из важнейших вопросов в двусторонних торгово-экономических взаимоотношениях является вопрос о перспективах и новых направлениях в экономическом сотрудничестве Монголии и Республики Корея, которые способствовали бы повышению значимости отношений двух стран. Так, по итогам 2014 года показатели торгового оборота между Монголией и Республикой Корея продемонстрировали своё максимальное падение, сократившись на 30% по сравнению с 2013 годом, что составило около 366,1 млн. долл. США против 520,4 млн. долл.

США в 2013 году. В товарообороте между двумя странами за 2015 год также наблюдалась тенденция к снижению [1, с. 122].

Премьер-министр Республики Корея Хван Гё Ан во время своего официального визита в Монголию, который состоялся в 2015 году, выразил удовлетворение по поводу развития и расширения сотрудничества в торгово-экономической сфере. В ходе визита корейского премьер-министра подписан Меморандум о сотрудничестве в отрасли полезных ископаемых, энергетики, дорожно-транспортной и строительной сферах¹. Эти отрасли до сих пор считаются самыми перспективными в развитии двусторонних взаимоотношений.

В марте 2019 года в ходе официального визита премьер-министра Республики Корея Ли Нак Ёна в Монголию было заключено соглашение о строительстве на монгольской территории нескольких теплоэлектростанций, с выделением 300 млн. долл. США безвозмездно. Кроме того, достигнуты договорённости о возведении в монгольской столице Улан-Батор жилых домов в рамках льготного кредита на 500 млн. долл. США, также предоставленного южнокорейским правительством².

10 сентября 2021 года президент Монголии Ухнаагийн Хурэлсух и президент Республики Корея Мун Чжэ Ином провели онлайн-встречу для обсуждения взаимоотношений двух стран. Главы государств обсудили двусторонние отношения и договорились развивать их на уровне стратегического партнерства, приняв по итогам переговоров Совместную декларацию. Её целью является углубление и расширение совместной деятельности стран в пяти областях: политика и безопасность; экономика, торговля и инвестиции; образование, наука и технологии, окружающая среда и здравоохранение; культура, туризм и обмены между гражданами; региональное и международное сотрудничество. Также президенты Монголии и Южной Кореи отметили стабильный прогресс торговых отношений во время пандемии COVID-19³.

Многие ведущие экономисты Республики Корея считают, что «сотрудничество в горнорудной, энергетической и транспортных областях может стать той основой, которая в будущем сможет привести к значительному экономическому росту не только в Южной Корее, но и в Монголии» [2, с. 19]. Поэтому самой перспективной сферой торгово-экономических отношений двух стран является взаимовыгодное сотрудничество в этих областях. Но, несмотря на продолжающийся рост торгового оборота между Монголией и Республикой Корея, эти торгово-экономические отношения этих стран ещё очень далеки от раскрытия своего потенциала. Этому препятствует постоянно меняющееся монгольское законодательство, отсутствие открытого доступа корейских предприятий к рынкам Монголии, частые срывы контрактов, коррупция [2, с. 19].

Таким образом, с 1990 года по настоящее время Монголия и Республика Корея смогли создать и поднять на достаточно высокий уровень двухсторонние экономические взаимоотношения. Подписанный 08 ноября 1999 года Договор о сотрудничестве в энергетической и минеральной сфере позволил двум государствам расширить двухстороннее сотрудничество в области электро- и атомной энергетики, открыть совместные предприятия для разработки и добычи полезных ископаемых, положил начало более продуктивному торгово-экономическому сотрудничеству между Монголией и Южной Кореей. Концепция инновационного развития высокотехнологичных отраслей, проведённая правительством Республики Корея, позволила значительно нарастить южнокорейский экспорт в Монголию. Но, несмотря на взаимное желание и возможности, оба государства так и не смогли создать эффективные механизмы для успешного развития совместных проектов в области электро- и атомной энергетики, разработки полезных ископаемых, а также транспортной сфере, так как торговля между этими двумя государствами до сих пор является практически односторонней при полном доминировании Республики Корея. Однако, и Южная Корея, и Монголия продолжают прикладывать усилия в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, что в дальнейшем может способствовать ещё более тесному взаимодействию народов этих двух государств. И, возможно, в дальнейшем оба государства смогут создать более эффективные механизмы для успешного развития совместных проектов.

¹ URL: <https://montsame.mn/ru/read/152343>

² URL: <https://bigasia.ru/content/news/politics/uzbekistan-i-oae-podpisali-soglasheniya-na-10-mlrd/>

³ URL: <https://www.babr24.com/mong/?IDE=218795>

Список литературы

1. Базаров В. Б. Динамика монголо-корейской внешней торговли // Журнал института социологии Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук «Власть». – 2015. – № 8. – С. 120-124.
2. Батунаев Э. В. Монголия и страны Северо-Восточной Азии: торгово-экономическое и интеграционное сотрудничество (2009 – 2018 гг.) // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. – № 3. – С. 15-28.
3. Григорьева Ю. Г. Монголия и Республика Корея: межгосударственное сотрудничество и внешнеполитические интересы // Мировая политика. – 2019. – № 4. – С. 13-25.
4. Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the Mongolian People's Republic on Cooperation in the Fields of Energy and Mineral Resources (8.11.1999) // Treaties and International Agreements Registered or Filed and Recorded with the Secretariat of the United Nations. – New York, 2009. – P. 169.

Секция V

Issues in Korean Search for Sovereignty: With a Focus on the March First Movement and the Early Liberation Periods

---

DETERMINATION "IN KOREAN RULE THE ACTUAL CONDITIONS OF ACCEPTANCE AND APPLICATION OF JAPAN'S"SELF

일본의 조선통치개정과“민족자결”적용의 실상

Choi Jung Sook
Independent scholar

1. 머리말

이 발표에서는 일본이 어떻게 '민족자결'을 인식하고 식민지조선통치에 적용했는지에 대한 전모를 해명하려고 한다.

제 1 차세계대전이전까지 국제정치는 서구제국주의가 주도한 군사력에기초한 권력정치를 토대로 세력균등에 의해 국제질서가 구축되어왔다. 이러한 권력정치는 강대국간에 권력균형을 이루기위해 무력과 비밀외교를 통해 주변의 약소국가를 병합하는 것은 매우 일반적인 일이었다. 윌슨대통령은 이런 국제정치가 전쟁으로 이어지는 원인이라고 믿고 , "민족 자결"을 통한 국제질서의 확립을 제안했다. 그러나 1919년 파리평화회의에서 민족자결의원칙은 패배한 독일의 영토였던 동유럽지역의 일부에만적용되었다. 이런 전후처리는 약 20 년후, 세계가 더 비극적인 제 2 차 세계 대전을 경험하게 된 주요원인의 하나였다고 볼 수 있다.

일본은 제 1 차세계대전시에 대영제국이 이끄는 동맹국으로서 독일과의 전투에 참여했다. 그러나,제 2 차세계대전때는 대영제국과 미국이 주도한 연합군과 적대적인 전투를 수행하기 위해 독일과 동맹을 맺었다. 이러한 국제정치에서 국제관계변화의 원인은 다양 할 수 있다.

이 발표에서는 국제관계변화의 요인으로서,제 1 차 세계대전후 자결권적용대상에서 제외된 식민지에서의 민족 독립운동에 대한 식민지 제국주의의 대응에 초점을 맞췄다.

제 1 차세계대전후, "민족 자결"의 원칙이 적용되지 않은 식민지에서는, "민족자결"사상의 확산으로 인해, 잠재하고 있던 민족의자립에 대한 열망이 점차 더 커져갔다. 일본의식민지조선에서도 이런국제사회의동향에 영향을 받아 3·1 독립운동이 일어났다. 일본은 조선독립운동에 대응하기 위해 '내지연장주의'를 내세우며 일본과 더욱 확고한 관계를 구축하려고 시도했다. 그러면, 이러한 정책이 성립되는 과정에서 "민족자결"은어떻게작용되었는가.이러한전말을해명하기위해서,먼저,조선인이'민족자결'의원칙을 어떻게 인식하고 수용했는지에 대해 검토한다. 다음에, 일본의조선인의 민족독립주장에 대한 대응의고찰을 통해, “민족자결”이 조선통치정책에 어떻게 반영되었는가, 에 대해서 밝히려고한다.

2. 민족자결사상의 부상

제 1 차 세계대전 중에 부상한 자결의 원칙으로 알려진 국가독립권은, 일반어법에서 각 민족이 독립국가를 구성하고 정부를 결정할 권리를 가진다는 것을 의미하고 인식되었다고 한다.¹ 이런 맥락에서의 자결의 의미에는 민주주의의 이데올로기가 함의된 것으로, 이런 근대적 의미의 민주주의는 18 세기 후반에 처음으로 출현했다고 한다. 이 시기에 있어서 민주주의의 의미는 국민이 대표가 되어, 국민의 정치적 행동을 통해 정부를 통제하며, 국민의 이익을 위해 정부를 인도하는 권리를 주장하는 형태였다.

그러나 프랑스 혁명에 의해서 민주주의가 단순히 정부에 대해 입법적 억제력을 행사하기 위해서 의회에서 개인을 대표하는 것이 아니라 국민자체가 국가에 있어서 최고권위가 되어 유일한 적극적인 원리가 되었다고 한다.² 말하자면, 인민의 지위는 주체의 역할에서 주권자 그자체가 된 것을 의미한다. 이러한 민족자결이라는 이념은 이전부터 존재했지만 근세의 서양에서 이 이념이 일반적으로 적용된 사례는, 특정 지역에서 분쟁이 발생하면, 그 분쟁에 관여해 한 국가가 그 지역을 병합하거나 지배하는 것을 막기위해 약소국가의 독립을 옹호하거나 지원해 국경지역의 전략적안정을 피하기 위한 전략적 수법으로써 사용되어왔다고 한다.³ 이러한 민족자결의 적용은 혁명의 원리로 삼고 있던, 인민의 자유, 자결권의 본래의 의미가 힘을 잃어버렸다는 것을 의미한다고 할 수 있다. 이러한 경위를 배경으로 한 자결권의 원리가 제 1 차세계대전을 계기로 또 다시 활발하게 제창되기 시작했다.

제 1 차 세계 대전은, 독일이 오스트리아-헝가리 제국과 협력하여 일으킨 전쟁으로 중부유럽 연방을 설립하는 것을 목적으로 내걸고 있었지만, 그 진정한 의도는 유럽에서 독일의 패권을 확립하기 위해 그경제적 기반으로서 구상된 것이었다.⁴ 이에 최대식민지 대국 대영제국이 유럽대륙에서의 힘의 균형을 유지하기 위해 독일에 응전한 것이 제 1 차세계대전의 발발의 원인이었다고 할 수 있다. 전쟁이 장기화되고 광범위하게 파급된 탓으로, 총력전으로 전개된 전후처리는 복잡한 양상을 띄고 있었다. 대영국제국을 중심으로 한 연합군은, 독일의 침략대상 국가의 국민과, 동맹국, 중립국 및 식민지 주민들로부터 전쟁협력을 얻기위해, 또한, 전쟁의 정당성이데올로기로서 민족자결"의 언설을 이용했다.

따라서, 윌슨대통령은 전후의 새로운 국제질서의 규범으로써 “민족자결”을 주장했고, 한편, 볼셰비키 혁명은, 제국주의열강의 전쟁 목적에 대항하기위해 자결의 원리를 식민지·상대국의 민족해방운동이나 사회주의 혁명에 원용했다.

그러나, 전쟁이 끝난 후 민족자결의 적용은, 대영제국의 총리였던 로이드(David Lloyd George)가, 독일령이었던 식민지에만 요구했기 때문에, 패전국 독일의 식민지에 한정된다는 것이 확실해졌다. 즉, 전승국인 연합국이 소유한 식민지의 자결권은 애초부터 고려되지 않았다고

¹ 알프레드·코반, 1976, 栄田卓弘 (訳) 『民族国家民族自決』 早稻田大学出版部, 32 項.

² 알프레드. 코반, 1976, 전게서.

³ 알프레드 코반(1976), 전게서.

⁴ 小沢弘明、1995、歴史学研究会 (編) 『国民自決原理連邦構想』 東京大学出版会、379 項

이해할 수 있다.¹ 이 점에 대해, 윌슨은 "패전제국의 영토내에 포함되어 있던 민족외에는 어떠한 민족자결권에 의거해서 행동하는 일도 평화회의의 권한내에 포함되어 있지않았다"고 솔회했다. 이와 같은 "민족자결권"의 적용은 전승국이 자신들의 영토에 적용되는 것을 거부하는 도덕원리를 패전국에 강제하고 있는 것을 인정하는 것과 마찬가지로였다.²

윌슨대통령은 이런경위를 연합국측으로부터 억지로 밀어붙여 진탕이라고 변명하고 있었지만, 얼마후, 아일랜드인의 민족대표가 그를 방문해, 평화회의에서 아일랜드의 독립지원을 청탁받았을 때, 그들에 대해 혐오감을 느꼈다고 토로하고 있었다고 한다.

이런 윌슨대통령의 피지배민족에 대한 솔직한 감정의 일면을 헌터 밀러 (David Hunter Miller)³가 그의 일기에 기술하고 있는데, 그 상세한 내용은 다음과 같다.

그런 다음 그 (윌슨) 는 ...한 아일랜드 민족대표에게서 평화 회의에서 아일랜드의 독립을 주장해 줄 것을 청탁받은 일에 대해서 몹시 화가 났다고 토로하면서 ...그가 그 청탁을 받고 처음 느낀 충동은, 불끈 화가 치솟아 피가 들끓어, 그들(아일랜드인)에게 지옥에라도 떨어뜨려라고 외치고 싶은 충동이 일어났다. 고 기술하고 있다.⁴

이런 측면을 고려하면, 윌슨대통령의 "민족자결"에 대한 진의가 의심스럽다. 랜싱국무장관은 윌슨대통령이 [14 개조항] 을 제창한 것은 레닌에 의한 [현존하는 세계질서]와 [장래의 세계질서]에 대한 도전을 두려워했기 때문이라고 했다.

그러면 이러한 전후의 국제정치는 어떤양상으로 나타났는가?

3. 국제연맹의 전후처리의 실태

전술한 것처럼 전승국인 연합국들이 그들의 종속령에는 "민족자결"의 원칙을 적용하지 않음으로서,전후의 식민지문제는 이미 비밀 조약을 통해 세력권설정이나 독립의 약속이 되어있었던 오스만제국의 지배지역에는 "자치적 발전"이 승인되었다. 또한, 연합국이 일본에 약속한 독일의 이익권이었던 중국의 산둥반도, 남양제도에 관해서는 위탁통치라는 수법이 창출되었다.

이 위임통치의 의미는 국제연맹규약 제 22 조에 의하면, [근대세계의 치열한 생존투쟁의 상황아래, 아직 자립하지 못하는 인민이 거주하고 있다.] 이런 지역은 선진국이 후견인이 되어 돌보는 것이 [문명의 신성한 사명]이라고 되어있었다. 그리고 이 규약이 해당하는 지역은[문화의 정도]나 [지혜의 후진성]의 정도를 기준으로 해서 등급화해, 서열화되었다. 이런 논리는 종래의

¹ 前掲、小沢弘明、1995、参照。

² 알프레드 코반(1976), 전게서.

³ David Hunter Miller(1875 ~ 1961) 미국의 국제법학자, 하우스를 위해, 파리강화회의에 대비하기 위한 정보수집조사에 협력했다.

⁴ 알프레드 코반(1976), 전게서.

제국주의이데올로기와 거의 차이가 없는 제국주의의 세계질서를 보지하기 위한 새로운 식민지 지배의 형태일 뿐이었다.

결과적으로 제 1 차 세계 대전 중에 출현한 “민족자결”의 원칙은, 실제로는 전후의 제국주의 지배의 정통화를 피하기 위한 하나의 도구로서의 구실을 했다고 할 수 있다.

왜냐하면 대전의 결과에 의해 제국주의가 타격을 받아 피식민지 지배지역이 해체되었다기보다 제국간에 영토의 재분배가 실행되었다고 볼 수 있기 때문이다.

그런데 제국주의 국가들이 이런 식의 “민족자결”의 적용을 실행함에 따라, 예측하지도 못한 사태가 일어났다. 그것은 자결의 적용에서 제외된 연합국령의 여러 식민지민의 반응이었는데, 그 열기는 종래의 제국주의 식민지의 지배방침을 대폭적으로 전환시키는 계기가 되었다고 할 수 있다. 즉, 제국주의 국가들이 자결권원칙의 적용범위를 자의적으로 규정해 가는 과정에서 그 적용범위에서 제외된 제국가의 식민지에서는 잠재해 있던 민족의 자립을 원하는 욕구가 “민족자결”의 사상의 확산에 의해 독립의 실현을 요구하는 민족운동의 형태로서 확대 심화되어갔다.

이러한 추세는 지역에 따라 정도의 차이는 있었지만 대전 후 수년간 세계의 넓은 지역에서 발생하고 있었는데, 일본의 식민지인 조선에서의 3·1 운동 (1919), 중국 대륙의 5·4 운동, 대영제국령의 이집트, 아일랜드, 인도에서의 민족운동, 스페인령의 모로코에서의 리후전 (1921), 미국령의 필리핀 독립운동 등을 들 수 있다.

이러한 민족운동은 인도에서는 간디의 비폭력 저항, 조선에서는 평화적 시위 운동 등의 형태로 민족의 자립 또는 독립을 요구했고, 동시에 파리강화회의에 기대를 걸고 청원서를 작성해, 윌슨대통령을 비롯한 열국의 지도자들에게도 지원을 청원했지만 아무런 반응도 없었다고 한다.¹

국제정치의 공식적인 장소라고 할 수 있는 파리강화회의에서의 열국의 지도자들은 자국의 국익에 상반되는 식민지의 독립운동에 대해서는 상호협력적인 관계를 유지하려는 입장을 지키고 있었다고 할 수 있다. 이런 예를 하나 들면, 미국 정부는 1918 년말에 이미, 조선에서 민족운동의 움직임을 알아채자, 조선주재미국공사인, 레오 A. 벨골츠(Bergholz) 는, 재주미국선교사와 시민들에게 조선인들의 독립운동에 관여해서 조선총독부로부터 의심을 받지 않도록 주의경고를 발했다고 한다.

또한, 조선인들이 미국이 그들의 독립운동을 지지할 것이라는 기대를 걸지 않도록 특별히 주의해야 할 것 등에 대한, 미국공사에 의해 주재미국인들에게 공식적인 경고가 발표되었다.² 그러나 국제사회의 민간에서는 이런 민족운동에 대한 동정적인 움직임이 전개되는 상황이 벌어지고 있었다. 조선에서 3·1 운동이 일어난 당초에는 미국내 여론의 반응은 그다지 강하지 않았다. 오히려 조선인들은 일본의 통치하에서 행복하고 만족해하고 있을 것이라는 친일적인

¹ 長田彰文、2013、『世界史の中の近代日韓関係』慶応義塾大学出版会、110～117項。

² Ku, Daeyeol. 2013. “Korean International Relations in The Colonial Period and The Question of Independence”. In *Critical Readings on the Colonial Period of Korea*

1910 - 1945, edited by Hyung-Gu Lynn, p189-p221. The Netherlands: Brill.

저명인사가 언론상에서 논파하고 있었다. 그러나 조선의 독립운동에 대한 조선총독부의 폭력적, 그위에 잔악한 진압의 실태가 조선주재 미국선교사들에 의해 대외에 알려지자 국제여론의 일본비판이 과열되어 갔다.

당시의 미국여론의 정황은, 1919년 3월부터 1920년 9월까지 미국에서 발간된 신문,잡지등의 기술중에서 조선의독립을 지지하는 논평은 약 9,700 건, 친일적인 기사는 50 건 정도로 조선의 독립에 대한 지지가 압도적인 수를 차지했다.¹ 한편, 미국내에 거주하고 있는 이민사회에서의 아일랜드인의 독립운동도 미국민중의 많은 관심을 끌게되어 동정운동의 지원의연계가 확산되었다. 이러한 사회의 추세에 맞추어 미국의회에서 Shield 씨가 아일랜드독립수정안을 제출하자, 다른 대의원인 (Tomas) 가 조선독립수정안을 제출하는 등 주목을 받고 있었다.² 또한, 미국상원의원들의 조선문제동정연설등을 통해 미국사회에서는 조선, 아일랜드등의 식민지문제동정론이 차츰 고조되어갔다.³

이 처럼 제국가의 식민지에서의 민족독립운동은 무시할 수 없는 사태로 번져 식민지제국주의의 종래의 식민지통치방침을 재고하지 않을 수 없게되었다. 그러면 이런 식민지문제에 대해 식민지제국은 어떻게 대응했는가?

본고에서는 서구열강의 식민지의 민족운동에 대한 대응책에 관한 분석은 필요불가결한 경우에만 한정하고, 주로 조선인의 민족관념과 독립운동에 대한 일본의 대응과정에서 “민족자결”사상이 어떻게 인식되고 수용되었는가에 대한 검토에 주목하려고 한다. 이런 작업을 통해 지배자, 피지배자, 양측이 안고 있던 민족의식이 어떤 형태로 표출되어 통치방침에 반영되었는지 명확히 밝힐 수 있다고 생각하기 때문이다. 이 작업을 위해서 먼저, 조선인이 어떤 식으로 “민족자결”의 사상을 인식하고 그들의 민족독립운동에 반영했는지에 대해 논하고자 한다.

4. 조선인의 “민족자결”의 인식과 3·1 독립운동

일본의 통치하에 있던 조선에서는 1919년 3월 1일 독립을 요구하는 민족운동이 발발했다. 이 운동은 일반적으로 제 1차세계대전후의 서양사회에서 유행하고 있던 자유, 민주주의사조와 “민족자결”의 사상에 영향을 받아 촉발되었다고 한다.

여기에서는 조선인이 “민족자결”의 원리를 어떻게 인식하고 있었는지, 또 조선독립의 정당성을 어떻게 정의하고 주장했는가에 대해 중점을 두고 검토를 시도하려고 한다. 이런 문제에 주목하려는 이유는 식민지 지배자와 피지배자의 양자간에 있어서 동시대의 국제사회의 유동성에 대한 인식의 실정으로부터 문제의 소재를 파악할 수 있다고 보기 때문이다. 그러기 위해서 먼저 조선독립활동의 일관으로서 조선대표 김 규식이 파리강화회의에 제출한 청원서를 살펴보기로 하자.

이 청원서는 조선독립의 정당성으로서,

¹ 李鍊、2002、『朝鮮言論統制史—日本統治下朝鮮の言論統制』信山社出版、244項。

² 近藤劔一(編)、1970、『斎藤總督の文化政治』、友邦協會、316項。

³ 前掲、李鍊、2000、243項。

1, 조선의 국민은 단일민족이며, 고유의 문화와 역사를 가진 국가를 건설해 4200 년간, 변함없이 독립국가의 자격을 보유하고 있었다.

2, 조선독립의 확인의 실증적인 예로서, 일본, 미국, 영국, 프랑스, 러시아등을 포함한 다른 강대국들과 체결한 평화조약이나 통상조약의 체결조약서상에서 명백하게 승인되어 왔다.¹

고 주장하고 있다.

그러면, 이 1 의 주장은 동시대의 국제정치를 주도하고 있던 서구열강의 민족국가에 대한 개념에 부합하는 근거라고 할 수 있는가? 이에 대한 해석은 알프레드 코반(1976)이 서구의 민족국가개념에 관한 정의를 상세하게 논증하고 있다. 이에 따르면 서구사회가 정치적 · 문화적민족결합을 시행할 때, 한 민족의 구성원의 요건으로서 역사적인 근거를 적용해 왔고, 또한 역사적권리에 의해 민족공동체로서의 자격을 적용하는 정당성이 인정되어왔다고 한다.²이러한 민족이론에 따르면, 조선은 고유한 독자문화와 정치적독립을 보유해 온 독립국가였기 때문에 당연히 “민족자결” 이 적용되어야 한다는 주장은 타당하다고 추정할 수 있다.

다음 2 의 조선독립의 확인에 관한 주장은, 1895 년, 중국과 일본간의 [시모노세키 조약], 1902 년 [영일동맹], 1904 년의[한일공수동맹]의 체결시, 이런 모든 조약의 공통적 조항은, 조선의독립을확인, 또는 보증한다는 것이었던 것에 근거를 두고있다.

이 처럼 국가간의 조약체결상의 공식적인 조선독립에 대한 확인은, 국제법의 기초에 입각한 것이 명백하므로 조선이 독립국으로서 “민족자결”이 적용되어야 한다는 주장이다. 말하자면, 국제정치상의 일반적인 기준에 의거해도 조선의 독립요청은 타당성이 충분한 것으로 해석될 수 있었다고 볼 수 있다. 그럼에도 불구하고, 조선의 독립청원서는, 자결권의 주창자인 윌슨대통령이나 국제정치를 주도하는 열강의 지도자들에게서 완전무시당하는 결과로 끝났다.

조선의 3 · 1 독립운동의 실패의 요인에는 이런 국제정치적 배경이 크게 작용했다고 볼 수 있지 않을까? 이 실패로 인해 이후, 조선인의 민족운동지도의 사상과 방법은, 외교인가 투쟁인가, 민족주의인가 사회주의인가, 라는 선택을 하지않으면 안되는 새로운 단계에의 출발점과 사상적 분기점에 서야했다고 한다.³

또한, 조선총독부가 3 · 1 독립운동의 경험으로부터 "문화 정치"를 내걸고,민족분열을 피하기 위한시책을 전개했기 때문에 1920 년대 초부터 1930 년대를 거치면서 민족간의 계급적, 사상적 분열이 심화되어, 현재에도 지속되고 있는 조선의 남북분단의 계기가 되었다고 추정된다.

5. 일본의 조선민족운동에 대한 대응책

당시의 총리였던 하라타카시(原敬)는 조선에서 일어난 3 · 1 독립운동에 대한 보고를 받고, 「요컨대, 민족자결등의 공론에 촉발된 점도 있는 것 같지만 그 외의 원인도 다소 있을

¹ 内川芳美 · 宮地正人 (監) 、 1989.9 - 1993.9. 『外国新聞から見える日本』、毎日コミュニケーション.

² 알프레드 코반(1976), 전거서.

³ 姜在彦, 1982, 「思想史からみた三 · 一運動」, 『朝鮮史叢』、 第 5 · 6 合併号, pp. 5 - 59.

것이라고 여겨진다」¹라고 일기에 기술하고 있었다. 이런 原의 조선민중운동에 대한 인식은, 일본사회의 신문들이 보도하고 있는 내용과 별반 차이가 없었고, 그 대응책은 이전부터 품고있던 그의 식민지경영에 관한 정치사상이 현저하게 표출된 형태였다고 할 수 있다.

原는 조선보다 앞선 식민지대만경영에 대해서 「내지연장주의」를 제안한 적이 있는데, 실제로 실행되게 된 것은 조선에서의 3·1 독립운동의 선후책으로서였다.

그는 조선에서 일어난 독립운동에 대해서 무력으로 철저히 진압하도록 지시하는, 한편으로는 국제사회로부터의 반응에 최선의 주의를 하라고 엄명했다. 그 이유는 전후, 새로운 강대국으로 부상한 미국과 중국대륙에서의 이익권을 둘러싸고 다방면으로 대립의 여지가 잠재하고 있는 상황에 처해 있었기 때문이었다. 이런 상황에서 原는 조선총독인, 하세가와요시미치(長谷川好道)가, 기술한 「조선선후책사건」을 참조한 「조선통치사건」을 작성해, 신총독사이토마고도 등에게 비공식적으로 내시했다. 이 통치제도의 개혁안은 「내지연장주의」에 기초해서 식민지에 본국(내지)와 동일한 제도를 제정해, 차별적인 제도의 철폐등, 조선인을 위한 교육기회의 확대를 표방하고 있었지만, 실제로는 조선통치의 전기간을 걸쳐, 양적, 질적으로 식민지와 본국일본과의 차이가 더욱 벌어져갔다.

본고에서는 「문화정치」기에 실시된 통치제도의 전반에 관한 검토는 생략하고 「민족자결」이 함유하고 있는 민족문제에 대한 대응책에 주목해서 검토하려고 한다. 전술한 것처럼 조선민족운동가는 조선독립의 정당성을 「반만년의 역사적 권리」로서, 조선이 일본과는 다른 독자적 문화와 역사를 소유하는 민족이라고 주장했다. 이 주장에 대한 반론은 「식민지하의 조선이야말, 민족자결의 원칙에 적합한 상태라고 하면서 조선의 분리독립은 민족자결의 원리에 상반되는 것이다」²라고 하는 일본의 신문등 미디어의 논조에서 그 의도가 표출되었다. 그 대표적인 예로서 「大阪毎日」에 아래와 같은 기사를 볼 수 있다.

「.....조선과 일본은 태고이래부터 떨어질 수 없는 친한관계였고, 그 국토는 많은 부분의 경우, 한 국가이고 말하자면, 지금의 일선관계는 단순히 역사적 추세전설적관계로서의 자연스런 복귀라고 말할 수 있을뿐만 아니라, 세계에 최대의 힘을 보여 줄 수 있는 민족자결주의를 발휘해 마지하지 않을 것이고, 조선인이 일본인을 종주로서 결합할 수 있는 것은, 그 유고-슬라비아의 세루비아인을 맹주로 하는 것보다 더욱더 의의있는 공고한 자연적운명을 구체화한 우월한 현상이라고 해야할 것이다」³라고 논파하고 있다.

위와 같은 레토릭은 이미 조선병합전후부터 일본의역사학자들에 의해 형성되어 있었다. 그리고, 일본이 조선을 병합하는 정당성으로서 이용된 「동문동조」의 레토릭이 이번에는 「민족자결」을 정당화하는 근거가 된 것이라고 볼 수 있다. 그러나 이와같은 고대사의 전설을

¹ 原奎一郎、2000、『原敬日記』第五卷、福村出版.

² 姜東鎮、1984、『日本言論界と朝鮮』、法政大学出版局.

³ 前掲、姜東鎮、1984 .

근거로한 조선관은 일본인역사학자들이 조선인의 전문가의 견해를 일체 채용하지 않은 채, 창작된 일본인의 일방적인 역사관일뿐이었다.¹ 따라서, 민족의식이 최고조에 달해있던 조선사회의 정황에 이런 레토릭은 더 이상 설득력이 없었다. 또한, 통치제도개정에 의해 조선어신문등 조선어출판물의 출판이 어느정도 자유화되자 조선인지식인들에 의해 조선역사등 저서들이 조선국내에 널리 확산되어 감에 따라, 이런 조선어출판물은 조선민중의 민족의식각성을 고무해, 정치의식을 고양시키는 매개체의 역할을 하게 되었다. 그리고 이러한 상황은, 조선인의민족운동에도 반영되어 민족운동은 보다 체계적이고 조직적인 양상으로 전개되게 되었다. 이런 사태가 조선총독부의 조선총통치에 있어서 무엇보다 우려되는 사항이 되자 총독부는 1922 년에 소수의 조선인을 포함해 「조선역사편수회」를 조직해서 그들의 통치목적에 맞도록 「조선사」를 편찬·간행했다. 이 총독부에 의해 편찬된 조선사에는 일본의 기기신화(記紀神話)에 상당하는 조선의 단군신화를 교묘하게 조작·왜곡해, 일본의 건국신으로 알려진 天照大神의 가계의 하나의 분파로서 편입시켜, 조선이 일본과는 다른 독자의 역사를 소유하는 민족이라는 의식을 버리게하려는 데 주력했다고 할 수 있다.² 일본과 조선이 동문동조라는 언설을 실증적으로 증명하려는 일련의 활동은 일본국내에서도 일어나고 있었는데, 그 대표적 인사의 한 사람인, 구로사카카츠미 (黒板勝美)는, 일본열도와 조선을 순방해 고대의 양국의 문화의 흔적을 더듬어 찾아, 그 경험을 월간지 조선 「朝鮮」에 실어, 선조가 동일민족이라는 것을 조선인들에게 주지시키려고 했다.³

또한, 재조일본인저작가인, 아오야나기쓰나타로(青柳常太郎), 호소이하지매(細井肇), 사쿠조기쿠오(作造喜久雄)등은, 조선왕조의 공문서(王朝実録)나 조선의고문학을 조사해서, 이런 고문서의 내용으로부터 조선인의 후진성이나 결점을 발견해 내는 작업을 활발하게 실행하고 있었다. 그리고 그들은, 조선의 역사는 당파싸움과 사대주의, 추악한 혁명, 오직투성인, 보잘것 없는 역사로 독립은 고사하고 조선인 그자체로 있는 것조차 그만두어야 한다는 것을 조선청년들에게 가르쳐야 한다고 조선총독부에 건의했다.⁴ 그리고, 그들은 이러한 조선역사의 취부에 대한 저서를 집필해, 조선의 자립성의 결락을 강조하고 널리 알리는 역할을 했다. 이후, 이러한 조선역사에 대한 인식은 조선국내뿐만 아니라 일본과 만주에까지 확산되었다고 한다. 따라서, 이런 조선관은 통치방침의 제정에 대대적인 영향을 미쳤다고 추정된다. 왜냐하면, 조선인이 일본인보다 열등하다는 인식은 당연시되어 고등교육의 기회는 거의 주어지지 않았고, 정치참여에 있어서도 조선인의 열등성이 자치권이나 참여권이 부여되지 않는 이유가 되었기 때문이라고 볼 수 있기 때문이다.

¹ Uchida Jun, (2011). *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Harvard University Asia Center.

² 尹健次, (2011), 『民族幻想の蹉跎—日本人の自己像』, 岩波書店 .

³ 카프리오·마크, (2019), 『直民地朝鮮における日本の同化政策 1910~1945年』 福井昌子 (訳) クオン .

⁴ Uchida Jun, (2011). *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Harvard University Asia Center.

요약하자면, 일본의 조선 통치 정책인 '내지연장주의'는 일본과 동일한 제도를 적용한다고 표방했지만, 실제로는 한층 더 식민지조선과 내지일본과의 격차를 넓혀, 결국, 조선인의 종속이 제도화된 결과를 낳았다고 추정할 수 있다.

6. 맺음말

이상으로 제 1 차 세계 대전 후 "민족자결"의 원리가 국제사회에 어떻게 적용되고 있었는지, 파리강화회의 열강의 동향, 피식민지민의 반응, 주로 조선인의 독립운동과 그에 대응한 일본의 동향에 대해서 살펴보았다.

결과, 전후의 국제사회가 안고 있던 과제의 하나는 “민족자결”의 일반적적용에 실패한 것에 의한 국제정치적 문제였다는 것을 밝혔다. 더구나 윌슨대통령은 “민족자결”에 의한 국제질서의 구축을 제창했지만 실제로 적용하기 위한 구체적인 구상이나 계획을 가지고 있지 않은 것 처럼 여겨졌다. 그것은 연합국들이 자신들이 소유한 식민지를 내놓지 않으려는 의도를 묵인했는데, 이런 경위로부터, 윌슨대통령이 “민족자결”을 제창한 것은 볼세비키혁명에 대응하기 위해서였지 않았을까라고 당시의실정을 추측할 수 있었다.

또한 아일랜드, 인도, 조선등의 사례로부터 식민지민중의 자유, 민주주의, 인권에 관한 의식의 각성이 종래의 국제정치상의 규범을 바꾸게 한 주요한 요소였다는 것을 밝혔다. 또한, 영국과 미국은 식민지의 독립운동에 대한 대응책으로서, "신탁통치"와 "연방주의"의 설립을 통해 제한된 자율성을 부여했으나 일본은 고대역사의 전설에 기초하여 “민족자결”의 정당성으로 이용해, 보다 엄격한 통치체제를 수립했다. 결국, 영국과 미국은 제한된 자결권의 승인과 자치권의 부여를 통해 시기는 불분명하지만 점진적인 독립의 길을 열었다고 할 수 있으나 일본은 “내지연장주의”를 적용해, 일본과 동일화 한다는 것으로 영구영유의 청사진을 그리고 있었다고 간주할 수 있다.

그리고 이러한 민중의 독립의식의 고양에 대한 인식과 대응의 상이가 20 년후의 제 2 차세계대전에서 승패를 가를 정도로 영향을 미쳤다고 한다.¹ (코반, 1976)

결론으로서, 현재, 동아시아의 국제질서가 유럽 공동체 (EU) 처럼 공통의이익과 공통의 가치관형성을 기반으로한 협력체제구축과 거리가 먼 상태에 있는 것은, 과거의 "민족자결" 의 적용의 실패가 적지않게 관련이 있다고 간주할 수 있다. 왜냐하면, 동아시아의 이념적현상은 1919 년의 파리강화회의에 이어, 1922 년의 와싱턴체제에 의한 중국대륙에 대한 8 개국공동지배체제에 항거한 중국민중이 민족해방을 슬로건으로한 사회주의사상에 공감하게 된 계기가 되었고, 또한 조선에서도 “민족자결”이 적용되지 않았기 때문에 이후 조선사회가 공산주의에 경도되어간 경위가 있기때문이다.

---

¹ 알프레드 코반(1976), 전게서.

THE PUBLIC DISCUSSIONS SURROUNDING THE ISSUE OF CH'INILP'A CRITERIA: 1990-2000S

Bae AhRan Ellie

Japan, Kokushikan University

In South Korea's public discourse, *Ch'inilp'a* (pro-Japanese collaborators) is often a term used interchangeably with the word traitor (민족반역자). Therefore, in South Korea, pro-Japanese collaborators are accused of betraying the Korean people, thus deserving of posthumous criticism and shame. It is not uncommon to see well-known celebrities and politicians receiving heat for their ancestors' "sin" of committing pro-Japanese collaboration. Because of this fixed attitude toward the issue, often any ambiguities that exist within the criteria of *ch'inilp'a* are overlooked or negated. However, such criteria rarely remain static. Thus, this paper examines how the public discussions regarding *ch'inilp'a* criteria has evolved during Korea's post-liberation years, especially in the 1990 and onward. It analyzes in what ways the public discussions regarding the issue of *ch'inilp'a* criteria have evolved and what elements remain problematic, and discuss what needs to be considered further.

The 1947 & 1948 Legislations

The Interim Legislative Assembly played a major role in the *ch'inilp'a* discourse, as it was one of the first official institutions of elected officials that attempted to resolve the issue of collaboration through judicial measures. The Interim Legislative Assembly was established on August 24, 1946, under the guidance of the USAMGIK. From October 21 to 31, 45 members were elected through an indirect election and the USAMGIK selected another 45 members. To balance the body politically, the assembly introduced the first draft of the *Puil hyömnyökcha, minjok panyökcha, kansangbae e taehan t'ükpyöl chorye* (the special law on pro-Japanese collaborators, national traitors, and profiteers), on March 13, 1947. The *T'ükpyölböp Kich'o Wiwönhoe* (Special Drafting Committee) consisted of members of leftist persuasion.¹

As the title of the law suggests, this legislation categorized collaborators into three different sections: pro-Japanese collaborators, national traitors, and profiteers. The law targeted a broad spectrum of collaborators, ranging from those who misused ration materials to those who worked as government officials in the colonial government. It treated collaboration as a criminal act and thus punishable by incarceration. However, the Assembly's attempt did not come to fruition due to USAMGIK's decision to veto the legislation.

The tide turned when South Korea established the constituent assembly on May 31, 1948. The Constituent Assembly established the *Panminjok Haengwi T'ükpyöl Chosa Wiwönhoe* (a special investigative committee of traitorous activities) and passed the *Panminjok haengwi ch'öbölöp* (*National Traitor Law*, henceforth "the 1948 law") on August 7, 1948. The first section of the law consists of articles defining who the collaborators were, while the second section specifies how the special investigative committee would be established and the third section explains the process of the trials. The title *Panminjok haengwi ch'öbölöp* is far shorter than that of the 1947 legislation, which is significant in that under this new law, all degrees of collaboration were considered as treason against Koreans.

On the whole, the 1948 law is largely identical to the 1947 legislation in terms of content. The most obvious difference between the two laws is how they categorized collaborators. While the 1947 legislation divides collaborators into three separate categories—traitors, collaborators, and moribae (謀利輩)²—the 1948 law does not attempt to differentiate them and lumps all collaborators together. However, the punishment of perceived "national traitors" remained the most severe. For instance, a person who collaborated with Japan's annexation of Korea could either be "sentenced to death or receive a life-sentence without parole and have more than half of their property and inheritance confiscated."³ This type of capi-

¹ Hō Jong, *Panmint'ūgwi chojikkwa hwaltong* (A Special Investigative Committee of Traitorous Activities' Organization and Activities) (Seoul: Sōnin, 2003), 98.

² Is referring to a person who uses any means to gain for oneself; in the English translation of the legislation, the word "profiteer" is used

³ Refer to Appendix II, Article I.

tal punishment is again mentioned in Article III, which targets those who “persecuted or killed independence activists or their family members with a vicious intent.”¹ Although the law is not specifically divided into three different categories, it still shows that certain types of collaboration were viewed as traitorous and thus deserving of the most severe punishment possible. However, as the law makes no distinction between acts of treason and acts of collaboration, it gives the impression that all forms of collaboration were deemed to be traitorous *panminjok* acts.

Also, it is important to note that *moribae* was no longer punishable under the 1948 law, which reflects the committee’s decision to focus on acts that took place before 1945, as the original section on *moribae* targets people who committed the alleged crimes after 1945. This move to limit the law’s application to the period before 1945 solidifies the notion that *panminjok* explicitly means pro-Japanese. Therefore, anyone who is accused of being a pro-Japanese collaborator is simultaneously labeled as a traitor of Korean *minjok*.

After the 1948 law, there were no further noticeable public attempts to reckon with this issue. Not surprisingly, the resurgence of efforts to deal with the issue of *ch'inilp'a* overlaps with South Korea’s transition to democracy in the 1990s. In fact, the majority of writings on *ch'inilp'a* was published from the 1990s onwards, especially in the 2000s. During these years, *ch'inil ch'ōngsan* (the idea that pro-Japanese collaborators must be eradicated or receive proper judgement) became a popular mainstream issue.

In the 2000s, progressives fully embraced *ch'inil ch'ōngsan* as their rhetoric in reaching the public. Especially President Roh Moo Hyun (2003–2008) is regarded as the president who was most active in his attempts to resolve the issue.² During his presidency, the congress passed a law titled *Iljegangjōmha panminjok haengwi chinsang kyumyōng e kwanhan t'ūkpyōlbōp* (special act on the identification of anti-nationalist activities under Japanese imperialism) on March 22, 2004. In addition, his administration established the *Ch'inil Panminjok haengwi Chinsang Kyumyōng Wiwōnhoe* (Identification of Pro-Japanese Anti-Nationalist Activities Committee) on May 31, 2004 to investigate and identify pro-Japanese collaborators.

The committee published three separate lists of pro-Japanese collaborators, organized by three different periods. The 2006 list focused on pro-Japanese collaborators from 1904-1919, the 2007 list from 1919-1937, and lastly the 2009 list, the longest of them with 705 people listed, from 1937-1945. The fact that the 2009 list is much longer than others, shows how the heightened reality of war forced or allured some Koreans to collaborate with the Japanese empire in varying degrees.

The *Ch'inil Inmyōng Sajōn* (Pro-Japanese Biographical Dictionary) (2009)

The publication of the *Ch'inil inmyōng sajōn* (Pro-Japanese Biographical Dictionary) came at a time when there was already widespread public recognition that the issue of pro-Japanese collaborators remained unresolved. The Pro-Japanese Biographical Dictionary (henceforth “Pro-Japanese Dictionary”), published on November 8, 2009 by the Minjok Munje Yōn'guso, comprises a list of pro-Japanese collaborators.³ The number of pro-Japanese collaborators listed almost sextupled in a span of five years, from 708 in 2002⁴ to 4,300 in 2009. This result was expected, as the Minjok Munje Yōn'guso had seven years to conduct an extensive research on such individuals. Many researchers and scholars were involved and still today, over 10,000 people support the institution’s cause financially.⁵

There are many similarities as well as differences between the Pro-Japanese Dictionary’s definition of collaboration and the definition formulated by the Korean government in late 1940s. While the 1947 legislation and the 1948 law made a clear distinction between pro-Japanese collaborators, national trai-

¹ Ibid, Article III.

² Chang Sülki, “Chungdan ōmnūn kwagōsa ch'ōngsan, tashi shijak haeya” (The Past’s Ch'ōngsan must Continue), *Midiō onūl*, September 25, 2016, <http://www.mediatoday.co.kr/?mod=news&act=articleView&idxno=132283>.

³ Yun Kyōngro et al., *Ch'in'il inmyōng sajōn* (The Pro-Japanese Biographical Dictionary), (Seoul: Minjok munje yōn'guso, 2009).

⁴ This list was compiled by a group of South Korean congress members in 2002. The group called themselves as Minjok-chōnggi rūl seunūn kukhoeüiwōn moim (An Assembly of Congress Members to Revitalize the National Spirit).

⁵ For further information on the center’s on-going activities, you can visit their official site: <https://www.minjok.or.kr>

tors, and profiteers, the Pro-Japanese Dictionary chose to use “pro-Japanese collaborator” as an umbrella term to encompass a variety of collaboration activities. The fact that the Pro-Japanese Dictionary treats those who signed the *ŭlsajoyak* (Japan-Korea Treaty of 1905) and the Korean-Japanese Annexation Treaty as “pro-Japanese” shows that this term is comprised of all shades of collaboration: from actions that would be considered traitorous to seemingly questionable or “minor” collaborations. And as the term pro-Japanese was used interchangeably with the term *panminjok*, it was inevitably established that any pro-Japanese act was an act of treason against the Korean people.

In addition, the legislations and the pro-Japanese Dictionary are similar in that each reflects the unique circumstances of the time in which they were created. In the case of the 1947 draft legislation and the 1948 law, leftist ideologies are observably sprinkled across the text. Section III on profiteers in the 1947 legislation aptly illustrates this point. For instance, the law condemns Koreans who gained wealth for themselves through abandoned Japanese properties after the war, declaring this kind of act to be illegal. It also strongly censures those who gained wealth through their connections with authorities or others. Here, the focus is not on whether one held *chin'il* (an intimate relationship) with the Japanese authority, but whether one profited economically through personal connections. This distinction reflects the left's belief in social equality, whereby all people should have equal access to certain social goods and services. Left-leaning members of South Korea's Interim Legislative Assembly argued that such “illegally” obtained properties and wealth belonged to the government, not to individuals.¹

On the other hand, the Pro-Japanese Dictionary especially devotes attention to collaboration under wartime circumstances, placing special emphasis on individuals who propagated the Japanese Empire's wartime propaganda. This not only includes those who gave public speeches and wrote newspaper articles to encourage Koreans to participate in the war efforts, but also individuals who beautified the ongoing war through various artistic acts such as painting, music, and dance performances. Although there is extensive amount of information on pro-Japanese collaborators' wartime collaboration, the Dictionary neglects to discuss in detail or only briefly mentions Korean collaborators' life before the war. By narrowly defining wartime collaboration as a treasonous act against the Korean people, the Dictionary fails to highlight the negotiation (some forced, some enticed) that took place between the colonizer and the colonized people over the three decades of Japanese colonial rule of Korea. Furthermore, it does not take into consideration that, many of these people lived and worked under Japanese colonial rule for decades. Would it be such a far-fetched idea to argue that perhaps, many no longer had hopes for an independent Korea?

In addition, even though the dictionary was published approximately 60 years after the 1948 law, many of the criteria remained unclear and begs deeper contemplation. For instance, was propagating war propaganda to be considered a war crime? If so, should every effort towards war propaganda be considered as a crime? If this is true, should not all nations involved in World War II be held responsible for their war propaganda, including the allies? Another example of a vague criterion is number 6:² “those who committed the above acts while living abroad.” Why should those living abroad have an unwavering loyalty towards Korea? How long do they need to have lived abroad before being exempt from this criterion? What if people identified as Japanese because they spent most of their lives in Japan? Are they still required to remain “loyal” to the Korean *minjok*? Due to the criteria's ambiguities, one begins to wonder whether anyone is exempt from these accusations, especially when it is “right” to retrospectively judge individuals.

Conclusion

Starting with the legislations and ending with *Ch'inil Inmyōng Sajōn*, this paper examined what has changed and what has remained of the criteria. Hopefully, further re-examination of the criteria from various periods would prompt a difficult but necessary investigation into fully grasping and understanding the grey areas of Korean collaboration under colonial rule.

---

¹ Namchosōn Kwadoippōbūiwōn (South Korea's Interim Legislative Assembly), Namchosōn Kwadoippōbūiwōn Sokkirok 2 (Records of South Korea's Interim Legislative Assembly vol. 2), Seoul: Yōgangch'ulp'ansa, 1984, 355.

² Refer to Appendix III, 6.

JAPANESE REACTIONS TO THE KOREAN INDEPENDENCE MOVEMENT IN MARCH 1919

Caprio Mark E.
Japan, Rikkyo University

Following Japan's annexation of the Korean peninsula, and its decision to subject the Korean people to an assimilation policy that would eventually make the people Japanese, Japanese newspapers and magazines predicted in their pages that the similarities that the two peoples shared would make this a quick and rather easy process, indeed, one much quicker and easier than that experienced by other colonial powers in Europe. Ukita Kazutami, editor of the magazine *Taiyō* (The Sun) and a leading voice on Japanese imperialism, provided one such example such when he argued that the differences in religion, race, customs, and habits that prevented the Irish from assimilating as English; the people of Posen (Poznan, in present-day Poland), Alsace and Lorraine from assimilating as Germans; and the Poles and Finns from assimilating as Russians. The case of the Japanese and the Koreans, he asserted, was different: the two peoples have been of the same race and culture for centuries. He predicted that the Japanese would have relatively few problems in assimilating the Korean people, and that the relationship would evolve peacefully, like that between England and Scotland, rather than the estranged relationship between the English and the Irish.¹

Part of this argument resulted from an arrogance that Japanese may have felt toward their colonial subjects. It also served as a rebuttal to criticism that assimilation confronted at this time. Leading the critique against assimilation was the French Social Darwinist, Gustave Le Bon, who no doubt had his country's colonial practices in mind in making his arguments. He attacked the policy with vigor in his book, *Les Lois psychologiques de l'évolution des peuples* [The Laws of the Psychology and Evolution of Peoples], Here he advanced a scientific approach that classified members of the human race into four racial categories: primitive races, inferior races, intermediate races, and superior races. The "mental gap" that separated these groups, he argued, rendered cross-group integration impossible. Educating an inferior people in the hope of changing their national habits would bear feeble results. Assimilation thus was "one of the most harmful illusions that the theorists of pure reason have ever engendered."²

Among Japanese, save for a number of education theorists,³ few people criticized the idea of Korean assimilation. Discussions over colonial policy that took place in 1910 appear to have been influenced from more in-depth policy debates that occurred from 1895, just after Japan acquired the island of Taiwan. At this time the Japanese government sought advice from French, British, American, and Japanese colonial thinkers on how the island should be administered.⁴ By 1910 the question had evolved from *what* type of administration to *how* it was to be administered in Korea.

The 1919 March First Movement and Assimilating Koreans

The 1919 March First Movement challenged this thinking. The sight of thousands of Koreans marching down the streets of Seoul demanding Japan's retreat from the peninsula caused a number of Japanese to rethink their initial positive views on Korean assimilation, as well as their country's ability to govern the peninsula. The Korean protests shocked the Japanese, whose harsh response shocked the world. The colonial government responded with a series of reforms that gave Koreans rights that allowed the people an indigenous press, freedom of assembly, and increased schooling, among others. These may have better appeased a critical outside world rather than Korean society. At home, the Japanese administration was criticized for its advancing policy that worked against assimilation, particularly in allowing

¹ Ukita Kazutami, "Kankoku heigō no kōka ikan" [What Are the Effects of Korean Annexation?], *Taiyō* (October 1, 1910).

² On Gustave Le Bon see Raymond Betts, *Assimilation and Association in French Colonial Theory, 1890—1914* (New York: Columbia University Press, 1961), 64–69.

³ Some discussions that took place in 1910—1911 regarding the education policy that Japan should introduce in Korea's first Education Act promulgated in 1911 argued that Japan should aim higher than simply amalgamating the people as Japanese. Mitsuchi Chūzō wrote that Korean education should aim to make them world citizens rather than simply Japanese subjects. See Mitsuchi Chūzō, "Chōsenjin no kyōiku" (Korean Education), *Kyōikukai* (December 1910): 23–26.

⁴ These discussions can be found in Itō Hirobumi and Hirazuka Atsushi, eds. *Hisho ruisan* (Tokyo: Hara shobō, 1970).

the people an indigenous [Korean] voice. There is also evidence that these reforms aimed to render the Korean people more transparent, and thus easier to control. Vice-governor-general Mizuno Rentarō, for example, compared the indigenous newspaper to a chimney that allowed the Japanese to better measure the people's sentiments.¹

The Movement also encouraged a more diverse voice among the Japanese regarding their country's administrative policy on the peninsula. Some, such as Prime Minister Hara Takashi, continued to maintain that assimilation was the appropriate policy to govern the colony, should the Japanese apply it correctly. Korean dissatisfaction with Japanese rule, he argued, resulted from an inconsistency in its initial decade of "military rule" policy with assimilation rhetoric. Further integration among the two peoples in their private and public lives was needed.² Others, emphasizing the anti-Japanese purpose behind the demonstrations, urged a retraction of the policy: It just was not working. Hosoi Hajime contributed a six-part essay to the conservative *Nihon oyobi Nihonjin* periodical in late 1919 that reflected the changes in his thoughts made after witnessing the demonstrations. A reporter by trade, Hosoi admitted to his having been a strong supporter of assimilation in 1910, a policy that he believed would "deepen [Japanese-Korean] sibling friendship and form [between them] a peaceful cooperative unification." However, in March 1919 he came to realize this no longer to be feasible, and even harmful to the Korean people. Enforcing radical assimilation (*ikki ni dōka*) would either drive Koreans to "suffocation" from Japanese oppression or to a desperate resistance against Japanese rule. Hosoi, like Hara, blamed the Japanese administration for the policy's shortcomings. Hosoi described the thinking to have been "naïve." If the Japanese were serious about assimilating the Korean peninsula and its people it would have to retreat from its view of the relationship as mother country and child country (*bokoku kokoku*) to regard it as indispensable territory (*fukabun no ryōdo*). The Japanese would have to extend its prefecture system (*fuken seido*) to the peninsula and like Hokkaido rename [Korea] to something like Seihokudō [Northwest territory] or Seikaidō [West sea territory] . . . Each prefecture on the peninsula would have to send representatives to the Imperial Diet's lower house. Local assemblies would have to be organized, and education, military service, and tax systems would have to be extended to Koreans on a basis equal to that of the homeland. As Japan apparently was not prepared to do this it should abandon the idea of assimilating the Korean people.³

One other commentator, Akagi Kameichi, now voiced disagreements over the policy that he might have held from a decade previous. He began by suggesting that the Korean people had misinterpreted U.S. President Woodrow Wilson's "self-determination" declaration, that had in part triggered the demonstrations, as "racial equality." If this were the case then minorities around the world would have to be given their individual space to live, which would throw the world into chaos. For this reason, he saw it to be impossible for the Japanese to grant the Korean people the independence they sought. Integrating the Korean peninsula as an integral part of Japan, a "second Kyushu," would only bring ill fortune to the Korean people. He continued:

Korea must be ruled as Korea. Whether the Koreans are happy or not they must be governed as a colony. Discrimination between Koreans must end but discrimination between Japan and Korea must remain. The thousands of years that separated the two peoples cannot be done away with overnight . . . Koreans must receive happiness as Koreans; Japanizing them will not bring them happiness.

---

¹ Mizuno Rentarō, "Chōsen ni okeru genron no jiyū-osan no seiji" [Freedom of Speech in Korea: Politics of the Mountain], in *Mizuno Rentarōkaisōroku kankei bunsho* [Memoirs and Official Papers of Mizuno Rentarō], edited by Nishio Rintarō (Tokyo: Yamagawa shuppansha, 1999), 52.

² Hara Takashi, "Chōsen tōchi shaken" [A Personal Opinion on Korean Administration], in *Saitō Makoto kankei monjo*, reel 104 (1919), Japanese Diet Library, 1998. Hara Takeshi had been voicing his strong support of assimilation policy since the time Taiwan was annexed into the Japanese Empire. Hara Takashi, "Taiwan mondai futa an" [Two Proposals for the Taiwan Problem], in Itō and Hirazuka, eds., *Hisho ruisan*, 32–34.

³ Hosoi Hajime's six-part article appeared in *Nihon oyobi Nihonjin* between October 1 and December 15, 1920, under the title "Chōsen no tōchi" [Korean Administration].

Trying to assimilate the Korean, he imagined, was like trying to change a “wild boar to a pig; a wolf to a dog; and a lady to a man.”¹

Other Japanese voiced opposition toward Japan’s assimilation policy in Korea, but called for Japan offering liberal policies to the people. Yoshino Sakuzō criticized the colonial government for their depicting Koreans as members of a “defeated country” provoked anti-Japanese sentiment among the Korean people. It classified as enemy anyone who simply voiced disagreement over Japanese policies, and as evil anyone who sought Korean independence. With such an attitude the Korean people will never attain a peace of mind under Japanese rule.² Yanaihara Tadao, who lectured on colonial history at Tokyo University, viewed the idea of assimilation as impractical. Rather, colonial powers should through their mission seek to strengthen a people’s individuality. Such a policy would enjoy greater success as it would respect diversity. In Korea he challenged the colonial government to cultivate within the Korean people a “spirit of independence” (*dokuritsu no seishin*), rather than a culture of fear.³ Both Yanaihara and Yoshino implored the Japanese to see the Koreans as Koreans. While stopping short of advising the Japanese granting them their independence, both called for the colonial government to grant the people more autonomy.

Conclusion

This short discussion demonstrates the diversity of views that emerged following the March 1919 Independence Movement staged by a Korean people encouraged by changes in the international climate on imperialism that appeared toward the conclusion of the First World War. The colonial government would continue to voice the idea of Koreans eventually assimilating as Japanese, while pushing a policy that contradicted this idea. Policy did approach rhetoric from 1938 as Japan sank deeper into war, but fell short of reaching visions put forth by Japanese at this time.

제주4·3의 이해와 과제 -재일제주인의 제주4·3의 기억을 중심으로

Hyun Sohee

Japan, Rikkyo University

1. 머리말

제주 4·3⁴은 70여 년 전 학살사건이었으며, 그 후에도 연좌제로 인해 관련자에 대한 엄격한 억압이 계속되었으며, 2000년 제정된 「4·3 특별법」⁵에 의해 관계자들의 명예는 회복되었지만, 현재도 이들 속에 트라우마 적 기억은 뚜렷이 잔존하고 있어 한국 현대사에 있어 중요한 자리매김을 하고 있는 사실적 역사이다. 이는 비단 한국사회 뿐 만 아니라 제주 4·3의 참화를 피하기 위해 일본으로 피난한 6만여 명의 재일제주인들에게도 적용된다고 볼 수 있겠다.

¹ Akagi Kameichi, “Taisen shigi: Dōka seisaku wo haisu” [A Personal Submission concerning Korea: Doing Away with Assimilation Policy], *Nihon oyobi Nihonjin* (February 1 and 15, 1920).

² Yoshino Sakuzō, “Chōsenjin no kidai no sangeki ni tsume ni hansei” [Reflecting on the Korean People’s Remarkable Tragedy], *Fujin kōron* (July 1921): 3–4.

³ Yanaihara Tadao, “Chōsen tōchi no hōshin” [A Plan for Korean Administration], *Chūō Kōron* 41 (June 1926): 35–46.

⁴ 제주 4·3이라는 명칭은 포괄적인 개념으로 사건에 대한 다양한 접근과 내용을 나타내기 때문에 한국사회에서 현재 가장 많이 이용되고 있다. 이 책에서는 제주 4·3을 사용하는 것으로 한다.

⁵ 4·3 특별법은 사건의 진상규명을 1차 목적으로 하고 진상규명을 통해 희생자와 유족 등의 명예를 회복하는 것을 제 2의 목적으로 한다. 따라서 특별법은 진상규명을 최우선과 주제로 하다.

「4·3 특별법」이 제정된 뒤 「제주 4·3 사건 진상조사 보고서」가 확정됨으로써 과거 국가 공권력의 잘못에 대한 정부의 공식 사과를 받아냈다. 또한 제주 4·3을 통일정부 수립운동 시기에 일어난 민족사적 사건으로 새롭게 규정이 확정되는 등 제주 4·3의 많은 진상이 드러났지만, 제주도 출신 재일교포들의 제주 4·3 이후의 기억에 대해서는 희생자와 그 유족에 대한 배상이나 보상이 규정되어 있으나 한국 정부의 대응 등이 원활하게 이행되지 못하고 있다.

재일제주인은 일본으로 피난한 뒤에도 당시 분단정권 수립으로 귀결된 광복 후인 1948년 5.10 단독선거를 저지한 항쟁으로써 제주도민의 의지를 대변해 왔다. 또한 일본사회에서도 제주 4·3의 참화를 알리기 위해 현재에도 다양한 활동이 이루어지고 있다. 또한 많은 재일동포들이 일본에서의 온갖 핍박과 억압을 받으면서 가혹한 환경에서의 노동으로 제주지역 발전의 기초를 닦는 자금을 벌어들였다는 사실 등 이러한 재일제주인¹들의 기억에 대해서는 현재의 한국사회에서는 거의 알려져 있지 않다.

본 원고는 집합적 기억에 있어서의 제주 4·3의 기억이 재일 한국인²사회라는 특정 지역에서 어떻게 기억되고 있는지에 대해 제주도 출신의 재일 한국인 대상으로 한 인터뷰 결과와 「제주도 4·3 사건을 생각하는 모임-도쿄」가 주최한 「제주 4·3 항쟁 72주년 추모 연구 집회(2020년 11월)」 실행위원의 일원으로 직접 참석을 통해 얻은 정보를 서술하는 것을 목적으로 한다.

또한 재일제주인이 일본사회에서 제주 4·3으로부터 무엇을 말하고 있는지, 어떠한 노력을 하고 있는지, 재일제주인들의 시각으로 본 제주 4·3 특별법에 문제점에 대해서 고찰해 보고자 한다.

2. 제주 4·3은

2.1. 제주 4·3의 발단

제주 4·3은 1947년 3월 1일,경찰의 발포 사건을 기점으로 경찰,서북 청년회(약칭:서청)³의 탄압에 대한 저항,그리고 한반도 남쪽 절반의 단독선거/단독 정부에 반대를 기치로 한 1947년 4월 3일 남로당 제주도당 무장대(남로당 제주 도당 무장대)의 무장 봉기 이후, 1954년 9월 21일

---

¹ 고태수(2013)에 따르면 재일제주인이란 제주도와외 민족적 출신, 혈연관계가 있는 사람으로, 일본에서 생활 기반을 가지는 「재일 제주도 출신자」라고 정의하고 있다. 일반적으로는 육지(제주도를 제외한 조선반도)에서 제주도 출신을 섬사람이라 부르던 배경에서 여기서는 제주도 출신자의 재일동포를 재일제주인으로 호칭하도록 한다.

² 재일 한국인이란 일제의 조선 식민지 지배에 의해서 일본으로 건너온 한반도 출신자와, 태평양 전쟁후에는 일본 사회에 생활규범을 가지고 정착해 있는 한반도 출신자를 가리킨다. 안에는 「한국국적」「조선국적」의 특별영주자나 한반도에 뿌리를 둔 「일본국적」을 취득하여 귀화한 한반도 출신자의 후손도 재일교포라고 정의한다.

³ 서북청년회 「약칭:서청」는 특히 제주도에서의 좌익 탄압의 큰 계기가 된 1947년 3.1절사건 이후 돌입한 서북청년회 회원들에 의해 민심이 악화되자 남로당이 봉기를 결심하게 된 요인이 되었다. 또한 본격적인 초토화 작전이 진행됨에따라 경찰과 국방 경비대측의 요청으로 서북청년회 회원들 중 과반수가 경찰과 국방경비대에 입대해 초토화작전에 종사하였다.

한라산 금족 지역이 전면 개방될 때까지 제주도에서 발생한 무장대와 정부의 토벌대와의 무력 충돌과 토벌대의 진압 과정에서 수많은 주민이 희생된 사건을 말한다¹.

제주 4·3 의 기간은 희생자 명예 회복과 진상 규명을 위해서 제정된 「4·3 특별 법」에서 1947 년 3 월 하루를 기점으로 1954 년 9 월 21 일까지로 정하고 있지만, 본 원고에서는 이처럼 제주 4·3 시기를 제주 4·3 이전의 제 1 기(1945 년 8 월 15 일)부터 제주 4·3 이후의 제 8 기(1954 년 9 월 21 일)까지로 정의한다.

「4·3 특별 법」에 근거한 「4·3 위원회」가 받은 신고서에 따르면 그 피해자 수만 1 만 4,533 명(희생자 14,533, 유족 80,452)에 이르는 한국 현대사에 있어서 한국 전쟁에 이어 인적 피해가 많은 사건으로 기억되고 있다. 그중 10 세 이하의 희생자 수만 814 명에 이르고 11 세에서 20 세까지 희생자 수는 3,026 명에 이른다. 제주 4·3 의 희생자와 유족의 심의 결정 상황을 표 1 에 나타낸다.

표 1 희생자와 유족의 심의결정 상황(2021 년 1 월) 중앙위의 심의결정 상황(단위:인)

구분		희생자					유족	비고
		계	사망자	행방불명	후유장애	수형자		
인 정	소계	14,533	10,422	3,631	196	284	80,452	5 차(02.11.20) ~ 26 차(20.6.30)
	불 인 정	101	14	5	79	2	731	8 차(03.10.15) ~ 25 차(20.6.30)
	재심 의	△1			△1		△1	26 차(20.6.29)
취 소	소계	26	16	10			12	16 차(11.1.26) ~ 21 차(17.7.25)

이렇게 많은 희생자를 낸 제주 4·3 의 봉기는 한국의 단독선거에 의해, 제 2 차 세계대전 당시 일본의 패배에 따라 조선반도는 미국과 소련에 의해 분할 점령되었다. 1945 년 12 월 미·영·소련의 3 국이 제 2 차 세계대전 전후문제 처리를 위해 소집한 모스크바 3 개국 외무장관회의에서 미·소련은 「4 강(미,영,중,소련)에 의한 5 년 이내의 신탁통치를 거친 조선의 독립」이라는 구성에 합의하였으나, 미·소련의 대립(냉전)으로 신탁통치라는 미·소간 합의를 파기하고, 조선의 전후 처리문제를 설립한 지 얼마 되지 않은 유엔에 제소하여 유엔 감시하의 선거를 통한 신 국가 수립을 제기하였으나 이를 소련측이 거부하자 한국 단독선거로 까지 나아갔다².

¹ 제주 4·3 사건진상규명및희생자명예회복위원회(2014). 『제주 4·3 사건 - 진상보고서(일본어판)』 (p.373)제주 4·3 평화재단.

² 제주도 4·3 사건을 생각하는 모임·도쿄(2010). 『濟州都島 4·3 事件記憶と眞実 - 濟州島 4·3 事件 60 年を越えて』 (p.6) 新幹社.

1945 ~ 1946 년 사이에 조선반도는 인민위원회가 미군정의 탄압으로 와해되었던 육지와 달리, 제주도는 인민위원회의 통제 하에 있었다. 1947 년에 들어서도 제주도 좌익세력은 육지에 비해 탄압이 적었으므로 그 역량이 보존되어 있었다. 또한 제주도 좌익세력은 통일전선적인 대중조직을 통해 지역공동체 안에서 당면한 과제를 해결하려는 노력으로 제주도민의 지지를 얻을 수가 있었다¹.

또한 제주도에서 1947 년 3 월 1 일 3.1 절 기념행사 때 당시 어린이가 광장으로 행진하던 기마경찰의 말발굽에 차이는 사고가 발생하게 된다. 화가 난 군중이 경찰을 뒤쫓기 시작하고 습격으로 오인한 경찰이 총을 쏘는 사건이 일어나는데 이를 3.1 기념대회 발포사건이라고 한다.

군정경찰이 군중을 향해 쏜 총탄에 맞아 6 명이 숨졌고, 이 사건은 제주 4·3 의 시발점이 됐다. 이 사건으로 이전에는 큰 소동이 없었던 제주도가 들끓기 시작했고, 제주도 내 3.10 총파업이 일어나면서 시위는 더욱 격렬해지기 시작했다. 이로써 미군정으로 하여금 제주도를 「붉은 섬」이라는 인식을 확산시키는 계기가 되었고, 미군정은 제주도에 경찰서장과 같은 우익 청년단 등을 증대시켜 제주도민을 무자비한 폭력으로 탄압하기 시작했다. 이에 대해 남로당 제주도당은 제주도민의 자위적 투쟁을 조직화하기 위한 대책을 고려하게 되며, 한국의 단독정부가 수립되면 당의 존재가 불투명해질 것을 우려한 남로당 제주도당은 이를 저지하기 위해 그해 4 월 3 일 무장봉기를 일으키게 된다. 제주도는 이 투쟁으로 5.10 선거를 저지하는 성과를 낸 유일한 지역이었다.

그러나 1948 년 8 월 15 일 정부 수립 이후 같은 해 10 월 하순 1949 년 1 월 집중된 군경토벌대의 초토화 작전(강경진압작전) 속에서 약화되어갔으며, 초토화 작전은 제주도민 집단 학살로 이어지면서 많은 민간인이 희생되면서 남로당 제주도당 유격대와 일반 도민의 연대는 무너지기 시작했다. 이후 이승만 정권의 제주도민을 향한 탄압은 한국전쟁 발발 후 예비 검속자들에 대한 학살로 이어졌다.

즉 봉기는 남한 단독선거에 의해 한반도가 남북으로 분단되는 것에 반대하여 결행되었지만, 그 중에는 당의 존립을 우려한 남로당 제주도지부 자체의 무장봉기가 있었으며, 제주도 좌익세력을 봉쇄하고 미군정이 육지에서 끌어들이 경찰과 서청을 포함한 우익단체, 그리고 이승만 정권의 제주도 횡포 등을 들 수 가 있겠다.

제주 4·3 은 「3·1 절 기념대회 발포사건」 이 제주도민이 항쟁으로 맞서게 된 제주 4·3 사건의 시발점이 된 사건이었고, 경찰과 서청을 포함한 우익단체의 제주도민에 대한 학살과 횡포에 맞선 제주도민의 독자적인 항쟁이었으며, 제주도민이 그 항쟁의 주체였다.

2.2. 항쟁의 이해

제주 4·3 을 잘 이해하기 위해서는 제주의 민중·문화·역사 등 제주 4·3 이전부터의 제주도를 검토할 필요가 있다.

¹ 양정심(2018). 『제주 4·3 항쟁-저항과 아픔의역사』 (pp.250-254)도서출판선인.

·민중, 문화

역사적으로 제주도는 예로부터 삼려 · 삼다 · 삼무의 섬이라고 불리어 왔다. 삼려란 아름다운 자연과 섬사람들의 아름다운 마음과 과실을 의미한다. 삼다란 바람과 돌과 여자가 많다는 것을 의미하며, 삼무란 집의 대문과 도둑과 거지가 없는 것을 의미하며(이에 대해서는 대체적으로 친척으로 구성된 마을에서 거주하기 때문이기도 하다), 이와 같은 풍토는 너그러운 제주도민의 모습을 잘 보여주고 있다. 그러나 일제 강점 이전과 이씨 조선 시대에는 정치범 유배지로 이용되어 오다가 근대에 이르기까지 중요시되지 않다가 현재에 이르러서는 66만여명이 거주하는 큰 섬이다¹. 또한 본질적으로 제주도민은 자주성이 강하고 간섭과 부정이득, 도둑질을 싫어한다.

·역사 (제주 43 이전)

앞서 서술했듯이 제주도를 수세기 동안 정치범들의 귀양지로 이용해온 점과 한국정부의 잘못된 정치행위는 제주도민들에게 점차 분리주의 의식을 증대시켰다고 할 수 있다.

브루스 커밍스(2012 년)는 제주도민의 분리주의 의식에 대해 상세히 서술하고 있다. 제주도는 남조선 대부분의 지역과 달리 지리적 위치나 언어가 특이한 점, 착의 역시 육지와 같은 흰색이 아닌 푸른색이 주류였던 점 등이 역사적으로 정치범들의 귀양지였던 제주도의 분리주의를 더욱 강화시켰던 것이다. 또한 제주도에는 공산주의색을 띤 농민조합의 존재가 흐려지던 다른 지역과는 달리 1930 년대에도 존재하고 있어 인민위원회가 제주도에서 발전할 수 있는 이상적인 환경이 조성돼 사실상 인민위원회의 지배 하에 있었다고 서술하고 있다².

이러한 분리주의 의식은 제주도를 한반도의 일부로 보기보다 속국으로 취급하는 정부 정책에 의해 더욱 심화되어갔다.

일제 강점기의 일제도 제주도를 전남의 일부지역으로서 지배했지만 제주도를 육지와 밀착시키려는 어떤 시도도 하지 않았다. 실제로 제주도민의 자주성이 강한 기질 때문에 본토 주민보다 제주인에 대해 더 관대한 태도를 취했다고 할 수 있겠다. 그 결과 한반도의 다른 지역보다 반일감정이 약화될 수밖에 없었다³.

물론 일제의 대일본제국 확대와 군사상 필요에 따라 제주도민도 강제노동력으로 징발되었다. 이에 제주도민들은 곧바로 일제의 압제에 저항하고 공산주의자들의 주도 아래 저항운동을 조직화하기 시작했다. 1945 년 8 월 15 일 광복 당시에는 이미 공산주의자들의 지하운동이 있었다. 그들의 운동은 약화된 조선반도의 정부행정 하에서 규모를 확대하면서 제주도민들에게 공산주의 촉진을 증대시켰다고 말할 수 있겠다⁴.

¹ 高野史男(1996). 『韓国濟州島』 はじかき. 中公新書.

² ブルース・カミン(2012). 鄭敬膜, 林哲, 加地永都子(訳) 『朝鮮戦争の起源 1-1945年—1947年解放と南北分断体制の出現』 (p.372) 明石書店.

³ Institute of Asian Culture Studies Hallym University(1989). 「Cheju-Do Report」 (1949.4.1) 『Hq.USAFIK,G-2 Periodic Report (1948.12.13 - 1949. 6 . 17) - 주한미군정보일지(7)』 (p.435) 한국문화사.

⁴ 8 , 同上.

2.3. 제주 4·3 진상규명 운동 전개

제주 4·3 진상규명에 관한 공개적인 논의는 1960년 4.19 혁명 이후 시작됐다. 그러나 이듬해 일어난 5.16 쿠데타로 중단되었고, 이후 20여 년간은 군사정권 하에서 반공법, 국가보안법 및 연좌제 등을 통해 4·3에 관한 논의가 금기시되어 왔다.

그러다가 1978년 현기영이 『순이 삼촌』이라는 제주 4·3을 소재로 한 소설을 발표하면서 제주 4·3을 재인식하는 계기가 되었다. 이 작품은 서천 출신 순경의 행위를 고발하고 제주도에서 자행된 반인륜적 행위를 폭로함으로써 제주 4·3의 참상과 그 트라우마를 고발하는 내용을 담고 있다.

이 때문에 작가는 대한민국 중앙정보부(KCIA)에 끌려가 고문을 당하는 등 고초를 겪는 수모를 겪었지만, 제주 4·3의 진실을 문학을 통해 제주 4·3의 진실을 공론화 시켰다는 점에서 이 소설이 제주 4·3을 사회에 주지시키는 데 크게 기여했다고 할 수 있겠다.

제주 4·3에 대한 재의론은 1987년 시민항쟁 이후 학생운동권, 사회운동권 내에서 중요한 이슈로 떠올랐고, 1980년대 후반 민주화운동을 계기로 활발하게 전개됐다. 1989년, 제주지역 11개 시민사회단체는 「사월제 공동준비위원회」를 결성하여 제주시민회관에서 제 41주기 추모제를 개최하였다. 이는 공개적인 첫 추모행사였다.

이 행사 직후인 그해 5월 10일 「제주 4·3 연구소」가 출범하면서 제주 4·3의 진상규명과 명예회복운동에 관한 연구활동이 시작됐다. 또한 제주신문은 1989년 「4·3의 증언」 연재를 시작했으며, 이후 제민일보가 창간기획으로 「4·3은 말하다」를 연재하는 등 1998년까지 모두 5권의 책이 출간되어, 제주 4·3 관련 증언을 체계적인 기록으로 남기게 되었다. 1990년대 들어 제주도민들은 본격적인 제주 4·3 진상 규명과 명예회복을 요구하게 되었고, 이에 따라 정치권과 지방의회 및 지자체에서 제주 4·3에 관해 점차 다루게 되었다. 1993년에는 제주도의회가 「4·3 특별위원회」를 설치하여 읍면별 피해실태 조사에 착수하고, 1994년 2월 7일 「4·3 피해보고실」을 개설함으로써 제주 4·3 사건관련 피해신고 접수를 시작하였다. 그 결과 1995년 5월 제주도의회는 「4·3 피해조사 1차 보고서」를 발간하여 14,125명의 희생자 명단을 발표하였다.

이러한 피해조사의 축적으로 제주 4·3 진상규명문제는 점차 민간인 학살에 초점이 맞춰지게 되면서 이 학살과 관련해 미국의 개입 등의 시비가 공론화되게 되면서, 민간인 학살의 실상과 피해 실태가 국제적 연대의식 속에서 점차 조명되기 시작하였다. 1997년 4월에는 「제주 4·3 제 50주년 기념사업 추진 범국민위원회」가 결성되어 제주 4·3 문제 해결을 위한 시민운동과 국제심포지엄, 다양한 형태의 예술제, 위령제가 열리면서 점차 전국적으로 확산되었다.

2.4. 「4·3 특별법」의 제정과 개정

김대중정부 들어 1998년 3월 새정치국민회의는 당 내에 「제주 4·3 사건 진상조사 특별위원회」를 구성했다. 이듬해 인 1999년 3월 제주에서는 제주 4·3 진상규명과 명예회복을 위한

도민연대가 결성됐고, 같은 해 10월 24개 유족단체와 시민사회단체가 결집한 「4·3 특별법」 쟁취를 위한 연대회의를 조직해 본격적인 특별법 제정 운동을 벌였다. 1999년 12월 16일 국회 본회의에서 「제주 4·3 사건 진상규명 및 희생자 명예회복에 관한 4·3 특별법」이 통과됐고 이듬해 2000년 1월 11일 김대중 대통령이 「4·3 특별법」에 서명했다. 제주 4·3 사건 진상규명운동이 시작된 지 10여년 만에 결실을 봤다.

「4·3 특별법」에 따라 「제주 4·3 사건 진상규명 및 희생자 명예회복위원회(약칭 : 4·3 위원회)」가 발족되어 2003년 「제주 4·3 진상조사보고서」 작성과 확정, 희생자 및 유족의 신고접수 및 결정, 제주 4·3 평화공원 조성, 제주 4·3 평화기념관 건립, 희생자 유족의 의료지원금 지원과 후유 장애인에 대한 생활지원금 등의 지원금을 제공한다.

그러나 「4·3 특별법」은 구체적인 내용까지 포함시키는 법안은 아니었다. 희생자 및 유족의 범위 제한, 진상조사 권한 미비, 유족에 대한 실질적 지원 미비, 집단 학살지에 대한 유해 발굴 및 국가기념일 지정 규정 누락, 재심 규정 누락 등 쟁점 문제가 대거 빠진 채 여야 합의에 비중을 두고 추진됐기 때문에 「4·3 특별법」이 통과됐다.

이에 따라 제주 4·3 진상규명운동에 대한 논의는 더욱 활발해져 2007년 1월 개정 공포되고 2013년 8월 재 개정 되었다. 이에 따라 제주 4·3을 추모일로 지정하도록 명문화함으로써 법정기념일 지정의 계기가 되었으며, 희생자 및 유족에게 국가가 생활지원금을 지원할 수 있는 법적 근거도 마련되었다.

2.5. 「4·3 특별법」에 관한 성과

2000년 「4·3 특별법」이 제정되어, 2003년에는 『제주 4·3 사건 진상 조사 보고서』이 확정되어 동년 10월 31일에는 과거 국가의 공권력의 잘못에 대한 노무현 정부의 공식 사과를 받아들였다.

2014년, 박근혜정부에 들어서는 「제주 4·3 희생자 추념일」을 법적 기념일로 지정하였다(2015년 한국사, 국정 교과서에서는 제주 4·3에 대한 기술이 기존의 한국사 교과서보다 축소돼서 기술되고 있어 제주 4·3 위원회를 폐지하는 법안을 발의하는 등 제주 4·3을 축소시키려 있는 의도도 있었다). 제주 4·3을 통일 정부 수립 운동이 전개 되던 시기에 일어난 민족사적 사건으로 새롭게 규정하기로 확정되는 성과를 내는 등 제주 4·3의 큰 진상은 상당 부분 드러났지만 한국 사회에서의 재일 제주인들의 제주 4·3 이후의 기억에 대해서는 아직 이해가 미비하다.

3. 제주 4·3을 알리기 위한 재일 제주인의 노력과 성과

3.1 도쿄 제주 4·3 진상규명운동의 시작과 김석범 작가

도쿄에서의 제주 4·3 진상규명운동의 시초는 1988년 4월에 개최된 제주 43 사건을 생각하는 모임의 제주도 4·3 사건 40주년 추모집회가 계기가 되었다(1988년 4월 3일 오후 2시 도쿄水道橋, 한국 YMCA). 그 중심에는 1984년 『화산도』으로 제 11회 大佛次郎省을 수상한 재일 제주도

출신 작가 김석범의 1988년 3월 29일 아사히신문에 3천자 가량의 「ウネリ-タブー打破、立場を求められる知識人」가 개제가 있었다. 이 개제로 집회는 재일동포와 일본인들도 대거 참가하는 등 약 500 명의 청중이 참가하는 계기가 되었으며, 이것이 성공적인 집회 개최에 큰 기여를 하였다고 볼 수 있겠다.

김석범은 『간수박서방』(1957.8), 『까마귀의죽음』(1957.12), 『화산도』(1976~1997) 등의 소설을 집필했으며, 이어 1998년 毎日芸術賞受賞(매일예술상) 수상을 받았으며 이러한 활동을 통해 일본 사회에서 제주 4·3의 진상을 알렸다. 또한 김봉현·김민주의 『제주도 인민의 《43 무장투쟁사》-자료집』(1963) 등이 출판되면서 제주 4·3이 일본 사회에서 점차 주목받기 시작하였다.

일본 마이니치신문에 따르면 김석범은 1951년 대마도를 방문하면서 제주도출신 여성으로부터 성고문 체험담을 듣고 현실 이상으로 압도당해 이를 기점으로 제주 4·3을 주제로 한 『까마귀의 죽음』(1957)을 집필했다고 한다. 이 작품은 일본 사회에서의 제주 4·3을 알리는 디딤돌이 되었다.

한편 김석범은 2015년에서 열린 제 1회 제주 4·3 평화상 수상자로 선정되었으나 이승만을 비판하는 발언을 했다는 이유로 보수파진영의 국회의원들에게 비판을 받았다. 그 해 10월 화산도가 한국에서 출간돼 출판기념회에 참석하려 하였지만 입국이 거부되는 등의 어려움을 겪었다. 이는 아직도 우리 사회에서 심각하게 잔존하고 있는 이념 대립의 대표적 사례라 할 수 있겠다.

3.2 「제주도 4·3 사건을 생각하는 모임」과 제주 4·3 사건 50주년 기념사업

제주 4·3 진상규명운동은 40주년 추모집회 후 10년 가까이 정체기에 접어들게 된다. 이 요인에 대해 조동현(2018)은 제주도 출신의 일부 지식인 등이 제주인이라는 프레임을 넘지 못했다는 점에 있다고 말하고 있다¹.

또한 당시 북조선계열의 단체에 의해 결성된 좌 편향 계열의 「재일본 조선인 총연합회(약칭:조선총련)」와 민족운동을 통일적으로 할 목적으로 결성된 우 편향 계열인 「재일본 대한민국 민단(약칭:민단)」의 두 조직과 대치할 마음의 부재와 대중운동에 대한 확산의 차이가 있었다고 말하고 있다. 또한 제주 4·3 50주년을 맞아 당시 도쿄에서는 조선총련과 민단의 활동을 지지하지 않는 사람들에 의해 재일동포를 위한 문화운동인 「在日論(재일론)」 등이 제기돼 제주 4·3 진상규명운동을 벌일 수 없는 상황이었다고 한다².

¹ 조동현(2018). 「제주 4·3 운동에 몸 담아 온 20년을 되돌아보며-도쿄에서의 4·3 운동의 역사와 현재」 『제주도 4·3 사건 70주년기념 국제심포지엄』 (pp.25-40) 제주 4·3 사건 70주년희생자위령제실행위원회 (오사카).

² 조동현(2018). 「제주 4·3 운동에 몸 담아 온 20년을 되돌아보며-도쿄에서의 4·3 운동의 역사와 현재」 『제주도 4·3 사건 70주년기념 국제심포지엄』 (pp.25-40) 제주 4·3 사건 70주년희생자위령제실행위원회 (오사카).

1997년 제주 4·3 운동을 하던 몇몇 지식인들이 모여 재일제주인들만의 문제라는 인식에서 벗어나 제주 4·3의 대중화를 목표로 한 「제주도 4·3 사건을 생각하는 모임-도쿄」를 중심으로 「제주 4·3 사건 50주년 기념사업실행위원회」를 조직하게 되었다.

「제주 4·3 사건 50주년기념사업실행위원회」는 재일제주인에 국한된 제주 4·3 운동을 누구나 참여할 수 있는 시민운동으로 도약하는 계기를 마련한 데 이어 민요와 추모콘서트 등 다양한 문화예술을 가미하면서 일본사회에서 제주 4·3의 대중화를 위해 노력해 왔다. 또한 일본에서도 제주 4·3과 같이 역사를 은폐하려는 움직임이 있는 가운데 한반도에서도 비슷한 움직임이 있었다는 것을 일본사회에 알리고 있다는 점에서 「제주 4·3 사건 50주년 기념사업실행위원회」 활동이 갖는 제주 4·3에서의 그 의미는 크다고 볼 수 있겠다.

다음은 제주 4·3 사건 50주년을 기념하며 추진된 행사이다.

「제주 43 사건 50주년 기념사업실행위원회」 추진으로 진행된 행사

- 1997년 10월 「43을 말하는 저녁」, 작가 김석범과 양석일씨의 열띤 토론
- 1998년 3월 브루스 커밍스를 초빙, 강연. 『제주도 4·3 사건과 미군정』의 출판기념 파티
- 新幹社, 『제민일보』 4·3 취재팀의 『4·3을 말하다』 번역본 (『제주도 4·3 사건』)
- 4월 4일(토) 50주년 추모 콘서트 (御茶ノ水・カザルスホール(오차노미즈 카자스홀)-500명 수용)

또한 제주 4·3, 50주년 기념사업을 토대로 오사카 피로티홀(필로티홀)에서도 공연이 열렸다. 이 공연은 1100여명의 인파가 참가하는 대중적인 행사로 개최됐다.

제주 4·3 운동을 놓고 제주 4·3 사건 50주년 기념사업실행위원회와 갈등을 빚었던 조선총련과 민단을 참여시키기 위해 오사카실행위원회는 민단을, 도쿄실행위원회는 조선총련을 각각 교섭한 끝에 조선총련 및 민단도 이 행사를 지지한다는 의지를 보였고 그 결과 두 단체도 70주년 추도식에 참석하였다. 이는 그동안의 두 단체(조선총련, 민단)의 방침의 벽을 넘어 제주 4·3이 지향하는 화해와 치유의 길을 함께 걸어가는 근거를 제시한 하나의 예로 들 수 있다.

4. 과제

현재 제주 4·3 희생자는 약 1만 4천 533명에 달하나, 2021년 3월 23일 특별재심, 국가배상 등 제주 4·3 사건 희생자 피해를 구제하는 조항이 신설된 「제주 4·3 사건 진상규명 및 희생자 명예회복에 관한 특별법」 전부 개정안이 공포됨에 따라 제주 4·3 희생자에 대한 배상보상의 지급방법과 기준이 추가되었다. 개정안에는 추가 진상조사와 제주 4·3 희생자 특별재심 규정 신설, 특별지원 방안 등 명예회복과 상처치유를 위한 내용이 포함되었다¹.

¹ 양조훈(2018). 「제2부 4·3 진상규명운동의 성과—제1장 제주 4·3 특별법제정 제2절 4·3 특별법의 수난—」 『제주 4·3 70년 어둠에서 빛으로』 제주 4·3 평화재단 .

한국 정부의 책임을 명확히 하고 배상액이 명확히 명시되지는 않았지만 이에 준하는 위자료 지급을 명시하는 등의 성과를 거두게 되며 보상 문제와 위자료 지급이 명문화 되었음을 의미한다고 볼 수 있겠다¹.

이처럼 한국의 제주 4·3 피해자 및 유족에 관한 개정안을 토대로 배상 및 지급이 추가되는 등 점차 명예회복이 이루어지고 있는데 반해 제주 4·3의 참화를 피해 일본으로 건너온 재일제주인 제주 4·3 피해자 및 유족에 대해서는 배상, 보상의 지급이 원활히 이루어지지 않고 있다.

2000년에 제정된 「4·3 특별법」은 그 10 조에 「대한민국의 재외공관에 피해자 및 유족의 피해 신고를 접수한다」 라고 하는 규정을 설치하였다. 여기서의 재외공관은 주로 일본을 뜻하며 제주 4·3 과 재일제주인의 깊은 연관을 보여주는 규정이라 할 수 있다.

그러나 제주 4·3 희생자 수는 일본 유족회가 결성되는 2000년부터 2003년 사이에 신고된 74명과 2013년 추가 신고된 1명을 합쳐 75명뿐이다.

그 요인으로는 크게 3 가지를 들 수가 있겠다².

- ① 이미 제주도에 있는 친척들이 신고를 함
- ② 조선총련 상부의 불허가
- ③ 제 3 국에 있는 경우 호적정리 등 복잡한 신청절차 필요

이러한 이유로 배상을 신청하는 사람은 미비하고, 그 때문에 지급도 늦어지고 있는 실정이다. 그렇기 때문에 4·3 특별법의 틀 안에서 제 3 국(재외공관)의 배제된 희생자 문제도 함께 고려해야 할 것이며 제 3 국의 희생자 신청절차의 제도개선에 있어서 사회적 합의를 조속히 이끌어내야 할 것이다.

제주 4·3 사태가 일어난 지 73년이 지났지만 아직도 관련 재일제주인들의 제주 4·3 피해자에 대한 명예회복 및 배상 조치의 관련 규정이 미비한 상태가 지속되고 있어 시급히 대책을 강구하는 것이 중요하다고 생각된다.

구체적으로는 피해자 및 그 유족에 대한 배상과 보상범위의 명확한 명시, 제주 4·3 에 관한 사실의 정리, 교과서 기재와 박물관 전시 및 강연활동 등을 통한 제주 4·3 기억의 재생의 장과 소재 확보가 중요한 과제로 생각되며, 이 원고를 통해 제주 4·3 에 대한 올바른 이해와 인식을 깨닫고, 제주 4·3 기억 대책마련의 형평성을 놓고 앞으로의 우리가 가져야 할 행동에 대해 생각해 보고자 한다.

---

¹ 15,同上 .

² 「제주도 4·3 사건을 생각하는 모임-도쿄」 지부장과의 인터뷰조사를 토대로 요인을 필자가 3 가지로 정리해 보았다.

Секция VI

Корейская диаспора в России и за рубежом

УДК 314.1

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ДИАСПОРА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Жанна Оттовна Баллод
Республика Корея, Университет Согён

В статье описывается современное состояние русскоязычной диаспоры в Южной Корее и процесса ее институционализации. Для этого в рамках историко-демографического обзора, на основе актуальных статистических данных, будет проведено исследование процесса формирования русскоязычного сообщества в Республике Корея, его состава и текущей динамики. Важно отметить, что русскоговорящая диаспора в Южной Корее включает в себя не только граждан Российской Федерации, но и представителей «Русского мира» – соотечественников из стран бывших советских территорий. Представителей русскоязычной диаспоры в Республике Корея объединяют коллективные воспоминания о советском наследии, кулинарные и праздничные традиции, а также религиозные практики.

Ключевые слова: русскоязычная диаспора в Республике Корея, воспроизводство культуры, общественная дипломатия, мягкая сила, соотечественники за рубежом, Русский мир, Россия и Корея.

В последнее десятилетие феномен диаспоры и диаспоральное измерение политики приковывают к себе внимание как государственных ведомств, так и академических кругов. Россыпью выходят научные труды, посвящённые истории российских диаспор в ближнем и дальнем зарубежье. Не остаются в стороне и востоковеды: истории русской эмиграции в Корею и формированию русской общины на Корейском полуострове в начале XX века посвящены труды Т. Симбирцевой [3, с. 45-61], М. Волкова [2], С. Смирнова [4] и многих других исследователей – корееведов. Тема современного состояния русскоязычной общины в РК получила освещение в российском корееведении фрагментарно, главным образом, в связи с интересом к определенным социальным проблемам и группам: трудовая миграция, брачные мигранты, русскоязычные корейцы в Корее и т.д.

В Южную Корею россияне начали прибывать после установления дипломатических отношений между двумя странами в 1991 году и с открытием российских границ после закона о свободном выезде из страны в 1993 году. Насколько велика русскоязычная диаспора и каков её состав на современном этапе?

По данным Корейской иммиграционной службы, в 2020 году в Республике Корея проживало 50 410 граждан Российской Федерации. За десятилетие число россиян, легально проживающих в Южной Корее, увеличилось более, чем в 5 раз – с 11047 человек в 2011 году до 32 372 человек в 2016 году. Самое большое число россиян проживало в Корее в 2019 году – 61 427 человек. После пандемии COVID число россиян в Корее уменьшилось примерно на 10 000 человек. (Таблица 1).

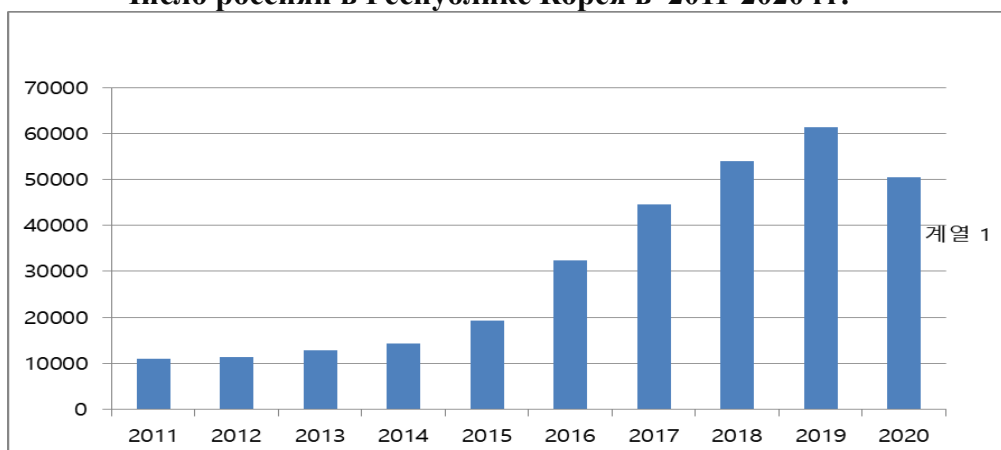
Таблица 1

Количество граждан РФ, проживающих в Республике Корея

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Кол-во граждан (чел)	11047	11361	12804	14365	19384	32372	44581	54023	61427	50410

Сост. по: Statistics Korea. “Number of Foreigners in Korea by country, 2020”. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=111&tblId=DT_1B040A6 (Дата обращения: 22.10.2021).

Число россиян в Республике Корея в 2011-2020 гг.

Сост. по: Statistics Korea. “Number of Foreigners in Korea by country, 2020”. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=111&tblId=DT_1B040A6 (Дата обращения: 22.10.2021).

При визуализации статистических данных о количестве граждан Российской Федерации в Республике Корея в 2011-2020 годах (таблица 2), становится очевидным, что всплеск российской эмиграции в Корею произошёл после 2014 года. В последующие годы с 2016 по 2019 число эмигрантов из России увеличивалось на 10 000 человек ежегодно. Этот факт отчасти можно объяснить экономическими трудностями в России после введения против неё санкций, а также стремительным оживлением российско-корейских связей с введением безвизового режима в 2014 году.

Как видно из отчёта Корейской иммиграционной службы, сообщество граждан России многонационально и включает этнических корейцев (26 708 человек на 2020 год). (Таблица 3). При этом статистический учёт этнических корейцев с гражданством РФ ведётся корейскими властями отдельно, потому что они приезжают в страну по особым программам – репатриации (первое поколение Сахалинских корейцев и Корё сарам) и въезда для зарубежных соотечественников (по визе F-4).

Таблица 3

Граждане России, легально проживающие в РК на 2020 г.

	Мужчины	Женщины	Всего
Граждане РФ (без этнических корейцев)	12363	11066	23429
Этнические корейцы с гражданством РФ	14072	12636	26708
Граждан России всего	26435	23702	50137

Сост. по: Statistics Korea. “Number of Foreigners in Korea by country, 2020”. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=111&tblId=DT_1B040A6 (Дата обращения: 22.10.2021).

Важно отметить, что русскоязычная диаспора в Республике Корея не ограничивается только гражданами Российской Федерации, а представлена также гражданами бывших советских территорий. Это – полиэтническая общность людей, представителей народов, проживавших на территории СССР. Все они говорят на русском языке, который является для них или родным, или языком межнационального общения. К «русской диаспоре» относится и новое поколение – дети межнациональных браков с гражданами Кореи. Поэтому применительно к данной общности людей термин «русскоязычная диаспора» представляется нам наиболее верным.

Число граждан из РФ и стран СНГ в РК на 2020 год

Страна	Число граждан (чел)
Россия	50137
Узбекистан	65 000
Казахстан	30 000
Кыргызстан	2500
Таджикистан	1000
Туркменистан	445
Украина	3573
Беларусь	250
Армения	64
Литва	82
Латвия	51
Всего	153 102

Сост. по: Statistics Korea. “Number of Foreigners in Korea by country, 2020”. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=111&tblId=DT_1B040A6 (Дата обращения: 22.10.2021).

Особенностью русскоязычной диаспоры от других диаспор Кореи (китайской, филиппинской и др.) является мультинациональность. Помимо владения русским языком в большей или меньшей степени (для большинства русский является родным), представителей диаспоры объединяют общие культурно-идентификационные особенности: коллективные воспоминания о советском наследии, культура питания, некоторые праздничные традиции и религиозные практики. Численность русскоязычной диаспоры, включающей россиян и соотечественников из стран СНГ, оценивается в более 150 000 человек на 2020 год. (Таблица 4).

Таким образом, справедливо будет утверждение о причастности русскоязычной диаспоры в Южной Корее к «Русскому миру». Созданный в 2007 году с целью продвижения российской «мягкой силы» и для взаимодействия с россиянами за рубежом, включая соотечественников в странах ближнего и дальнего зарубежья, выходцев из СССР, Фонд «Русский мир» сформулировал концепцию диаспорального проекта «Русский мир», – «полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного». [1] Автор приходит к заключению о том, что русскоязычная диаспора в Республике Корея играет важную роль в качестве канала, через который проецируется положительный образ страны, её культуры и ценностей.

Список литературы

1. Бордюгов Г. А., Касаев А. Ч. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 // Русский мир в XX веке : в 6 т. / под. ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М., 2014. Т. 6.
2. Волков М.. Русские в Корее- имена и судьбы (Russians in Korea – Names and Fates) // Korusforum Journal, Center for Contemporary Korean Studies, Russian Academy of Sciences: журнал. — 2004. — Май (№ 23). [Электронный ресурс]. — URL <https://web.archive.org/web/20090407002703/http://www.korusforum.org/RHP/STV.php?stid=34>. (Дата обращения: 22.10.2021).
3. Симбирцева Т. М. История русской общины в Корее: проблемы изучения и новые факты // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. М., 2001. Ч. 2. С. 45–61

4. Смирнов С. В. Семья Янковских: социальная адаптация русских эмигрантов в Корею (1920-е—начало 1940-х гг.) //Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные

5. Ballod, Janna. "Russian public diplomacy on the Korean peninsula: changes and continuity." PhD diss., Ph. D dissertation, Hanyang University, 2013.

6. Statistics Korea. "Number of Foreigners in Korea by Country 2020." Last modified 2021-08-27 https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=111&tblId=DT_1B040A6 (дата обращения: 22.10.2021).

7. Korean Immigration Service http://immigration.go.kr/doc_html/attach/imm/f2015//20150526226261_1_1.hwp.files/Sections1.html. (дата обращения: 22.10.2021).

УДК 159.9.072:323.15

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕЙЦЕВ КАЗАХСТАНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Ефрем Аркадьевич Ефремов
Казахстан, КНУ им. Аль-Фараби

Настоящая статья основана на проведенном опросе и нацелена на выявление степени этнокультурной идентичности корейцев Казахстана. В рамках которого были изучены факторы, влияющие на этническую и диаспорную идентичность, межэтническую толерантность корё сарам и степень их интегрированности в общество Казахстана.

Ключевые слова: диаспора, корё сарам, корейцы Казахстана, этническая идентичность, диаспорная идентичность.

В Казахстане проживает около 100 тысяч этнических корейцев, называющих себя «корё сарам». Это ставит республику на третье место, после Узбекистана и России, по численности корейской общины в СНГ. Корейская диаспора обладает развитой институциональной инфраструктурой, образованной организациями самой разной направленности.

В выборку исследования включены 160 респондентов в возрасте от 15 до 35 лет – этнические корейцы граждане/резиденты* Республики Казахстан, как из этнически гомогенных семей, так и из этнически гетерогенных.

Выборка формировалась методом «снежного кома». Внутри каждой когорты оказались разные категории респондентов: люди с той или иной долей корейской крови, вовлеченности в деятельность этнокультурных объединений**. Предположительно, внутри каждой когорты (по крайней мере, по половому признаку) представлены все социальные группы в той же пропорции, в какой они соотносятся в генеральной совокупности в Республике Казахстан.

На основании этого предполагается, что принцип репрезентативности соблюден.

В рамках опроса выяснилось, что из 100% респондентов 78% в качестве основной своей самоидентификации указали себя [этническими] корейцами, т.е. для них этническая идентичность является первичной.

Помимо этого, 13% респондентов позиционируют себя в первую очередь казахстанцами, т.е. для них первичной идентичностью является национальная (далее по тексту понятия «национальный» и «гражданский» синонимичны).

---

* Корё сарам из Узбекистана, Киргизстана и пр. постсоветских республик (*прим. автора*)

** В Казахстане в официальном дискурсе вместо термина «диаспора» применяется термин «этнокультурное объединение» [1] (*прим. автора*)

При этом, из 78% респондентов, которые позиционируют себя в первую очередь корейцами*, 61% респондентов отметили у себя наличие второго типа идентичности. Из них* 76% позиционируют себя казахстанцами (национальная идентичность), 7% – казахами. Предположительно, эти 7% являются выходцами из гетероэтнических семей и обладают двойственной этнической идентичностью.

Из 13% респондентов, которые позиционируют себя в первую очередь казахстанцами*, вторичной идентичностью обладает 95%. Из них* корейцами себя считают 72%, 11% – казахами и 17% описали себя как «человек иной этнической принадлежности».

На закрытый вопрос: «По каким критериям Вы осознаете себя корейцем?», из 100% респондентов 75% в качестве первого по значимости фактора указали генетическое происхождение, в дополнение к этому вторым по значимости фактором антропологический фактор – внешность выбрали 59% респондентов. Третьим по значимости фактором, по которому респонденты причисляют себя к корейцам, был указан общий, как принято считать, для диаспорного сообщества корейцев Казахстана, менталитет. Под понятием «менталитет», предположительно респондентами подразумевался общий этнический характер, как система проявления устойчивых особенностей, присущих членам определенного этнического сообщества, с учетом специфики их психологических и социальных качеств [6, с.33].

Следующими по значимости факторами были отмечены знание культуры и в частности корейских традиций и обычаев. Знание корейского языка по результатам опроса является наименее значимым фактором в определении себя корейцем.

Далее выведена усредненная иерархия значимости факторов, определяющих корейскость, в виде круговой диаграммы (см. Рисунок 1). Первыми по значимости стоят факторы генотипа и фенотипа с долями 23% и 18% соответственно, дающие в сумме 41%. Следующим по значимости фактором отмечен менталитет 17%. Далее идут знание истории, культуры и знание корейских традиций и обычаев с равными долями в размере 15%. Примечательно то, что знание этнического языка, в данном случае – корейского, не является значимым фактором «корейскости» для респондентов, и занимает последнее место. Это подтверждает высокий уровень языковой ассимиляции корейской диаспоры в Казахстане. При этом необходимо отметить тот факт, что современный корейский язык, не является диаспорным для корё сарам. Для них таким является т.н. «корё мар».

Рис. 1. Критерии определения себя корейцем

* принимая это значение за 100%

* принимая это значение за 100%

* принимая это значение за 100%

* принимая это значение за 100%

Также был поставлен вопрос для выявления степени ощущения этно-культурного сходства между корейцами Казахстана и корейцами Республики Корея.

Разброс ответов, как видно на точечной диаграмме (см. Рисунок 2), очень велик. Предположительно на ответы респондентов повлиял их уровень знания о корейцах Республики Корея.

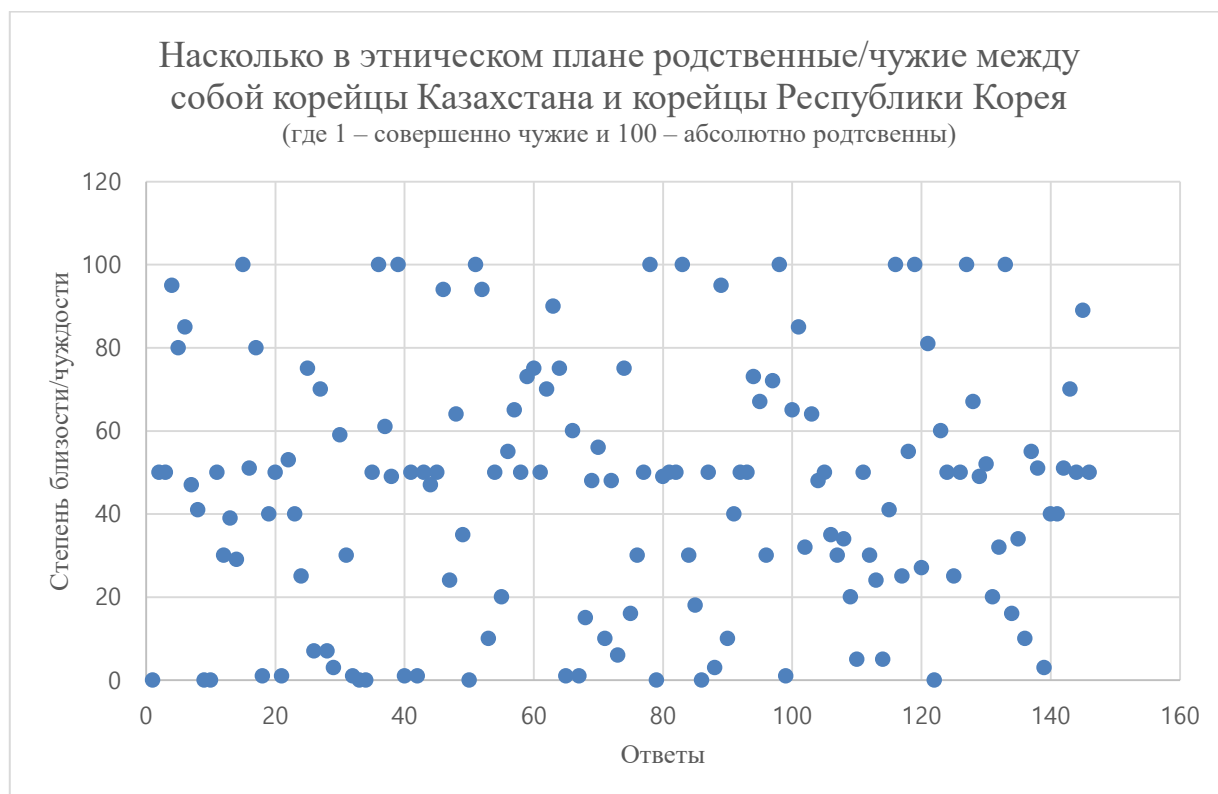

Рис. 2. Показатель ощущаемой родственности корё сарам и корейцев Республики Корея

Модой (наиболее часто встречающееся значение) среди ответов определилось значение «50» – это говорит о том, что большинство опрошенных корё сарам воспринимают корейцев Республики Корея на среднем уровне родственности. Возможно это является следствием того, что опрос объектом опроса являлись молодые корейцы Казахстана, которые в значительной мере знакомы с южно-корейской культурой и причисляют себя как к корё сарам так и к «хангук сарам» (прим. «хангук сарам» – определение, которым называют себя корейцы Республики Корея).

Однако среднее значение составило «45» – это показывает то, что среди корё сарам всё еще велика доля тех, кто в целом более склонны считать, что они и корейцы Республики Корея больше чужды друг другу, нежели близки.

Эти результаты подтверждают предположение о том, что респонденты воспринимают оппонентную группу на среднем уровне близости.

Помимо этого, было выявлено, что большинство – 3/4 корейцев, испытывают чувство гордости от принадлежности к своей этнической группе (см. Рисунок 3). Это, в частности, обусловлено престижем этнической группы – гетеростереотипы о корейцах в Казахстане в значительной степени положительные. К примеру, в списке Forbes-50 Казахстана этнические корейцы на первом и втором местах в 2021 году. Интересно отметить, что к аналогичным результатам пришел Герман Николаевич Ким более 10 лет назад [2, с.413] и Ильгиза Анваровна Ким совместно с Ли Хен Кыном в ходе исследования российских корейцев (на примере Нижнего Поволжья) в 2014 г. [4. с.164].

Также выяснилось, что 1/5 всех респондентов относится к своей этнической принадлежности индифферентно.

Рис. 3. Отношение к этничности корё сарам

На вопрос «Соблюдаете ли Вы этнические корейские традиции и обычаи?» были получены следующие ответы (см. Рисунок 4).

Рис. 4. Степень соблюдения корейских традиций и обычаев

В целом корейские традиции, как видно из приведенной диаграммы, в той или иной мере соблюдают большинство опрошенных – 88% (55% с ответом «да» + 33% с ответом «выборочно»).

Как видно на Рисунке 5, основные обычаи и традиции, которые практикуют корейцы Казахстана, связаны с жизненными циклами человека, т.н. «3 стола корё сарам», также похоронно–поминальные обрядности. Таким образом, обрядовая культура корё сарам сохранила, хоть и в измененной форме, все т.н. «4 стола» [5, с.4] современной корейской культуры.

Это свидетельствует о сохранении в корейской диаспоре Казахстана значимости этнической культуры на бытовом уровне, а не только её декларирования.

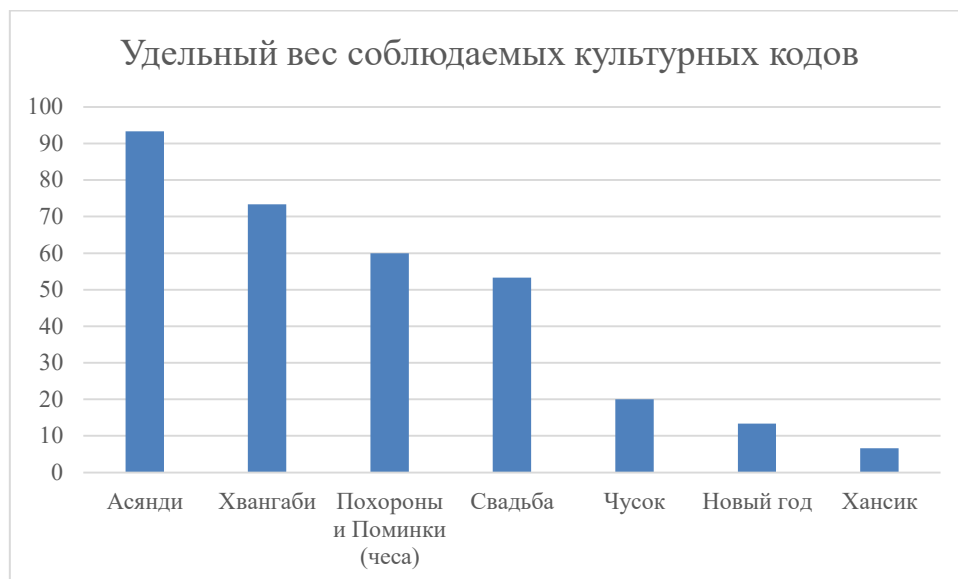

Рис. 5. Удельный вес соблюдаемых культурных кодов (прим. Асянди – годик ребенку, Хвангаби – 60-летний юбилей, Чусок и Хансик корейские традиционные праздники)

В вопросе отношения корейцев к гетероэтническим бракам – 86% (48+38) опрошенных респондентов не против таковых, так в 48 случаях из 100 респонденты ответили, что относятся к ним положительно. Это может трактоваться как то, что они допускают возможность, что их супруг(а) будет представителем другой этнической группы. Также 38% респондентов, ответивших «безразлично», предположительно не против этнически гетерогенных браков в целом. Однако 12% респондентов ответили, что против биэтнических браков с некорейцами.

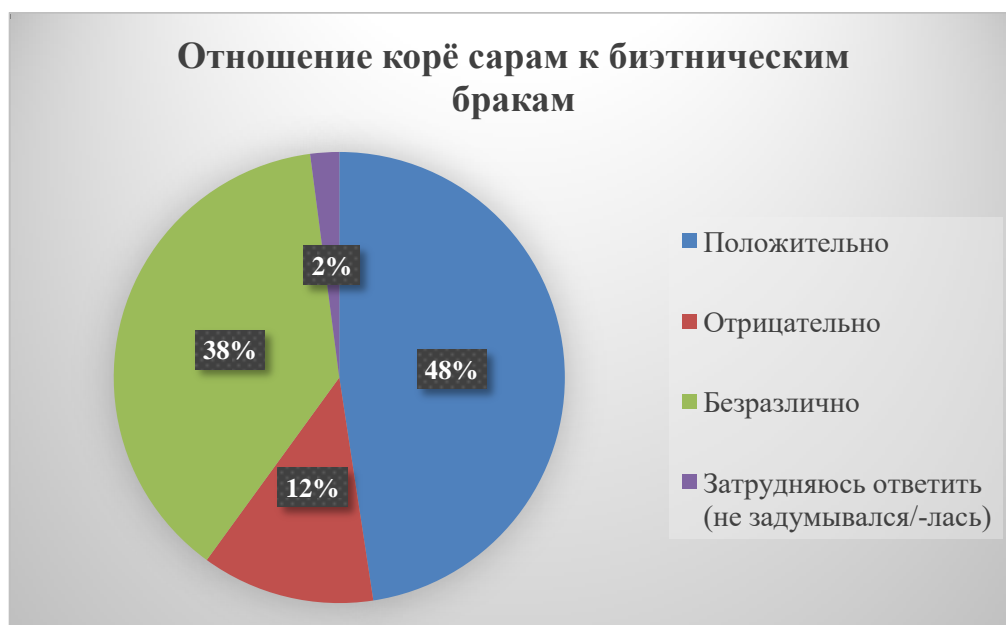

Рис. 6. Отношение корё сарам к биэтническим бракам в целом

Однако, как видно на Рисунке 7, когда дело касается непосредственно брака, 41% (23+10+9) предпочитают связать себя узами Гименея с этническим корейцем. Таким образом, несмотря на то, что в большинстве респонденты толерантны к т.н. «смешанным» бракам, всё же немалая часть их придерживается принципа «этнической чистоты». 49% респондентов ответили, что им не важно, какой этничности будет их супруг. Аналогичная ситуация отмечается и в России, в частности в Сибири, где, по результатам исследования Екатерины Валериановны Ким [3, с.47], более трети опрошенных – это дети этнически смешанных семей. Данные ответы косвенно подтверждают результаты предыдущего вопроса, так почти половина респондентов, не придает значимости этничности своего супруга.

Рис. 7. Шкала предпочтений в выборе супруга/супруги

Заключение

По результатам проведенного социологического исследования можно сделать вывод, что первостепенным фактором в определении своей идентичности среди респондентов является фактор этнического происхождения, тем самым примордиальный подход в определении своей идентичности доминирует. Вторым по значимости в определении своей идентичности является национальная принадлежность (гражданство), т.е. у данных респондентов превалирует конструктивистский подход. У корейской диаспоры Казахстана подтверждается относительно высокий уровень интегрированности в полиэтничное общество Казахстана и толерантность к другим этническим группам. Это наблюдается в том, что почти половина молодых корейцев Казахстана положительно к межэтническим бракам.

Сохранность «корейскости» в условиях полиэтничного общества Казахстана, в частности, происходит на основе генетических факторов, а также благодаря сохранению обрядно-бытовой культуры.

Список литературы

1. Абен, А. Опыт Казахстана в управлении этнокультурным разнообразием / Абен А. // Евразия эксперт [электронный ресурс]. – URL <https://eurasia.expert/opyt-kazakhstan-a-v-upravlenii-etnokulturnym-raznobraziem/> (дата обращения: 22.10.2021г.)
2. Ким, Г.Н. Этничность, самосознание и отношение к религиям студентов-корейцев в постсоветской Центральной Азии // В. Пак, Г. Ким, В. Чен // Православие и корейцы: сборник статей. – Владивосток: Издательство «Валентин», 2017. – С. 395-416
3. Ким, Е. В. Корейцы Сибири: этносоциальные, этнополитические процессы XX–XXI вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск. 2014. – 255 с.
4. Ким, И.А., Ли, Х. К. Особенности этнических стереотипов российских корейцев (на примере Нижнего Поволжья) // История и историческая память. 2014. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-etnicheskikh-stereotipov-rossiyskih-koreytsev-na-primere-nizhnego-povolzhya> (дата обращения: 24.10.2021 г.).
5. Лим, Э. Х. Традиционная культура корейцев в обрядах жизненного цикла: монография / Э. Х. Лим, И. Е. Че, И. В. Корнеева. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2015. – 92 с.
6. Мункуева, Р. Б., Серебрякова, Ю. А. Понятие национального характера / Вестник Бурятского Государственного Университета. № 3. Т. 3. 2018. – С. 32-36

ЛОС-АНДЖЕЛЕССКИЙ БУНТ КАК ФАКТОР РОЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ КОРЕЕ-АМЕРИКАНЦЕВ

Артём Евгениевич Опарин

г. Владивосток, независимый исследователь

Массовая миграция в развитые страны Запада второй половины XX века поднимает вопрос отстаивания различными иммигрантскими сообществами своей субъектности. Доклад иллюстрирует как социальный конфликт становится фактором формирования политической нации корее-американцев.

Ключевые слова: Лос-анджелесский бунт, погром, лутинг, корейцы-на-крыше, политическая нация, корее-американцы.

Кориатаун Лос-Анджелеса (Koreatown, LA) – витрина корейской диаспоры за рубежом, показатель успешный этнический анклав. Южнокорейская диаспора в США состоятельна, медианный доход домохозяйства в 2018 составляет \$72 074, против \$65 902 у белых американцев и \$41 544 у чёрных. Социальное неравенство порождает ненависть, ненависть приводит к войнам, в войнах рождаются нации. Политическая нация корее-американцев ковалась в горниле горящих магазинов лос-анджелесского бунта 29 апреля – 4 мая 1992 года.

Напряжение зреет с конца 60-х – время, когда корейские мигранты начинают массово скупать пустующие площади в беднеющих/чернеющих районах Южного Централ Лос-Анджелеса (South Central LA). Драйвер экономики диаспоры – лёгкая промышленность: корейцы шьют одежду для продажи на местных рынках, сперва сами, затем за минимальную плату силами иммигрантов из Латинской Америки. Деньги позволяют развиваться сфере услуг: корейцы открывают алкогольные магазины, супермаркеты 7/11, шиктаны, норэбаны. Высокий уровень криминала и расовых противоречий в районе Южного Централ играет свою роль, – внешний коммерческий успех диаспоры вызывает раздражение у окружающих народов. Корейцы опасаются чёрных, упрекают их в агрессии, шоплифтинге и редко нанимают на работу. Чёрное комьюнити, в свою очередь, называет корейцев расистами: корейцы не оказывают должного уважения чёрному большинству, а ведь Южный Централ – их район, где корейцы – чужаки. Культурные различия и языковой барьер усиливают разногласия.

Внешнее давление заставляет корейцев держаться плотнее, уже к 80-м годам XX века к северу от Южного Централ, среди арт-деко особняков района Мид-Вилшир и бульвара Олимпик формируются кварталы компактного проживания корейцев. Закрепляется положение дел в 1982 году тожественной установкой уличной таблички «Koreatown». Большинство в районе, впрочем, являются латиносы. На конец 80-х и начало 90-х приходится значительный рост этнической напряжённости между корейской и чёрной диаспорами. Корейские магазины грабят, владельцы магазинов убивают при ограблениях, корейцы стреляют в ответ.

16 марта 1991 года, в 10 утра в магазин Empire Liquor, расположенный в районе Vermont Vista Южного Централ Лос-Анджелеса, заходит 15-летняя Латаша Харлинс, представительница чёрного населения района. 51-летняя хозяйка магазина Ту Сунча (두순자) замечает, как Латаша кладёт в рюкзак бутылку апельсинового сока за \$1.79. Обычно в магазине работает сын, но сегодня он на судебном заседании – выступает по делу против обносящей магазины и домогающейся до персонала местной гопоты. Ту Сунча владеет несколькими магазинами в районе и редко бывает именно в этом.

Ту хватает Латашу за свитер, лезет в рюкзак. Латаша бьёт наотмашь, держит за волосы. Летит стул. Хозяйка магазина выхватывает бутылку сока, прячет её за стойкой. Латаша мешкается, разворачивается, и в это время Ту Сунча ныряет под стойку, достаёт шестизарядный револьвер и с расстояния в метр всаживает пулю в затылок Латаше. [2]

На суде Ту Сунча утверждает, что действовала в рамках самообороны при попытке ограбления. Свидетели, видео с камер, да и пуля в затылке говорят об убийстве, пусть и непредумыш-

ленном. Присяжные из широких народных масс района просят 16 лет тюрьмы, однако судья Джойс Карлин не принимает мнение присяжных и даёт Ту Сунчжа пять лет условки, 400 часов общественных работ и штраф в \$500. Судья решает, что в деле присутствуют смягчающие обстоятельства. «Отреагировала ли Миссис Ту неуместно? Разумеется. Но была ли реакция понятной? Я считаю, что была... Сейчас не время для мести... и не важно какое наказание наложит суд, миссис Ту будет наказана каждый день до конца своей жизни».

За неделю до начала Лос-анджелесских беспорядков 1992 года апелляционный суд Калифорнии единодушно поддерживает правоту судьи.

Лос-Анджелесский бунт (LA uprising) начинается 29 апреля 1992 года в Южном Централле. По всему району горят магазины, в том числе принадлежащие корейцам. Вскоре беспорядки передвигаются на север, в район Кориатауна.

При первых выстрелах полиция тактически отступает и, окопавшись на блокпостах, блокирует дороги в богатые белые районы Голливуда и Беверли Хилз. Кориатаун оказывается предоставлен сам себе. Экстренные службы не отвечают на звонки. Район накрывает волна насилия, поджогов, лутинга. Мелкие предприниматели на глазах теряют все свои сбережения: в иммигрантском бизнесе доход вкладывается в оборудование, а страховки очень редки.

На корейских радиоволнах звучат призывы: «не уходите домой, защищайте своё дело. Ваш бизнес – ваша жизнь». Корейцы берут в руки оружие, сбиваются в отряды, формируются стихийные силы самообороны. На улицах перестрелки, вооружённые патрули. Основные перекрёстки контролируются с крыш – добровольцы с винтовками держат высоту, отстреливаются от нападавших. [3]

Бунт подавлен только через шесть дней после ввода в город сил Национальной гвардии. Со всех сторон конфликта погибло около 60 человек, больше тысячи – с огнестрельными ранениями разной тяжести, арестовано – более 11 тысяч человек. Многие получили пожизненное и сидят до сих пор.

Сам образ людей, отважившихся встать на защиту своей собственности с оружием в руках в заведомо неравных условиях, вдохновляет корейскую диаспору по всей Америке. Roof Koreans, корейцы на крыше, – теперь поп-культурный образ, особенно в тех случаях, когда магазин с вывеской на хангыле встречается с разъярённой многонациональной толпой.

Среди диаспоры лос-анджелесский бунт получает традиционную для значимых событий числовую аббревиатуру 4|29, то есть 4/29. За шесть дней пострадало более 2300 корейских предприятий. Ущерб всего коммьюнити превысил 400 миллионов долларов. [4]

Однако беспорядки становятся важной поворотной точкой в развитии чувства общности у корейской диаспоры. Через неделю после бунта на улицы Лос Анжелеса выходит 30-тысячная демонстрация корейцев, с требованиями защиты политических прав корейцев, права на политическое представительство и защиту этнического наследия. Корейцы подают на правительство в суд, для защиты прав формируются адвокатские группы. Правительство вынуждают выделить деньги на восстановление Кориатауна.

В диаспоре крепнет взаимовыручка, возрастает политический активизм. Диаспора вооружается – после подавления бунта в районе взлетают продажи оружия, особым успехом пользуются АК-47. В 1993 году представители общины заявляют о полной готовности к вооружённому противостоянию с погромщиками в отсутствие помощи от полиции. «Мы сделали много ошибок в прошлом, но больше их не будет ... если они собираются атаковать наше коммьюнити, мы отплатим им».

Защитив себя с оружием в руках, а затем в судах после, диаспора бесправных и беззащитных корейских мигрантов обретает свой голос, политическую субъектность, становятся политической нацией корее-американцев.

Список литературы

1. Ice Cube. Black Korea / Ice Cube // YouTube [Электронный ресурс]. – URL <https://youtu.be/iFwA0UwnuS8> (Дата обращения: 20.10.2021 г.).

2. KPCC. Shooting of teen Latasha Harlins at Empire Liquor in 1991 / KPCC // YouTube [Электронный ресурс]. – URL <https://youtu.be/Kiw6Q9-lfXc> (Дата обращения: 20.10.2021 г.).

3. Korean Store Owners Defend Their Property With Firearms During Rodney King Riots // YouTube [Электронный ресурс]. – URL <https://youtu.be/Py4AMYebHGI> (Дата обращения: 20.10.2021 г.).

4. NBC News. Korean Businesses Targeted During LA Riots / NBC News // YouTube [Электронный ресурс]. – URL <https://youtu.be/8Dvwn4aXE8s> (Дата обращения: 20.10.2021 г.).

УДК 327

РОЛЬ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЕЙ И УЗБЕКИСТАНОМ

Марина Олеговна Дмитриева
г. Владивосток, ДВФУ

Отношения Узбекистана и Республики Корея носят многоплановый и стабильный характер, оправдывая статус стратегического партнерства. Немаловажным фактором, укрепляющим сотрудничество двух стран, является наличие в Узбекистане корейской диаспоры.

Ключевые слова: Республика Корея, Узбекистан, диаспора, корё сарам, сотрудничество.

С момента установления дипломатических отношений Узбекистана с Республикой Корея в 1992 г. Обе страны поддерживали дружественные отношения, что выражалось как на декларативном уровне, так и в реальных действиях.

Между странами существует свыше 170 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов. Подписанная в 2006 году Совместная декларация о стратегическом партнерстве, принятое в 2017 году Совместное заявление о всестороннем углублении отношений стратегического партнерства свидетельствуют о приверженности сторон к сотрудничеству, их дружбе и взаимном доверии.

Узбекистан и Южная Корея сегодня поддерживают плодотворное сотрудничество в сферах информационных технологий, цифровой медицины, образования и культуры. В систему дошкольного образования Узбекистана широко внедряется опыт Южной Кореи. В июне 2020 г. Ш.Мерзиёев поручил должностным лицам пересмотреть систему высшего образования Узбекистана, изучив учебные программы южнокорейских университетов.

Корейская диаспора из числа примерно 180 тысяч граждан, проживающих в Узбекистане, превратилась в неотъемлемую часть многонационального общества. В стране действуют Ассоциация корейских культурных центров, а в областях – её подразделения. Ассоциацией ведется активная работа по сохранению и развитию в стране и за рубежом корейского языка, культуры, обычаев и традиций.

В 2017 году в столичном саду «Дружба» открылся памятник, посвященный 80-летию массового переселения этнических корейцев в Узбекистан. Одна из центральных улиц Ташкента получила название Сеульская. В целях сохранения и развития духовно-культурного наследия корейского народа правительством Республики Корея в городе Ташкенте введён в эксплуатацию Дом корейской культуры и искусства. Узбекскими высшими учебными заведениями установлено сотрудничество с более 45 научно-исследовательскими заведениями Южной Кореи. В столице действуют филиалы четырёх корейских университетов.

В настоящее время Корея активно помогает Узбекистану в борьбе с новой коронавирусной инфекцией. Регулярно прибывают рейсы с гуманитарной помощью. Кроме того, по приглашению

министерства здравоохранения в качестве международного эксперта в Узбекистан прибыл профессор Университета Корё Республики Корея Цой Чже Ук.

Это не единственный случай привлечения корейских специалистов. Так в 2017 г. президент Корейского института развития персонала Ким Ён Се был назначен почетным советником Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана [1]. Джунг Сонг Чои – заместителем генерального директора Центра по координации и развитию рынка ценных бумаг при Госкомконкуренции Узбекистана [3].

В начале 2020 г. в Узбекистане начала работу первая в Центральной Азии криптобиржа ("UzNEX"). Её созданием занималась южнокорейская компания Koba Group, которая специализируется на разработке решения в сфере цифровых технологий, в том числе по технологии блокчейна [4]. Интересно, что директором Национального агентства проектного управления (НАПУ) при президенте Узбекистана (которое выдало лицензию на создание и осуществление деятельности криптовалютной биржи) является Ли Д.Р., а его замом – Пак В.Ю.

Представители корейской диаспоры занимали в Узбекистане высокие посты еще в советское время. И после распада СССР эта тенденция сохранилась, хотя, как отмечает В.Хан, не так массово [7].

Корейская диаспора в Узбекистане является крупнейшей. «Ни одна из корейских диаспор в мире (Японии, Китая, США, Канады и других стран), не смогла достигнуть такого высокого статуса в социальной иерархии своих стран, как это сделали коре сарам в Центральной Азии» [8].

В 2017 г. прошли торжества, посвященные 80-летию проживания корейцев в Узбекистане. На настоящий момент точно неизвестно, сколько этнических корейцев проживает в Узбекистане. В последний раз перепись населения была проведена в 1989 г. По данным Госкомстата, в 2002 г. их было 176 тыс. существует информация, что «Корейцев в Узбекистане сейчас 0,6% от общей численности населения» [5]. Перепись населения запланирована на 2022 г. уже подготовлена нормативно-правовая база этого мероприятия (одобрены Концепция проведения переписи населения в Республике Узбекистан, проект закона «О переписи населения») [2].

Сферой сотрудничества, которая всё больше набирает обороты, стала миграция. Корея является одним из трех основных направлений трудовой миграции из Узбекистана – после России и Казахстана. Политика Республики Корея по отношению к своей диаспоре за рубежом претерпела значительные изменения с 1990-х гг. С марта 2007 г. Правительство РК ввело новые правила въезда и пребывания в стране для этнических корейцев из стран СНГ и Китая.

Однако в настоящее время граждане Узбекистана востребованы, в основном в работе, которую в Корею называют «3 D» (по первой букве трех английских слов «difficult, dirty, dangerous» – «трудная, опасная, грязная»).

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть этнических корейцев, работающих в Корею, не планирует остаться там на ПМЖ. Многие из них не имеют высшего образования и приезжают в Корею, чтобы быстро заработать деньги, а затем возвращаются домой. Цели приезда обычно сводятся к тому, чтобы заработать достаточно для покупки квартиры и автомобиля и, если возможно, открыть бизнес в Узбекистане.

Несмотря на единые исторические корни, корейцы Узбекистана уже сильно отличаются от корейцев, проживающих на полуострове. Некоторые этнические корейцы из Центральной Азии говорят, что чувствуют себя ментально ближе к узбекам или казахам, или русским, чем к корейцам РК. Как отмечает В.Хан, «Корё сарам между собой все чаще начинают критически оценивать мышление, ценности, моральные качества и поведение корейцев с полуострова» [6].

Экономический фактор является главной причиной миграции в Корею. В этом смысле она мало чем отличается от трудовой миграции в Россию или Казахстан. Иногда люди едут с ностальгическими чувствами к исторической родине, реальность оказывается довольно жесткой. Тем не менее, можно сказать, что это сотрудничество является взаимовыгодным. Так в 2018 г. узбекские трудовые мигранты в Корею отправили домой 108,3 млн. долларов США (для сравнения в 2016 г. было отправлено 49 млн. долларов) [9]. Корея уже готова принять трудовых мигрантов из Узбекистана.

Таким образом, отношения Узбекистана и Республики Корея носят многоплановый и стабильный характер, оправдывая статус стратегического партнерства. Немаловажным фактором, укрепляющим сотрудничество двух стран, является наличие в Узбекистане корейской диаспоры.

Список литературы

1. Глава корейского института стал советником министерства в Узбекистане // SputnikУзбекистан [Электронный ресурс]. – URL <https://uz.sputniknews.ru/politics/20171125/6917642/koreya-sovetnik-ministerstva.html> (Дата обращения: 06.08.2021 г.).
2. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [Электронный ресурс]. – URL <https://stat.uz/ru/2-uncategorised/7114-voprosy-otvety> (Дата обращения: 10.08.2021 г.).
3. Гражданин Кореи назначен на высокую должность в Узбекистане // SputnikУзбекистан [Электронный ресурс]. – URL <https://uz.sputniknews.ru/politics/20171111/6794881/grajdanin-korei-uzbekistan-doljnost.html> (Дата обращения: 09.08.2021 г.).
4. Компания из Южной Кореи создаст в Узбекистане криптобиржу // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – URL <https://regnum.ru/news/economy/2814936.html> (Дата обращения: 16.08.2021 г.).
5. Узбекская демографическая бомба [Электронный ресурс]. – URL <https://zen.yandex.ru/media/immigration/uzbekskaia-demograficheskaja-bomba-5d3ae315520a9b00ad2a5573> (Дата обращения: 12.09.2021 г.).
6. Хан В. С. Корейская диаспора СНГ и Корея // Academia [Электронный ресурс]. – URL https://www.academia.edu/34054038/Хан_В_С_Корейская_диаспора_СНГ_и_Корея_Диалог_культур_Кореи_та_країн_СНД_Міжнародна_наукова_конференція_Київ_2007_С_191_203 (Дата обращения: 10.08.2021 г.).
7. Хан В. Корейцы в постсоветской Центральной Азии: новые вызовы и модели поведения [Электронный ресурс]. – URL <file:///C:/Users/Acer/Downloads/62294906.pdf> (Дата обращения: 06.09.2021 г.).
8. Хан В. Социальный статус и роль русскоязычных корейцев в СНГ (на примере корейцев Узбекистана) // Academia [Электронный ресурс]. – URL https://www.academia.edu/40085299/Социальный_статус_и_роль_русскоязычных_корейцев_в_СНГ_на_примере_корейцев_Узбекистана_러시아지역_해외한인연구_II_러시아지역_한인의_이산과_정주_Seoul_Sunin_2019_Pp_411_429_ISBN_979_11_6068_270_0_94900 (Дата обращения: 12.09.2021 г.).
9. Zukhra Iakupbaeva Central Asia's Koreans in Korea: There and (Mostly) Back Again [Электронный ресурс]. – URL <https://www.opendemocracy.net/en/odr/central-asias-koreans-in-korea-there-and-mostly-back-again/> (Дата обращения: 06.09.2021 г.).

Секция VII

История Кореи в XX в.

УДК: 327(510:519.1-19)(09)

СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКО-КОРЕЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ПЕРИОД 1906-1945 ГГ.

Лариса Вячеславовна Забровская
г. Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН

Статья посвящена анализу состояния китайско-корейской границы после объявления о японском протекторате, а затем и присоединения Кореи к Японии. По японо-китайскому пограничному договору 1909 г. стороны признавали границу по пограничным рекам Амноккан (кит. Ялуцзян) и Туманган (кит. Тумыньцзян). Однако оставался неопределенным вопрос о верховьях этих рек, а также территория Цзяньдао (кор. Кандо), населенная этническими корейцами, мигрировавшими на эти земли в середине XIX в. и считавшимися правителем Кореи своими подданными. Этот факт вызывал споры и недоразумения в последующие десятилетия. После 1945 г. корейское население Цзяньдао (кор. Кандо) намеревалось объявить независимость, но не было поддержано ни в Китае, ни в СССР. В 1950-е гг. после китайско-северокорейских пограничных переговоров эта область вошла в состав КНР. Этнические корейцы получили китайское гражданство. Таким путем Китай окончательно закрепил за собой эту территорию.

Ключевые слова: Корея, Япония, Китай, Маньчжоу-го, Цзяньдао, корейские эмигранты.

После объявления в 1905 г. о японском протекторате все внешнеполитические дела Кореи перешли в ведение Японии. Одним из главных внешнеполитических вопросов являлось определение и охрана границы с Китаем. В 1909 г. было заключено китайско-японское «Соглашение о китайско-корейской границе в районе реки Тумыньцзян», в котором подтверждалось, что граница проходит по рекам Амноккан (кит. Ялуцзян) и Туманган (кит. Тумыньцзян). Однако оставался неопределенным вопрос о верховьях этих рек. Вместе с тем признавался китайский суверенитет над Цзяньдао (кор. Кандо). Япония получила право юрисдикции над корейским населением этого китайского района. Ко времени аннексии Кореи Японией в 1910 г. численность корейских эмигрантов в Маньчжурии значительно возросла. Актуальность данного исследования состоит в том, что неразрешенные в прошлом пограничные споры влияют на современное состояние китайско-северокорейских отношений, а проживание этнических корейцев на китайской территории приводит к постоянным нарушениям границы, что и в настоящее время приводит к напряженностям между КНР и КНДР. Исследование основывается на китайских источниках, которые позволяют прояснить китайскую аргументацию по вопросу формирования пограничной линии с КНДР и статусе корейцев, проживающих на китайской территории.

Обосновавшись на Корейском полуострове, Япония пошла дальше и стала преследовать задачу по укреплению своего контроля над корейским населением Цзяньдао. Поэтому статьи соглашения 1909 г. предусматривали закрепление за лицами корейского происхождения тех же прав на имущество, какими пользовались китайцы, и сохранили для корейского приграничного населения право свободной переправы на другой берег р. Туманган. В этом случае пункты нового пограничного соглашения фактически подтверждали и повторяли ранее заключенный между цинским Китаем и Кореей пограничный договор 1904 г. Новым положением в китайско-японском соглашении 1909 г. явилось предоставление японскому уполномоченному права присутствовать на судебных разбирательствах, касающихся корейцев, и пересматривать решения китайского суда [2, т. 2, с. 376]. Это давало Японии возможность постоянно вмешиваться в политику китайских властей в отношении корейских иммигрантов, а также следить, чтобы они не замыслили антияпонские акции.

Заключение в 1909 г. между цинским Китаем и Японией соглашения о китайско-японской границе проходило без участия корейских представителей. Хотя его основное содержание своди-

лось к охране Японией прав корейского населения, проживавшего в Цзяньдао, это совсем не свидетельствовало об искренности таких намерений. Признание китайской юрисдикции над Цзяньдао являлось всего лишь тактическим ходом, предпринятым Японией для приобретения у Китая права на строительство Южно-Маньчжурской железной дороги, что в дальнейшем позволило Японии проникать вглубь материка.

Необходимо подчеркнуть, что корейская эмиграция на китайскую территорию в Цзяньдао на первых порах стимулировалась наличием свободных земель, а также усилением феодального гнета в Корее, результатом которого явилось полное обнищание крестьян. В начале XX в. к этому прибавился и политический фактор. После аннексии Кореи Японией в 1910 г. общая численность корейских мигрантов в Маньчжурии возросла до 110 тыс. [1, с. 11], что было в десять раз больше в сравнении с 1890 г. Проживание этнических корейцев на китайской территории и в дальнейшем влияло на взаимоотношения между Китаем и Кореей.

После образования в 1932 г. Маньчжоу-го значительная часть Цзяньдао вошла в состав его территории и была преобразована в маньчжурскую провинцию под тем же названием. К тому времени на ее территории проживало 453 тыс. корейцев, что в три раза превышало численность других национальностей этой провинции. В следствии агрессивной политики Японии в самой Корее корейцы были вынуждены покинуть свою родину и переселяться за границу. Поэтому численность корейского населения в Маньчжоу-го постоянно росла и в 1935 г. там проживало 850 тыс. корейцев [1, с. 12].

Япония и Маньчжоу-го находились в союзнических отношениях. Это позволяло Японии, монополюльно хозяйничавшей в Корее, рассматривать корейцев, проживавших в Цзяньдао, как своих подданных и представлять их интересы в маньчжурских государственных органах. Известно, что Восточное Цзяньдао с центром в г. Хуньчунь, входило в границы японского генерал-губернаторства Циосен. Впоследствии этот факт использовался Ким Ир Сенем как аргумент в пользу передачи КНДР территории Восточного Цзяньдао, но был отвергнут китайской стороной как неправомерный, противоречащий условиям пограничных договоров 1904 и 1909 годов.

Японское правительство предпринимало много усилий по поиску полезных ископаемых на территории всего Цзяньдао. Там была расширена разработка месторождений каменного угля, золота, медно-свинцово-цинковых руд. Кроме того, были найдены месторождения серебра, железа, сурьмы, фосфата и нефтеносных сланцев [1, с. 5]. Учитывая, что японская промышленность остро нуждалась в нефти и редкоземельных металлах, становится понятным, почему японские власти постарались включить Восточное Цзяньдао в состав своего генерал-губернаторства Циосен.

После освобождения в 1945 г. Маньчжурии и Северной Кореи Советской Армией вновь возник вопрос о прохождении пограничной линии и международном статусе Цзяньдао. Эти вопросы непосредственно решались руководством КНР и КНДР. Стороны руководствовались своим законодательством, определявшим внутреннее государственное строительство. Так, например, китайская сторона руководствовалась программой КПК, в которой после 1945 г. больше не декларировался лозунг о предоставлении нацменьшинствам права на самоопределение, но было сохранено положение о возможности организации автономных районов в местах их компактного проживания. Северокорейское руководство в свою очередь полагало, что территории, где преобладает корейское население, должны войти в состав КНДР.

У населения Цзяньдао были собственные планы о своем будущем. По свидетельству китайских авторов книги «Корейский автономный район нашей великой родины», после 1945 г. подавляющая часть населения Цзяньдао требовала провозглашения независимости, выдвинув лозунг: «Автономия – плохо, самостоятельность – хорошо» [1, с. 12]. Однако такая идея не нашла поддержки у соседних государств. Начавшаяся в 1950 г. Корейская война отодвинула на несколько лет вопрос об определении статуса Цзяньдао.

В августе 1952 г. в КНР была принята «Программа об учреждении автономии для нацменьшинств», в соответствии с которой прошла санкционированная в Пекине кампания за учреждение на территории бывшего Цзяньдао Корейского национального автономного округа с центром в городе Яньцзи. Административно этот округ делился на пять уездов. В 1953 г. корейское население округа составляло 538.243 чел., а по всекитайской переписи населения 1955 г. – 543,8 тыс. чел., что равнялось 70,1% всего населения этого района [1, с. 14].

В первые годы после образования КНР и КНДР их общая граница по рекам Амноккан и Туманган была открыта для свободного перемещения населения. Однако после 1956 г., с началом политических репрессий в КНДР, наметился массовый переход северокорейцев в Северо-Восточный Китай. После этого граница с обеих сторон была закрыта.

В дальнейшем возможность миграции корейцев через китайско-корейскую границу находилась в прямой зависимости от состояния политических отношений между КНР и КНДР и экономических условий проживания в пограничных районах обоих государств. В целом граница между двумя государствами остается сравнительно прозрачной, чему в немалой степени способствует проживание корейского населения по обеим сторонам границы.

В настоящее время КНР проявляет большую заинтересованность в экономическом освоении низовий р. Туманган и развитию торгово-экономических связей с КНДР и Россией в этом регионе. Это связано с острой необходимостью получения Китаем выхода к Японскому морю. Для этого китайские власти пытаются получить в долгосрочную аренду порт Раджин и/или Славянку. Таким путем можно было бы расширить экономические связи Северо-Восточного Китая с Японией, Республикой Корея и США.

Однако такие китайские планы наталкиваются на противодействие соседних стран, которые видят конкурента в лице китайского бизнеса. Тем не менее китайские власти стремятся всячески подчеркнуть свое присутствие в месте пересечения границ трех стран – России, КНДР и КНР. Для этого власти КНР активно развивают туристический комплекс в этом районе общей границы, показывая своим гражданам близость моря и заявляя во время экскурсий, что Китай должен получить выход к Японскому морю в этом районе.

Список литературы

1. 叶尚志, 军李。 我们伟大祖国的朝鲜民族自治州延 = Е Шанчжи, Цзюнь Ли. Корейский национальный автономный округ Яньцзи нашей великой родины. 北京 : 人民出版社 = Пекин: Народное издательство, 1957. 53 页.
2. 旧中国国际条约集 = Сборник международных договоров старого Китая. 第 2 卷 = Т. 2. 北京 : 人民出版社 = Пекин: Народное издательство, 1957. 378 页.

УДК 94(47).084.8

СОВЕТСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1945–1953 ГГ.) КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Екатерина Юрьевна Начарова
г. Москва, ИРИ РАН

В докладе рассматривается эволюция экономической стратегии СССР в отношении Северной Кореи на этапе начала холодной войны. Анализ материалов советских ведомств показывает, что при преобладании геополитических интересов СССР в регионе, экономические проблемы обеих стран также сильно повлияли на формирование советской позиции по корейскому вопросу.

Ключевые слова: СССР, Северная Корея, холодная война, советские специалисты, УСГАСК.

Отношения СССР с Северной Кореей с раздела полуострова и вплоть до окончания Корейской войны изучались многими российскими и зарубежными историками. Экономический аспект советско-северокорейских отношений часто возникал в контексте участия СССР в восстановлении

экономики Северной Кореи после Второй мировой и Корейской войны в работах советских и российских корееведов [1; 4; 8; 9; 10]. Важнейшей частью экономической стратегии СССР в отношении Северной Кореи была «помощь в восстановлении экономики», выражавшаяся не только в предоставлении кредитов, торговле, но и в отправке туда большого количества специалистов в различных областях для формирования новой экономической системы КНДР, что рассмотрено в работах Ю.В. Ванина [6] и Чжон Хюн Су [15].

В данном докладе основное внимание уделено эволюции экономической стратегии Советского Союза в отношении Северной Кореи. Отношения между СССР и Северной Кореей, даже с учетом высокоцентрализованной сталинской системы принятия решений во внешней политике, были далеки от прямого патерналистского подхода.

Большая часть задач, вставших перед администраторами УСГАСК после освобождения Северной Кореи, представляла область насущных экономических проблем, связанных с преодолением последствий раздела страны на зоны оккупации: реструктуризация промышленности, преодоление продовольственного и топливного кризиса, борьба с инфляцией.

Одной из первостепенных задач советские специалисты видели создание не ориентированной на бывшую метрополию корейской промышленности. Поначалу СССР не настаивал на непременном жестком следовании советскому экономическому курсу. С приходом Красной Армии и изгнанием японцев принадлежащие им предприятия были национализированы, но это не означало отсутствие частного сектора в северокорейской экономике. Напротив, в первые годы после освобождения и образования КНДР, он продолжал существовать и даже расти. Согласно отчетам советских специалистов, частный сектор северокорейской промышленности, составляя хоть и небольшую долю в общем ВВП страны, во 2-й половине 1940-х гг. рос стабильно: несмотря на сокращение общего удельного веса частных предприятий, их валовый продукт вырос с 6,3 млрд. вон до 7,8 млрд., также увеличилось количество рабочих, занятых в частном секторе с 69 тыс. человек в 1947 г. до 74 тыс. человек в 1949 г. [12, л. 27].

Частный сектор был крайне важен для северокорейской экономики, так как эти небольшие предприятия, основная масса которых имела от 5 до 10 рабочих, обеспечивали основу пищевой, спиртоводочной, рисо- и деревообрабатывающей, текстильной промышленных отраслей [12, л. 28]. Однако реформы 1949 г., проведенные после вступления корейского конфликта в новую фазу и образования двух государств на Корейском полуострове, и последующая война практически ничего не оставили от частной промышленности в Северной Корее.

Важным шагом в укреплении экономических связей и расширении помощи от СССР стало Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве 17 марта 1949 г. На переговорах при заключении соглашения И.В. Сталин обозначил его основные пункты. Вместо предоставления 50 млн. доллар. в течение года, как просила корейская сторона, КНДР могла рассчитывать на трехлетние поставки машин, оборудования и собственно денежных средств на 40 млн. доллар. (212 млн. руб.) в 1949–1951 гг. с отсрочкой погашения кредита (с 1952 по 1955 г.). Кредит предоставлялся под 2% годовых. Также были созданы смешанные акционерные общества и концессии по строительству железных дорог и развитию авиасообщения [5].

Однако в вопросе предоставления помощи не все шло гладко. Из инспекционных отчетов советских специалистов видно, что на многих заводах «оборудование используется на износ, отсутствует техника безопасности, у рабочих нет спецодежды», «русские советники понимают ненормальность такого положения. По их же словам на советских заводах они этого не допустили бы». Зачастую производственная халатность дополнялась пренебрежительным отношением к корейцам, что усиливало напряженность в отношениях руководящего состава в лице русских и рабочих, находящихся на обучении [14, л. 14].

Большую активность СССР проявлял в сфере торговли: во второй половине 1940-х гг. товарооборот между Советским Союзом и Северной Кореей устойчиво рос. В 1949 г. он вырос по сравнению с 1946 г. на 333 млн. руб., или на 98%, что отражало острую зависимость КНДР от Советского Союза, учитывая также, что импорт из СССР составлял 90% всего ввоза в Северную Корею [11, л. 91].

Структура торговых отношений СССР и КНДР отражает зависимость Кореи от советских поставок: большую часть (66,8%) импорта из СССР составляли фабрично-заводское и электрооборудование, сельскохозяйственные машины, сырье и топливо (кокс, нефть), и еще одну важную

статью составили предметы первой необходимости (27,3%), основа которых – шерстяные и хлопчатобумажные ткани. Экспорт из Кореи для СССР состоял в основном из сырья (мел, химикаты, руды) и в небольшом количестве продуктов сельского хозяйства – яблок, картофеля, риса [11, л. 91]. Особенно Советский Союз был заинтересован в поставках металлов [2, л. 92].

В свою очередь КНДР при усилении подготовки к предстоящей войне за объединение все более была заинтересована в расширении военных поставок. Так, в феврале 1950 г. среди вопросов Ким Ир Сена к советскому правительству была просьба использовать часть кредита, рассчитанную на 1951 г., уже в 1950 г. для закупок советской военной техники и вооружения [3, л. 145-146]. В марте 1950 г. эта просьба была выполнена.

Торговые отношения с КНДР сильно пострадали в годы Корейской войны, когда северо-корейская промышленность подверглась практически полному уничтожению [7, с. 66–67]. Однако, поскольку поставки оружия и гуманитарная помощь осуществлялись тайно, истинные масштабы экономических отношений КНДР и СССР оценить довольно сложно. Н.Е. Бажанова показывает, что общий объем советской помощи КНДР за период 1945–1972 гг. составлял около 567 млн. рублей, из которых пятая часть приходится на 1950–1954 гг. [4, с. 154].

В этот период СССР столкнулся с мощным конкурентом – КНР, довольно быстро обогнавшей его по объемам торговли. Основной страной, ввозившей корейские товары, продолжал оставаться СССР (на 1951 г. – около 86% всего северокорейского экспорта), то импортировала товары Северная Корея с 1950 г. преимущественно из Китая (около 70%), а другие страны народной демократии в совокупности даже чуть перегнали по ввозу товаров СССР (1,57 млрд. вон против 1,56 млрд.). Таким образом, для КНДР Советский Союз как торговый партнер постепенно отодвигается на второй план по сравнению с соседом, исторически и цивилизационно тесно связанным с Кореей.

Ослабление присутствия СССР в корейской торговле объяснялось еще одной причиной, а именно тем, что с началом войны Советский Союз старался всячески дистанцироваться от конфликта. Однако СССР не мог просто лишиться Северную Корею поддержки: ей оказывали медицинскую и гуманитарную помощь [13, л. 101]. Советский Союз посылал в Корею не только военных советников и вооружение, но и способствовал воссозданию промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и образования Кореи.

Список литературы

1. Андреев В.И., Осипов В.И. СССР-КНДР: курсом взаимовыгодного сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. №3. 1983. С. 8–22;
2. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 5а. П. 11. Д. 3;
3. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 5а. П. 11. Д. 4;
4. Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993;
5. Беседа тов. И.В. Сталина с правительственной делегацией КНДР от 5 марта 1949 г. // <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112127>;
6. Ванин Ю.В. СССР и Северная Корея. 1945–1948. М, 2016;
7. Внешняя торговля СССР. 1918–1966. М., 1968;
8. Грязнов Г.В. Социалистическая индустриализация в КНДР (1945–1960). М., 1966;
9. Грязнов Г.В., Королев П.Г. Изменение общественно-экономического строя в Северной Корее после освобождения (1945–1948 гг.) // Очерки социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике. М., 1963. С. 82–137;
10. Корейская Народно-Демократическая Республика / отв. ред. Тригубенко М.Е. М., 1985;
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 409;
12. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1265;
13. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1272;
14. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1274;
15. Чжон Хюн Су. Социально-экономические преобразования в Северной Корее в первые годы после освобождения: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. ИСАА МГУ. М., 1997.

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Наталья Николаевна Ким
г. Москва, НИУ ВШЭ, ИВ РАН

В статье анализируется исторический нарратив о Второй мировой войне в Республике Корея. На основе исследования учебных пособий по истории Кореи, материалов государственных фондов, музеев, созданных в память о японском колониализме, автор пришел к выводу, что Вторая мировая война описывается как второстепенное историческое действие, на фоне которого разворачивается национально-освободительное движение и эксплуатационная политика Японской империи.

Ключевые слова: исторический нарратив, Республика Корея, Вторая мировая война, японский колониализм, принудительная мобилизация.

Итоги Второй мировой войны во многом определили современную политическую конфигурацию на Корейском полуострове. Раскол Кореи на два суверенных государства, идеологическое и политическое противостояние Севера и Юга являются следствием Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Более того, текущее противостояние консерваторов и прогрессистов в Республике Корея и идеологическая монолитность КНДР также проистекают из итогов глобального военного конфликта XX в. В отличие от европейских наций, память о Второй мировой войне не формирует основу исторической памяти и нарратива современной корейской нации, независимо от того, говорим ли мы о Республике Корея или КНДР. Причина этого довольно проста – Корея не участвовала в войне как суверенное государство. Будучи колонией Японской империи, она была вовлечена в конфликт на стороне метрополии, разделив с ней все тяготы и ужасы войны. Национально-освободительное движение Кореи, которой действовало за рубежом и внутри страны, практически не было задействовано в военных операциях по освобождению Кореи союзниками в августе 1945 г. Как следствие, непосредственно после капитуляции Японии судьба корейской государственности решалась исключительно на международном уровне, поставив жаждущих немедленной национальной независимости корейцев в очередной раз после аннексии в униженное положение. В итоге память о Второй мировой войне формировалась как память о колониальной эксплуатации корейцев японским империализмом и как очередное поражение национальных сил, не способных сохранить единство страны, предотвратить раскол и восстановить корейскую государственность на равных правах с европейскими нациями. Таким образом, память о Второй мировой войне для корейцев – это, с одной стороны, память об освобождении от японского колониализма и сопряженными с ними событиями, а с другой – память о расколе, как непосредственном следствии военного конфликта и обстоятельств освобождения.

Исторический нарратив о Второй мировой войне в РК условно можно разделить на нарратив о колониальной политике в военные годы («колониальный режим и война») и нарратив о достижении Кореей независимости («движение за независимость Кореи и война»). Первый нарратив включает в себя повествование о трудовой и военной мобилизации, формировании отрядов «женщин для утешения», японизации корейского населения (искоренение этнической идентичности), то есть о тех событиях, которые развернулись накануне или в годы Второй мировой войны. Второй нарратив включает в себя обсуждение корейского вопроса государствами-союзниками в годы войны, контакты государств-союзников с различными представителями национально-освободительного движения и последствия освобождения. Понятия «Вторая мировая война» и «война на Тихом океане» используются в историческом нарративе как синонимы, при этом последний термин встречается чаще.

Колониальный режим и война

Вторая мировая война приходится на колониальный период в корейской истории. Поэтому она рассматривается в контексте внутренней и внешней политики Японской империи, частью которой Корея являлась с августа 1910 г. В современном историческом нарративе о Второй

мировой войне в контексте колониальной политики акцент делается на агрессивный характер внешней политики Японской империи, намеревавшейся прежде всего захватить Китай, а поэтому использовавшую Корею как базу для продвижения на континент. При описании данного нарратива я опираюсь на коллективную монографию «Новейшая история Кореи», изданную «Обществом исследования корейской истории» (*Хангукса ёнгухве*) [4], школьный учебник по истории Кореи старшей школы (7-й образовательный стандарт, 1997–2009), опубликованный на сайте Национального института истории Кореи (*Хангукса пхёнчхан вивонхве*) [2], и исторические материалы Фонда помощи жертвам принудительной мобилизации в период японской оккупации [5], Дома «женщин для утешения» [1].

В учебнике по истории Кореи старшей школы Института национальной истории Кореи подчеркивается эксплуатационный характер колониальной политики. «В 1930-е гг. Японская империя, форсируя агрессию на континент, превратила Корейский полуостров в базу снабжения. В 1940-е гг. спровоцировав войну на Тихом океане, значительно возросла экспроприация материальных, человеческих ресурсов. В это время Японская империя, намереваясь полностью уничтожить нашу этническую идентичность, продвигала политику ассимиляции [превращения корейцев в подданных японского императора]. Провозгласив лозунг «Корея и Япония – одно тело», сделала так, что мы не могли использовать национальное письмо и язык. Более того, вынудила корейцев поменять имя и фамилию на японский манер, приносить клятву верности императору, поклоняться синтоистским божествам, совершать поклоны в сторону императорского дворца» [3]. Далее авторы указывают на то, что в годы войны в принудительном порядке тысячи молодых корейцев, мужчин и женщин, были мобилизованы на фронт. Одной из самых прискорбных тем в контексте данной мобилизации является использование корейских женщин в качестве «женщин для утешения», или сексуальных рабынь.

Хотя трудовой и военной мобилизации с началом войны на Тихом океане в первую очередь подверглись японские подданные, а потом уже корейцы в массовом порядке, в официальном историческом дискурсе в РК этот факт нивелируется, все внимание фокусируется на принудительном характере мобилизации корейцев, как если бы этого можно было избежать в условиях военного времени. Поэтому ключевыми темами, которые хронологически относятся ко Второй мировой войне, становятся вопросы эксплуатации корейского народа. Язык, который используется для описания трудовой, военной мобилизации, в том числе отрядов вианбу («женщин для утешения») предельно жесткий, категоричный, и в целом крайне негативно оценивающий проводимую Японской империей политику в отношении корейцев. При описании мобилизации чаще всего добавляется эпитет «принудительная» (*канчжэ*), войны Японии с Китаем, а потом с союзниками – «агрессивная», или «захватническая» (*чхимняк*). Война преподносится как спланированное действие, направленное на расширение территории Японии – «агрессия на континент» (*тэрюк чхимняк*).

Движение за независимость Кореи и война

При изложении событий Второй мировой войны авторы изученных мною исторических материалов исходят главным образом из того, как в годы глобального военного конфликта развивалось движение за независимость, какое внимание вопросу восстановления корейского государственного суверенитета уделяли государства антифашистской коалиции. История движения за независимость Кореи является важнейшей темой корейской истории первой половины XX в. Значимость данной темы определяется задачами национального строительства, в частности консолидации нации на основе определенного видения прошлого. Историческое сознание современных корейцев основано на признании Кореи жертвой колониального режима. Поэтому память о прошлом выстраивается как память о той огромной жертве, которую корейцы вынуждены были принести во благо японского императора, проводящего агрессивную внешнюю политику. Соответственно с тем, чтобы компенсировать травму, полученную от эксплуатационного режима, необходимо помнить о непрекращающейся борьбе корейцев за независимость, их стремлении к свободе и возрождению корейской нации. То есть несмотря на все попытки японцев ассимилировать корейцев, искоренить их этническую идентичность, важно помнить, что корейцы сохранили дух сопротивления.

Подчеркнутое внимание к антияпонскому движению и память о нем определяет исторический нарратив: корейских историков мало интересует ход военных действий в годы

войны на Тихом океане, противостояние членов Антикоминтерновского пакта и государств-союзников. Победы и поражения Японской империи в войне на Тихом океане – это часть японской истории, тогда как трудовая и военная мобилизация, борьба за независимость – это часть национальной истории Кореи. Поэтому в контексте Второй мировой войны корейских историков больше интересует, что государства-союзники думали про независимость Кореи, как они взаимодействовали с различными группами в национально-освободительном движении, как принимали решение об оккупации и разделении Кореи по 38 параллели, и, естественно, как корейцы восприняли освобождение и разделение. Весьма примечательным является и то, что сам процесс освобождения Кореи силами Советской армии сводится к простой констатации факта о вступлении СССР в войну против Японии и оккупации Кореи к северу от 38 параллели. После чего внимание историков смещается на капитуляцию Японии, внутреннюю политику в период оккупации Корейского полуострова военными силами СССР и США. Тот факт, что о военном освобождении Кореи почти ничего не сказано в исторических материалах, не стоит интерпретировать исключительно как непризнание заслуг Советской армии, хотя и отрицать трудно. Скорее я склонна считать, что это следствие нежелания историков фокусироваться на освобождении Кореи внешними силами. Иными словами, исходя из националистических соображений превознесения свободы нации, описание ее спасения от японского колониализма силами СССР или США сознательно нивелируется в историческом нарративе.

Список литературы

1. 나눔의집 (Дом «женщин для утешения»). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nanum.org/sub1/sub3.php> (Дата обращения: 10.09.2021)
2. 고등학교 국사 (7차교육과정) (История Кореи (старшая школа, 7-й образовательный стандарт)) // 국사편찬위원회 (Национальный институт истории Кореи). [Электронный ресурс]. – URL: http://contents.history.go.kr/front/ta/view.do?levelId=ta_h71_0010 (Дата обращения: 10.09.2021).
3. 일제 식민지 정책. 2. 고등학교 국사 (7차교육과정) (Колониальная политика Японской империи. История Кореи (старшая школа, 7-й образовательный стандарт)) // 국사편찬위원회 (Национальный институт истории Кореи) [Электронный ресурс]. – URL: http://contents.history.go.kr/front/ta/view.do?levelId=ta_h71_0040_0050_0030_0010 (Дата обращения: 10.09.2021).
4. 한국현대사 1. 정병준, 정영욱, 김광운, 정창현, 안김정애, 기광서 지음. 서울: 푸른역사, 2018 (Новейшая история Кореи в 2-х тт. Т.1. Под ред. Чон Бёнчжуна, Чон Ёнука, Ким Квануна, Чон Чханхёна, Ан-Ким Чонэ, Ки Квансо. Сеул: Издво Пхурын ёкса, 2018).
5. 일제강제동원피해자지원재단 (Фонд помощи жертвам принудительной мобилизации в период японской оккупации). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fomo.or.kr/kor/contents/1> (Дата обращения: 10.09.2021)

Секция VIII

История Кореи: Новое время

УДК 947:571.6(591)

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ НА ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (1905-1919 ГГ.)

Александр Юрьевич Иванов
г. Хабаровск, ТОГУ

Аннотация. С подписанием договора о протекторате Японии над Кореей в 1905 г. на Корейском полуострове начинает разворачиваться борьба корейского народа за национальную независимость. Немаловажную роль в этой борьбе сыграли и корейские эмигранты, проживавшие на русском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Корея, российский Дальний Восток, антияпонская борьба, корейские эмигранты.

17 ноября 1905 г. была открыта одна из печальных страниц в истории Кореи – был подписан договор о протекторате Японии над Кореей, направленный на ее полную изоляцию и лишивший корейское правительство самостоятельности во внешних сношениях. Подписание договора о протекторате вызвало новый подъем национально-освободительного движения в Корее. Главную роль в сопротивлении японским колонизаторам играла вооруженная борьба народных масс, поднявшихся на защиту независимости Кореи. В конце 1905 г. в Корее стали возникать партизанские отряды, которые по традиции назывались «Ыйбён» («Армия справедливости»).

Немаловажную роль в этой борьбе сыграли и корейские эмигранты, проживавшие на русском Дальнем Востоке. К 1905 г. здесь проживало уже несколько десятков тысяч выходцев из Кореи, среди которых немалую долю составляли те, кто бежал от преследований японской полиции [1, с. 398].

Таким образом, русский Дальний Восток стал одной из важнейших заграничных баз освободительного движения в Корее. Корейские политэмигранты создали в приморской области один из наиболее крупных зарубежных идеологических центров по организации национально-освободительной борьбы корейского народа. Задачей этого центра являлась пропаганда идей движения среди корейского населения области [2, с. 11]. Здесь же собирались средства для партизан, закупалось оружие и снаряжение, которые затем переправлялись в Корею. На территории русского Дальнего Востока формировались и уходили на борьбу отряды, созданные местным корейским населением, а в пограничных с Кореей селениях размещались партизанские отряды, отступившие на территорию России под натиском японских карателей. По различным данным в районе р. Туманган было сосредоточено 3-4 тысячи бойцов отрядов «Ыйбён» [5, с. 59].

Одним из таких отрядов являлась группа партизан во главе с кантонским пограничным комиссаром Ли Бом Юном, которые в 1906 г. были вытеснены из горных районов Кореи японскими карательными отрядами и, понеся огромные потери, обосновались в районе Посьета. Готовясь к новым боям, Ли Бом Юн, а также бывший капитан императорской гвардии Ким Хунджу осуществляли общее руководство набором добровольцев и формированием отрядов. В 1907 г. в с. Новокиевская Ли Бом Юн образовал штаб-квартиру отрядов «Ыйбён», а в 1908 г. создал общество «Тонъихве» («Общество единомышленников»). Определенную роль в организации антияпонского сопротивления сыграли Ли Сан Соль, бывший товарищ министра внутренних дел Кореи, и сын корейского посланника в Петербурге Ли Виджон.

С 1907 г. в корейских селах Южно-Уссурийского края начинается формирование и военное обучение боевых партизанских отрядов, часть из них с начала 1908 г. стала направляться в Северную Корею и к апрелю 1908 г. с русской территории ушло около тысячи бойцов. Одним из бойцов

партизанского отряда, ушедшего с территории русского Дальнего Востока на борьбу с японским колониализмом, был национальный герой Кореи Ан Джун Гын, осуществивший в октябре 1909 г. план покушения на первого генерального резидента в Корее Ито Хиробуми. По данным пристава Посыетского стана Южно-Уссурийского уезда 19 – 21 июня 1908 г. границу перешло 200 корейских граждан, а 23 июня того же года – 96 партизан, прибывших из Сучана [3]. Прибывавшие с территории России морским и сухопутным путем партизанские отряды встречали полную поддержку местного населения. Они боролись самостоятельно или сливались с уже действовавшими силами сопротивления [1, с. 402], причем благодаря высокой организации поставок оружием и продовольствием были более боеспособны, нежели партизанские отряды, созданные на территории Кореи. Сформированные в Приморье отряды «Ыйбён» с июля по сентябрь 1908 г. провели ряд боевых операций против японской армии и полиции. Эти отряды действовали не только в приграничных с Россией районах Кёнхын, Кёнвон, Хверен, но и во внутренних районах провинции Хамгён (Мусан, Кёнсон) [5, с. 60].

Определенную роль в единении патриотических сил сыграли корейские национальные организации. Самым многочисленным антияпонским обществом на территории русского Дальнего Востока являлось «Кунъминхве» («Национальное корейское общество»). Это общество «в интересах образования и воспитания корейцев в духе национальных идей», открывали школы, которые становились не только местом обучения, но и очагами пропаганды националистических и антияпонских воззрений. К концу 1909 г. только в Приморье «Национальное корейское общество» имело 12 отделений, осуществляло тесные контакты с американскими миссионерами, стремившимися использовать антияпонские настроения корейцев в своих целях [2, с. 12].

Сторонники вооруженной борьбы против японских колонизаторов во главе с Ли Бом Юном выступили против деятельности «Национального корейского общества», не веря, что США сможет оказать реальную помощь в борьбе корейского народа за независимость.

В целях преодоления наметившегося раскола среди корейской эмиграции в июле 1910 г. было решено провести в деревне Анбамби (Южно-Уссурийский край) съезд корейских партизан. Основным итогом этого съезда стало объединение враждовавших между собой групп корейских эмигрантов. Делегаты съезда решили объединить свои силы и создали организацию «Армия справедливости 13 провинций» и поставили перед собой задачу активизации партизанской войны, проведению диверсий и распространению прокламаций. Кроме того, руководители вновь созданной организации предложили отправить последнему правителю династии Чосон Кочжону послание с просьбой приезде его в Приморье для того, чтобы возглавить эмиграционное правительство в Корее.

23 августа 1910 г. во Владивостокской газете «Далекая окраина» было сообщено об аннексии Кореи Японией. Сразу после этого руководители «Армии справедливости 13 провинций» и более 200 корейцев собрались в одной из корейских школ и приняли решение о создании общества «Сонмёнхве» («Декларативное общество»), целью которого являлась борьба за независимость Кореи.

В сентябре 1910 г. во Владивостоке прошло собрание, в котором участники, несмотря на видимые разногласия в методах ведения антияпонской борьбы, приняли решение бороться за освобождение Кореи. Под этим решением подписалось 2324 человека. Одновременно в корейские села были посланы агитаторы для разъяснения положения в Корее и сбора средств [2, с. 13].

1 июня 1911 г. по инициативе Японии был подписан «Русско-японский договор о взаимной выдаче преступников». Подписывая этот договор, японское правительство преследовало единственную цель – пресечь антияпонское движение корейцев, обосновавшихся на территории русского Дальнего Востока. После этого японские дипломаты стали регулярно сообщать царскому правительству о политических преступлениях, совершенных «поданными Японской империи». Как правило, русские власти выполняли требования японской стороны и высылали корейских патриотов за пределы России. Эти меры серьезно затрудняли формирование и обучение партизанских отрядов на территории русского Дальнего Востока; число вооруженных выступлений из приграничных районов Приамурского и Приморского областей резко сократилось [1, с. 426].

С другой стороны, русские власти для того, что бы поставить общественную жизнь корейцев под контроль, решили образовать легальное «Корейское общество развития труда». В 1914 г. были открыты отделения этого общества в 13 населенных пунктах Приморской области, которые объединяли 8579 человек [2, с. 13]. Вновь образованное общество наряду с созданием корейских тор-

говых и промышленных предприятий, открытием школ, библиотек, изданием газет и журналов, продолжало вести активную антияпонскую пропаганду.

Борьба корейцев за независимость Кореи активизировалась после Мартовской демонстрации 1919 г., ознаменовавший новый этап антияпонского движения на Корейском полуострове. Созданный в Никольск-Уссурийске 25 февраля 1919 г. Всекорейский национальный совет опубликовал 17 марта Декларацию независимости, призывавшую к борьбе за изгнание японских империалистов из Кореи. В тот же день местные корейцы организовали демонстрацию. В донесении колчаковского управляющего Никольск-Уссурийским уездом управляющему Приморской областью от 20 марта 1919 г. сообщалось: «Доношу, что 17 марта проживающими в г. Никольске и его окрестностях корейцами в числе нескольких сот человек была устроена демонстрация-протест против угнетения японцами корейской нации и против поглощения корейского государства японским. Демонстрация сопровождалась разбрасыванием прокламаций на русской и корейском языках... Затем был проведен митинг, на котором присутствовало до 500 корейцев» [4, с. 54].

18 марта 1919 г. массовая демонстрация корейцев состоялась во Владивостоке, которая активно поддержали и русские рабочие. В этот период антияпонские демонстрации охватили и другие районы русского Дальнего Востока. Часто национально-освободительное движение корейцев шло параллельно борьбе большевиков против белогвардейцев и японских интервентов. Так, в апреле 1920 г. один из главных организаторов движения за независимость Кореи на русском Дальнем Востоке Чхве Джэ Хён сформировал во Владивостоке отряды «Ыйбён», состоявшие из российских корейцев, и вел уличные бои против японских интервентов [5, с. 57].

21 марта 1919 г. – в самый разгар борьбы за независимость – во Владивостоке было сформировано временное правительство Кореи. Создание временного правительства на территории советского Дальнего Востока было связано с острой потребностью движения за независимость в руководящих органах. Впоследствии временное правительство во Владивостоке взяло на себя роль по объединению усилий в антияпонской борьбе с возникшими позднее временными правительствами в Шанхае и Сеуле. Таким образом, антияпонская борьба на российском Дальнем Востоке вышла на качественно новый уровень, приняв форму международного движения за независимость Кореи и корейской нации.

Список литературы

1. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). – Т. 1. М: Наука, 1974. – 472 с.
2. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.). Документы и материалы. Кн. 1. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. – 404 с.
3. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1160. Л. 33, 89.
4. Японская интервенция в 1918 – 1922 гг. в документах. – М.: Центрархив, 1934. – 232 с.
5. Ханъиль муджанъ тонънип тхуджэньса (История антияпонской борьбы вооруженной борьбы за независимость). – Сеул: Ирвон. – 2000. – 350 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ КУБОН СИНЧХАМ НА ПРИМЕРЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ДВОРЦА КЁНУНГУН В ПЕРИОД КОРЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897–1910 ГГ.

Нина Викторовна Финько
г. Санкт-Петербург, СПбГУ

Концепция кубон синчхам (舊本新參) – «основываясь на старом привлекать новое» – стала ключевым принципом реализации модернизационных реформ в Корейской империи (1897–1910). Предполагалось объединение западной модели организации политической и общественной жизни с существующей традиционной корейской системой, не затрагивая при этом основ конфуцианства.

Дворец Кёнунгун (сов. Токсугун) становится официальной резиденцией короля Кочжона в начале 1897 г. Изменение его внутренней структуры и строительство на его территории зданий в западном стиле (洋館) рассматривается в качестве примера репрезентации нового политического курса кубон-синчхам.

Ключевые слова: кубон синчхам, Корейская империя, дворец Кёнунгун, Сеул, модернизация.

Введение

Согласно теории шведского социолога и исследователя репрезентации власти в городской среде Й. Терборна «национальная трансформация обычно сосредотачивается в городском центре национального государства, т.е. в его столице». [2, с. 10] В процессе смены политической власти (и/или политического курса) столичные города становятся своеобразными символами, которые принимают участие как в формировании национального государства, так и его национальной идентичности. Социолог отмечает, что «власти в национальном государстве Нового времени особенно нужна репрезентация чтобы задать рамки идентичностям, мыслям, убеждениям, надеждам и устремлениям как самого государства, так и его граждан». [2, р. 23] Наиболее очевидными вариантами репрезентации политической власти он называет новые государственные символы (флаги, гербы, ордена, лозунги и пр.), а также архитектуру и трансформацию городского пространства.

В государствах Дальнего Востока расположение и план города сам по себе является репрезентацией его космологической связи с занимаемым им пространством и наделяя его символами. Столицей считался город, где находился дворец, в котором проживал правитель государства. «Именно наличие дворца, а также алтарей предков династии (чонмё) и духов земли и злаков (саджиктан) делало город столицей». [1, с. 295] Так главный королевский дворец государства Чосон (1392–1897) Кёнбоккун стал первой постройкой в новой столице Ханян (сов. Сеул) в 1394 г. Дворец Кёнбоккун – «Дворец цветущего счастья» – можно рассматривать в качестве примера репрезентации политической власти и нового политического курса, который был выбран династией Ли. «Название отражало решимость молодой, отказавшейся от буддизма как государственной религии династии неотступно следовать заветам конфуцианских мудрецов». [1, с. 295]

Расположение дворца, структура и архитектура были ключевыми элементами при его планировании. Природное и географическое местоположение политического центра страны определялось согласно идеям пхунсу (風水) (корейская интерпретация китайского фэншуй). Одним из ключевых элементов пхунсу было гармоничное сосуществование с природой, поэтому почти вся архитектура традиционной Кореи была деревянной. «Считалось, что гармоничное сочетание архитектуры с пейзажем возможно только тогда, когда они состоят из одного и того же материала». [1, с. 296]

Особая структура и архитектура выстраивались согласно правилам, прописанным в древнекитайских трактатах (Чжоу ли («Чжоуский этикет») и Лицзи («Записки о ритуале»)), [1, с. 321] и символизировали легитимность и всю полноту власти правителя государства. Так как само государство Чосон обладало строгой системой социальной стратификации, то и дворцовые постройки также отражали эту структуру. [9] Дворец представлял собой комплекс зданий и построек, расположенных в строгом иерархическом порядке и выполнявших различные функции.

Корея на рубеже XIX – XX вв.

С «открытием» Кореи в 1876 г. начались активные международные контакты и корейское общество столкнулось с технологическими достижениями западной цивилизации, что оказалось для него серьезным испытанием. С одной стороны, технологическое преимущество Запада было слишком очевидно и, в связи с этим отчетливо ощущалась отсталость страны, с другой – новые реалии и их ценности, привезенные из-за границы, совершенно не соответствовали традиционным представлениям корейцев, что сильно затрудняло их принятие.

Первым этапом широкомасштабных реформ в современной историографии принято считать реформы годов кабо и ыльми (1894–95 гг.). Но назвать их действительно эффективными сложно. С одной стороны, реформы были значительным шагом на пути к модернизации Кореи, а с другой – проводились про-японским правительством и в первую очередь в интересах Японии

Следующим этапом модернизационных процессов на Корейском полуострове стало провозглашение Корейской империи в 1897 г. Император Кочжон принял новый девиз правления – «кванму» (光武), «светлый и воинственный», тем самым определив новый образ Кореи как сильное в военном отношении и просвещённое государство. Важным элементом реформ кванму стала концепция кубон-синчхам (舊本新參) – «основываясь на старом, привлекать новое». Согласно этим идеям, корейское общество необходимо изменять, сохраняя традиционные (по сути, конфуцианские) основы жизни, принимая во внимание новые идеи и достижения западной цивилизации. Таким образом, планировалось объединить европейскую модель организации политической и общественной жизни с существующей традиционной корейской системой. [3]

Реконструкция дворца Кёнунгун в период Корейской империи 1897–1910 гг.

По возвращению из Российской дипломатической миссии Кочжон сделал своей официальной резиденцией дворец Кёнунгун. Он никогда не считался «главным дворцом» (чонгун 正宮 или попкун 去宮) и изначально принадлежал принцу Вольсану (1454–1488 гг.), старшему брату короля Сончжона (1469–1494 гг.). Во второй половине XIX в. район Чондон, где и располагался дворец Кёнунгун, стал центром политической и культурной жизни Кореи. Здесь были сконцентрированы все иностранные представительства, и проживавшие в Сеуле иностранцы строили в нем здания в характерном для своей страны архитектурном стиле. [5, с. 80]

Расположение нового императорского дворца Кёнунгун в центре города и в центре новой разработанной радиальной системы дорог противоречило всем традиционным принципам геомантии. При этом внутренняя территория дворца и его измененная структура стала репрезентацией нового политического курса, выбранного Кочжоном – кубон-синчхам. Наиболее яркими примерами являются традиционный тронный зал Чунхвачжон (中和殿) и новый императорский дворец Сокчочжон (石造殿), расположенные на территории Кёнунгуна.

Строительство тронного зала Чунхвачжон началось в 1902 г. Благодаря нему структуру дворца Кёнунгун получилось максимально приблизить к традиционной системе планировки королевских дворцов: он завершал основную ось (축) из трех ворот от ворот Тэханмун (大漢門) до ворот Човонмун (朝元門) и Чунхвамун (中和門). [8, с. 90] В его внутреннем интерьере также были сохранены основные традиционные элементы и символы власти: пятицветная роспись танчхон, каменная панель тапто, фигурная черепица чхвиду, а также королевский трон и ширма «Солнце, Луна и пять пиков» (ирволь обон пён). При этом важно отметить, что если раньше символом корейского королевского двора и власти вана была птица феникс (봉황), то теперь, после провозглашения Кореи империей, основным символом государственной власти становится «двойной дракон» (쌍룡), который раньше ассоциировался с абсолютной властью только китайского императора. [7]

Императорский дворец Сокчочжон – одно из нескольких каменных строений на территории дворца Кёнунгун. Он был выполнен в строгом и лаконичном стиле неоклассицизма, распростра-

ненном на Западе, и символизировал намерение Кочжна превратить страну в сильное, процветающее и суверенное государство, с которым должны были считаться ведущие мировые державы. В Сокчочжоне, в отличие от прежних традиционных дворцовых комплексов, жилые и хозяйственные пространства находились вместе с помещениями для государственных дел. [5, с. 77] Внутри дворец был декорирован одним из главных символом Корейской империи – цветком сливы оятккот (오얏꽃). Герб корейской императорской семьи изображался практически везде: на придворных костюмах, военной форме, медалях, официальных документах, монетах, почтовых марках и даже на столовых приборах в императорском дворце. [8, с. 91]

Другие каменные здания в западном стиле, такие как Тондокчон (돈덕전) и Чунмёнчжон (중면전), и разрушенные здания Кусонхон (구성헌) и Управления Верховного Главнокомандующего Вонсубу, также можно рассматривать как архитектурные элементы репрезентации идей кубон-синчхам. [7, 8, 9, 10] Так, например, большая часть зданий была переименована с добавлением окончания чон (殿), что согласно древнекитайской традиции символизировало их высокий государственный статус. [1, с. 334] В период Корейской империи был сформирован новый дипломатический протокол, основанный на международных стандартах. Большая часть официальных (и не только) встреч иностранных представителей с императором проходила именно в этих зданиях. На время аудиенции гостей просили надевать придворный мундир или костюм. После встречи с Императором гостей приглашали к обеду или ужину, в зависимости от времени, на котором подавались блюда корейской и европейской кухни, вино и кофе. [5, с. 84–85]

Таким образом дворец Кёнунгун является уникальным примером репрезентации новой политической власти Корейской империи. В период 1897–1910 гг. на его территории строятся два главных здания, символизирующих власть правителя корейского государства нового образца: традиционный тронный зал Чунхвачжон и дворец Сокчочжон, каменное здание в западном стиле. Воплощая в себе идеи кубон-синчхам – «основываясь на старом, привлекать новое» – дворец Кёнунгун становится не просто главным императорским дворцом, но и «ядром» столицы империи, вокруг которого создавалась новая Корея. Он становится символом самобытности Корейской Империи, современного государства, о котором мечтал Кочжон, и его воли сохранить независимость страны.

Список литературы

1. Симбирцева, Т.М. Владыки старой Кореи / Т. М. Симбирцева. – Москва: Изд-во РГГУ, 2012. – 640 с.
2. Терборн, Й. Город власти. Город, нация, народ, глобальность / Й. Терборн. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 472 с.
3. Hwang Kyung Moon. Rationalizing Korea: the rise of the Modern state, 1894 – 1945. University of California Press. 2015. – 416 p.
4. Yi Tae-Jin. Seoul at the Beginning of the 20th Century Urban Development Based on Western Models. Korea Journal, vol. 39 no. 3, 1999.09. P. 95 – 121
5. 100 년전의 기억, 대한제국. 국립고궁박물관. 서울. 2010. 쪽 407 [Воспоминания о Корейской империи 100 лет спустя. Национальный дворец-музей Кореи. Сеул. 2010. – 407 с.]
6. 김흥순. 조선 후기 도시계획에서 나타난 근대성: 조선왕조 실록 기사에 대한 분석을 중심으로 // 한국도시행정학회 도시행정학보 제 22 집 제 1 호, 2009. 쪽 41 – 67 [Ким Хынсун. Современность в градостроительстве в эпоху позднего Чосона: анализ хроник династии Чосон. Журнал корейской ассоциации городского управления, вып. 22 номер 1. 2009. С. 41 – 67]
7. 목수현. 대한제국기의 국가 상징 제정과 경운궁 // 서울학연구, 40. 2010. 쪽 159-185 [Мок Сухён. Учреждение национальных символов Корейской империи и дворец Кёнунгун. Исследования Сеула 40. 2010. С. 159 – 185]

8. 안창모. 경운궁과 제국의 두 얼굴, 석조전과 종화전 // 건축사 No. 529. 2013. 쪽 88-94 [Ан Чханмо. Кёнунгун и два лица империи: Сокчочжон и Чунхвачжон. Журнал Архитектор № 529. 2013. С. 88-94]

9. 이운상. 황제의 궁궐 경운궁 // 서울학연구, 40. 2010. 쪽 1-24 [Ли Юнсан. Императорский дворец Кёнунгун. Исследования Сеула 40. 2010. С.1 – 24]

10. 우동선. 경운궁(慶運宮)의 양관(洋館)들 // 서울학연구 40. 2010. 쪽 75-105 [У Донсан. Здания в западном стиле во дворце Кёнунгун. Исследования Сеула 40. 2010. С. 75 – 105]

УДК 94

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА ЗОНТАГ (1838-1922) И ЕЕ РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА МЕЖДУ КОРЕЕЙ И СТРАНАМИ ЗАПАДА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Ирина Александровна Муסיнова
г. Екатеринбург, УрФУ

Мария-Антуанетта Зонтаг входит в число самых выдающихся личностей раннего периода германо-корейских отношений. Наиболее яркие страницы ее жизни связаны с работой в качестве церемониймейстера при корейском дворе, а также с открытием знаменитой резиденции (первой гостиницы западного типа) в Сеуле. Приемы и встречи, которые проводились в резиденции госпожи Зонтаг, оказали серьезное влияние на модернизацию корейской элиты нового времени. Западные отели были местами, где корейцы знакомились с современными достижениями западной культуры (кофе, фотоаппарат, бильярд, велосипед, западная музыка, свадьбы нового типа и т.д.). Многие из этих достижений получали распространение среди корейской интеллектуальной и политической элиты, а впоследствии прочно входили в повседневную жизнь корейской столицы, меняя ее облик.

Ключевые слова: Мария-Антуанетта Зонтаг, германо-корейские отношения, резиденция Зонтаг, модернизация, новая история Кореи.

Мария-Антуанетта Зонтаг (1838-1922) впервые прибыла на Корейский полуостров вместе с российским вице-консулом Карлом Ивановичем Вебером (1841 -?) и его женой (родной сестрой Антуанетты Зонтаг) . В то время ей было примерно 30-35 лет, у нее была довольно привлекательная внешность, талант к музыке и искусству, по этой причине она была весьма популярна среди иностранных дипломатов в Сеуле .

В течение нескольких лет Антуанетта Зонтаг вела хозяйство своего зятя Карла Вебера, а после отъезда из Кореи в декабре 1885 г. Розали фон Мёллендорф, жены барона Пауля Георга фон Мёллендорфа, заняла ее место в качестве консультанта корейского двора по вопросам западного этикета и организации официальных приемов. Появление западных дипломатов при дворе повлекло за собой определенные трудности в общении, поэтому ван Коджон и его супруга нередко обращались за такими консультациями. Антуанетта Зонтаг произвела на королеву Мин очень положительное впечатление, когда помогала ей с подготовкой к приемам иностранных делегаций. Кроме того, королева Мин очень интересовалась нравами, обычаями, искусством, музыкой и кухней стран Запада, поэтому Антуанетте Зонтаг при дворе давалось все больше и больше поручений такого рода. При ее активном участии были обставлены вестибюли дворца Чхандоккун, предназначенные для приема западных гостей, она познакомила корейскую королевскую семью с западной кухней, выпечкой и кофе. Высокопоставленные корейские министры и чиновники, стремящиеся следовать западным тенденциям, также обращались за помощью к госпоже Зонтаг, чтобы украсить комнаты своих домов в западном стиле или попросить совета относительно покупки западной посуды.

Невероятное возвышение Антуанетты Зонтаг произошло в 1895 г., после убийства королевы Мин, когда корейский правитель Коджон, опасаясь за свою жизнь, принял непростое решение бежать в российскую дипломатическую миссию. Дипломатическая миссия, как и резиденция Антуанетты Зонтаг, находилась в районе Чонг-донг. Именно во время своего пребывания в Российской дипломатической миссии корейский монарх по достоинству оценил заботу и кулинарные навыки Антуанетты Зонтаг, впоследствии щедро одарив ее землей и своей благосклонностью .

Чтобы выразить свою благодарность, король Коджон подарил Антуанетте Зонтаг в 1895 г. в качестве резиденции участок площадью около 3900 м2 с традиционным корейским домом. Участок был расположен прямо за нынешним дворцом Токсугун. В то время это был район, где располагались иностранные представительства, резиденции членов правительства и миссионеров, а также несколько западных ресторанов . После возвращения во дворец ван Коджон также назначил госпожу Зонтаг придворным церемониймейстером. Действуя в качестве доверенного лица и советника короля Коджона на этом посту, Антуанетта Зонтаг постепенно приобрела влияние при дворе и начала отвечать не только за организацию приемов и банкетов в честь высокопоставленных иностранных лиц, но и за управление бюджетом дворца. Шаг за шагом ей постепенно удалось внедрить европейские протокольные обычаи на официальных приемах в Корею, что привело к сокращению корейских придворных церемоний. Ее влияние в некоторой степени простиралось даже на архитектуру Сеула. В тот период в корейской столице активно начали строиться новые здания в западном стиле .

Современница событий Гертруда Клауссен-Вунш пишет об этом: «Праздничные обеды для иностранных дипломатов были устроены вполне по французскому вкусу. Говорят, что хозяйственные способности госпожи Зонтаг сэкономили двору много денег. Все приемы были устроены ею, и при этом ее твердая рука пресекала коррупцию» . Мнение Александра фон Клера (1862-1946), первого немецкого военного атташе в Корею было следующим: «С врожденным кулинарным талантом настоящей страсбургской женщины она составляла вполне приемлемые для таких экзотических условий меню и, чтобы оказать гостям честь, сама ходила с большой ложкой для приготовления пищи. Позже она с большим величием восседала во главе стола в течение всей трапезы, а когда подавали шампанское, торжественно поднималась со своего места с бокалом в руке и произносила: «За Его Величество Императора Кореи!» .

В 1902-1903 гг. Антуанетта Зонтаг построила двухэтажный дом в западном стиле в своей корейской резиденции. Проект был реализован при помощи российского архитектора А. И. Середина-Сабатина. Дом начал использоваться в качестве резиденции для молодых состоятельных мужчин из стран Запада, которые еще не успели в Корею обзавестись собственным жильем и хозяйством, а также как гостиница для путешественников, которым требовалось привычное комфортное европейское жилье . Верхний этаж помещения был предназначен для знатных высокопоставленных гостей, в то время как на первом этаже располагались комнаты обычных посетителей, ресторан и конференц-зал. На этом же этаже находились собственные апартаменты госпожи Зонтаг. Резиденцию госпожи Зонтаг (другие названия: «Sontag Hotel» (손탁 호텔), «Hanseong Hotel», «Hanseong bingwan» 한성빈관(漢城賓館), «Sontakbingwan» 손탁빈관(孫澤賓館), Sontaekyangjeo 孫擇孃氏, «Haus von Madame Sontag» и «Residenz von Fräulein Sontag», «Imperial Household, privat Hotel») можно считать одной из первых гостиниц западного типа в Сеуле .

Частыми гостями отеля были западные дипломаты, советники корейского правительства, миссионеры, специалисты, приглашенные правительством Кореи, офицеры, ученые, путешественники и журналисты. Среди гостей были Оскар фон Труппей (1854-1931), губернатор немецкой колонии в Китае, доктор медицинских наук Ричард Вант, Эрвин фон Бэлц и др . Гостем отеля в свое время был и молодой Уинстон Черчилль (1874-1965), который посетил Корею в качестве заместителя государственного секретаря по колониальным делам после русско-японской войны .

Резиденция Антуанетты Зонтаг являлась также местом встреч политического клуба Чондон (정동구락부(貞洞俱樂部), Chongdong Club), членами которого были такие известные корейские политики того времени как Мин Ёнхван (1861-1905 гг.) и Юн Чжихо (1865-1945 гг.). Клуб стал настолько влиятельным, что даже представители корейской королевской семьи и министры обра-

щались к его участникам за советами. Прогрессивные корейские реформисты (такие как Со Джепиль (1864-1951 гг.), ориентированные на сближение со странами Запада и выступавшие за сохранение независимости Кореи, регулярно встречались именно в этом районе, чтобы обсудить политические вопросы с членами клуба Чондон.

Как чрезвычайно опытная деловая женщина, Антуанетта Зонтаг в Сеуле владела не только своим пансионом, но и тремя разными домами, которые она сдавала в аренду за хорошие деньги. Эмма Кробель, которая в течение года в 1905 г. занимала пост представителя госпожи Зонтаг при Императорском дворе, изложила свои впечатления в дневнике за 1909 г.: «В своих комфортабельных трех домах, обставленных по-европейски, она оказывала гостеприимный прием драконам международной дипломатии. Разумеется, за соответствующую плату. Император Коджон наслаждался этим, и поэтому дал ей прозвище: «Некоронованная императрица Кореи». Нельзя отрицать, что при таких обстоятельствах отношения иностранных государств обеспечивались определенным контролем со стороны госпожи Зонтаг. Те, кто ценил быстрое и безопасное получение уступок любого типа, таких как концессии корейского правительства, обращались к ней и могли быть уверены в том, что её вмешательство имело желаемый успех».

Таким образом, Мария-Антуанетта Зонтаг выдвинулась на первый план в критический для Кореи период (1896-1909 гг.) сначала в качестве хозяйки и организатора церемоний при корейском дворе, но впоследствии ее влияние перестало ограничиваться лишь административными вопросами. Источники содержат противоречивую информацию о г-же Зонтаг, включая возраст, семейное положение. Поэтому вокруг ее личности существует большое количество домыслов и легенд. Она не была эмансипированной путешественницей, не принадлежала по своему социальному статусу к высшим социальным кругам, а внешне казалась воплощением шиллеровского идеала «скромной домохозяйки». При этом Антуанетта Зонтаг стала одной из важных фигур в борьбе великих держав за власть, за сферы влияния в преддверии колонизации Корейского полуострова Японией. современники называли «некоронованной императрицей Кореи». Приемы и встречи, которые проводились в резиденции госпожи Зонтаг, оказали серьезное влияние на модернизацию корейской элиты нового времени. Западные отели были местами, где корейцы знакомились с западной культурой (употребление кофе, фотографии, бильярд, свадьбы нового типа, велосипеды, западная музыка и оркестры и т.д.). Многие западные привычки становились модными и заимствовались, постепенно входя в корейскую повседневную жизнь.

Список литературы

1. Braesel, Sylvia. Johann Bolljahn – Begründer des Deutschunterrichts in Korea. In: Baltische Studien, Vol. 95- 209, pp.133-150.
2. Claer, Alexander von: Bericht aus dem Jahre 1904 Manuskript at: Kneider, Hans-Alexander: Globetrotter, Abenteurer, Goldgräber. Auf den deutschen Spuren im alten Korea, Munich 2009.
3. Claussen-Wunsch, Gertrud (Ed.): Dr. med. Richard Wunsch – Arzt in Ostasien, Buesingen/Hochrhein 1976.
4. Habinger, Gabriele: Frauen reisen in die Fremde, Vienna 2006
5. Kneider, Hans-Alexander: Globetrotter, Abenteurer, Goldgräber. Auf den deutschen Spuren im alten Korea, Munich 2009.
6. Kroebel, Emma: Wie ich an den Koreanischen Kaiserhof kam, Berlin 1909.
7. Lensen, Georg Alexander: Balance of Intrigue: international rivalry in Korea & Manchuria, 1884-1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982.
8. 이순우. 근대서울의 역사문화공간: 손탁호텔. 서울: 하늘재(2012). 288 쪽
9. 최종고, 《韓獨交渉史》 흥성사 (1983). 245 쪽

Секция IX

История и культура Кореи

УДК 93

ФИГУРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ТРУДАХ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

Анастасия Александровна Гурьева
г. Санкт-Петербург, СПбГУ

Ключевые слова: Петр I, Петр I в Корее, Россия и Корея, Россия в южнокорейской науке, южнокорейская русистика.

В начале XX века Петр Великий был представлен корейским читателям на страницах первого корейского журнала, издававшегося представителями просветительского движения. Просветители выбрали его в качестве образца правителя, ориентированного на иностранную модель пути для своей страны, человека, сделавшего свою страну сильной державой. Последние десятилетия имя Петра периодически всплывает в публикациях в южнокорейских СМИ. Контекст различен: знакомство с выдающимися историческими личностями, новый взгляд на историю России, культура России и мировая культура, прошлое как образец для современности [1]. В основу таких публикаций ложатся, в частности, исследования южнокорейских специалистов по России.

В докладе тематически классифицированы научные труды ученых Республики Корея, обращенные к фигуре Петра Великого, а также выделяются основные тенденции в использовании его имени.

Диапазон изданий, в которых помещены публикации о Петре, достаточно широк. Рассмотрев несколько десятков таких публикаций, можно выделить несколько тематических групп.

Часть публикаций связана с изучением эпохи правления Петра Первого, и их тематика также различна: от культуры быта в петровскую эпоху до фольклора, посвященного царю-реформатору.

Объектом исследования может стать город Петра, в частности, в сопоставлении с Москвой (специфика градостроительных решений, формирования общественного пространства).

Ряд статей направлен на изучение того или иного явления или аспекта социокультурной жизни в России в исторической перспективе (балы, одежда), и началом рассматриваемого временного отрезка служит начало XVIII века. Затрагивают имя Петра и литературоведческие публикации, преимущественно посвященные творчеству А.С. Пушкина.

Отдельные публикации поднимают вопрос о преемственности с петровской эпохой некоторых политических моделей, наблюдаемых в современной России.

Примечательно, что на примере разнообразных изучаемых вопросов затрагиваются вопросы русской идентичности, отдельные работы посвящены непосредственно этим вопросам.

Статьи опубликованы не только в русистических и славяноведческих журналах, но и изданиях более широкого профиля: исторических, общегуманитарных, включая журналы по сравнительной культурологии. Это говорит о том, что российская проблематика достаточно востребована, и имя Петра Великого может служить определенным триггером. Тематика работ может быть также связана с аффилиацией авторов. Многие работы входят в Корейский индекс научного цитирования Korean Citation Index.

Следует отметить, что большинство работ опираются на серьезную исследовательскую базу. Исследователи обращаются к историческим источникам, картографическим материалам и, соответственно, приходят к самостоятельным выводам. Характерный пример – статья Ким Санхёна, посвященная

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018.

изменению церковной архитектуры при Петре. На основании широкого круга материалов автор приходит к выводу о роли Петра Первого в формировании идентичности внутри православной церкви, при этом «не нарушая ее исторического и символического значения» [3, 215].

Существуют также монографии о России, русской истории и культуре, в которых отдельное внимание уделяется Петру Великому. Например, 2009 году вышла книга Ли Муёля «Исторический дайджест России, 100», в которой две главы из ста посвящены личности Петра и его реформам [5]. В одной из недавних книг, посвященных России, автор – специалист по России Ли Дэсик «Россия: увеличение» выделяет его как ключевую фигуру в модернизации России [4].

Особый интерес следует уделить тем книгам, которые посвящены непосредственно фигуре Петра. Примечательно, что в том же 2009 году увидели свет две монографии, в которых имя Петра Первого было вынесено на обложку. Обе книги вошли в состав серии *살림 지식 총서* *Саллим чисик чонсо* «Свод образовательной литературы издательства Саллим». Первая из них, «Петр Великий – поднимает Россию мощными организационными способностями» (автор: русист-историк Пак Чибэ) представлена в связи с влиянием России на международной арене и ролью Петра в обретении страной этого влияния [6]. Книга ставит целью «найти наставление о лидерстве для сегодняшнего дня» [8]. Вторая, которая вышла менее чем через месяц, продолжает мини-серию, включающую книги о «крупных державах, окружающих Корею» [7] и замыкает список монографий об идентичности США, Японии, Китая. Идентичность России рассматривается через две фигуры лидеров, что также вынесено в название: «Российская идентичность – Путин, Петр Великий и структура сознания русских» (автор Ки Ёнсу) [2].

Предварительный вывод таков: имя Петра Великого становится частью многих исследований, посвященных России, многие из которых непосредственно не связаны не только с ним самим, но и с периодом его правления. Петровская эпоха в трудах ученых-русистов нередко служит точкой отсчета в хронологии изучаемых ими явлений, порой даже существовавших и раньше (например, архивное дело). Нередко личность Петра выступает связующим звеном между эпохами, включая современность. В рассматриваемых работах в определенной степени отражается восприятие России в современной Республике Корея, а актуальность исследований во многом объясняется авторами в связи с необходимостью изучать сильного соседа и истоки его политического влияния.

Список литературы

1. Гурьева, А.А. Российский царь Пётр I в южнокорейских СМИ XXI века / А.А. Гурьева // Современные проблемы Корейского полуострова. – 2021. – М.: ИДВ РАН, 2021. – С. 290-299.
2. 기,연수. 러시아의 정체성 – 푸틴과 포트르 대제 그리고 러시아인의 의식구조 / 기연수. – 서울: 살림지식총서 363, 2009. – 374 쪽. Ки, Ёнсу. Российская идентичность – Путин, Петр Великий и структура сознания русских / Ки Ёнсу. – Сеул: Изд-во Саллим, 2009. – 96 с.
3. 김,상현. 포트르 대제의 상트페테르부르크 도시 건설과 정교회 건축의 원리/ 김상현 // 노어노문학. – 2020. – 서울: 한국노어노문학회. – 32, №1. – 215-269 쪽. Ким, Санхён. Градостроительство при Петре Великом и принципы православной архитектуры / Ким Санхён // Русская филология. – Сеул: Ассоциация русской филологии. – 2020. – Т. 32, №1. – С. 215-269.
4. 이,대식. 좀 인 러시아. 인문학자가 들려주는 러시아의 역사·문화·경제 이야기. / 이대식. – 서울: 삼성경제연구소, 2016. – 374 쪽. Ли, Дэсик. Россия: увеличение. Рассказы учено-гуманитария об истории, культуре и экономике России / Ли Дэсик. – Сеул: Изд-во Исследовательского института экономики Самсунг, 2016. – 374 с.
5. 이,무열. 러시아 역사 다이제스트 100. /이문열. – 서울: 가람기획, 2009. – 496 쪽. Ли, Муёль. Исторический дайджест России, 100 / Ли Муёль. – Сеул: изд-во Карам кихвек, 2009 – 496 с.
6. 박,지배. 포트르 대제 – 강력한 추진력으로 러시아를 일으키다 / 박지배. – 서울: 살림지식총서 358, 2009. – 96 쪽. Пак, Чибэ. Петр Великий – поднимает Россию мощными организационными способностями / Пак Чибэ. – Сеул: Изд-во Саллим, 2009. – 96 с.

7. 러시아의 정체성 – 푸틴과 표트르 대제 그리고 러시아인의 의식구조/ 전체도서목록// URL http://m.sallimbooks.com/?ch=book&act=book.view&list_type=total&no=1258/(accessed 2021.11.01)
8. Российская идентичность – Путин, Петр Великий и структура сознания русских// Саллим. Полный список изданий [Электронный ресурс]. – URL http://m.sallimbooks.com/?ch=book&act=book.view&list_type=total&no=1258/ (дата обращения 01.11.2021 г.)
9. 표트르 대제 – 강력한 추진력으로 러시아를 일으키다 / 전체도서목록 // URL http://m.sallimbooks.com/?ch=book&act=book.view&list_type=total&no=1240/ (accessed 2021.11.01)
10. Петр Великий – поднимает Россию мощными организационными способностями // Саллим. Полный список изданий [Электронный ресурс]. – URL http://m.sallimbooks.com/?ch=book&act=book.view&list_type=total&no=1240/ (дата обращения 01.11.2021 г.)

УДК 94

**НАУКА ПРОТИВ МИСТИЦИЗМА:
СРАВНЕНИЕ ОПЫТА КОРЕИ, ЯПОНИИ И РОССИИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ
ПРОТИВООСПЕННОЙ ВАКЦИНАЦИИ В XVIII-XIX ВВ.**

Наталья Алексеевна Чеснокова
г. Москва, НИУ ВШЭ

Рассматриваются особенности всеобщей противооспенной вакцинации в Российской империи, корейском государстве Чосон и Японии в XVIII-XIX вв. Исследовательскими вопросами стали: Как проходила вакцинация, кто был ее инициатором, какие препятствия встречались на пути.

Ключевые слова: вакцинация, мистицизм, Корея, Япония, Россия.

Эпидемия оспы – одна из самых опасных эпидемий, география которой необычайно широка – от Старого до Нового Света, с обязательным посещением Азии. Упоминания о ней есть с первых веков нашей эры и до современного периода. При этом вакцинацию против оспы можно считать и одной из самых успешных – всеобщее прививание коровьей оспой позволило максимально уменьшить число заболеваний и вскоре почти полностью от нее избавиться.

В разные времена люди пытались найти способы борьбы с ней, и в исследовании мы рассмотрим, что предшествовало началу всеобщей вакцинации от оспы в Российской империи, Японии и Корее в XVIII-XIX вв. и как она проходила. При сравнительном анализе мы выделяем несколько характерных черт:

Первая – исторический и культурный фон. В этой ситуации он для всех государств един – оспа воспринималась как неизбежность; при этом в Корее и Японии оспа воспринималась как могущественный дух, который требует почитания и принесения даров. Отметим, что в Китае при этом прививание оспенным материалом успешно практиковалось с первых веков нашей эры [1, с. 424], т.е. подобный подход говорит о внутренней «неготовности» опираться на опыт «старшего» в связи с традиционными верованиями.

Вторая особенность вакцинации – кто был инициатором. В Российской империи вакцинация человеческим материалом началась с Екатерины II (1729-1796; пр.1762-1796). В 1768 г. она привила оспу себе, а затем передала свою «оспенную материю» для прививки наследнику, Павлу (1754-1801) [3, с. 24]. Подобное самопожертвование благоприятно сказалось на облике императрицы, жизни Павла, а также на внедрении противооспенной вакцинации в Российской империи. С большой долей вероятности можно говорить, что противооспен-

ная вакцинация в Российской империи корнями связана с историей оспенной вакцинации в Китае – из Китая в XVII в. он попал в Турцию, а оттуда в начале XVIII в. – в Англию и затем в остальные европейские страны [1, с. 424].

В Японии распространение оспы в XVII-XVIII вв. чаще происходило не по всей территории страны, а в отдельных регионах, поэтому чаще решение по этой проблеме ложилось на плечи *сёгуната* или отдельных *даймё* [4, с. 213]. Поэтому первая вакцинация в 1849 г. также прошла в отдельном регионе – княжестве Сага, которым управлял род Набэсима. Считается, что первым в 1837 г. успешно был вакцинирован сын даймё Сигэёси Набэсима (1800-1863), 7-летний Сигехару. Япония ориентировалась на опыт Эдварда Дженнера (1749-1823) и вакцинацию коровьей оспой.

С другой стороны, в Корее несмотря на попытки вана Чонджо (1752-1800; пр. 1776-1800) и поздних *сирхакистов* обратить внимание на проблему оспопрививания и заимствовать китайский опыт, всеобщая вакцинация началась сравнительно поздно – с 1880 г. Инициатором стал доктор Чи Согён (1855-1935), который узнал о подобном способе из книги – вероятно, переведенном труде Эдварда Дженнера, опубликованном в 1798 г. Чи Согён стал вакцинировать пациентов, работая в Пусане в японском госпитале, – и после успешной апробации его опыт дал начало всекорейскому прививанию. Однако процесс шел долго и был связан со значительными трудностями: крестьяне не желали прививаться, дабы не прогневать духа. Духа оспы, *мама сонним* по-прежнему встречали как почетного гостя: мужчины и женщины мыли головы, накрывали в сенях или у дверей дома столы с угощениями; приносили жертвы, коленопреклоненно молились, исполняли песни, готовили для всей деревни кушанья [2, с. 182]. Шаманки несколько раз поджигали дом Чи Согёна, также его обвиняли в убийстве [6, с. 54]. При этом от оспы никогда не прививались правители Кореи – согласно распространенному суевию, к ним нельзя было прикасаться металлическими предметами, к которым относились и иглы [5].

Третья особенность – это скорость распространения противооспенной вакцинации по стране, и здесь можно сказать, что процесс не был равномерным в каждом из перечисленных государств. Чаще всего причиной становился человеческий фактор.

Можно ли процесс вакцинации от оспы рассматривать как некоторую ступень развития государства? Полагаем, что это возможно – т.к. внутреннее принятие вакцинации, вера в науку, а не мистицизм маркирует новый этап в сознании человека, его готовность отказаться от традиционных взглядов.

Список литературы

1. Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Восточная литература. 2006. [Т.5:] Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М.Л. Титаренко и др. 2009.
2. Ионова, Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1982.
3. Чеботарев, А.М. К вопросу о датировке изготовления печатных информационно-рекламных материалов по оспопрививанию в период правления Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. 15 (116). – Челябинск, 2008. С. 23-28.
4. Akihito, Suzuki. Smallpox and the Epidemiological Heritage of Modern Japan: Towards a Total History. *Medical History*. 55. 2011. P. 313–318
5. Neff, R. Imperial Prince Yeong's childhood, part 1: Small pox sorcery // the Korea Times, 2021. [Электронный ресурс] https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2021/05/721_309581.html
6. Ким Окчу. Распространение оспы в конце периода Чосон и реакция народа (*Чосон мальги тучхан-е юнхэн-ква минган-е тэын*) [김옥주. 조선 말기 두창의 유행과 민간의 대응] // *Korean Journal of Medical History*. 1993. Vol. 2. No. 1. P. 38-58.

«КУХВАНЪСИНМУЛЬ», ЗАМЕНЯЮЩИЕ РАСТЕНИЯ В ПЕРИОДЫ ГОЛОДА

Андрей Владиславович Загоруйко
г. Москва, РГГУ

В средние века в Корее правительством формировались и издавались кухванъбаны (**구항방**), специальные справочники по замещающим съедобным растениям (в основном дикоросов) в случае голода, недорода, а также в период весенних трудностей с продовольствием, в этих сборниках также публиковались и рецепты приготовления.

После 1430 г. указанию короля Сечжона, одновременно с «Ноньса чиксоль» (трактат о сельском хозяйстве) был издан трактат «Кухванъ пёккыкпанъ» (**구항벽곡방**), в котором были собраны сведения из старых кухванъбанов и сделаны дополнения из китайских источников. Трактат был написан на ханмуне и недоступен широкой публике. В 1554 г. при Мёнджонване он был частично переведен на хангыль и распространялся провинциальных органах управления сельским хозяйством. До настоящего времени трактат не сохранился, только копии его частей в «Кухванъчхварё» (**구항잘요**). В последующие годы, до 1939 г., на его основе переиздавались руководства по использованию дикоросов и других растений в случае голода. В трактатах упоминался 851 вид, из которых 304 использовались до недавнего времени.

Выдержки из этих трактатов цитировались в медицинских энциклопедиях и трудах по сельскому хозяйству. В периоды продовольственных кризисов и стихийных бедствий сведения из них активно использовались для спасения от голода. В настоящее время многие рецепты из этих трудов применяются в публикациях посвященных здоровому питанию.

Ключевые слова: кухвансинмуль дикоросы голод трактаты Кухванъчхварё сельское хозяйство.

В традиционной Корее существовало такое явление, как «порикогэ». «Порикогэ» – период, когда в апреле – мае по лунному календарю в деревнях складывалась бедственная ситуация с продовольствием, поскольку старые запасы уже закончились, выращенный рис ушел на уплату налогов, а первый урожай ячменя ещё не поспел, но чаще всего голод происходил из-за климатических изменений. О сезонном голоде, который происходит раз в три года упоминается еще в «Самгук саги», где он называется также «чхогынмокпхи» **초근목피**. [2, с.213]

В средние века в Корее правительством формировались и издавались кухванъбаны (**구항방**), специальные справочники по замещающим съедобным растениям (в основном дикоросов) в случае голода, недорода, а также в период весенних трудностей с продовольствием, в этих сборниках также публиковались и рецепты приготовления.

По причинам голода нет единого мнения, в основном, он связывается с климатическими факторами, периодическим проникновением тайфунов со стороны Тихого океана, когда повышение уровня осадков провоцировало сезонные наводнения, которые уничтожали посевы в конце лета.

С 13 по 19 вв. зафиксировано 2125 стихийных бедствий вследствие которых было 419 случаев всеобщего голода в различных провинциях Кореи.[3, с. 154]

Важным фактором были наводнения, связанные с выпадением осадков в летний период, с июля по август. Особенно они участились в поздний период Чосон, с 1593 до 1892 гг. Наиболее часто сильным наводнениями подвергалась провинция Кёнсан, в меньшей степени Чолла, Хванхэ, Чхунчхон, Хамгён, Канвон и Кёнги. Поскольку Кёнсан и Чолла были основными поставщиками сельхозпродукции, то потеря урожая в этих провинциях неизбежно предполагала голод[3, с. 164].

Другой важный фактор – засухи, которые происходили не только в летнее время, по разрушительному воздействию на урожай они были опасней, чем наводнения и чаще вызывали голод.

Увеличения числа стихийных бедствий в этот период объясняется наступлением малого ледникового периода, сопровождавшегося частыми морозами, градом и падением среднегодовой температуры на 1-1,5 градуса. Как раз в это время в Чхунчхоннамдо, Чолланамдо и Кенсаннамдо распространяется рисосеяние, связанное с высадкой рассады, позволяющее собирать 2 урожая в год. Но период похолодания приводил к невозможности сбора второго урожая – в основном ячменя[4, с.10].

В 17 веке Корея пережила два величайших голода в истории. Это «Великий голод в Кёнсине» в правление короля Хёнджона (1670–1671) и «Великий голод в Ыльбён» в правление короля Сукчжона (1695–1699). Сочетание похолодания, засухи и наводнения, а также инфекционных заболеваний привело к большой смертности среди крестьян. Во время «Великого голода в Кёнсине» из-за голода и инфекционных заболеваний умерло 10% всего населения. 17 век часто называли «веком голода» или «веком кризиса».[2, с.216]

Среди социальных факторов вызывающих голод были – смена сельскохозяйственной технологии, переход от прямого высевания зерна в заливное или суходольное поле к высаживанию рисовой рассады. Он начал вводиться еще с периода Корё (в некоторых районах Кёнсандо и Канвондо). По сравнению с методом прямого высевания он обладал рядом преимуществ: возможность сбора двух урожаев за сезон, отбор здоровых ростков при высаживании, соответственно экономия на прополке. Однако для такого метода был необходим стабильный климат. Из-за колебаний климата, похолодания и засухи, высадка ростков риса было невозможно, наводнения разрушали гидротехнические сооружения и крестьяне оставались без урожая. Поэтому в правление Саджонгэвана, он попал под запрет из-за своей ненадежности. Но, тем не менее, постепенно его стали применять.

Кризис сельского хозяйства был вызван также резким сокращением поголовья крупного рогатого скота, в периоды неурожая правительство вводило ряд запретов, на убой крупного рогатого скота (угым), запрет использования зерновых для спиртных напитков (чугым). Популярность говядины в период Чосон и экспорт кож привели к тому, что запрет на убой скота запаздывал и поголовье резко сокращалось.

Запрет на изготовление алкоголя на основе зерновых, также был направлен на предотвращение голода. Массовая скупка зерновых для изготовления алкоголя и его продажа создавала угрозу для благосостояния государства, которое не могло в нужный момент обеспечить ссуды. Но осуществлялся он с трудом. Поэтому в случае недорода скупка зерна создавала возможность массового голода.

Однако иногда голод был связан с налоговой политикой. Когда крестьяне уплатив налог рисом (первым урожаем) оставались без продовольствия и ждали когда созреет ячмень (второй урожай). Отсюда и одно из названий – пориккогэ 보릿고개.

Упадок сельхоз производства был также связан с перераспределением земельного фонда, когда основные производители – крестьяне лишались своих участков и шли в арендаторы. Крупные земельные собственники часть земель использовали для выращивания продукции на продажу – технических культур в ранний период Чосон, табака в поздний [2, с.218].

После 1430 г. указанию короля Сечжона, одновременно с «Ноньса чиксоль»(трактат о сельском хозяйстве) был издан трактат «Кухванъ пёккыкпанъ» (구항벽곡방), в котором были собраны сведения из старых кухванъбанов. Трактат был написан на ханмуне и недоступен широкой публике. При составлении этого труда использовались китайские трактаты, посвященные подобной тематике, самый известный – Чжиу хуангбинкао (救荒本草) написанный Чжу Су (1361—1425), пятым сыном Чжу Юаньчжана, автор написал его на основе наблюдений за дикими растениями в провинции Хэнань, также он пытался их выращивать в своем саду.

В «Кухванъ пёккыкпанъ» было описано 414 видов растений. Из них 103 вида -деревья и 311 – травы. Среди деревьев 23 вида садовых, среди трав – 20 видов злаков и 46 видов овощей и корнеплодов. До настоящего времени трактат не сохранился, только копии его частей в «(구항잡요).

В 1554 г. при Мёнджонване во время большого голода Ли Тхэком был написан «Кухванъчхварё», представляющий собой выдержки из «Кухванъ пёккыкпанъ» он был частично переведен на хангыль и представлял собой краткую инструкцию объемом 17 страниц. Она включала 13 разделов: 1) Способы облегчения голодающих; 2) Лечение голодающих; 3) Использование коры вяза, сосновой хвои; 4) Приготовление сосновой хвои; 5) Отвары коры вяза; 6) способы варки сосновых игл; 7) Приготовление ток из коры вяза; 8) Приготовление смешанной муки; 9) Настойка из сумача китайского; 10) Как измельчать зерно; 11) Как приготовить супы; 12) Как приготовить суп из водорослей; 13) другие растения – мука из стебля хвоща, использование водорослей [1].

Он разослан всем губернаторам провинций и был обязателен к исполнению в случае голода. После трактат переиздавался несколько раз. В 1639 году Ким Юк на его основе составил еще одно руководство «Чхуньдзупхан кухванъчхварё». (총주판구황촬요). В 1606 он использовался при составлении новой инструкции «Кухванъ поюбан» 구황보유방. В 1800 году Пак Чхию также на его основе составил «Синган Кухванъчхварё» 신간구황촬요 и опубликовал его в Чолладо. В последующие годы, до 1946 г., на его основе переиздавались руководства по использованию дикоросов в случае голода. В трактатах упоминался 851 вид, из которых 304 использовались до недавнего времени.

В 1525 году было организовано специальное правительственное учреждение для оказания помощи в случае голода – кухванчхон 구황청, оно работало только в случае голода, в начале 17 века входило в состав различных министерств, но основная функция сохранялась.

Много информации из «Кухванъ пёккыкпанъ» и «Кухванъчхварё» вошло в 11 часть Инджеджи 인제지(60-87 тома) известного энциклопедического труда Имвон кёнджеджи 임원경제지 написанного сирхакистом Со Югу в середине 19 века [2, с.213].

В «Инджеджи» были описаны около 330 различных видов пищи, которую едят в период голода, включая не только растительную пищу, такую как зерна, бобы, овощи и фрукты, но также рыбу, моллюсков, цветы и деревья. У 21 вида были съедобны корни, у 37 видов съедобны фрукты и цветы

Общее количество видов еды во время голода – 252, они должны были заменить 330 видов обычной пищи, также приведены рецепты приготовления, выделены съедобные и несъедобные части.

Среди всех 327 видов овощи были наиболее распространенными – 170 видов. Далее, 34 вида древесных растений, 33 вида фруктов, 24 вида цветов, 16 видов бобов. 8 видов семян и 6 видов рыб и моллюсков, а также 14 других видов – перилла, овес, гречка.

Бобовые включали – сою, черные бобы, дикий горох, санпёнду (горошек посевной), красную фасоль и канавалию мечелистную, а в качестве продукта переработки использовался соевый творог – тубу. Среди зелени упоминались – аморфофаллус, водяная петрушка (омежник яванский), водорасли, васоби, перилла, шалфей, лилейник, подорожник и др. На долю зелени приходится 50% видов такой пищи. Она в основном употребляется в сыром виде, а переработанные продукты включают порошок из корня кудзу (аррорут) и сушеного имбиря. Наиболее часто используемыми деревьями были сосна, береза, вяз, их употребляют по-разному, а продукты переработки включают порошок сосновых игл и отвар коры вяза. Плодовые включали хурму, груши, и орехи, такие как каштаны, желуди и грецкие орехи. В качестве цветов травянистых растений использовались мак, хризантема, сафлор, недотрога бальзаминная и мугунхва. Семена включали кунжут, периллу и семена ежевика, из продуктов переработки – конопляное масло. Из морепродуктов упоминались креветки, крабы, моллюски и раковины, различная рыба, трехкоготные черепахи, но только как пища, характерная для рыбацких деревень.

В целом, растения которые едят во время голода – это те растения, которые растут в дикой природе в горах, на полях заливных и верховых болотах и заболоченных угодьях.

В специальном разделе рассматривались съедобные части растений – это листья, бутоны, плоды, корни, цветы, стебли, кожура. В некоторых растения съедобными являются несколько частей, поэтому при рассмотренных 327 видов растений, 582 – примеры съедобной пищи. Например, у сосны использовались сосновые иглы, сосновая кора, сосновые шишки, сосновая смола и т.д. Чаще всего использовалось листья – у 175 видов растений, побеги у 113 видов, плоды у 90 видов, корни у 45 видов и цветы у 13 видов, стебли у 12 видов, кора у 6 видов растений.

Листья составляют около 30% от общего количества, это листья овощей, кроме того листья мака, гвоздики. Съедобны листья других видов – например, красной и желтой фасоли, деревьев – японской сосны и шелковицы. Сосновая хвоя употребляется в перетертом виде.

Вторая наиболее часто используемая часть растений – это молодые побеги или стебли, молодые побеги растений, листья которых употребляются в пищу – молочай, подорожник. Кроме того

использовались для пищи ростки, молодые листья, почки и ветки кустарников, деревьев или древесных лиан. Среди них – бамбук, тростник и опунция.

Плоды рассматривались в основном у садовых растений, таких как хурма и груша, также каштан и грецкие и другие орехи.

Такая часть растений как корни считалась важным составляющим данного вида пищи. Рекомендовалось использовать корни сл. растений – колокольчика, кодонопсиса, лилии, ломоноса, спаржи, лаконоса, атрактилодес (сапджу) и корень аррорута перетертый в порошок.

Лепестки, а также в целом бутоны также являлись частью растений, употребляемых в голодные годы – наиболее распространенные виды, цветы, которых употреблялись в пищу: лук репчатый, лилия, аморфофаллус и омежник.

Кора – эта часть древесных растений, в основном использовалась кора тутовых деревьев и луб сосны. У вяза использовалась и кора, и луб, и сок.

Среди прочих продуктов рассматривались креветки, крабы, мед, масло

Побеги, листья собираются обычно с марта до конца мая, а цветы и плоды – летом и осенью, также в этот период корни перестают расти и содержат больше всего питательных веществ. Лучшее время для сбора – с осени до весны следующего года. Лучшее время для сбора коры – весной, когда начинает выделяться сок.

В трактате также описаны рецепты приготовления растений и продуктов, которых едят в период голода. Всего приведено 15 рецептов, с помощью которых можно было приготовить 327 видов пищи. Чаще всего, предлагалось есть травянистые растения в сыром виде – 186 видов, 40 вариантов использования плодов в сыром виде, 26 видов тток, 22 вида каш и 17 видов блюд из варенных овощей. Например, колокольчик – 12 блюд, где он использовался в сыром виде, 10 блюд, когда он готовился на пару, 6 видов каши, 4 вида супов, 4 вида блюд с запеченным колокольчиком, 3 способа его консервации, 3 вида блюд с зажаренным колокольчиком.

Особый раздел среди рецептов был посвящен заменителям основных блюд – риса на пару, варенного риса, каши и супа – суджеби. Чтобы приготовить заменитель пап такие ингредиенты, как семена аррорута, чеснок, семена леспецицы и лотоса тщательно измельчали, а затем кипятили для удаления запахов. Заменитель риса, сваренного в воде, готовили из различных трав и шавеля японского.

При приготовлении каш различные растения добавлялись к злаковым – рису, ячменю, пшенице и просу. Также каша из сосновой хвои готовилась с использованием различных вспомогательных продуктов – соевого творога (тубу), кроме того была каша из злаковой муки и сока вяза с хвоей.

Суп готовили с использованием васоби, годжи, овощей, жабрицы, стрелолиста, горца многоцветкового, шелковицы, ревеня, таро. Эти ингредиенты смешивали с рисовой шелухой, рисовыми отрубями и тубу.

Ямс также смешивали с рисовой шелухой, рисовыми отрубями и тубу. Готовили на пару или запекали. Бобы садовые готовят на пару и жарят. Орехи, фасоль, нут, горох посевной и люфа варили.

Различные травянистые растения используется при приготовлении 186 блюд, обычно в сочетании с овощами и цветами.

Основные методы приготовления овощей включают:

- 1) Варка и готовить с солью и маслом
- 2) Варка с солью и маслом, затем промыть и готовить с другими ингредиентами
- 3) Длительная варка с солью и маслом для того чтобы убрать привкус и затем готовить с другими ингредиентами

- 4) Варка и ополаскивание водой несколько раз, затем приготовление блюд с солью и маслом,
- 5) Приготовление сушеных растений – листья березы, листья полыни, цветки гречихи, листья сои и др.

- 6) Смешайте 2 части порошка коры вяза, 1 части рисовой муки и 1 часть порошка из сосновых игл. Из полученной смеси делается тток, который потом отваривается, жарится на масле или пчелином воске.

7) Использование воска в качестве масла: Добавьте к воску 1 гын (600 гр) из муки, сварите из полученной массы можно испекать рисовые лепешки,

8) Смешать желтые каштаны, грецкие орехи, сушеную хурму, растолочь и сделать тток

9) Тщательно вымыть колокольчики прокипятить, высушить, отмочить в воде под спудом, чтобы ушел горький привкус, смешать с любыми злаковыми и сварить на пару.

Сладости получали с помощью замачивания в воде аира обыкновенного, чтобы удалить неприятный вкус.

Грецкие орехи, дикий подорожник, остролодочник, кизил, инжир, красивоплодник, гардения, а также дикий и культивированный виноград, слива, айва и хурма рекомендовалось потреблять в сыром виде [2, с.218-228].

Всего с 1541 г по 1946 гг. было написано 27 трактатов посвященных «кухванъ» – растениям, которыми можно питаться в период голода.

Выдержки из этих трактатов цитировались в медицинских энциклопедиях и трудах по сельскому хозяйству. В периоды продовольственных кризисов и стихийных бедствий сведения из них активно использовались для спасения от голода. В настоящее время многие рецепты из этих трудов применяются в публикациях посвященных здоровому питанию.

В последнее время западная диета меняет традиционную культуру питания. К тому же начинает под именем корейской кухни понимается т.н. «дворцовая кухня», в общем-то не отличающаяся от ресторанного восточноазиатского мейнстрима. В то время как альтернативное питание, ориентируется на индийскую и японскую кухню. Пища кухванъ представляет возможность рассмотреть другие пути развития корейской кухни, даже несмотря на то, что часть рецептов были взяты из китайских источников.

Список литературы

1. Кухванъбанъ комунхончипсон (че 1 квон Чосоне кухванъбанъ). (Коллекция старых кухванъбанов (том 1 кухванъбаны периода Чосон): Чхулпханса хюмонкхольчха Ариран. – Сеул. – 2015 .- 360 с

2. Ким Ёнок Хангуге кихува мунхва (Климат Кореи и культура):Ихваёджатэхаккёчхулпханса. – Сеул. -1994.- 549 с.

3. Ким Сыну, Чха Кёнхи Чосонхуги «Имвон кёндженджи» (Индженджи)соге кухванъ (Кухван в трактате позднего Чосона «Имвон кёндженджи» (Индженджи) //Хангуксик сэнхваль-мунхвахак хвеги . – 2013/ – №28(3). – с. 213-233

4. Kim Yo, , The Little Ice Age in Korea: An Approach to Historical Climatology// Chirihakkwa chirikyeyuk. – 1984. – № 14. – с. 1-16

УДК 930.85

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В Г. ЧХАНВОН, ГОРОДЕ-ПОБРАТИМЕ УССУРИЙСКА

О Донгон

Республика Корея, независимый исследователь

В докладе рассматриваются состояние и использование архитектурного наследия нового и новейшего времени в г. Чханвон пров. Кёнсан-Намдо. Хорошо сохраненные эти памятники с уникальными характеристиками могут способствовать содействию культурно-исторического туризма и формировать будущую ценность города за счёт локальных контентов.

Ключевые слова: Чханвон, Масан, Чинхэ, Масанпхо, архитектурное наследие, пространство истории и культуры нового времени в Чинхэ.

Город Чханвон – административный центр пров. Кёнсан-Намдо и город-побратим Уссурийска. Расположенный на юго-востоке Кореи этот город имеет довольно сложную географическую характеристику. Административно г. Чханвон образуется р-нами Сонсан, Ыйчхан, Масанхапхо, Масанхевон и Чинхэ [32; С. 25]. Однако в массе принято называть этот город как объединённый город Чханвон, р-ны Сонсан и Ыйчхан как Чханвон или Старый Чханвон, р-ны Масанхапхо и Масанхевон как Масан, а р-н Чинхэ как Чинхэ. Потому что сегодняшний г. Чханвон был основан 1 июля 2010 г. в путём объединения городов Масан, Чханвон и Чинхэ [27, С. 8]. Ныне не существующие города Масан, Чханвон и Чинхэ выросли с похожими, но разными историческими опытами в новое и новейшее времени. И так, в изучении архитектурного наследия нового и новейшего времени г. Чханвон лучше сегментировно рассматривать по три территориальными делениями.

Сооружения, построенные с 1876 г. по начала 1960-х гг., считаются архитектурным культурным наследием нового времени в соответствии корейской исторической науки [10]. Первое систематическое исследование по культурному наследию нового времени пров. Кёнсан-Намдо на муниципальном уровне проводилось в 2004 г. [31] Затем с 2014 г. администрация провинции проектировала базовую концепцию сохранения и использования архитектурного наследия нового времени. По итогам в 2015 г. администрация провинции подготовила отчёт по исследованию и онлайн-базу данных [9, 10]. Также «Постановление о сохранении и использовании сооружений нового времени г. Чханвон», принятое 9 января 2013 г., способствует возможным выполнить систематическую политику по памятникам нового времени на уровне мэрии [26].

По данным пров. Кёнсан-Намдо от июля 2019 г. утверждено, что среди 326 объектов в провинции 105 расположены в г. Чханвоне, из которых 8 в Чханвоне, 48 в Масане, а 49 в Чинхэ [12]. 18 объектов особо охраняются центральным и местным правительствами, из которых 12 находится в Чинхэ и 5 в Масане [19].

**Памятники архитектуры нового и новейшего времени
в г. Чханвон, входящие в списки культурного наследия
национального или муниципального значения
[8, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 29, 30]**

1. Исторический памятник (нац. значения)

Рег. №	Офиц. название	Местонахождение (район)	Год постройки
291	Почтовое отделение Чинхэ в Чханвоне 창원 진해우체국	Чинхэ	1912

2. Национальное загерисированное культурное наследие

Рег. №	Офиц. название	Местонахождение (р-н)	Год постройки
192	Станция Чинхэ 진해역	Чинхэ	1926
193	Резиденция директора госпиталя бывшей военно-морской базы Чинхэ 구 진해해군통제부 병원장 사택		1930-е
194	Бывший штаб командования отряда обороны Чинхэ 구 진해 요항부 사령부		1914

Рег. №	Офиц. название	Местонахождение (р-н)	Год постройки
195	Бывший штаб командования гарнизонного берегового отряда Чинхэ 구 진해방비대 사령부		1912
196	Отдельный корпус бывшего Штаба командования гарнизонного берегового отряда Чинхэ 구 진해방비대 사령부 별관		
197	Госпиталь бывшего портового охранного отряда Чинхэ 구 진해요항부 병원		
198	Бывший detachment отряда правопорядка Масана 구 마산헌병 분견대	Масанхапхо	
199	Водохранилище Понам в Масане 마산 봉암수원지	Масанхвевон	1930
200	Дом в квартале Содаптон Чханвона, в котором родился Ким Джонъён 창원 소담동 김종영 생가	Ыйчхан	начало 1940-х

3. Материальное культурное наследие пров. Кёнсан-Намдо

Рег. №	Офиц. название	Местонахождение (р-н)	Год постройки
265	Дача и беседка бывшего покойного прези- дента Ли Сынмана 고 이승만 전대통령 별장 및 정자	Чинхэ	неизвестно

4. Материал культурного наследия пров. Кёнсан-Намдо

Рег. №	Офиц. название	Местонахождение (р-н)	Год постройки
283	Католический церковь Святого Иосифа в Масане 마산성요셉성당	Масанхапхо	1928

5. Сооружение нового времени г. Чханвон

Рег. №	Офиц. название	Местонахождение (р-н)	Год постройки
2	Башня Чинхэтхап	Чинхэ	1967

Рег. №	Офиц. название	Местонахождение (р-н)	Год постройки
	진해탑		
4	Чайная «Black & White» 흑백다방		1940-е
5	Плотина ручья Йоджвачхон 여좌천 제방		примерно 1910
8	Дом в стиле эклектика в кв-ле Вольнамдон 월남동 절충식 가옥	Масанхапхо	новое время
9	Главный корпус бывш. штаба крепости залива Чинхэ 옛 진해만 요새 사령부 본관	Чинхэ	1910
10	Дом в кв-ле Чангундон 장군동 가옥	Масанхапхо	1939

При просмотре вышеуказанных данных, можно считать Масан и Чинхэ как центры новой истории г. Чханвон.

Масан занимает северо-западную и юго-западную части г. Чханвон. Центр Масана на побережье бух. Масанман раньше назывался Масанпхо. В старых русских источниках упоминается как Мазампо или Мозампо [1, С. 482; 3, С. 631; 4, С. 140–141; 5, С. 581; 6, С. 94]. Масанпхо был исторически важным логистическим и транспортным узлом на южном побережье Кореи и открыт для иностранцев 1 мая 1899 г. [14, С. 152–153; 16, С. 35; 28, С. 294] По договором между Кореей и разными странами 2 июня 1899 г. здесь было установлено общее иностранное поселение [14, С. 153; 28, С. 295]. В это время Россия, считав серединую точку водной пути между Владивостоком и Льюйшуном Корейским проливом, пыталась занять порт на побережье Кореи для в свою военно-морскую базу. С другой стороны, Япония почувствовала кризис в своей гегемонии в Северо-Восточной Азии из-за Тройственной интервенции после Китайско-японской войны и пророссийской политики Кореи [7, С. 256–257; 14, С. 153; 28, С. 294]. И так, новый открытый порт Масанпхо стал пространством столкновения государственных интересов России и Японии [14, С. 156–163]. После Русско-японской войны, в 1909 г. Япония полностью выкупила земель русского сэттльмента. Японские империалисты переобразовали Масан в их колониальный город, также отменили общее иностранное поселение в 1913 г. [14, С. 164–166] Несколько сооружений, построенных для колониального управления и жизни японцев в период насильственной оккупации Японской империей, остались. Расположенный недалеко от 1-го причала порта Масан бывш. деташемент отряда правопорядка Масана, был построен в 1912 г. и являлся учреждением при колониальном правлением, подавлявшим корейских патриотов [13; 16, С. 90]. В кв-ле Понамдон р-на Масанхвевон находится водохранилище Понам, способствующее храниться 600 тыс. тонн воды. Это сооружение было построено в 1930 г. в целях водоснабжения для японцев и прояпонских предателей, проживавших в Масане [13].

На побережье зал. Чинхэман к юго-востоку от Масана находится Чинхэ, известный первым в истории Кореи «запланированным городом» и своим военным портом. Во время Русско-японской войны японские захватчики построили базу здесь против и русского флота во Владивостоке, и Балтийского флота [7, С. 257]. После войны японские империалисты провели предварительное обследование по Чинхэ, затем построили военный порт и запланированный город в 1910–1922 гг. [16, С. 108–110; 21] Известным объектом, построенным в этот период, является военно-морская

база Чинхэ в кв-ле Хёндон. На этом месте, которое после освобождения Кореи по сей день служит оплотом корейских военно-морских сил, сохранились здания с русским архитектурным стилем, построенные в начале 1910-х гг. – бывш. штаб командования отряда обороны Чинхэ и его госпиталь, бывш. штаб командования гарнизонного берегового отряда Чинхэ и его отдельный корпус [8, 13; 15; 17, С. 140–141]. Дача и беседка бывш. покойного президента Ли Сынмана, расположенные в базе использовались японскими войсками связи в период насильственной оккупации Японской империей. Известно, что в беседке в августе 1949 г. президент Ли Сынман с президентом Китайской Республики Чан Кайши решил предложить президенту Филиппин Эльпидио Кирино о создании Тихоокеанского альянса [18].

Круговой перекрёсток Чунвон в центре Чинхэ и улицы вокруг его, хорошо показывают структуру колониального города, также первого в Корее «запланированного города». Здесь можно встречаться с разными памятниками архитектуры, образующими «Улицу новой истории Чинхэ». На юго-западной части перекрёстка находится почтовое отделение Чинхэ. Построенное в 1912 г. это одноэтажное деревянное здание в русском стиле [17, С. 59]. Предположительно, на такой архитектурный стиль повлияло русская дипломатическая миссия, расположенная раньше в этом регионе. [17, С. 163]. К востоку от перекрёстка, на вершине горы Чехвансан с высоты 90 м над уровнем моря, стоящей, стоялся памятник, установленный японцами в 1927 г. в память победы японского флота в морской битве у о-вов Цусима в Русско-японской войне [25]. В 1967 г. корейцы уничтожили этот памятник и построили 9-этажную башню Чинхэтхап с высотой 28 м, посвященную корейским военно-морским силам. Размещаются на башне смотровая площадка на 9-м этаже и городской музей в 1-м и 2-м этажах [25]. Примерно в 460 м к северу от перекрёстка находится станция Чинхэ. Железнодорожный вокзал в виде одноэтажного здания был построен в ноябре 1926 г. [13; 15]

Уникальный региональный характер на центральных улицах Чинхэ дал возможность появиться новым формам исторического достопримечательностей. 27 июля 2021 г. на 6-м заседании подкомитета по культурному наследию новейшего периода в Комитете по культурному наследию согласились, что «Пространство истории и культуры нового времени в Чинхэ» (진해 근대역사문화공간) заслуживает получать статус национального зарегистрированного культурного наследия [33]. Это пространство включает территорию в центре Чинхэ со памятниками архитектуры, указанными в следующей таблице:

**Памятники архитектуры
в Пространстве истории и культуры нового времени в Чинхэ [33]**

Название	Год постройки
Жилой дом с торговым помещением нового времени в кв-ле Сокхактон 송학동 근대상가주택	1913
Жилой дом с торговым помещением нового времени в кв-ле Тэхындон 대흥동 근대상가주택	1913
Жилой дом с торговым помещением нового времени в кв-ле Хвачхондон 화천동 근대상가주택	1938
Жилой дом с торговым помещением нового времени в кв-ле Чхансондон 창선동 근대상가주택	1913
Постоялый двор Тхэбэк 태백 여인숙	1963

Название	Год постройки
Потхэга 보태가	1945
Прачечная «Ильгван» 일광세탁	1957
Сеульское гарантийное страхование 서울보증보험	1962
Типография «Хванхэдан» 황해당인판사	1913
Чайная «Black & White» 흑백다방	1913
Шестиугольный дом 육각집	1913

Среди них посмотрим на несколько зданий с уникальными архитектурными особенностями. На улице в кв-ле Чунпхёндон примерно в 480 м к юго-востоку от кругового перекрёстка Чунвон сохранилось традиционное японское городское жилище типа «нагая», построенное в 1910-х гг. [2, 15] Их 1-й этаж предназначен для торгового помещения, а 2-й этаж – для проживания [15]. Особенно дом, в котором размещается типография «Хванхэдан» сохранился оригинальный вид архитектуры «нагая» [15]. Предполагается, что Шестиугольный дом в кв-ле Тэчхондон на юго-востоке от перекрёстка, в котором помещен ресторан «Сэ Суян хвэгван», был построен в 1938 г. Шестиугольная черепичная крыша символизирует это здание [15]. Потхэга, расположенный в кв-ле Чхунмудоне возле станции Чинхэ, в нём помещилась клиника Помин. В марте 2021 г. оно превратилось в пространство для молодых предпринимателей в рамках проекта городской регенерации Чханвона [21]. Чайная «Black & White» в кв-ле Тэчхондон представляет собой двухэтажный деревянный дом в японском стиле. В 1955 г. художник Ю Тхэннэль стал владельцем кафе «Calmen», которым управлял друг и музыкант Ли Бёнголь в этом доме, и изменил название на «Black & White». Были помещены на 1-м этаже чайная, а 2-м этаже атилье и жилое помещение Ю Тхэннэля [21]. Чайная была представляющим пространством деятельности культуры и искусства не только Чинхэ, но и Масана и Чханвона до её закрытия 2009 г. С 2012 г. здесь помещено культурное пространство «Black & White» [21].

Архитектурное наследие нового и новейшего времени в г. Чханвон имеет примечательные примеры не только по своей историко-культурной ценности, но и по сохранению и использованию. История города и довольно много памятников тесно связана с Россией. Чханвон граничит с Пусаном на востоке, между двумя городами действуют автобусная и железнодорожная сети. Поскольку между Пусаном и Владивостоком налажены регулярные авиасообщения, туристы из Дальнего Востока России смогут путешествовать по Чханвону вместе с Пусаном. Также Старый Чханвон и Масан соединяются с Сеулом высокоскоростной железной дорогой, российские туристы, въезжающие в Инчхон, смогут ехать в Чханвон, проходят через Сеул. Когда в будущем откроется линия электрических поездов между Пусаном и Масаном, также новый международный аэропорт на о-ве Кадокто недалеко от Чинхэ, туристы из Дальнего Востока России смогут более удобно посещать Чханвон. Особенно проект по созданию «Мегаполиса региона Тоннам» при участии Пусана, Ульсана и пров. Кёнсан-Намдо широко увеличит интеграцию между Чханвоном и Пусаном также в области туризма. Отсюда ожидает содействовать тесному взаимопониманию и содействию сотрудничества между Кореей и Россией, также Чханвоном и Уссурийском способом историко-культурных контентов.

Список литературы

1. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 12. / под ред. С. Н. Южакова. – СПб. : Типография книгоиздательского т-ва «Просвещение», 1903. – 794 с.
2. Лучкова, В. И. Градостроительство и архитектура древней и средневековой Японии : учеб. пособие / В. И. Лучкова. – 2-е изд. испр. и доп. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – 181 с.
3. Русско-японская война 1904-1905 гг. Кн. 1. Действия флота на южном театре от начала войны до перерыва сообщений с Порт-Артуром. – С.-Петербург : типография В. Д. Смирнова, 1912. – 635 с.
4. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925) / Проф. Э.Д. Гримм. – М.: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. – 219 с.
5. Скальковский, К. Внешняя политика России и положение иностранных держав / К. Скальковский. – СПб. : тип. А.С. Суворина, 1901. – 682 с.
6. Сувилов, Н. И. Корея: Страна и её история последнего времени / Н. И. Сувилов. – СПб. : Издание книжного магазина К. Фельдмана, 1904. – 126 с.
7. 고경석. 1904~1910년 일본 해군의 한반도 내 기지건설 과정 연구 / 김경남 // 충무공 이순신과 한국 해양. – 2017. – № 4. – С. 255–281.
8. 군향문화탐방안내 [Электронный ресурс] // 창원시 분야별 정보 : сайт. – URL: <https://www.changwon.go.kr/depart/contents.do?mId=0314030200> (дата обращения: 06.10.2021).
9. 근대건축문화유산 – 근대건축문화유산 DB [Электронный ресурс] // 경남관광 길잡이 : офиц. сайт. – URL: https://tour.gyeongnam.go.kr/board/list.gyeong?boardId=BBS_0002001&menuCd=DOM_000009405002000000&contentsSid=10710&spath= (дата обращения: 03.10.2021).
10. 근대건축문화유산 – 근대건축문화유산범위 [Электронный ресурс] // 경남관광 길잡이 : офиц. сайт. – URL: https://tour.gyeongnam.go.kr/index.gyeong?menuCd=DOM_000009405001002000 (дата обращения: 03.10.2021).
11. 근대건축문화유산 – 근대건축문화유산이란 [Электронный ресурс] // 경남관광 길잡이 : офиц. сайт. – URL: https://tour.gyeongnam.go.kr/index.gyeong?menuCd=DOM_000009405001001000 (дата обращения: 03.10.2021).
12. 근대건축문화유산 – 유형별·지역별 통계 현황 [Электронный ресурс] // 경남관광 길잡이 : офиц. сайт. – URL: https://tour.gyeongnam.go.kr/index.gyeong?menuCd=DOM_000009405001004002 (дата обращения: 05.10.2021).
13. 등록문화재 [Электронный ресурс] // 창원관광: сайт. – URL: <https://culture.changwon.go.kr/index.changwon?menuId=15090000> (дата обращения: 06.10.2021).
14. 마산시사 편찬위원회. 馬山市史. – 마산 : 마산시, 1997. – 1495 p.
15. 문화재 소개 [Электронный ресурс] // 2021진해문화재야행 : сайт. – URL: http://진해문화재야행.kr/kr/sub1_2.html?pa_id=sub1_2&code=10 (дата обращения: 10.10.2021)
16. 문화재청 문화유산국 근대문화재과, 경상대학교 산학협력단. 구 마산헌병 분견대 : 기록화조사보고서. – 대전 : 문화재청 문화유산국 근대문화재과, 2011. – 149 p.
17. 문화재청, 우리건축사무소. 진해우체국 실측조사보고서. – 대전 : 문화재청, 2002. – 608 p.
18. 박동백. 고 이승만 대통령 별장 및 정자(故李承晩大統領別莊—亭子) [Электронный ресурс] // 한국민족문화대백과사전: сайт. – URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0003893> (дата обращения: 10.10.2021).

19. 우리지역문화재 [Электронный ресурс] // 국가문화유산포털 : сайт. – URL: http://www.heritage.go.kr/heri/cul/culSelectRegionList.do?s_ctcd=38&ccbaLcto=50&pageNo=1_1_3_1 (дата обращения: 10.10.2021).
20. 이성훈. 창원시, 진해 충무공 동상 등 4곳 '근대 건조물'로 지정 // 부산일보 : [сайт]. – 2015. – 31 декабря. – URL: <http://www.busan.com/view/busan/view.php?code=20160101000088> (дата обращения: 15.10.2021).
21. 이월춘. 진해 문화의 등대, 흑백 다방 [Электронный ресурс] // 디지털창원문화대전: сайт. – URL: <http://changwon.grandculture.net/changwon/toc/GC02202929> (дата обращения: 16.10.2021).
22. 이윤상. 진해 군항의 건설 [Электронный ресурс] // 디지털창원문화대전: сайт. – URL: <http://changwon.grandculture.net/changwon/toc/GC02205050> (дата обращения: 23.08.2007).
23. 이정훈. 창원시 근대건축물 10호 '장군동 주택' // 연합뉴스 : [сайт]. – 2021. – 6 сентября. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/PYH20210906140700052> (дата обращения: 15.10.2021).
24. 이정훈. 근대건조물 일본군 진해만 요새사령부 본관 100년 전 원형 복원 // 연합뉴스 : [сайт]. – 2019. – 6 февраля. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20190201097700052> (дата обращения: 16.10.2021).
25. 이호열. 진해탑 [Электронный ресурс] // 디지털창원문화대전: сайт. – URL: <http://changwon.grandculture.net/changwon/toc/GC02206187> (дата обращения: 15.10.2021).
26. 창원시 근대건조물 보전 및 활용에 관한 조례 [Электронный ресурс] // 자치법규정보시스템 : офиц. сайт. – URL: http://elis.go.kr/newlaib/laibLaws/h1126/laws_list.jsp?lawsNum=48900106448019 (дата обращения: 13.10.2021).
27. 창원시 통합사 편집팀 [편]. 창원시 통합사:인구 110만 메가시티 창원 / 창원시 통합사 편집팀 [편]. – 창원 : 창원시, 2011. – 868 с.
28. 昌原市史編纂委員會. 昌原市史 (上卷). – 창원 : 昌原市, 1997. – 1188 с.
29. 최원태. 창원시, 창원 도시재생 시작...청년 창업자, 보태가로 모인다 // 경남도민신문 : [сайт]. – 2021. – 7 марта. – URL: <http://www.gndomin.com/news/articleView.html?idxno=269856> (дата обращения: 17.10.2021).
30. 최진이. 창원시, 여좌천 제방 등 5개소 근대건조물 추가지정 // 시사코리아뉴스 : [сайт]. – 2016. – 7 августа. – URL: <http://www.sisakoreanews.kr/12723> (дата обращения: 17.10.2021).
31. 한상우. 경남지역 근대문화유산의 창조적 활용방안 연구 / 한상우 // 한일해협권연구. – 2014. – 제14호. – С. 1–20.
32. 2020 市政白書 / 창원시. – [Б. м.] : 창원시 기획관, 2011. – 868 с.
33. 2021년도 문화재위원회 제6차 근대문화재분과위원회 회의록. – URL: https://www.cha.go.kr/cmm/fms/BoardFileDown.do?atchFileId=FILE_000000000047061&fileSn=0&dwldHistYn=N&bbsId=BBSMSTR_1019 (дата обращения: 16.10.2021)

PRACTICES OF IMMORTALITY IN SOUTH KOREA: IS UNSCIENTIFIC GOOD OR BAD?

Victoria Ten (JEON Yeon Hwa)
UK, Independent Scholar

Industrial growth and the development of a new middle class in South Korea of the 1980s went together with increased consumption and leisure culture, causing growing concerns with health and personal self-cultivation. Accordingly, *sōngin undong* (成人運動 sports for adults), mountain hiking and *ki suryōn* (氣修練 training related to *ki* – “life energy”) were on the rise.

Ki suryōn are contemporary practices of self-cultivation in South Korea, reinvented in modernity, similar to Indian *yoga* and Chinese *qigong*. They are also referred to as *sōndo suryōn* (仙道修練 learning the way of immortality). People of older generations lived through Korea’s dramatic transformation from a mostly rural agrarian society to an industrial one. Their yearning for the past, in which the “past” is idealized and imagined anew, is directly connected to the old Korean mountain culture of immortality, a touchstone of cultural authenticity. Together with the image of rural “old Korea” in the minds of contemporary people, it becomes a source of inspiration in re-inventing traditions in the spirit of nationalism. This tendency is expressed in new religious and spiritual movements that matured towards the 1980s. *Ki suryōn* is an important part of these spiritual-social phenomena.

This paper focuses on an interview with Mr. Ch’oe Hyōngsu, a trainee of GiCheon (氣天), one of these *ki suryōn* practices. He, and other practitioners of older generations, connect GiCheon to an idealized image of “old Korea”, associated with childhood fairy tales and traditional images of mountain immortals. This paper analyses how Mr. Ch’oe understands the term *pigwahakchōk* (비과학적 unscientific), which he uses in a positive sense. In his narrative, a term *pigwahakchōk* embodies conflict between Korea of old and new, where “Korea old” indicates the way of life gone forever, yet reconstructed and idealized within contemporary discourse, while “Korea new” means modernity, associated with Westernization, globalization and science.

Key words: GiCheon, *ki suryōn*, *sōndo*, Pak Chōnghūi, *pigwahakchōk*, *yangsaeng*, *tanjōn*.

East Asian practices of internal alchemy and nourishing life come from ancient times and are techniques related to *ki* (氣 which I shall provisionally define as “life energy”). These techniques are grounded in physiological, psychological and behavioral principles. They include gymnastics, massage, breathing, sexual hygiene, diet, healing, meditation and visualization, as well as rules of daily behavior.¹ Their contemporary Korean avatar of *ki suryōn* (氣修練 training related to *ki*) is one of the methods of dealing with the pressures of modernity. Practices of *ki suryōn* such as those taught by GiCheon and Dahn World (단월드 *tanwōldū*)² have been integrated into the routine of urban daily life in modern Korea.

Studios, and other training sites where practitioners come together, create opportunities for social networking and improving social status by getting to know people of higher standing – a striving for status that is encouraged by the competitive demands of modern society.³ While social standing is not the sole motivation for practice, the “confirmation” of status, usually maintained and reproduced by social practices, is an important concern. Other reasons that attract men and women to practice include health concerns, seeking relief from stress, a longing for spiritual enlightenment, and the desire to leave the dusty city and spend some time in nature at the week-end retreats which are often organized for the adepts of different *ki suryōn* groups.

Although scholars sometimes include *ki* practices among religious practices,⁴ the practitioners of *ki suryōn* of both genders are drawn not only from different social classes and age groups but also from various religious persuasions. Often, individuals engage in more than one kind of *ki suryōn*, and Christians and Buddhists join in *ki*-related training. Some Christian *ki suryōn* practitioners believe that *ki* disciplines turn them into “better Christians”: after starting the practice they pray more, listen to the priest with greater attention, and visit the church more frequently. Some Christians also pray to God during the train-

¹ Despeux 2008a. A particular practice of GiCheon on which I focus includes gymnastic, massage, breathing, healing, and meditation, but not sexual hygiene, diet, visualization or rules of daily behaviour.

² U Hyeran 2006a

³ Lett 1998

⁴ Baker 2007

ing, to ask for forgiveness and express gratitude.¹ Buddhist practitioners state that *ki* exercises in the studio improve their concentration during Buddhist meditation.²

The social phenomenon of *ki suryŏn* is an contemporary invented tradition. I approach it through a case study of GiCheon (氣天 McCune-Reischauer: *Kich'ŏn*), one of the *ki suryŏn* practices developed in Korea in the 1970s. As a set of exercises intended to transform the body and mind-heart, GiCheon belongs to a group of practices which have been characterized as internal alchemy (*naedan* 內丹) and nourishing life (*yangsaeng* 養生).³ In my research, I use a series of interviews with GiCheon practitioners carried out between September 2010 and April 2011 in South Korea. Additionally, as a scholar-practitioner myself, I utilize my own twenty years GiCheon experience as an adept and an instructor, and the knowledge acquired therein.

The new middle class of white-collar employees of the government bureaucracies and large business corporations developed in South Korea between the 1960s and 1990s along with urbanization and industrialization. These people enjoyed a guaranteed income, without many of the anxieties connected to independent businesses and farming,⁴ which allowed them to engage in activities for self-improvement. In the South Korea of the 1980s, industrial growth and the development of the new middle class went together with increased consumption and leisure culture, and growing concerns with personal health and self-cultivation. Accordingly mountain hiking, *sŏngin undong* (成人運動 sports for adults), and *ki suryŏn* were on the rise.

The revival of folk culture was a widespread phenomenon among newly independent countries after WWII. In South Korea, the state initiated a series of projects and institutions that gave rise to the revival of folklore as an academic discipline and a popular project.⁵ During the Pak Chŏnghŭi regime of the 1960s and 1970s, the government revived some elements of folk culture as a resource for national identity, while denouncing other traditional cultural elements as unscientific, irrational, impractical and thus a hindrance to modernization. Students and intellectuals who opposed Pak Chŏnghŭi (朴正熙 1917–1979), the South Korean military dictator, saw these elements as embodiments of an indigenous Korean spirit, capable of resisting the negative impacts of modernization and Westernization. In the 1980s these elements came to be considered valuable parts of Korean cultural tradition.⁶ The rise of *sŏndo* culture and *ki suryŏn* in the 1980s is one part of this return to things Korean, in an attempt to realize and shape an alternative, non-Western modernity.

Sŏndo (仙道 the way of immortals) culture has grown and developed since the 1980s, and it is postulated to be an ancient and original Korean religion. New books on *sŏndo* are continuously published in South Korea, as for example *Han'guk sŏndo wa hyŏndae tanhak* (한국 선도와 현대 단학) (Korean *sŏndo* and contemporary *tanhak*) by Yi Sŭnggho published in 2015, or *Han'guk sŏndo ūi yŏksa wa munhwa* (History and culture of Korean *sŏndo*) by Sondŏ munhwa yŏn'guwŏn (Research institute of *sŏndo* culture) published in 2006. They perpetuate and develop ideas of *sŏn* (仙 immortality) and *sinsŏn* (神仙 immortals), supporting their presence in the public consciousness. The proponents of *sŏndo* view *ki suryŏn* as one manifestation of *sŏndo*, and they usually refer to it as *sŏndo suryŏn* (仙道修練 learning the way of immortality).⁷

---

¹ Interview with Yi Sŏngdo, 08.12.2010, Pusan, South Korea. Yi Sŏngdo gave me explicit permission to use his real name. Interview with Kim Yŏnghui (not a real name), 05.11.2010, Seoul, South Korea.

² Interview with Yi T'aegyŏng, 09.12.2010, Pusan, South Korea. Yi T'aegyŏng gave me explicit permission to use his real name.

³ The word *yangsaeng* (Chinese *yangsheng*) though referring to ancient East Asian alchemical and medical practices of immortality and nourishing life, also indicates a contemporary phenomenon in China.

⁴ Lett 1998: 2-3, 37-38

⁵ Namhee Lee 2007: 189

⁶ Lett 1998: 39, Namhee Lee 2007: 189

⁷ Sondŏ munhwa yŏn'guwŏn ed. 2006: 741, Yi Sŭnggho 2015: 262

In South Korea as in other places people evoke their own childhood as a touchstone of cultural authenticity. A longing for a place of memory, or imagined memory, as a feeling of loss and mourning is seen sometimes as an inevitable consequence of modern conditions. This nostalgia is often for things “folkloric” and “traditional”,¹ and it actively contributes to constructed histories, mythologies and traditions. It has shaped and colored the lives of people of older generations who have lived through Korea’s dramatic transformation from a mostly rural society to an industrial one. This yearning for the past, in which the “past” is idealized and imagined anew, is mentioned explicitly by GiCheon practitioner Mr. Ch’oe Hyöngsu of an older generation whom I interviewed. He talks about mountain immortals (神仙 *sinsŏn*), connecting his longing for the past to childhood tales about fairy mountain dwellers. Korean mountain culture, together with an image of rural “old Korea” in the minds of contemporary people, becomes a source of inspiration in constructing and re-inventing tradition in the spirit of nationalism.

The notion of *pigwahakchŏk* (unscientific) has become symbolic for the practitioners of older generations. This term is a code word for a particular attitude toward some elements of Korean traditional culture, which were considered unscientific during the Pak Chŏnghŭi era and before that during the Japanese colonial occupation of Korea. The invented traditions of *ki suryŏn* and GiCheon should be understood against this historical background.² The creation and support of these invented traditions constitute a reaction against the way of thinking of the modernizers, who were inclined to equate *modern* with *Western*, and against the sense of Korean inferiority implied in such a way of thinking. This reaction becomes a leading force in the creation of the building blocks of a new Korean modernity.

I approach *ki suryŏn* in general and GiCheon in particular as contemporary avatars of East Asian age-old practices of internal alchemy and nourishing life. In the context of South Korea, *ki suryŏn*, which is also referred to as *sŏndo suryŏn*, is a part of a larger *sŏndo* culture. The representation of *sŏndo* as the original Korean religion, coming from ancient times, constitutes one example of creating identity through history, and of historiography as a social activity, involving attempts by social groups to formulate their own identity vis-à-vis others.³ History and historical records have always been important for Koreans as a kind of mirror, within which good and evil competed. Anchoring their teachings in history is a common characteristic of Korean invented traditions, including *sŏndo* culture, *ki suryŏn* in general and GiCheon in particular.

The contrast between “city” and “nature”, brought about by the industrial development and the rise of the middle class speaks to the health concerns of urban Koreans, manifested in the growth of hiking culture and a rising interest in *ki suryŏn*. Indeed, health concerns are one of the major reasons that bring people to *ki suryŏn* and GiCheon. Health concerns link to the stress of contemporary life. *Ki suryŏn* and GiCheon provide important coping mechanisms for dealing with these issues.

Ch’oe Hyöngsu, a small business owner in his early 50s, was the first GiCheon student in the Puch’ŏn studio of GiCheon Grandmaster Lee Sangwŏn in 1995. That was a difficult time for Lee Sangwŏn; he has just opened his studio, lived there and did not even have hot water. Ch’oe Hyöngsu installed a water boiler for him. Later, other students came, including Kim Hyŏnt’ae, who became one of GiCheon leaders. Ch’oe Hyöngsu had a special talent for GiCheon, and under different circumstances he would also have liked to become a GiCheon instructor. Ch’oe Hyöngsu thinks that Korean tradition, religion, philosophy and manners are blended into GiCheon. He notes with sorrow however, that GiCheon does not fare well in contemporary Korea. Ch’oe expresses sadness about the Westernization and computerization of Korean society. He connects GiCheon directly to mountain dwellers and immortality practices. This is how Mr. Ch’oe Hyöngsu, evokes the concept of mountain immortality while talking about his GiCheon experience.⁴

- How did you know about GiCheon training, and when did you start practicing?

---

¹ Kendall 2009: xviii, xxiv

² The concept of invented tradition has been first introduced by Hobsbawm and Range in 1983.

³ cf. Walraven 2001: 157-158

⁴ Interview of 10.11.2010, Puch’ŏn, South Korea.

- [...] since I was small [...] as we, Koreans, grow up [...] obscure (magyŏnhan) ideas of traditional martial arts, sanjung suryŏn (山中修練 training in the mountains) ...¹ More than this vague idea of martial arts, how should I call it, toga (道家 Daoism) ... the stories we hear from elders, what we feel when we read books ... there is this kind of yearning. [...] People of my age mostly have it [...]. During our childhood we heard many stories about stepping on clouds and flying. These stories are unscientific (pigwahakchŏk), but we always had this longing, our generation [...]. So, when I heard that there is such a thing, immediately [...] I thought that I have to study this. [...]

Mr. Ch'oe called the stories about *stepping on clouds and flying* “unscientific” – *pigwahakchŏk*, while alluding to *sinsŏn*, mountain immortals. He relates also to GiCheon and to traditional acupuncture methods as *pigwahakchŏk*. Mr. Ch'oe mentioned with bitterness, that acupuncture was made illegal in the 1920s, during Japanese occupation of Korea, as it was considered *pigwahakchŏk*. In South Korea today, only the doctors of Traditional Korean Medicine are legally allowed to practice acupuncture, though many people do it without permission. Mr. Ch'oe complains that in Japan, acupuncture is currently licensed and practiced legally. It is not limited to medical doctors only. However, in order to practice acupuncture in Korea, you have to receive a title of a Traditional Korean Medical Doctor, an expensive and complicated project, almost unattainable for ordinary people.

The term *pigwahakchŏk* was actively utilized in the discourse on nation building implemented in the era of Pak Chŏnghŭi from 1961 till 1979. This discourse reiterated Japanese colonial discourses about backwardness of Korea, and the need to “catch-up” with Western civilization. This aspect of Japanese colonial discourse, reproduced by Pak Chŏnghŭi, included viewing various elements of Korean traditional culture as archaic and superstitious. Shamanism, for example, was portrayed as *pigwahakchŏk*, long overdue to be overcome by science, as Mr. Ch'oe exemplifies when recounting how traditional Korean acupuncture was also considered *pigwahakchŏk* under Japanese rule.² The term “obscure” Ch'oe Hyŏngsu used in relation to traditional martial arts and *sanjung suryŏn*, echoes the term *pigwahakchŏk*.

The good point of naegasinjang, if we do it on a cold mountain top, is that although it is cold, if we stand in this position for five minutes, we sweat, right? [...] Not only GiCheon, in our country there are different kinds of Korean ... should I call it martial arts? There are different kinds of sŏndo (仙道 the way of immortals), sŏnpŏp (仙法 techniques of immortality) and the basis of all of them is breathing. That is tanjŏn (丹田 cinnabar field) breathing.³ Through tanjŏn breathing we purify our body, organize our thoughts, increase and cultivate ki.

When Mr. Ch'oe says *we purify our body, organize our thoughts, increase and cultivate ki*, he connects cultivating *ki* with cultivation of the self, bringing out the notion of *ki* in the context of effort and intentionality. Much like Mr. Ch'oe, other trainees also connect increasing their *ki* with ideas of mountain immortals. This is how Kim Chehŭi, an events planner in his late 40s, talks about *toin* (道人 persons who follow the “Way”, a term used by different creeds). He uses the term *toin* in the sense of *sinsŏn*:

---

¹ Mr. Ch'oe makes a connection between GiCheon and martial arts. Lee Sangwŏn, the head of Kichŏn Sangmuwŏn, has developed GiCheon as mind-body meditative discipline, and later other GiCheon instructors followed his example. However, up to the mid-1980s, GiCheon was taught and practiced mainly as a martial art. This image of GiCheon is also promoted in GiCheon lore. The books insist that GiCheon is the oldest, and truest, of Korean self-cultivation practices and martial arts. The tale of a young Taeyang Chinin, first GiCheon teacher, being the best martial artist ever and always winning in combat in the 1970s, is presented as a proof (Kim Hŭisang and Kich'ŏnmun Pommun ed. 2000: 76-77). Besides, according to legends, GiCheon is a basis and foundation on which Chinese and Japanese martial arts grew and flourished (Pak Taeyang, Ch'oe Hyŏn'gyu, unpublished manuscript).

² A certain degree of contempt toward some elements of traditional Korean culture was not invented during the Japanese occupation, but was already discernible in the attitude of the nobility toward shamans, in Chosŏn Korea (1392-1897).

³ *Tanjŏn* (丹田 Chinese *dantian*, cinnabar field) refers to three loci playing a key role in East Asian practices of internal alchemy and nourishing life. The three *tanjŏn* are located in the regions of abdomen, heart and brain (Pregadio 2008: 302). Korean *ki suryŏn* discourse relates to the three *tanjŏn* as *hadanjŏn* (下丹田 lower *tanjŏn*), *chungdanjŏn* (中丹田 middle *tanjŏn*) and *sangdanjŏn* (上丹田 upper *tanjŏn*). In GiCheon practice, the lower *tanjŏn* is emphasized, it is considered as a storage of *ki*, and a center of a human body. Mr. Ch'oe, and most other practitioners, refer to *hadanjŏn*, the lower *tanjŏn*, simply as *tanjŏn*.

I think it is indeed possible that toin exist somewhere in the world [...]. They have accumulated naegong (內功 internal power) through continuous training. It is possible to build up a different kind of energy through communion with nature (chayŏn kwa kyogam). [...] I think that there are many toin like that in Korea [...].¹

A different kind of energy Kim Chehŭi mentions is what Mr. Ch'oe calls *ki*. According to Mr. Kim, this energy is developed by *toin* (or *sinsŏn*) through communion with nature. In fact, a *sinsŏn* who has accumulated *naegong* through continuous training, is an embodiment of such a communion with nature. They are a perfect immortal, depicted on Korean paintings as a part of a mountain landscape, a model for emulation by GiCheon practitioners, who of course want to train GiCheon in the mountains, just as Mr. Ch'oe does.

The connection between mountains and *sinsŏn* is embedded in Korean culture, and is manifested also in vernacular Korean. Flat, rocky-faced cliff-tops, or clearings in the high mountains with a grand view, are sometimes referred to as *sinsŏndae* (神仙臺 *sinsŏn* terrace). In people's minds a *sinsŏndae* is associated with spiritual enlightenment, as evidenced by Korean temple-wall paintings, depicting Sakya-muni Buddha as meditating seated on a *sinsŏndae*. Another example is the word *sinsŏnbong* (神仙峯 *sinsŏn* peak). This term is used for describing certain Korean rocky peaks, all of which offer grand scenic views, despite not being the highest peaks.²

Although some people might think that a belief in *sinsŏn*, mountain immortals, is a thing from the past, the narratives of Mr. Ch'oe and Mr. Kim demonstrate the continued relevance of *sinsŏn* for contemporary Korea. The way Mr. Ch'oe and others talk about GiCheon and Korea, reflect the nation building discourse from the Pak Chŏnghŭi era, and from Japanese colonial times. Ch'oe Hyŏngsu, and the trainees of older generations, group together GiCheon, traditional culture of Korea and the notion of the "unscientific". According to Mr. Ch'oe, mountain related beliefs and practices such as *sŏndo*, *sŏnpŏp* and *sanjung suryŏn* also belong to this group. He associates them with the stories about stepping on clouds and flying, martial arts, Daoism, *tanjŏn* breathing and the cultivation of *ki*.

Against the background of the colonial past and the Pak Chŏnghŭi era, which fought "superstition", the *sinsŏn* beliefs and practices, with their *pigwahakchŏk* flavor, provide a counter-narrative, taken up and developed by Korean nationalists. Mr. Ch'oe connects the yearning that makes him perform GiCheon practice today with the childhood fairy tales about *sinsŏn*. The kind of yearning Ch'oe Hyŏngsu talks about is shared by many people. It provides a context and a reason for the re-invention and revival of the nationalist *sŏndo* tradition, of which *sinsŏn*, *ki suryŏn* and GiCheon are one part.

Bibliography

1. Baker, Don. "Internal Alchemy in the Dahn World School." In *Religions of Korea in Practice*, edited by Robert E. Buswell Jr., 508-513. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007.
2. Despeux, Catherine. "Yangshen 養生 Nourishing Life." In *The Encyclopedia of Taoism*, edited by Fabrizio Pregadio, 1148-1150. New York: Routledge, 2008a.
3. Hobsbawm, Eric, and Ranger, Terence ed. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992 [1983].
4. Kendall, Laurel. *Shamans Nostalgias and the IMF: South Korean Popular Religion in Motion*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009.
5. Kim, Hŭisang, and Kich'ŏnmun Ponmun (氣天門 本門) ed. *Kich'ŏn* (氣天). Seoul: Ch'orokpaemaejiksŭ (초록배매직스), 2000.
6. Lee, Namhee. *The Making of Minjung: Democracy and the Politics of Representation in South Korea*. New York: Cornell University Press, 2007.
7. Lett, Denise. *In Pursuit of Status: The Making of South Korea's "New" Urban Middle Class*. Cambridge: Harvard University Asia Center, 1998.

¹ Interview of 11.01.2011 Seoul, South Korea. Mr. Kim gave me explicit permission to use his real name.

² Mason 1999: 56-57, 121 note 46.

8. Mason, David. *Spirit of the Mountains*. Seoul: Hollym International Cor., 1999.
9. Pak, Taeyang (박대양), and Ch'oe, Hyön'gyu (최현규). *Sosöl Kich 'önmun*. Unpublished manuscript.
10. Pregadio, Fabrizio. "Dantian 丹田 Cinnabar field(s); Fields of the Elixir." In *The Encyclopedia of Taoism*, edited by Fabrizio Pregadio, 302-303. New York: Routledge, 2008.
11. Sondō munhwa yön'guwön (선도문화연구원) (Research institute of *sōndo* culture) ed. *Han'guk sōndo ūi yōksa wa munhwa* (한국선도의 역사와 문화) (History and culture of Korean *sōndo*). Ch'ōnan: International Graduate University for Peace Press, 2006.
12. U, Hyeran (우혜란). "Ki suryōn tanch'e ūi minjōkjuūi chōk sōngyang kwa segyehwa kihoek: tanwōldū rül chungsim ūro" (기수련 단체의 민족주의적 성향과 세계화 기획 : 단월드를 중심으로) (Nationalistic orientation and globalization plan of *ki suryōn* groups: focusing on Dahn World). *Inmun kwahak yōn'gu* (人文科學研究) (Korean journal of humanities) 11 (2006a): 37-63.
13. Walraven, Boudewijn. "The Parliament of Histories: New Religions, Collective Historiography, and the Nation." *Korean Studies* 25, no. 2 (2001): 157-178.
14. Yi, Sūngho (이승호). *Han'guk sōndo wa hyōndae Tanhak* (한국 선도와 현대 단학) (Korean *sōndo* and contemporary Tanhak). Seoul: Kukhak charyowōn (국학 자료원), 2015.

Секция X Литература Кореи

УДК 82.091

«УДАЧНЫЙ ДЕНЬ» В ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.

Мария Васильевна Солдатова

г. Москва, ВУМО, РГГУ

Ксения Арнольдовна Пак

г. Владивосток, ДВФУ

В докладе рассматривается влияние русской литературы на творчество Хён Джингона, исследуется интертекстуальное взаимодействие рассказа «Удачный день» Хён Джингона и одноименного рассказа Ли Мунёля. Освещается вклад двух писателей в развитие жанра рассказа в корейской литературе.

Ключевые слова: Хён Джингон, Ли Мунёль, «Удачный день», интертекстуальность.

Среди произведений современной корейской литературы есть два рассказа, которые роднит общее название. Это рассказ «Удачный день» («Унсу чоын наль») Хён Джингона, увидевший свет в 1924 г., и одноименный рассказ Ли Мунёля, написанный более полувека спустя, в 1987 г.

Хён Джингон (1900 – 1943) – видный писатель и литературный критик колониального периода, внесший значительный вклад в становление и развитие реализма в Корее. Его рассказ «Удачный день» входит в Республике Корея в школьную программу, считается классическим образцом корейской реалистической прозы, переводился на множество языков, причем на русский язык – три раза: А. Х. Ином и А. А. Кимом (2003), М. В. Солдатовой (2003), Ким Сонмён и И. Беляковым (2019).

Ли Мунёль (род. 1948) – знаменитый современный писатель, эрудит и интеллектуал, наполняющий свои произведения отсылками к фактам как корейской, так и мировой культуры. Его рассказ «Удачный день», написанный по мотивам рассказа Хён Джингона, не пользуется особой популярностью у читателей Республики Корея, хотя, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания.

В докладе рассматривается влияние русской литературы, в частности текстов А.П. Чехова «Тоска» и М. П. Арцыбашева «Счастье», на творчество Хён Джингона. Также исследуется интертекстуальное взаимодействие рассказа «Удачный день» Хён Джингона, и одноименного рассказа Ли Мунёля, рассматривается вклад двух писателей в развитие жанра рассказа в корейской литературе.

Подводя итог сопоставительному анализу трех рассказов корейских писателей и двух рассказов русских писателей, авторы доклада отмечают следующее:

1) Хотя принято считать, что Хён Джингон написал рассказ «Удачный день» под впечатлением от рассказа А. П. Чехова «Тоска», во многом это произведение Хён Джингона перекликается с переведенным им самим на корейский язык рассказом М. П. Арцыбашева «Счастье».

2) С рассказом Хён Джингона «Удачный день» (1924) можно напрямую сравнивать на предмет трагичности опубликованный годом позже рассказ Чу Ёсопа «Рикша» (1925), но не рассказ Ли Мунёля «Удачный день» (1987), относящийся к эпохе постмодерна.

3) Главным достоинством рассказа Ли Мунёля, отсылающего к рассказу Хён Джингона, является не трагичность, а ироничность. Сопоставляя два рассказа, мы получаем возможность сравнить жизнь в колониальной, единой еще Корее, и жизнь в Республике Корея периода бурного экономического роста, увидеть, как изменилось корейское общество, его потребности и нравы.

Список литературы

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. Вступ. статья А. Туркова; Сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. М.: Худож. лит., 1986. –735 с.
2. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного произведения // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Науч. Ред. П. Е. Бухаркин. Изд. 2-е. [Sci. Ed. P.E.Bukharkin. Ed. 2nd]. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 223-238.
3. Ерофеев В. Поэтика и этика рассказа: (Стили Чехова и Мопассана) // Ерофеев В. Лабиринт Один: Ворованный воздух. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С.424–449.
4. Жолковский А.К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. 344с.
5. Ким Гын Сик. Как в Корею воспринимается А. С. Пушкин // [Русский язык и русская литература]. 1997.12. № 9. С. 229–252.
6. Ким Хёнхэк. Русская литература в Корею: исторический обзор // Материалы первой российско-корейской научно-практической конференции литературных переводчиков (Москва, 21–22 декабря 2009 г.) М.: Восточная литература, 2010. С. 5–10.
7. Прокопов Т.Ф. Возвращение Михаила Арцыбашева // Арцыбашев М.П. Наш третий клад: Повести и рассказы. Роман. Записки писателя / Сост., вступ. ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Школа-Пресс. 1996.
8. Солдатова М.В. Становление национальной прозы в Корею в первой четверти XX века. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 188 с.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма. В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т.2: 1887 – сентябрь 1888. М.: Наука, 1975.
10. Янаги Томико. Чехов в Японии: Переводы, критика, отклики писателей (1902–1945): Обзор // Чехов и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 3. С. 79–98.
11. 권영민 외 [Квон Ёнмин и др.] 한국 근대문학의 러시아 문학 수용 [Восприятие русской литературы корейской литературой]. 서울: 서울대학교출판문화원, 2016. 214 쪽
12. 이문열 [Ли Мунёль]. 이우는 세월의 바람소리를 들으며 [Слушая ветер поры увядания] // 이문열 [Ли Мунёль]. 문학앨범 [Литературный альбом]. 웅진출판, 1994. P. 151–170.
13. 李相龍 [Ли Санъён]. 체흠과 현진건의 담론 : 주제구성의 미학. 체흠의 우수, 잠들고 싶어와 현진건의 운수 좋은 날, 불을 중심으로/ 성곡논총 성곡언론문화재단 29(1), 1998.08. 481–527 쪽.
14. 조동일 외 [Чо Дониль и др.] 한국 문학 강의 [Лекции по корейской литературе]. 길벗, 1999. 414 쪽.
15. Чо Ёнхён. 韓國現代文學史 [История современной корейской литературы]. 成文閣 성문각, 1969. – 618 p.
16. 玄鎮健 [Хён Джингон]. 조선혼과 현대정신의 파악朝鮮魂과 現代精神의 파악 [Понимание души Кореи и духа современности] // 開關 [Кэбёк]. 1926.1. №65.

ПРАВСТВЕННАЯ ДИХОТОМИЯ В ХАРАКТЕРОЛОГИИ РОМАНА ЧОН ЮЧЖОН «СЕМИЛЕТНЯЯ НОЧЬ»

Валентина Александровна Тихоненко
г. Владивосток, ДВФУ

В статье анализируется роман Чон Ючжон «Семилетняя ночь» и предлагается выявление дихотомии образов главных героев в аспекте соотношения «внешнего-внутреннего» и «нравственного-безнравственного», что позволит разносторонне изучить сложную структуру характеров героев романа.

Ключевые слова: многомерная человеческая природа, дихотомия, нравственный порог, безнравственный поступок, ответственность личности.

Нравственная дихотомия образов героев Чон Ючжон анализируется в представлении человеческого поведения в художественном мире автора. В пространственно-бытовых отношениях Чон Ючжон вскрывает такие общие для всех темы, как насилие в семье, ответственность детей за родительские поступки, инфантильность и амбивалентность взрослых. Обнажая частные проблемы каждой отдельной семьи Чон Ючжон имплицитно закладывает в романе общие вопросы нравственности: как согласуется жизнь и мораль? насилие и семья? Допустимо ли пожертвовать жизнью человека, пусть даже погибающего по роковой случайности, ради «благополучия» собственной семьи?

Целью статьи является изучение образной системы и выявление компонентов нравственной дихотомии в характерологии романа Чон Ючжон «Семилетняя ночь».

Анализ романа позволяет утверждать, что Чон Ючжон, размышляя над антитезой «нравственность-безнравственность», указывает вдумчивому реципиенту на мысль о том, что человек по своей природе не статичен, его характер амбивалентен и, попадая в условия нравственного порога, любой человек способен на крайне безнравственный поступок.

Список литературы

1. Лихачев, Д.С. Внутренний мир художественного произведения Текст. / Д.С. Лихачев // Вопр. лит. 1968. — № 8. — С. 74–87.
2. Лотман, Ю.М. Семиосфера Текст. / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство — СПб, 2000. — 704 с.
3. Тamarченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М. : ИЦ «Академия», 2004. — 512 с.
4. Фаустов, А.А. Характер Текст. / А.А. Фаустов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. научн. ред. Н.Д. Тamarченко. — М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 286–287.
5. Чон Ючжон. Семилетняя ночь / Чон Ючжон; [перевод с корейского А.В. Погадаевой, Чун Ин Сун]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 528 с.

КОНЦЕПТ «ЕДА» И ЕГО ЛЕКСИКО-СИМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ СОН СОКЧЕ «ПИКНИК»

Валерия Олеговна Курызжко
г. Владивосток, ДВФУ

В статье рассматривается один из главных концептов сборника рассказов «Пикник» («Сопхун», 2006) южнокорейского автора Сон Сокче «еда» и его лексико-семантическое поле. Производилась сплошная выборка частотной лексики для определения ключевых слов и далее выбиралась связанная с ними лексика.

Результаты показали, что в ядро концепта входят понятия «жизнь», «путешествие» (путь, дорога, приключение) и «воспоминания». Непосредственно с ними связаны следующие понятия: блюдо, воспоминания, вкус, запах, путешествие, человек, необычный, атмосфера, спокойствие, тишина, цена, авантюра, чувство, время, сезон, праздник.

Таким образом, еда приравнивается в понимании корейцев к самой жизни, стимулу к движению вперёд (дороге, пути) и источнику радости (приключению), а также является хранителем воспоминаний.

Ключевые слова: корейская литература, корейский художественный текст, концепт, еда.

Прозаический сборник «Пикник» («Сопхун», 2006) южнокорейского автора Сон Сокче (선석제) включает 53 коротких рассказа, посвящённых еде. Все рассказы поделены на четыре раздела. Первый раздел – самый большой – рассказывает о блюдах, подаваемых обычно с рисом: супах, мясных блюдах, кашах; во втором разделе представлены рассказы о блюдах из лапши; в третьем повествуется о соленьях, ингредиентах для заправок и плодах; четвёртый раздел посвящён напиткам: алкогольным и безалкогольным.

Еда занимает одно из главных мест в жизни любого человека, особенно корейцев. Каждый праздник, каждый выход или встреча сопровождаются трапезой. Корейцы начинают и заканчивают свой день приёмом пищи. Обилие и разнообразие заведений общепита на улицах Кореи сразу бросается в глаза. Многие заведения работают до позднего вечера, а некоторые даже ночью. Поеть можно не только в кафе и ресторанах, но также и в круглосуточных магазинах. Развита сеть доставки еды. Ценовой диапазон также очень широк. Одним словом, в Корею можно поехать всегда, везде, что угодно дёшево и быстро. Еда настолько важна для корейца, что даже одной из форм приветствия в корейском языке является фраза: «Ты ел/поел?» Таким образом, вся жизнь корейца крутится вокруг еды: что и где поесть. Однако не всё так прозаично, как это может показаться на первый взгляд. Еда для них значит больше, чем источник энергии.

В сборнике можно выделить один главный концепт «еда», который неразрывно связан с двумя другими: «путь» и «жизнь». Вместе они образуют непрерывный замкнутый цикл: жизнь – путь – еда – жизнь...; чтобы жить, человек отправляется в путь на поиски еды.

В лексико-семантическое поле концепта «еда» входят следующие понятия: блюдо, воспоминания, вкус, запах, путешествие, человек, необычный, атмосфера, спокойствие, тишина, цена, авантюра, чувство, время, сезон, праздник. Все понятия неразрывно связаны друг с другом; каждый из них может оживить воспоминания и восстановить картину события.

Каждый рассказ имеет название, которое сопровождается наименованием блюда, находящимся в центре истории. Несколько историй могут концентрироваться вокруг одного блюда. Среди блюд встречаются: блюда из мяса и морепродуктов (нобиани, краб, ттоккальби, ккальбиччим, кимпаб), густые, наваристые супы (кэчжан, пудэччигэ), блюда с лапшой (куксу, ччачжанмён, рамен), соленья (кимчхи); а также напитки: чай (хризантемовый и зелёный), пиво, соджу, макколи. Всё это представители повседневного и особенного, праздничного корейского стола. Таким образом, блюдо является хранителем истории – ключом к ней.

Если еда – это история, то она обязательно связана с каким-то временем; каждое блюдо привязано к прошлому: детство (кимчхи «Зимняя шалость», ччачжанмён «В раю нет лестницы»), молодость (пудэччигэ «Подземная закусочная в земле обетованной», кхалькуксу «Любуясь волшебством осени»), средний возраст (ччачжанмён «Тот самый вкус», пиво «Ядрёное, настоящее, живое») и т.д.

Во-вторых, всякая еда напрямую связана для корейца с путешествием. Будь это реальный поход куда-либо за едой: в кафе или ресторан рядом с домом (ччачжанмён) или работой (пудэччигэ) или в другом районе города (краб в соевом соусе); другой город (Инчхон: ччачжанмён; Канхва: куксу) или страну (Штаты: гамбургер, пиво; Китай: краб, чай); в гости (кэчжан) или на пикник (кимпаб) и т.д. (кореец может проделать долгий путь в другой город, чтобы купить там какое-то блюдо, которое ему запомнилось), или путешествие по кухне с целью приготовить блюдо (куксу). В предисловии к книге автор сам пишет, что приготовление пищи является тоже своего рода пикником.

В-третьих, еда не берётся из ниоткуда – её кто-то готовит, поэтому еда для корейцев – это люди: люди, которые её готовят и подают, или люди, с которыми можно её разделить. Среди номинаций людей частотны: хозяин, повар, официант или работник, посетители, коллеги, друзья (детства), приятели (по вузу) и знакомые, семья и родственники (близкие, дальние).

В-четвёртых, с едой обязательно связаны такие её неотъемлемые характеристики, как вкус и запах. Палитра вкусов представлена в сборнике следующими номинациями: вкусный, очень вкусный, невкусный, острый, жгучий, сладкий, кислый, пересоленный, терпкий, вяжущий, мягкий, насыщенный, необычный, особенный, приятный, насыщенный, богатый, как в детстве. Запах: насыщенный, бьёт в нос, сносит наповал, брожения, кислый, моря и рыбы, приятный. Помимо запаха внимание отводится таким понятиям, как дым и пар (куксу, ччачжанмён): струится, клубится, нависает, валит, застилает, поднимается, переносит запах (ччачжанмён, кимчхи, куксу, зелёный чай, нобиани, пудэччигэ).

В-пятых, еда в сборнике тесно переплетается с понятием авантюра. Автор нередко прибегает к этому слову. Помимо самого приключения, связанного с каким-то блюдом, автор именуется рассказчика и его спутников авантюристами. Авантюра придаёт каждому путешествию, пусть даже в пределах кухни, азарта и делает каждое блюдо вкуснее в разы, а воспоминания от приключения сохраняются дольше и ярче (ччачжанмён, кимчхи, куксу).

В-шестых, частотны такие определения блюд, как необычный, особенный, аутентичный, самобытный / обычный, другой или остальной. Эти понятия напрямую связаны с вышеуказанными понятиями авантюра и путешествие. То, что выходит за пределы обычного, повседневного и сопровождается непривычной атмосферой, кажется необычнее, а если это произошло в путешествии, то даже неудачный опыт обязательно запомнится (чай, гамбургер, пиво, ччачжанмён, куксу, краб, кимпаб, пудэччигэ).

В-седьмых, это уже было затронуто выше, для каждого блюда важна атмосфера, и хорошо, если она будет приятной. Приятная атмосфера описана у автора следующими номинациями: спокойствие, неторопливость, размеренность, уютный, приглушённый свет, солнце, дождь, с семьёй, море, старина, глубинка, горы, пейзаж, вечер (нобиани, чай, куксу). Наоборот, нерасполагающая обстановка характеризуется такими понятиями, как торопливый, шумный, громко кричать, многолюдный, битком, очередь, ждать (нобиани, краб в соусе, ччачжанмён).

Сюда же входит понятие «тишина» и противоположное – «нарушение тишины» (ччачжанмён: бегание ребёнка по кафе; нобиани: шарканье сланцами; краб в соусе: орущие пьяные посетители; зелёный чай: шум машины и свет фар). Тишина, наполненная звуками природы: дождя, ветра, воды, треска огня, – есть первозданное состояние умиротворения, в котором нужно принимать пищу.

Таким образом, отличная еда связывается со спокойствием, тишиной, необычностью, уникальностью, профессионализмом, приятным запахом и вкусом, недорогой ценой, уютной атмосферой. Это же относится и к самой жизни.

Еда представлена в сборнике не просто как способ утолить голод, но как сама жизнь. По своей сути жизнь есть путь, на котором нам необходимо останавливаться и подкрепляться, чтобы двигаться дальше. Еда есть путешествие, жизнь есть путешествие, еда есть жизнь и жизнь есть еда.

И над всем этим стоят воспоминания, потому что еда для корейца – это только источник жизни и стимул к движению по пути, это ещё и хранитель воспоминаний. Это есть нематериальная функция еды. Как дорожные знаки помогают не заблудиться в пути, так еда помогает не заблудиться в воспоминаниях и восстановить хронологию событий.

Есть в японском кинематографе такой полнометражный мультипликационный фильм «Актриса тысячелетия» (2001). В нём хорошо продемонстрировано, как обычный ключ стал для главной героини, во-первых, путеводной звездой, определившей её судьбу, а во-вторых, ключом от её памяти. Как героиня этого фильма могла пересказать всю свою жизнь, глядя на ключ, так и корейцы могут пересказать свою жизнь, глядя на меню.

ТРАКТОВКА ОБРАЗА ОТЦА-ЖИРАФА В РАССКАЗАХ ПАК МИНГЮ (Р. 1968) И ЧО ГЁННАН (Р. 1969)¹

Инна Валериантовна Цой
г. Санкт-Петербург, СПбГУ

Объект исследования – рассказ Пак Мингю «Разве? Я жираф» из сборника «Коврижка»² (2005) и рассказ Чо Гённан «Потому что я действительно жираф» из сборника «Рассказ о поварёшке» (2004). Предмет исследования – образ отца, который у Пак Мингю будто бы действительно превратился в жирафа, а у Чо Гённан – это мысленный образ.

Ключевые слова: Пак Мингю, Чо Гённан, современная южнокорейская проза, рассказ, образ отца, жираф, единорог, цилинь.

Современная южнокорейская проза становится в России всё более узнаваемой благодаря активизации переводческой деятельности. Говоря о переводах, изданных в России в последнее время, приведем в пример сборник рассказов Пак Мингю (р. 1968)³. В своем дебютном сборнике «Коврижка», где персонажи – в основном молодые люди либо те, кто переходит во взрослую жизнь, автор использует такой литературный прием, как магический реализм. Героями его рассказов могут быть как люди, так и животные.

Если же говорить о современнице Пак Мингю писательнице Чо Гённан (р. 1969), то с ее литературным творчеством можно познакомиться, читая ее книги пока только в оригинале. В Южной Корее Чо Гённан – одна из самых известных и читаемых авторов. Она пишет о бытовой, повседневной жизни жителей больших городов, о том, что порой незаметно окружающим, но очень значимо для самих героев.

В качестве объекта исследования мы возьмем два рассказа, написанных почти в одно и то же время, – рассказ Пак Мингю «Разве? Я жираф» *그렇습니까? 기린입니다*, 2005 [7,8], и рассказ Чо Гённан «Потому что я действительно жираф» *난 정말 기린이라니까*, 2004 [9]. Предмет исследования – отношения между главными героями и их отцами. Отсюда, следующая проблематика: в рассказах отцы представлены в образе жирафа. В таком случае, почему вводится именно этот образ и с чем это связано? В ходе рассуждений будет применяться культурно-исторический и структурно-описательный методы исследования.

Прежде кратко представим сюжетные линии. В рассказе Пак Мингю главный герой – молодой парень, который учится в коммерческом училище и подрабатывает в разных местах – на заправке, в супермаркете, пушменом (трамбовщиком) в метро. Его семья едва сводит концы с концами, мама попадает в больницу из-за тяжелой работы и переутомления, бабушка живет на лекарствах, а отец работает в маленькой торговой компании, которая дышит на ладан. Так, у героя нет иного выхода, как только подрабатывать и подрабатывать. У него своя арифметика, бесконечные подсчеты заработанных тут и там копеек. У Чо Гённан главная героиня повествует о своей повседневной жизни на фоне происходящих в мире событий и потрясений. Центральная фигура в её рассказе – это отец, с которым у героини сложились особые отношения.

И в первом, и во втором рассказах повествование идет от первого лица, время и место действия также совпадают. Это современное южнокорейское общество начала 2000-х. Однако различия

¹ Данное исследование было поддержано Министерством образования РК и Академией корееведения (AKS=2016=OLU=2250002). This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS=2016=OLU=2250002).

² Перевод названия сборника и самого рассказа взят из переведенного на русский язык сборника «Коврижка». Пер. Евгения Выскребенцева. Гиперион, СПб, 2019. Однако автор доклада переводит заглавный рассказ как «Бисквит».

³ См. статью автора «Корейская литература начала XXI века – рассказ Пак Мингю «Бисквит» («Кхастера», 2003) // Материалы V Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока», 27 июня – 1 июля 2012 г. СПбГУ, 2012. С. 235-249.

ся темп повествования: у Пак Мингю сюжет более динамичен, повествование линейное, герой проживает несколько времён года и постоянно в движении. Во втором случае героиня большей частью вспоминает или рефлексировывает о тех или иных событиях, повествование не линейное, перемежается с более ранними воспоминаниями. Однако оба эти рассказа объединяет то, что и там, и там отцы предстают в образе жирафов. Имеет смысл рассмотреть несколько сюжетных слоев.

У Пак Мингю на поверхности лежит идея социального неравенства и капиталистическая действительность. Мир дуален – есть богатые и бедные, и эти миры не пересекаются, они параллельны. Если у богатых – математика, у бедных – это арифметика. Отец не может обеспечить своей семье достойное проживание, поэтому всё время извиняется перед сыном. В тексте несколько раз упоминается пепельно-серый цвет глаз отца, который унаследует и сын. Серый цвет символизирует потухший взор и вечную усталость от неизбежности происходящего. Начав работать трамбовщиком в метро, сын начинает запихивать в переполненные вагоны и своего отца. И с этого момента между отцом и сыном устанавливается какая-то особенная связь, как бы готовя главного героя к расставанию с отцом. Когда мама героя оказывается в больнице, а глава семьи лишается даже этой никчёмной работы, он исчезает, и как бы герой ни искал своего отца, все попытки тщетны. В итоге, в один из очередных дней работы в метро герой, присев на скамейку отдохнуть, вдруг видит на платформе жирафа, в котором узнаёт, как ему кажется, своего отца. Но начиная рассказывать жирафу о своей жизни и семейных делах, не видит в пепельно-серых глазах жирафа понимания.

У Чо Гённан, по сути, повествование автобиографическое. С первых же строк читатель понимает, что рассказчица по роду своей деятельности писательница, то есть имеется прямая отсылка к писательской стезе самой Чо Гённан. Также в тексте упоминаются конкретные члены семьи Чо Гённан – младшие сестры, одна из которых живет в Японии. Место действия в рассказе – родной район писательницы. Всё повествование пронизано наблюдениями рассказчицы за повседневной жизнью семьи, своего района, своей страны и мира в целом. На фоне размеренного рассказа о повседневности и быте героиня в нескольких местах упоминает войну в Ираке и другие политические события. О войне она упоминает в связи с трагической судьбой животных из зоопарков, оказавшихся в эпицентре военных действий. Центральная фигура в повествовании – отец, за которым героиня наблюдает в буквальном смысле этого слова. Для рассказчицы отец – это человек-загадка, тот, кто вызывает уважение и является примером. Уже с ранних лет отец испытал жизненные тяготы, пережил Корейскую войну и понимает истинную ценность жизни как таковой. Это проявляется в его любви и заботе к брошенным кошкам в районе, к паре воробьёв, которых купила героиня, в его прогулках в зоопарк. В тексте немало эпизодов, связанных с брошенными кошками (отец втайне от домашних их подкармливает). Героиня вспоминает истории про крабов, про слона, про льва из Багдадского зоопарка. Одним словом, в рассказе речь идёт не только о людской жизни, но и открывается жизнь животных, их попытка выжить в мире людей. У героини отец ассоциируется с жирафом. На первый взгляд, если говорить о поверхностном слое, героиня ассоциирует отца с этим животным с точки зрения внешней схожести: жираф – самое высокое животное, и отец героини тоже высокого роста. Всё, чем может защититься жираф при приближении опасности, это длинная шея и длинные ноги.

Итак, выше мы рассмотрели сюжетные коллизии. Далее попытаемся рассмотреть более глубокий слой и дать трактовку упомянутому образу:

Отец-жираф	У Пак Мингю	У Чо Гённан
1. Сходства во внешнем облике	Пепельно-серые глаза и костюм <i>Пепельно-серые глаза; Дрожащие кончики пальцев почувствовали знакомую текстуру ткани, которую мог помнить только тот, кто её уже касался [4, с.62].</i>	Высокий рост <i>Если сравнивать с животным, то мой отец больше похож на жирафа. Мой отец – самый высокий человек, которого я знаю, а жираф – самое высокое животное [9, с.92-93].</i>

2. Момент появления	В конце рассказа в момент нахождения героя в метро, возможно, это момент между сном и явью <i>...и я снова поднял голову. В глаза бросилось странное лицо, парящее над навесом над противоположной платформой. Этого не может быть, это же ... Жираф. И вправду это был жираф. ... И вот что странно: в тот момент я подумал, что жираф – это мой отец. Не знаю почему, но я был уверен в этом [4, с.61].</i>	В середине и в конце повествования в момент размышлений об отце или при разговоре с отцом
3. Причина появления	Возможно, это единственный для отца выход из положения – отец выпадает из реальности, превращается в того, кто не имеет отношения к миру людей <i>Безразличные, но пепельно-серые глаза удручённо взглянули на меня. Жираф положил своё переднее копыто на мою руку и медленно произнёс: Разве? Я жираф [4, с.62].</i>	Рассказчица благодаря отцу окружена представителями мира природы – кошки, птицы, животные в зоопарке, телепрограммы о мире животных, поэтому и отец ассоциируется с неким животным, и, как кажется героине, это именно жираф
4. Отсылка к традиции	Жираф как некое мифическое создание, как символ другого мира	Отсылка к образу единорога, цилиня <i>Молчавший до этого жираф сказал мне. Как мы можем жить вместе? Ты когда-нибудь задумывалась о способе сосуществования?[9, с.105-106]</i>

Можно сделать следующие выводы:

- У Чо Гённан образ отца-жирафа ассоциируется с традиционными представлениями о миролюбии и благородстве, как ранее в традиции с этими качествами ассоциировался образ единорога, цилиня. Как пишет Н.А. Сомкина, «в вопросе о происхождении образа до сих пор не существует единого мнения. Большинство учёных полагает, что прототипом его стало реальное животное. Так, в их числе фигурирует даже жираф» [5, с.272]. Учёный-кореевед А.Ф. Троцевич пишет о том, что «появление баснословного животного единорога ассоциируется с правлением идеального царя и благоденствием народа» [3, с.11]. С одной стороны, когда героиня идёт в зоопарк, она видит реального жирафа и будто бы разговаривает с ним. С другой стороны, отец, который ассоциируется с жирафом, предстаёт человеком, для которого мир людей и мир животных – это не два отдельных враждебных мира, а сосуществование. Как и жираф, отец благодаря своему высокому росту, может увидеть то, что не под силу другому человеку, буквально, может предвидеть опасность и устранить её. Как он и поступает по отношению к птицам, которые едва не попали в лапы кошкам. Отец умеет сострадать миру природы. Иначе говоря, идея рассказа Чо Гённан и акцент на образе отца-жирафа – это пример гуманного отношения к жизни, несмотря на мировые войны и катаклизмы, попытка обратить внимание на повседневность с иного ракурса, на возможность гармоничного сосуществования. Не случайна и последняя фраза в рассказе – *Когда я догнала отца, я громко крикнула. Папа, жираф хочет, чтобы ты поздоровался. [9, с.110]*

- У Пак Мингю образ отца-жирафа предстаёт как нечто нереальное, то, чего не может быть в нашей действительности. Не случайно герой и сам не до конца понимает, что происходит, и не часть ли сна увиденное им. Здесь, жираф – это отсылка к иллюзорному миру, как единственная возможность для отца освободиться от каждодневной жестокой арифметики и груза проблем. Предположим, что в данном случае образ отца-жирафа, скорее всего, близок к образу жирафа из

стихотворения Николая Гумилёва «Жираф» (1907 г. [1]), где жираф предстаёт неким мифическим созданием, как представитель мистического, таинственного и необычного мира [2].

Таким образом, главное отличие прослеживается, пожалуй, именно в концовках: у Пак Мингю жираф неохотно идёт на контакт и не подтверждает, что он отец героя. Сын просит отца, ставшего жирафом, вернуться в реальность, в семью, но тот равнодушно отворачивается, как будто бы он уже утратил своё место отца в этом мире и передал его сыну [6, с. 188]. У Чо Гённан, наоборот, жираф из зоопарка просит героиню передать отцу привет. Иначе говоря, если в первом случае жираф желает жить в параллельном мире, который не пересекается с миром людей, во втором – жираф желает сосуществовать с людьми, жить в гармонии с ними.

Список литературы

1. Гумилёв Н. Жираф // Культура.РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/poems/38493/zhiraf> (Дата обращения: 23.10.2021 г.).
2. Гумилёв Н. Жираф. Анализ стихотворения // Читай и пиши стихи [Электронный ресурс]. – URL: <https://pishi-stihi.ru/zhiraf-gumilev.html> (Дата обращения: 23.10.2021 г.).
3. История цветов. Корейская классическая проза. Ленинград, Художественное отделение, 1991. – 656 с.
4. Пак Мингю. Коврижка. Издательство «Гиперион», СПб, 2019. – 224 с.
5. Сомкина Н.А. Историческая морфология цилиндра // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 9. 2008. Вып. 3. Ч. II. – С.272-276.
6. 김동혁 (2020). 피곤한 소년이 만난 환상 — 박민규 소설집, 그렇습니까 기린입니다, 『카스테라』 문학동네, 2005. 아동문학평론, 45(1), 183-189. 김 Донхёк (2020). Фантазия, с которой встретился уставший подросток – «Разве? Я жираф» / сборник рассказов Пак Мингю «Коврижка», издательство «Мунхак тонне», 2005. Критика детской литературы, 45(1), с. 183-189. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09322372> (Дата обращения: 23.10.2021 г.).
7. 박민규. 카스테라. 문학동네, 2005. 334 쪽. Пак Мингю. Сборник рассказов «Коврижка». Мунхак тонне, 2005. 334 с.
8. 박민규. 그렇습니까? 기린입니다. 김소라 영역. Asia Publishers, 2013. 100 쪽. Пак Мингю. Разве? Я жираф. Пер. на англ. Ким Сора. Азиатские издатели, 2013. 100 с.
9. 조경란. 국자이야기. 문학동네, 2004. 293 쪽. Чо Гённан. Сборник рассказов «Рассказ о поварёшке». Мунхак тонне, 2004. 293 с.

УДК 821.161.1«19»(571.6):398(=531)

КОННОТАЦИИ ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ МИФОЛОГЕМ В ПОВЕСТИ С.-М. САЛИНКОГО «ПТИЦЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В СНЫ»: УДЭГЕЙСКОЕ–КОРЕЙСКОЕ–ЯПОНСКОЕ

Елена Олеговна Кириллова

г. Владивосток, ДВФУ, Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Заявленная тема продолжает авторский проект, посвящённый всестороннему обращению к творчеству неизвестного в нашей стране русско-польского писателя С.-М. Салинского (1902, Ново-Киевское Урочище, в настоящее время п. Краскино Хасанского района Приморского края, Российская империя – 1969, Варшава, Польша). Объектом стала автобиографическая повесть «Птицы возвращаются в сны» (Владивосток, 2015),

написанная на дальневосточном материале. Целью статьи заявлено изучение мифопоэтики как ведущей смыслообразующей основы произведения, а именно: осуществляется попытка исследовать повесть с позиций ориентальной и региональной мифопоэтики. Методологически для этого применяется подход к анализу текста писателя как носителя фронтирной, или порубежной, ментальности, когда картина мира формировалась в условиях этномиграционных, этносоциальных и этнорелигиозных трансформаций середины XIX – начала XX в. Предметом изучения видится перечень разнообразных приёмов, базирующихся на утверждении, что художественный мир С.-М. Салинского демонстрирует «реализацию» культуры дальневосточного фронта – сознание автора выражает результаты тесных межэтнических взаимодействий в контактной зоне между странами, народами и культурами. Приходим к констатации того факта, что в условиях дальневосточного трансграничья использование фронтирной мифологии творчески генерировало мировоззрение писателя. Результатом исследования становится вывод о том, что воплощение или мифореставрация С.-М. Салинским образов птиц и связанных с ними мотивов является отражением различных духовно-религиозных представлений и верований. В данном случае рассматривается синкретизм фольклорных составляющих инородцев Южно-Уссурийского края: удэгейцев, корейцев, японцев.

Ключевые слова и фразы: С.-М. Салинский; «Птицы возвращаются в сны»; мифопоэтические образы птиц; этнокультурные и межэтнические взаимодействия; дальневосточная литература.

Отголоски и аллюзии на самобытный корейско-японо-удэгейский фольклор, отчасти китайский, прослеживаются в одном из главных образов книги С.-М. Салинского – серебряной птице счастья, имеющей исконную мифологическую и тотемистическую природу. «Истинное счастье как будто навсегда осталось где-то там, откуда оно прилетало к нему только в виде птиц из сказок его кормилицы-корейки Марии Хабаги: эти птицы были воспоминанием о прошлом, вернуться в которое нельзя – его можно только увидеть глазами памяти или же во сне» [3, с. 12]. Сознание писателя с самого рождения формировалось в синкретизме разных культур и религий. Маленький мальчик родился и рос в межэтнической среде, был молочным сыном корейки. Герой-повествователь формируется не только в православной (русской) – по проживанию и католической (польской) – исконной по рождению и вероисповеданию культурной и бытовой средах, но и в буддийской, даосской, шаманской (корейской, японской, китайской, удэгейской, тазовской). Думается, поэтому в представлениях об образе птицы уже традиционно для писателя соединяются как христианские, так и восточные верования.

В повести удивительным образом переплетаются и дополняют друг друга корейские, удэгейские и японские предания. Основы фольклорных верований удэгейцев зиждилась на мотивах зоолатрии, теротеизма, анимализма. Птицы выступали в качестве первопредков и помощников шамана, защищающих людей. Деревянная птица *гаха-куа* (*куан*), наколотая на шест и служившая жертвенником, всегда стояла рядом с жилищем шамана. Гаха-куа становилась традиционным спутником шамана, его «транспортным средством» для перемещения между мирами. «В северном шаманизме объектом поклонения являлась “священная птица”, которая, по поверьям, со своим прилётом приносила духов и являлась связующим звеном между человеком и небом. До сих пор в Корее жива традиция устанавливать шест с сидящей на нём деревянной птицей, олицетворяющей духа-охранителя деревни» [2, с. 24].

Часто птицы появляются в удэгейских фольклорных текстах, особенно в *ниманку* (волшебных сказках). «Корейские и удэгейские предания переплетались и дополняли друг друга. Так, например, приобрела какой-то новый смысл сказка Марии Хабаги о серебряной птице счастья. У Марии Хабаги птица прилетала и улетала – и всё. У удэгейцев она прилетала и улетала, но это было ещё не всё. Раз обрётённое (иначе – пойманное) человеком, испытанное счастье имело свойство возвращаться к человеку как тень-воспоминание, во сне. А смерть человека толковалась в этих сказках как великий сон, в который слетаются все серебряные птицы, все тени серебряных птиц счастья, прилетавших к нему при жизни» [3, с. 258]. Сон, по народным представлениям, считается маленькой, временной смертью. А смерть – это сон вечный. Смысл и наррация удэгейского мифа основаны на том, что моменты испытанного счастья возвращаются к человеку в снах, а смерть – это и есть череда снов об этих моментах.

С середины XIX века, времени активного заселения славянскими народами южных территорий Дальнего Востока России, в силу различных обстоятельств (сложного внутривосточного положения в феодальной Корее, её экономико-социальной отсталости, географической расположенности, иммиграционных процессов и др.) корейская духовная культура подвергалась определённым влияниям японской и китайской. В культуре корейцев, которые переселялись на земли

Тихоокеанской России, заметны также неизбежные влияния элементов фольклора инородческого населения этой территории. О восприимчивости корейцев к другим культурам свидетельствуют разные источники того времени.

В древнеяпонской культуре синто самые разные птицы почитались священными (*ма-тори*); существовал культ «птиц-духов» (*рэйтё*). Объяснение смерти человека как великого сна, в который слетаются все серебряные птицы, в трактовке С.-М. Салинского означает умиротворение, счастье. Смерть приносит свободу и волю. Это ориентальный подход, восточный взгляд на смерть. Мысль писателя наполнена концепцией смерти, распространённой у восточных, азиатских, народов, когда смерть – это всего лишь новый виток, продолжение жизни (буддизм, даосизм).

Птицы выступают как медиаторы между миром живых и мёртвых. Символическая коммуникация между двумя мирами осуществляется в небесах с помощью птиц, поэтому возможна аналогия между древнеяпонским загробным миром Токоё и Ирием. Токоё понимается «и как мир смерти, и как идеальный мир бессмертия (влияние китайского даосизма) и находится где-то за океаном» [1, с. 23], его можно сравнить с восточнославянской мифической страной Ирий, куда улетают души умерших. Сакральная география рассматривала Запад как страну смерти, обитель мёртвых, такие представления фигурируют во многих мифологических и религиозных традициях, в т.ч. и культурах ориентальных.

Процесс неизбежного синкретизма фольклорных составляющих инородцев юга Приморья (удэгейцев, корейцев, японцев), а также народов (поляков), ставших, наравне со славянским населением, активно осваивать и заселять со второй половины XIX века Дальний Восток России, гармонично формировал уникальную этнокультурную картину мира Тихоокеанской России.

Список литературы

1. Бакшеев, Е.С. Сакральные птицы в древнеяпонской культуре синто // Синто и японская культура: труды VIII Международного симпозиума Международного научного общества Синто / под ред. А.Н. Мещерякова. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 20–28.
2. Иванов, А.Ю. Роль Кореи в формировании духовной культуры Японии / А.Ю. Иванов // Россия и АТР. – 2004. – № 4. – С. 23–33.
3. Салинский, С.-М. Птицы возвращаются в сны. Повесть-явь. Повесть-сон / пер. с пол. А. Сапёлкина; ред. А. Брюханов. – Владивосток: Валентин, 2015. – 320 с.

УДК 811.111

**СИСТЕМНОСТЬ И ДИНАМИЧНОСТЬ
КОРЕЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА¹**

Евгения Анатольевна Колодина
г. Иркутск, ИГУ

Статья посвящена анализу корейской бизнес-коммуникации с точки зрения выделения в ней системного и одновременно динамичного характера с опорой на функционально-синергетическую трактовку дискурса. Деловой дискурс рассматривается как саморегулируемая система прагма-семантических свойств речи, на которую определяющее влияние оказывает внешняя среда.

Ключевые слова: корейский деловой дискурс, бизнес-коммуникация, деловое общение, функциональная лингвосинергетика, нелинейность дискурса.

В настоящее время одним из перспективных направлений в изучении проблемы системности дискурса в современном языкознании является лингвосинергетика. Ее постулаты апеллируют к одному из фундаментальных качеств синергетических систем – способности адаптироваться к возникающим воздействиям извне. Именно функциональная нелинейность как «базовая характеристика динамических систем антропоцентрического знания обусловлена свободным целеполаганием субъекта» [2, с. 153] «помогает системе (дискурсу) сохранять целенаправленное движение к заданной цели (реализации коммуникативного замысла) даже в том случае, если в процессе функционирования системы на нее воздействуют неблагоприятные – хаотизирующие – сигналы внешней среды (непонимание партнера, смена темы, противоречия в рассуждениях и т.п.)» [4, с. 55].

Основными характеристиками бизнес-дискурса являются корпоративность (черта принадлежности говорящих к единому обществу при наличии единых профессиональных целей, ценностей, убеждений), конвенциональность (процесс использования определенного набора языковых клише и шаблонных фраз, узконаправленных терминов, грамматических и лексических оборотов при выполнении стандартных деловых процедур, таких как ведение переговоров, бесед и совещаний, подписание контрактов, ведение деловой переписки и телефонных разговоров), формальность (уважение статусноролевых отношений, субординации, стиля и регистра общения) и ритуальность (выполнение стандартных деловых процессов по определенной схеме) [3, с. 127].

Одно из ключевых понятий развития динамической системы дискурса называется «аттрактором» (от англ. attract), что демонстрирует «направленность к ней всех «притягивающихся» элементов» [4, с. 56]. Если экстраполировать это положение на процесс общения, то это становится важнейшей для партнеров установкой, обеспечивающей успешность их взаимодействия. Иначе говоря, функциональная лингвосинергетика исследует процессы формирования функционального (прагма-семантического) пространства дискурса, функциональные связи между компонентами дискурса, вербальные и невербальные средства в процессе их взаимодействия на пути к коммуникативной цели.

Функционально-синергетический подход к деловому дискурсу способствует повышению эффективности бизнес-общения, участникам которого необходимо:

- оказывать прагматическое воздействие на собеседников, сохраняя с ними партнерские отношения;

---

¹ Настоящее исследование выполнено в рамках грантового соглашения «Центр корееведческих исследований в Иркутском государственном университете» при поддержке Корейского фонда международных обменов.

- представлять свою точку зрения в наиболее выгодном свете, избегая упоминания недостатков или маскируя их при помощи разнообразных языковых средств;
- выявлять завуалированные признаки конфликта или открыто не проявляющиеся намерения противоположной стороны;
- выражать в некоторых случаях негативное отношение к предмету разговора или его участникам в скрытой форме [4, с. 57].

Таким образом, можно заключить, что все означенные системные и динамичные характеристики делового дискурса целесообразно отнести к объекту бизнес-лингвистики – науке, изучающей «функционирование языка и использование языковых ресурсов в бизнес-деятельности, исследующей языковые составляющие делового общения» [1, с. 123].

Область интересов бизнес-лингвистики опирается на междисциплинарный подход и включает в себя изучение следующих базовых направлений:

- бизнес-дискурс,
- организационная, корпоративная и управленческая коммуникация,
- устное, письменное и технически-опосредованное деловое общение (вербальное, паравербальное и невербальное), его типология и жанровая классификация,
- профессиональные подязыки бизнес-сферы (например, банковский, биржевой, бухгалтерский, административный, производственный и др.),
- учебно-академический язык бизнеса, экономики, менеджмента, применяемый в учебных пособиях, академических и научнопопулярных публикациях, лекциях, кейсах и тренингах деловой тематики, языковом консалтинге и коучинге,
- язык бизнес-медиа (печатных и электронных СМИ по бизнеспроблематике),
- язык PR, рекламы и маркетинга, специальные языковые техники продаж и телемаркетинга (включая методики нейролингвистического программирования и психовербального манипулирования),
- лингвопрагматика в бизнес-контексте (аргументационноперсуазивные техники проведения презентаций, совещаний и переговоров; коммуникативные стратегии и применение языковых ресурсов в мотивации, отборе и оценке персонала и иных управленческих задачах),
- бизнес-риторика,
- бизнес-лексикография (лексикографирование бизнестерминологии, составление тезаурусов бизнес-лексики),
- документоведение (документная лингвистика),
- межкультурная бизнес-коммуникация (в том числе, на иностранных языках) [Там же, с. 126].

Отмеченные аспекты рассматриваются в рамках разных научных областей, однако именно их систематизация в едином направлении приведет к формированию синергии и, как следствие, позволит дать логическое обоснование эффективности комплексного подхода к их исследованию делового дискурса.

С позиции функциональной лингвосинергетики корейский деловой дискурс следует рассматривать как сложную открытую нелинейную самоорганизующуюся систему, которая постоянно взаимодействует с внешней средой и проходящую чередующиеся этапы хаоса и порядка при формировании единого смысла, не сводимого к сумме смыслов отдельных фрагментов дискурса. При этом вся система стремится к реализации основной цели – обеспечение конструктивного сотрудничества и поддержание партнерских отношений коммуникантов, поиск путей совместного решения проблем, оказание прагматического воздействия на собеседников.

Привлечение методологического аппарата лингвосинергетики позволяет раскрыть способность делового дискурса эволюционировать как на уровне отдельного фрагмента речи, так и на уровне делового языка в целом.

Список литературы:

1. Данюшина Ю.В. Бизнес-лингвистика – новое синергетическое направление прикладной лингвистики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 2. С. 133-140.
2. Колодина Е.А. Взаимодействие семиотических систем при формировании смысла кинодиалога : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Колодина. – Иркутск, 2013. – 168 с.
3. Столярова А. О. Основные компоненты коммуникативной ситуации деловых переговоров // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 120–131.
4. Храмченко Д.С. Системность и динамичность английского делового дискурса: функционально-синергетический аспект // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2014. № 3. С. 54-63.

УДК 821.531

СПОСОБЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ КНДР

Елена Николаевна Кондратьева
г. Москва, ИСАА МГУ, НИУ ВШЭ

Цель доклада – представить результаты систематического изучения лексических заимствований из русского языка в язык КНДР в первое десятилетие существования Северной Кореи как независимого самостоятельного государства.

Ключевые слова: корейский язык, КНДР, русские заимствования, адаптация заимствований.

К проблеме заимствований в корейском языке обращались некоторые отечественные исследователи, но все существующие работы, написанные на корейско-русском материале, представляют собой отрывочные описания некоторых заимствований, которые не позволяют оценить ни количественный, ни качественный состав заимствованной лексики. Для настоящего доклада мы провели сплошную выборку всех зафиксированных заимствований из словаря [1] корейского языка 1961 г. в шести томах (187137 словарных статей), что позволило составить полный список заимствованной лексики, вошедший в литературный язык Северной Кореи.

С лингвистической точки зрения интерес представляет не только сам процесс заимствования, но и разные способы адаптации заимствованных из русского языка слов, сущность этих заимствований, их причины, пути, виды и способы заимствования, источники, хронология, этимология заимствований и т.д.

Очевидно, что при заимствовании слов из другого языка, тем более, неродственного, с лексикой происходят различные изменения: фонетические, графические, семантические и даже стилистические. В докладе мы подробно остановимся на фонетических трансформациях заимствованной лексики (вокализация в конечном слоге, вокализация в стечении согласных, замена звуков и т.д.), а также на особенностях графической трансформации, т.е. на системе транслитерации русских заимствований в северный вариант корейского языка.

Безусловно, анализ заимствований должен проводиться на стыке разных наук: нужно подкреплять чисто лингвистические исследования историческим, культурным и социально-экономическим анализом контактов. Поэтому представленные в работе полные списки заимствованных слов открывают большие перспективы дальнейших фундаментальных междисциплинарных исследований.

Список литературы

1. 조선말 사전. – 평양: 조선 민주주의 인민 공화국 과학원, 1960-1962. – 권 1-6.

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕИ)

Жанна Владимировна Ни
г. Владивосток, ВГУЭС

В данной статье исследована языковая картина мира как исторически обусловленный способ универсального явления, моделирование мира в лингвосемиотическом понимании слова, а также некоторые аспекты отражения в культуре и языке Северной и Южной Кореи.

Предмет исследования – сопоставительный анализ языковой картины мира в культуре и языке Северной и Южной Кореи.

Методология исследования – труды отечественных корееведов и зарубежных лингвистов, посвященные анализу языковой картины мира.

Результаты исследования – составление глоссария общеупотребительных терминов на материале анализа языковой картины мира и её отражения в культуре и языке Северной и Южной Кореи.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая культура, отражение в языке и культуре, лингвосемиотическое понимание.

Введение

В современных представлениях о языковой картине мира чётко прослеживаются две идеи: языковая картина мира, отличная от научной, её термин «наивная картина мира» и картина мира, созданная языком, отражающая действительность несколько иначе, чем другой язык. В лингвосемиотике понятие «языковая картина мира» связано с именем Лео Вайсгербера, который исследовал философские трактаты Л. Витгенштейна [1].

Разные условия для развития государственного языка КНДР и Республики Корея сформированы изолированным общением друг от друга на протяжении семидесяти шести лет своего существования. Осложняет ситуацию и наследие корейской войны 1950–1953 гг.: у населения обеих государств сохранились страх и подозрительность в отношении друг друга [5. с.122]. Одни и те же лингвистические модели, получившие разное лингвосемиотическое название, обусловлены отсутствием единой языковой картины мира.

Методология

На основании интегративного лингвосемиотического сопоставительного анализа языковой картины мира (worldview) предпринята попытка показать, насколько специфичны образные представления, воплощённые в дефинициях с одинаковой семантикой слов в культуре и языке Северной и Южной Кореи.

Для нашей работы особую значимость имеют практикоориентированные труды отечественных учёных (Иванов А.Ю., Колодина Е.А., Мозоль Т.С., Пакулова Я.Е., Похолкова Е.А., Сухинин В.Е.; и зарубежных лингвистов (исследования Национального лингвистического института: Ким Ханчжон, Сонг Санхун, Син Чжунчжин, Чжон Хосон и др.). Мы рассмотрели существующие причины расхождений в языковых картинах мира, посвященные её анализу с точки зрения этнолингвистики и этногерменевтики: языковая картина мира как часть концептуальной картины мира (Бердникова Д.В.), сегмент языковой картины мира (worldview) как производная словаря (Гагарин С.Н.), единая национальная картина мира языка и её вариативность (Пименов Е.А.) и др. Таким образом, можно утверждать о том, что основными факторами отражения языковой картины мира в культуре и языке Северной и Южной Кореи являются: аксиологическая и прагматическая функции, осуществление которых происходило через выстраивание в сознании представителей в историческом прошлом единой лингвокультуры, определённых идеологических, тематических, стилистических канонов, через которые происходит процесс усвоения и отражения информации о мире [3].

Поэтому язык Южной и Северной Кореи, отражает исторические, социокультурные, ментальные особенности социума, определённую языковую картину мира, сложившуюся в общественном сознании каждого отдельно взятого государства [2].

Основные результаты

Результатом исследования стало составление глоссария общеупотребительных терминов на материале анализа языковой картины мира и её отражения в культуре и языке Северной и Южной Кореи.

В качестве алгоритма систематизации данных, мы в нашей работе взяли основы организации и анализа данных «Prototype-Sample/Instance (P-S/I)» по Родионову А.Н. За полную форму логического представления можно принять кластерную конструкцию [4]. В качестве первого сравнительного лингвосемиотического кластера, отражающего языковую картину мира, мы рассмотрели грамматическую систему. См. рис.1.

1.1. Грамматическая система Южной и Северной Кореи. Раздел Морфология [8, с. 57–59].

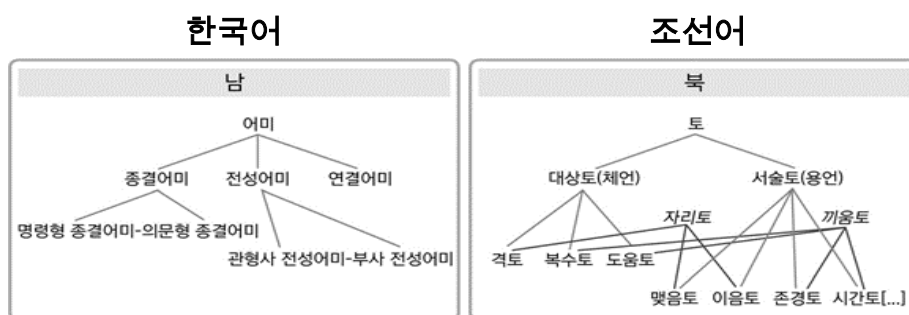

Рис. 1. Сравнение грамматической системы Южной и Северной Кореи.

Раздел Морфология. Служебные слова и окончания. 남북 문법 분야 전문용어 ‘어미-토’의 체계.

Вывод: Выполняющие одинаковую атрибутивную и предикативную функцию, одни и те же служебные слова названы в двух языках по-разному: «окончания» в языке Южной Кореи и «служебные слова» или частицы в языке Северной Кореи. Советское корееведение длительный период пользовалось грамматической системой **조선어**¹

Материалом для второго лингвосемиотического кластера, отражающего языковую картину мира в культуре и языке, стал сопоставительный анализ глоссария заимствованных слов (иноязычный пласт лексики).

1.2. Глоссарий заимствованных слов [6, с. 73–79].

№	조선어 (외래어)	한국어 (외래어)
1.	로씨야 (Россия)	러시아 (Russia)
2.	그루빠 (группа)	그룹 (group)
3.	깜빠니아 (кампания)	캠페인 (campaign)
4.	트랙토르 (трактор)	트랙터 (tractor)
5.	불도젤 (бульдозер)	불도저 (bulldozer)

Вывод: Иноязычный пласт лексики в языке Северной Кореи сформировался под влиянием политической идеологии СССР, а на Юге корейский язык испытал влияние иностранных заимствований, в первую очередь США. Разные пути развития языка на современном этапе сформировали неоднозначную языковую картину мира между северокорейским и южнокорейским языковыми вариантами, изначальной предпосылкой для которой стало различие северных и южных диалектов.

¹ Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954; Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка. Морфология. Словообразование. М., 2004. 310 с.32.

Материалом для третьего лингвосемиотического кластера, отражающего языковую картину мира в культуре и языке, стал сопоставительный анализ фрагмента глоссария по истории Кореи [8, с. 89].

1.3. Фрагмент глоссария по истории Кореи (남북한 역사 교과서에서 차이를 보이는 역사 용어).

№	조선어	한국어	Перевод
1.	세나라 시기	삼국 시대	Эпоха трёх государств
2.	후기신라	통일 신라	Объединённая Силла
3.	임진조국전쟁	임진왜란	Имчжинская война
4.	3·1 인민봉기	3·1 운동	Первомартовское движение за независимость
5.	조선전쟁	6·25 전쟁	Корейская война

Вывод: Историческое прошлое было единым до периода разделения страны на Север и Юг. Поэтому большинство наименований (номинация) выбранного фрагмента сохраняют полное или частичное название при переводе на русский язык.

Четвёртым кластером, отражающим языковую картину мира, является сопоставительный анализ на материале глоссария общеупотребительных терминов [9, с. 143].

1.4. Глоссарий по теме: дом, интерьер (아파트 중심의 주거 생활 관련 건설 용어 비교)

№	조선어	한국어	Перевод
1.	구획난방	중앙난방	центральное отопление
2.	랭동기, 랭동고	냉장고	холодильник
3.	랭풍기	에어컨	кондиционер
4.	반디빛등	형광등	освещение
5.	살림집	주택	жильё
6.	아파트	아파트	квартира
7.	인민소모품	생활 필수품	товары первой необходимости
8.	전기밥가마	전기밥솥	электрическая рисоварка
9.	전기여닫개	스위치	выключатель
10.	층높이, 층고	층고	высокоэтажное здание

Вывод: Перевод показал лексико-семантическое сходство в обоих языках. В таблице присутствуют лингвосемиотические различия, но грамматическая структура двух языков остается неизменной до сегодняшнего дня, за исключением случаев разного использования деривационных аффиксов. Несмотря на исторически сложившиеся различия в подходах к описанию и изучению грамматических явлений, лингвистами Северной и Южной Кореи, выделенный лексический пласт с морфологической (на севере восемь, на юге девять частей речи) и синтаксической позиций в обоих языках выполняет идентичную номинативную, предикативную и атрибутивную функции.

Заклучение

Сопоставительный анализ языковой картины мира в культуре и языке Южной и Северной Кореи, на примере материала глоссария, показал, что каждый язык обладает собственным набором лингвосемиотических, орфографических и морфологических средств, в которых отражена языковая картина мира. Следовательно, несмотря на различные культурные, исторические, лингвистические универсалии, наряду с различиями в двух языках, больше сходства на всех языковых уровнях, о чём свидетельствует представленная в данной работе попытка кластерного анализа. Выполненное исследование не претендует на исчерпывающее решение рассматриваемой проблемы.

Список литературы

1. Картина мира: язык, литература, культура // Сборник научных статей. Вып. 2. / Отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. – Бийск: РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – 419 с.
2. Ланцова, И.С. Государства Корейского полуострова в международных отношениях (конец XX – начало XXI в.) / И.С. Ланцова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2013, – 247 с.
3. Сухинин, В.Е. О факторах лексической дивергенции северного и южного вариантов современного корейского литературного языка / В.Е. Сухинин // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. М.: МГИМО, 2017, С. 109–127.
4. Родионов, А.Н. Семантическая идентификация, конфигурирование и моделирование типов сущностей в моделях данных / А.Н. Родионов // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. – 2014. т. 12. – №.1. – С. 64–78.
5. Худолей, К.К. Мировая экономика и международные отношения / К.К. Худолей // Республика Корея и Северная Корея в современных международных отношениях. – 2014. – № 12. – С. 120–122.
6. National Institute of Korean Language. 2010년. 국립국어원. 발간등록번호 11-1371028-000191-01. 들로 나뉜 한국어. 정호성. p. 73–79.
7. National Institute of Korean Language. 국립국어원. 2017년. 특집 3. 남북 소통을 위한 분야별 전문용어 연구 현황과 과제. 남북 교과서 학술 용어 검토. 역사 교과서를 중심으로. 김한중. 한국교원대학교 역사교육과. p. 57–59.
8. National Institute of Korean Language. 국립국어원. 2017년. 특집 4. 남북 소통을 위한 분야별 전문용어 연구 현황과 과제. 남북 국어 교과 전문용어 분석과 통합 방향. 신종진. 한양대학교 국어국문학과. p.89.
9. National Institute of Korean Language. 국립국어원. 2017년. 특집 6. 송상훈. 한국토지주택공사 토지주택연구원. 건설 분야 남북 전문용어의 연구 현황과 과제. 송상훈 한국토지주택공사 토지주택연구원. p.143.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ МОРФОСИНТАКСИСА СВЯЗКИ В КЁНСАНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Евгения Владимировна Бречалова
г. Москва, РГГУ

Исследование на материале переложения "Маленького принца" А. де Сент-Экзюпери на кёнсанский диалект корейского языка показало, что выбор аллоформа финитного окончания (*-ta ~ -la*) связки зависит от синтаксического контекста: если связка входит в так называемое формальное сказуемое, то используется алломорф *-la*, иначе – алломорф *-ta/-teyi*.

Ключевые слова: кёнсанский диалект, морфосинтаксис, *Soru*l, связка, аллоформия.

Известно, что кёнсанский диалект сохранил некоторые черты среднекорейского языка, например, разные окончания для общего (*-na/-ka*) и специального (*-no/-ko*) вопроса [2, с. 333-335].

К другому среднекорейскому явлению, сохранившемуся до некоторой степени в кёнсанском диалекте, относится "правило *Soru*l" [1, с. 105]: окончания и суффиксы, начинавшиеся на *t*, после связок заменяли *t* на *l*. Таким образом, суффикс прошедшего времени *-te* имел алломорф *-le-*, восклицательное окончание *-tota* – алломорф *-lota*, утвердительное окончание *-ta* – алломорф *-la*. Сейчас след этого среднекорейского явления в литературном языке, построенном на основе сеульского диалекта, наблюдается, в частности, в том, что связки в придаточных изъяснительных предложениях имеют окончание *-la*.

По крайней мере в идиолекте автора переложения "Маленького принца" А. де Сент-Экзюпери на кёнсанский диалект [3] сфера употребления аллоформа *-la* шире, чем придаточные изъяснительные.

Цель доклада – показать, что в этом кёнсанском идиолекте выбор аллоформа (*-ta ~ -la*) связки зависит от синтаксического контекста следующим образом: если связка входит в так называемое формальное сказуемое, то в качестве финитного окончания используется алломорф *-la*, иначе – алломорф *-ta/-teyi*. Под формальным сказуемым здесь понимается сказуемое вида "причастие + служебное имя 'факт/вещь' + связка" (сеул. *-nun/-u(n)/-(u)l kes i-ta*). В кёнсанском диалекте служебному имени *kes* соответствует имя *ki*.

Таблица ниже обобщает употребления связки в качестве финитного сказуемого в утвердительных предложениях. Символом "Y" в заглавии второго столбца обозначен комплемент связки, который может быть либо служебным именем *ki* (в таблице Y = *ki*), либо другим именем (в таблице Y ≠ *ki*). Номера в скобках указывают на номер разбираемого предложения-иллюстрации:

	Y	-ta/-teyi	-la
причастия нет	Y ≠ <i>ki</i> (1)	Класс А. "X — это Y" <i>Soru</i> l — главный предикатив. По структуре четко отличаются от формального сказуемого.	Класс С. Содержит только изъяснительные придаточные.
	Y = <i>ki</i> (2)		
причастие есть	Y ≠ <i>ki</i> (3)		
	Y = <i>ki</i>	Класс В. "X — это Y" <i>Soru</i> l — главный предикатив В.1. (9) В.2. (10)	Класс Д. Формальное сказуемое. Причастие — главный предикатив. (4), (5), (6), (7), (8) (11)?

Класс А образуют те примеры, которые не подпадают под то, как определено формальное сказуемое. Во-первых, в них главный с точки зрения семантики предикатив – это связка, и предложение построено по модели “X – это Y”. Во-вторых, в них комплемент связки – это либо имя, отличное от *ki*, либо при наличии комплемента *ki* перед ним нет причастия. Иллюстрации:

(1) Комплемент связки – существительное, отличное от имени *ki* 'факт'.

요 게 상자데이.

yo key sangca (i)-teyi.

этот вещь-NOM коробка сорул-FIN.DC

Это коробка.

(2) Комплемент связки — это имя *ki* 'факт', но перед ним нет причастия.

내가 원하는 기 바로 이기다!

nau-ka wenha-nun ki palo i-ki (i)-ta

я хотеть-PTCP.PRS вещь-NOM именно этот вещь сорул-FIN.DC

То, что мне нужно, — как раз это!

(3) Комплемент связки — существительное, отличное от имени *ki* 'факт', и перед ним есть причастие.

내가 기린 기 아주 쫄매난 양이다.

nau-ka kili-n ki acwu ccomau-na-n yang i-ta.

я-NOM рисовать-PTCP.PST вещь-NOM очень маленький-PTCP барашек сорул-FIN.DC

Барашек, которого я нарисовал, очень маленький.

Класс D образуют предложения, в которых связку входит в состав формального сказуемого. Для последующего семантико-синтаксического разбора важно, что при наличии формального сказуемого главный с точки зрения семантики предикатив играет роль определения к служебному имени *ki* 'факт'. Он, а не связка, в семантическом представлении предложения выступает хозяином подлежащего и дополнения. Формальное сказуемое строится как от глаголов, так и от прилагательных, причем возможно причастие как настоящего, так и прошедшего и будущего времени.

(4) Перед именем *ki* 'факт' – определительная форма прилагательного:

난파선 우에 뱃사람보다

nanphasen wu-ey payssalam-pota

потерпевший.кораблекрушение.корабль на-LOC матрос-СМРР

훨씬 외로븐기라.

hwelssin oylop-un ki (i)-la

более одинокий-PTCP факт сорул-FIN.DC

Я чувствовал себя более одиноким, чем человек на (обломках) корабля, потерпевшего кораблекрушение.

(5) Перед именем *ki* 'факт' – причастие прошедшего времени глагола:

모다에 머가 나간 기라

mota-ey me-ka naka-n ki (i)-la

мотор-LOC что-NOM выйти-PTCP.PST факт сорул-FIN.DC

Что-то случилось с мотором.

(6) Формальное сказуемое со значением предположения:

여러분들도 짐작했을기라.

yelepwin-tul-to cimcak.hay-ss-ul ki (i)-la

вы-PL-PCL догадаться-PST-PTCP.FT факт сорул-FIN.DC

Вы, наверное, догадались.

(7) Перед именем *ki* 'факт' – причастие настоящего времени. Эти употребления образуют самую многочисленную группу:

그 말에 가가 다시 웃는기라.

ku mal-ey ka-ka tasi wus-nun ki (i)-la
тот слово-LOC он-NOM вновь смеяться-PTCP.PRS факт copul-FIN.DC

При этих словах он вновь рассмеялся.

(8) Формальное сказуемое может быть построено даже тогда, когда связка выступает и в роли семантического предикатива. Так, в следующем предложении сразу две связки, отрицательная *ai-* – в роли семантического предикатива и утвердительная *i-* – в роли формального финитного предикатива:

самак хан капунтея кил илхун
samak han kapwuntey kil ilh-un
пустыня самая середина дорога терять-PTCP.PST

еллага аингира.
ella-ka ai-n ki (i)-la
ребенок-NOM NEG-copul-PTCP факт copul-FIN.DC

Он не тот ребенок, который потерял в пустыне дорогу.

Класс В распадается на две подгруппы. В первую подгруппу попадают предложения со стяженными конструкциями косвенной речи. Таким образом, окончание причастия в них присоединяется к некоторому финитному окончанию придаточного предложения, в результате получаются окончания вида *-ta/la-nun*, *-(u)la-nun*, *-(u)nya-nun*, *-ca-nun*. Покажем, что рассматриваемые предложения построены по модели "X – это Y", примере следующих двух предложений – в тексте они непосредственные соседи.

(9) "Причастие косвенной речи". Модель "X — это Y":

또 다린 사정도 쯤 있다.
tto tali-n saceng-to ccom iss-ta.
еще другой-PTCP обстоятельство-PCL немного иметься-FIN.DC
Есть и еще одно обстоятельство.

이 으른은 전신에 알라들 보라고
i ulun-un censin-ey ella-tul po-lakko
этот взрослый-TOP все ребенок-TOP смотреть-CONV
쓴 책도 이해할 쯤 안다는 기다.
ssu-n chayk-to ihayha-l ccwul a-nta-nun ki (i)-ta
писать-PTCP.PST книга-PCL уметь понимать-FIN.PTCP факт copul-FIN.DC

(Это обстоятельство состоит в том, что) этот взрослый может понять книги, написанные для всех детей.

Комплемент связки *ki* выступает в роли анафорического местоимения. Его антецедент обнаруживается в предыдущем предложении. В данном случае это так называемое предикативное имя *saceng* 'обстоятельство'. Стяженная конструкция косвенной речи заполняет валентность предикативного имени *saceng* и передает, в чем собственно состоит данное обстоятельство. В модели "X – это Y" в качестве X выступает *saceng*, в качестве Y – *ki*. Поэтому, несмотря на внешнее сходство с формальным сказуемым, в данном случае связка имеет окончание *-ta*, а не *-la*.

Вторую подгруппу класса В представляют предложения, на интерпретации которых затруднительно настаивать, но все же хочется считать, что они содержат некоторые дополнительные сигналы в пользу анализа по модели "X – это Y", хотя структурно сказуемое в этом примере устроено ровно таким же образом, как в так называемом формальном сказуемом. В предложении (11) ниже таким сигналом служит наличие послелога *cong-ey* 'среди'. Этот послелог часто используется в предложениях, требующих связки как главного сказуемого.

(10) Простое причастие, но модель "X – это Y":

이 기림이 모델로 기린 것 중에
i kilim-i moteyl-lo kili-n kes cong-ey
этот картина-NOM модель-INS рисовать-PTCP.PST вещь среди-LOC

젤로 개안은 기다.
ceyllo kay.an-un ki (i)-ta

самый нормальный-PTCP.PRS вещь сорул-FIN.DC

Эта картинка — та самая (вещь), которая получилась лучше всех других, нарисованных с этой модели.

Рассматриваемое явление относится к сфере микросинтаксиса, в котором колебания — совершенно нормальны. Поэтому в тексте можно видеть и противоположные примеры. Например, хотелось бы считать предложение (11) за построенное по модели "X — это Y", в которой и X, и Y выражены именем *ki*, но связка приняла окончание *-la*:

(11) 그 게 내한테는 별로 놀랍지도 안능기라

ku key nay-hanthey-nun payllo nollap-ci-to an-nung ki (i)-la

этот факт-NOM я-DAT-TOP совсем удивить-NEG-PTCP.PRS факт сорул-FIN.DC

Это меня совсем не удивило.

Действительно, и в русском языке про многие явления того же сорта невозможно сказать, что же из двух правильно, например, ср.:

[?]два маленькие ящика

[?]два маленьких ящика

В зоне микросинтаксиса одно из употреблений можно признать базовым. Именно базовому употреблению в первую очередь научат иностранца. По-видимому, в кёнсанском диалекте в случае наличия причастия в сказуемом базовым употреблением следует считать то, при котором связка имеет окончание *-la*. Это объясняло бы и крайне малое количество противоположных примеров.

Список литературы

1. Логунова Е. С. Грамматика новокорейского языка по материалам памятников XVIII-XIX вв. (фонология, морфонология, морфология): дис...канд. филол. наук : 10.02.22, Ин-т востоковедения РАН. М., 2013. — 282 с.
2. Lee Iksop. The Korean Language. / Lee, Iksop and Ramsey, S.Robert. — Albany: State University of New York Press, 2000. — 358 p.
3. Choy Hyen Ay. Aylin Wangca. Kayngsangto. / Choy Hyen Ay. — Phohang: Tosechwulphan iphar, 2020. — 48 с. (Чхве Хён Э. Маленький принц. Кёнсанский диалект. / Чхве Хён Э. — Пхохан: Тосочхульпхан ипхап, 2020. — 48 с.)

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ СЕВЕРКОРЕЙСКОЙ И ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

Ким Хэ Ран

г. Москва, РГГУ, НИУ ВШЭ

В этой статье освещена различия Северокорейской и Южнокорейской лексики по языковым и смысловым уровням. Автор освещает причины возникновения языковых различий, считает важнейшей причиной языковую политику Северной Кореи, направленную на культивирование различий по идеологическим причинам. Автор считает необходимым создание единого стандарта для двух Северокорейского и Южнокорейского вариантов языка полуострова Кореи для скорейшего объединения народа.

Создание единого стандарта для двух диалектных языков может внести свой вклад в объединенное международное корейское образование наряду с культурой мягкой силы – Халлю, может стать вероятностью того, что корейский язык будет включен в число шести официальных языков ООН.

Ключевые слова: языковая различия, северокорейская лексика, южнокорейская лексика.

Соглашение о перемирии, подписанное между силами ООН, Корейской народной армией и Китайскими народными добровольцами 27 июля 1953 года и положившее конец Корейской войне, разразившейся в 1950 году, на 68 лет разделило Корейский полуостров, бывший ранее единой страной, на Северную и Южную Корею. Долгое время между Северной и Южной Кореей сохранялись разделение и напряженность, приводившие к постоянным вооруженным и идеологическим конфликтам. Как следствие, Корейский полуостров оставался последним регионом в мире, где продолжалась холодная война.

Хотя корейский народ сохранил общий язык и общие ценности – братскую любовь и сыновнюю почтительность, идеологическое противостояние двух стран и проведение различной языковой политики вылились в существенные языковые различия, начиная от норм фонологии, орфографии и лексики до грамматики и языкового этикета. Особого внимания заслуживает явление неоднородности словарного запаса. Кроме того, отсутствие гражданского сообщения усугубляет различия между северо- и южнокорейскими вариантами языка. С точки зрения перспективы воссоединения Северной и Южной Кореи, восстановление языковой однородности является неотложной задачей.

Цель данного исследования – выявить различия в словарном запасе Южной и Северной Кореи посредством анализа южнокорейских и северокорейских учебник корейского языка как родного, а также изучить возможность разработки учебников корейского языка как иностранного.

Под влиянием «Корейской волны» – роста популярности культуры Южной Кореи – корейский язык стал одним из наиболее популярных иностранных языков в России. В 2007 году корейский язык был включен ООН в число десяти самых распространенных языков в мире (английский, японский, французский, русский, испанский, корейский, арабский, китайский и португальский). Корейский язык, на котором говорят 50 миллионов жителей Южной Кореи, 23 миллиона жителей Северной Кореи, а также 7,5 миллионов корейцев за границей, является по количеству носителей 13-м языком в мире.

Существует высокая вероятность того, что корейский язык в будущем также будет включен в число 6 официальных языков ООН. Необходимо объединить два варианта корейского языка в единый язык существует острая необходимость в установлении стандартного произношения, стандартной грамматики, стандартизированной речи и стандартных обозначений, чтобы люди во всем мире для создания единого стандартного корейского языка. Чтобы создать такой международный стандарт корейского языка, прежде всего, корейским ученым необходимо привести к единому стандарту разнородные названия глаголов и других частей речи.

Языковая политика Южной и Северной Кореи

Кох Ён Гын (1999: 27) выделяет три периода в языковой политике Северной Кореи. Первый период (1946-1950): принятие лингвистической теории советского лингвиста Николая Яковлевича

Марра и формирование северокорейской лингвистики. Второй период (1950-1966): принятие сталинской теории языка и развитие северокорейской лингвистики. Третий период (1966 – настоящее время): Становление и развитие теории предметного языка Чуче.

Согласно Чон Ок-ран (2007), в Северной Корее, в силу природы социальной системы, язык выполняет функцию «мощного средства человеческой жизни и мощного оружия для социалистического строительства, а также инструмента для реализации независимости народа и развития национального характера». Из-за акцента на инструментальной функции языка, с точки зрения языковой политики, он был создан или усовершенствован в качестве словаря для «увеличения революционной работы, украшения и укрепления социальной системы», а также «идололизации лидера» и обучения этому через учебники.

Решающим водоразделом для формирования языковой неоднородности между Северной и Южной Кореей стало изменение стандартной языковой политики со стандартного языка с центром в Сеуле на стандартный язык с центром в Пхеньяне в течение третьего периода развития языковой политики в Северной Корее, а также введение термина «культурный язык **문화어** *мун-хва-о*» вместо «стандарного языка **표준어** *пё-джун-о*». В этот период Северная Корея реализовала проекты «Упорядочение словарного запаса Чуче» и «Составление слов Чуче», результатом которых стали количественные и качественные изменения в словарном запасе. В 1966 году были предложены три основных момента: язык культуры, словарный запас и словообразование.

Кроме того, в этот период Северная Корея намеренно расширила свой словарный запас, проводя целенаправленную языковую политику. В частности, были реализованы «проект по упорядочению словарного запаса», «создание слов и распространение культуры» в соответствии с системной идеологией. Можно сказать, что это стало основной причиной языковой неоднородности.

Северная Корея использует отдельный стандартный язык, называемый «культурным языком **문화어** *мун-хва-о*», с акцентом на слова, используемые в регионе Пхеньян, но в северокорейском языке есть около 50 000 или более словарных слов, которые отличаются от слов южнокорейского языка.

Что касается характеристик такого «культурного языка **문화어** *мун-хва-о*» в Северной Корее в Yangdong Cultural History (2001) объясняется, что, во первых, китайские иероглифы (**한자** хан-джа) заменяются родными корейскими словами (**고유어** го-ю-Ô), а при отсутствии родного языка значение записывается, 2) во вторых, иностранные слова (**외래어** ое-ре-о) заменяются родными (**고유어** го-ю-о), 3) в третьих, использует китайские иероглифы для политических терминов для идеологического воспитания, 4) в четвёртых, научно-технические термины, популярные китайские иероглифы и иностранные слова используются точно так же. Ниже приводится классификация различий между северо- и южнокорейским языком, которые иногда представляют сложность для русскоязычных учащихся.

1. Слова, иероглифического происхождения (**한자** хан-джа) в Южной Корее «стандарный язык **표준어** *пё-джун-о*», но родные слово (**고유어** го-ю-Ô) в Северной Корее «культурного языка **문화어** *мун-хва-о*»:

Русский	Южная корейя	Северная корейя
Лодка	견인선(牽引船) кен-ин-сон	끝배 ккыл-бэ
Мать-одиночка	미혼모(未婚母) ми-хон-мо	해방처녀 хэ-ванг-чо-ё
Противоядие	해독제(解毒劑) хэ-док-джэ	독풀이약 док-як-пуль

Мачеха	계모(繼母) гэ-мо	후어머니 ху-о-мо-ни
Маниакально-депрессивное расстройство	조울병(躁鬱病) чо-уль-пён	기쁨슬픔병 ги-пып-сыл-пып-бёнг

2. Разница в иностранных словах:

Русский	Южная корея	Северная корея
Туристический автобус	관광버스 ган-ганг-пос	유람버스 ю-рам-пас
Пончик	도우넷 до-у-нот	가락지빵 га-рак-тти-панг
Домашние тапочки, шлепанцы	슬리퍼 сыл-ри-ро	끝신 ккыль-сын
Вертолет	헬리콥터 хел-ли-коп-то	직승비행기 джык-сынн-пи-хэн-ги
Сосиски	소시지 со-си-джи	고기순대 го-ги-сун-дэ
Угловой удар (футбол)	코너킥(축구) ко-но-кик	구석차기 гу-сок-ча-ги
Ролики; валик	롤러 рол-ло	굴개 гуль-гэ

3. Различия в повседневной жизни:

Русский	Южная корея	Северная корея
Домашние дела, хозяйство	가사, 살림 га-са, саль-рын	집안거두매 джим-ан-го-ду-мэ
Легковая машина	소형차 со-хёнг-ча	발바리차 баль-ба-ри-ча
Взятка, подкуп	뇌물 ны-муль	꼭돈 ккук-донг
Ланч-бокс	도시락 до-си-рак	곽밥 гак-пап
Поккымпап, жареный рис	볶음밥 пок-сым-пап	기름밥 ги-рым-пап
Шариковая ручка	볼펜 боль-пен	원주필 вон-джу-пиль
Внук	손주 сон-жду	두벌자식 ду-боль-джа-сик

4. Академическая терминология (экономика, образование, право):

Русский	Южная корея	Северная корея
Сложение и вычитание	가감법 га-гам-поп	더덜기법 до-доль-ги-поп
Скрипичный ключ	높은음자리표 ноп-ын-ым-джа-ри-пё	고음기호 го-ым-ги-хо
Верховная прокуратура	대검찰청 дэ-гом-чаль-чонг	중앙검찰소 чун-анг-гом-чаль-со
Супружеская измена	간통사건 ган-тон-са-гон	부화사건 бу-хоа-са-гон
Гражданские супруги	사실혼부부 са-силь-хон-бу-бу	뜨게부부 тты-гэ-бу-бу

В учебнике «Разговорная речь Чосона 1» дается произношение слов без палатализации, в частности, в уроке 1 «Международный поезд», диалог, озаглавленный «Первая встреча», послови-

цы и идиомы, а также разговорные выражения и короткие фразы. Встречаются слова, которые отличаются от южнокорейских терминов с точки зрения толкования и перевода.

В ситуации известно, что студент потерял камеру. В южнокорейском языке «덤비다» означает в первую очередь «атаковать». В Северной Корее «덤비다 дОм-би-да» как «не спешить». Кроме того, в южнокорейском языке выражение «произошло большое дело 큰일 났구나 кын-иль-на-ккуна» используется чаще, чем «야단났구나 я-дан-нат-кку-на». Наконец, необходима осторожность, потому что выражение «нет дела 일 없습니다 ил-онп-сым-нида» может быть неверно истолковано как «не нужно 필요없다 пиль-ё-оп-тта» в Южной Корее, которое имеет совершенно другое значение «все в порядке» в Северной Корее.

В уроке 8 студенты играют в настольный теннис в общежитии университета и обсуждают результат. «Рихварён донгмун делает защиту как 이악하게 и-ак-ха-гэ». В этом диалоге слово «이악하게 и-ак-ха-гэ» является чистым корейским родным прилагательным, означающим «я стараюсь изо всех сил и много работаю». Но в Южной Корее слово «이악하게 и-ак-ха-гэ» используется в отрицательном смысле, что означает «иметь сильную и стойкую силу сопротивления» или «иметь отношение, слишком надуманное для получения прибыли». Это может вызвать недопонимание в общении из-за «языковой разницы» между двумя Кореями, выражающейся в разной интерпретации одного и того же слова.

Существует много случаев, когда различия в грамматике, проявляющиеся в повседневных разговорах, вызывают взаимное непонимание. Так, различия в правилах вежливости между двумя вариантами корейского языка часто вызывают недоразумения. В частности, в корейском обществе выбор способа выражения почтения является важным выбором в начале разговора.

Например, в диалекте Хамгён трудно различить «хап-шо 합쇼» и «хэ-ё 해요», но жители Южной Кореи умеют проводить такое различие, поэтому недопонимание может возникнуть на первом этапе общения. Хотя в Южной Корее в глаголах уважительного суффиксного «-시(си)-» часто используется в разговоре со старшими людьми, но в Северной Корее в глаголе уважительный суффикс '-시(си)-' не используется, это нам говорит о том, что различия южно-северокорейского. В Южной Корее говорят «Вы ели? 식사하셨습니다까? сик-са-ха-си-отт-сым-ника», а в Северной Корее «Вы кушали? 식사했습니까? Сик-са-хетт-сым-ника». Это разница в манере говорить.

В частности, в Северной Корее в провинции Северная Хамгён не используется уважительное окончание «-ё». В Южной Корее очень распространено слово «возвысить собеседника», но в Северной Корее это не так.

В Северной Корее предложение «-하십시오 ~п-си-да», которое также используется для обозначения начальников, используется только для коллег или их возраста в Южной Корее, а командное предложение «делай -해라 -хе-ра» для подчиненных в Северной Корее используется как «делай -해,-хе» в Южной Корее.

В сценке «Бис Любви 사랑의 재청», приведенной в конце учебника, семья военных занимается в художественном клубе, и в разговоре между командиром, его женой и солдатом высказывается саркастическое замечание о макияже жены. Англоязычное название косметической компании Spak также используется для выражения незнакомого слова названия косметики Pias.

Северокорейское выражение слов «빠미 대장 пами дэчанг» означающее «густой макияж», а южнокорейское выражение «짙은 화장 джи-тын-ха-джанг». В примере различия лексики «нари-

совали ли Вы свои брови *карандашом*? 눈썹 연필로 그렸어?» в Южной Корее на карандашом (*ёнпילו*-연필로), но на северокорейском используется (*вонджу* -원주로). Одной тоже предмет их название совсем другое. На русском означающее «как сумасшедшая женщина» выражается в Южной Корее «정신나간 여자처럼 джон-син-на-ган-ё-джа-чОром», а северокорейское выражение «혈압 튼 여자처럼 – у женщины как упало кровяное давление» в Северной Корее. На русском выражении “мои глаза опухли” на южнокорейском “눈이 삐다 ну-ни-пи-да (глаза не своем месте)”, а на северокорейском “눈이 합선되다 ну-ни-хап-сон-дё-да (В глазах произошло электронное замыкание)”. Русском выражение “когда рак на горе свистнет”- на южнокорейском «귀신 씨나락 까먹는소리 ги-сын-сси-на-рак-кка-ок-нын-со-ри (шуршание призрака/мёртвых душ когтей очищающее зерно)», а на северокорейском «개미 하품할 소리 гэми-ха-пум-хал-со-ри (шум как зевает муравей)». Означающее слова «набор косметики» на южнокорейском «화장품 한 세트», а на северокорейском «화장품 한조» и т.д. различия северо-южнокорейского выражения и слов, все достаточно много было включено в этот учебник.

На взгляд автора, посредством лексики и выражения в этом учебнике можем сказать, что это учебник, созданный для иностранных стажеров, которые могут увлекательно изучать современный разговорный речь в варианте севернокорейского языка, исключая многие идеи и идеологии. Также в сценке «Бис Любви 사랑의 재청», приведенной в конце учебника использованные лексикой иностранное название косметики можем предполагать о том, что Северная Корея также присоединяется к Корейской волне – 한류 Халлю.

Заключение

В преддверии будущего объединения Северной и Южной Кореи процесс накопления и исследования данных о языковых различиях важен для подготовки к переходному периоду в истории Кореи. В то же время, чтобы сократить языковой разрыв, необходимо активное взаимодействие носителей языка, как на частном уровне, так и на уровне академического обмена. Единый язык и письменность усиливают чувство гордости за свою страну, а также укрепляют единство. В процессе объединения необходимо признать трудности в понимании мыслей друг друга, связанные с различиями в диалектах из-за различий между южнокорейским и северокорейским, и обеспечить всестороннее и систематическое понимание языка и культуры двух частей разделенной Кореи. Политика межкорейской лингвистической интеграции является важным этапом подготовки к объединению двух стран. Этому может способствовать стандартизированное обучение в соответствии с соглашением между двумя Кореями, единая система обозначений символов, то есть единые стандартизированные лингвистические нормы, фонология, словарный запас и грамматика, а также языковой этикет. Сегодняшняя тенденция усиления интереса к на изучение корейского языка является важной частью повышения глобального статуса Кореи и корейского языка.

Чтобы повысить глобальный статус корейского языка как единого международного языка, сначала должна быть реализована стандартизация лексики. Интеграция двух вариантов корейского языка с точки зрения не только теории общей лингвистики корейского языка, но и разработки учебных материалов для изучения корейского языка как иностранного на основе стандартизированной лексики является движущей силой межкорейской языковой и культурной интеграции во всех частях мира. В частности, в детских учебниках в качестве основных текстов должны быть представлены традиционные сказки и рассказы о великих людях, освобожденные от каких-либо идей и идеологий. Если две Кореи пойдут на уступки друг другу, начиная с общей отправной точки в традициях и культуре Кореи (Чосон), а также в совместных учебниках, корейской кухне (самгёпсал в Южной Корее и нэнмён в Пхеньяне), культуре кимчи, традиционных праздниках, рассказах о великих исторических личностях, если учебники корейского языка будут состоять из тради-

ционных сказок и т.д., использование общего языка может сократить психологическую дистанцию благодаря сыновней почтительности и братской любви корейского народа.

По мере роста статуса корейского языка и Южной Кореи в мире, Северная Корея, имеющая тот же язык, культуру и обычаи, также должна расти. Россия и Южная Корея преодолели давний разрыв в отношениях и установили дипломатические отношения 30 сентября 1990 года. Воспользовавшись этой возможностью, Южная Корея присоединилась к ООН с согласия Советского Союза, а Северная Корея присоединилась к ООН сразу после этого. Кроме того, в 2021 году также исполняется 30 лет со дня вступления Южной и Северной Кореи в Организацию Объединенных Наций.

Северная и Южная Корея должны пойти на уступки друг другу в вопросах языковой интеграции, уважать достижения друг друга и создать единую межкорейскую языковую интеграцию. Кроме того, развитие обучения корейскому языку и создание учебников корейского языка для иностранцев, которые могут внести свой вклад в объединение северокорейского и южнокорейского языков посредством всемирного корейского образования наряду с культурой мягкой силы и Халлю, может стать шагом вперед в политике объединения Южной и Северной Кореи. В этой связи участие корейских ученых и преподавание корейского языка в Южной и Северной Кореи и за рубежом повысят вероятность того, что корейский язык будет включен в число шести официальных языков Организации Объединенных Наций. Этот процесс можно назвать стиранием «38-й параллели», разделяющей северокорейский и южнокорейский языки.

Список литературы

1. 권재일(2018), 「남북 언어 통합 과제의 현황과 방향」, 『화해·평화·번영을 위한 코리아학 국제 워크숍, 심양, 2018년 8월 17-18일』
2. 김은정(2016). 「남북한 어휘의 형태 의미론적 비교 연구: 남한의 한국어 교재와 북한의 조선어 교재를 중심으로, 박사」, 한국외국어대학교 대학원
3. 민현식(2014), 「통일시대 남북 언어 통합의 전망과 과제」, 『2014년 남북 언어 소통을 위한 국제학술회의: 남북 조선족의 언어문화의 변화와 전망』, 국립국어원 pp.3-22
4. 안종천(2015), 「조선말회화 1 (실습생용)」, 평양: 김일성종합대학출판사
5. 양수경(2009) 「새터민 언어 적응 문제와 교육방안」 『한국사회언어학회 가을학술대회 자료집』
6. 양동문화사 (2001), 달라진 남과 북의 언어, 통일전망대.
7. 정옥란(2007). 「북한 고등중학교 국어 교과서의 어휘 연구, 박사」, 조선대학교 대학원.
8. 최용기(2007:201-202) 「남북언어 차이의 동질성 회복 방안」, 『국학연구』 제 10 집, 한국국학진흥원

Секция XII

Молодая волна российского корееведения

УДК 372.893

ПРИМЕНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Софья Сергеевна Стройкина
г. Владивосток, ДВФУ

В докладе рассматривается использование исторических кинофильмов в процессе обучения истории в Республике Корея: его частотность, специфика и корреляция с установленной учебной программой.

Ключевые слова: историческое образование, исторический кинематограф, учебная программа, образовательные методики, тенденции в образовании.

В Республике Корея на протяжении многих веков образование играло весомую роль. Однако со временем произошел значительный перевес в сторону технического образования, тогда как бывшее ранее приоритетным гуманитарное образование стало менее востребованным. Одним из путей к повышению заинтересованности в гуманитарном образовании можно назвать включение в учебную программу практик, основанных на использовании произведений кинематографа.

Цель данной работы – определить, насколько распространённой является практика использования исторических кинофильмов в образовательной сфере Республики Корея.

Для рассмотрения различных аспектов применения представленной образовательной практики в Республике Корея были рассмотрены научные статьи корейских исследователей, занимающихся данной проблематикой: Пак Кёнха, Пак Чжуён, Современное состояние создания исторического фольклорного контента и проблемы популяризации, Ли Чонсын, Возможность изучения истории с использованием базы данных корейских фильмов – с упором на анализ корейского учебника истории в старшей школе.

Основным источником для анализа послужили сведения, предоставляемые базой данных KOFIC.

Использование исторических фильмов в качестве вспомогательного материала при изучении истории – неоднозначная практика, которая, на данный момент в том или ином виде используется во всём мире. В Республике Корея в связи с напряжённой ситуацией с историческим образованием применение данной практики также является одним из вариантов повышения уровня исторической осведомлённости среди подрастающего поколения.

3 ноября 2015 г. были изданы национализированные учебники по истории, что послужило причиной массовых протестов [4, с. 19]. Но в том же 2015 году была пересмотрена учебная программа, что в значительной мере затронуло сферу исторического образования [1]. Приоритетными направлениями развития были обозначены повышение уровня исторического образования в преподавательской среде и разработка и распространение передовых методов преподавания и обучения [1]. Кроме того, продвижению исторических кинокартин в образовании послужило введение «умного образования» в 2011 году [3, с. 321].

На данном этапе гуманитарным и информационным наукам необходимо разработать методы онтологии, которые позволят общественности, а не экспертам, легко получить доступ и наслаждаться получением знаний, объединяя при этом большое количество информации [5, с. 19].

По отчётам KOFIC, составленным на основе данных, собранных за 2020 г., исторический жанр кинематографа в Республике Корея находится на 10-м месте среди всех остальных жанров, что указывает на его стабильные средние позиции [2].

С апреля по июль 2017 с целью выявления частотности и способов применения исторических кинофильмов, были проведены телефонные интервью с преподавателями истории в Тэгу [6, с. 215]. В ходе опроса было выявлено, что 80% преподавателей используют кинофильмы в качестве вспомогательных материалов на занятиях.

Кроме того, в 2015 году было проведено исследование, рассматривающее, в какой степени применение исторических кинофильмов коррелирует с учебниками по истории, одобренными для использования в рамках школьного образования [7, с. 562]. За исключением учебника «Тусан Дона», большинство киноматериалов, используемых в оставшихся семи учебниках, ограничиваются знакомством с конкретными кинематографистами и отдельными работами.

Принимая во внимание всю вышеперечисленную информацию, можно говорить о том, что хоть с пересмотром учебной программы в 2015 г. и был взят курс на распространение передовых методов обучения и повышение заинтересованности учеников в изучении истории, на данный момент в Республике Корея практически не раскрыт потенциал использования исторического кино в процессе образования.

Список литературы

1. 2015 개정 교육과정 안내[Electronic resource]: 교육부. – URL: <https://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=316&lev=0&statusYN=C&s=moe&m=0302&opType=N&boardSeq=62381> – Пересмотренное руководство по учебной программе 2015 г. (дата обращения: 07.05.2021)
2. 2020 년 한국 영화산업 결산 보고서[Electronic resource]: KOFIC. – URL: <https://www.kofic.or.kr/kofic/business/board/selectBoardDetail.do?boardNumber=2&boardSeqNumber=50972> – Заключительный отчет корейской киноиндустрии за 2020 год (дата обращения: 02.06.2021).
3. 김성은, 두민영, 박정아, 배운주, 국내 스마트교육에 대한 연구동향 분석: 2011 년-2018 년을 중심으로 // 교육문화연구. – 2019. – 3(27) 호. – 319-339 쪽. – Ким Сонын, Ту Минён, Пак Чжона, Пэ Юнчжу, Тенденции исследований в области интеллектуального образования в Корее: в фокусе 2011-2018 гг.
4. 박경하, 박주영, 역사민속콘텐츠의 창출 현황과 대중화의 과제 // 역사민속학. – 2016. – 55 호. – 7-22 쪽. – Пак Кёнха, Пак Чжуён, Современное состояние создания исторического фольклорного контента и проблемы популяризации)
5. 조한경, 최승원, 국정화 논란 및 역사교육 개선에 대한 역사교사들의 인식 // 역사교육연구. – 28 호. – 150-180 쪽. – Чо Хангён, Восприятие учителями истории споров по поводу национализации и улучшения исторического образования.
6. 유득순, 학습 자료로서 역사영화에 대한 역사교사와 학습자의 인식 // 역사교육연구. – 2018. – 30 호. – 211-259 쪽. – Ю Дыксун, Восприятие учителями истории и учащимися исторических фильмов как учебных материалов.
7. 이종승, 한국영화 DB 를 활용한 역사교육의 가능성* – 고등학교 한국사 교과서 분석을 중심으로 // 씨네포럼. – 2015. – 22 호. – 551-597 쪽. – Ли Чонсын, Возможность изучения истории с использованием базы данных корейских фильмов – с упором на анализ корейского учебника истории в старшей школе.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛГБТ-СООБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Лина Александровна Шихова
г. Владивосток, ДВФУ

Доклад рассматривает правовое положение представителей ЛГБТ-сообщества в Южной Корее. Отмечено, что прогресс в развитии правовой защиты сексуальных меньшинств происходит медленно, и в полной мере реализуются лишь права на свободу собраний.

Ключевые слова: сексуальные меньшинства, права человека, ЛГБТ, общественные движения, дискриминация.

Введение

Скандал, связанный с увольнением с военной службы сержанта Бён Хису, сделавшего операцию по смене пола в январе 2020 г. и вынесение на обсуждение в Национальном Собрании Республики Корея антидискриминационного законопроекта в июне 2020 г. снова актуализировал вопрос положения представителей ЛГБТ в южнокорейском обществе. В связи с этим возросла и необходимость в исследовании современного правового положения ЛГБТ в стране, а также процесса его трансформации.

Вопросами прав сексуальных меньшинств Республики Корея в академической среде занимаются в основном западные специалисты. Из наиболее важных работ стоит выделить коллективную монографию «Queer Korea», написанную под редакцией профессора Калифорнийского Университета Т. Генри. В отечественном корееведении вопрос ЛГБТ кратко упоминаются в работе к.и.н., сотрудника ИДВ РАН К. В. Асмолова «Корейская политическая культура: Традиции и трансформация».

Цель данного доклада – изучение положения ЛГБТ в Республике Корея. Цель предполагает рассмотрение становления общественных организаций, занимающихся защитой прав ЛГБТ, и их деятельности, а также политики правительства в отношении к изучаемым меньшинствам.

Работа составлена на основе нескольких источников, основным из которых являются доклады центра исследований гендерной политики и политики сексуальных меньшинств в Корее SOGILAW за 2017, 2018 гг.

ЛГБТ-активизм

Впервые вопрос о правах сексуальных меньшинств в Республике Корея стал открыто подниматься в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда на волне демократизации создавались первые общественные организации, имеющие открытую ЛГБТ-повестку [2, с. 88].

Первая организация, которая занималась проблемами местного ЛГБТ-населения, была создана в 1993 г. и имела название «Чходонхве» (*кор. ассоциация чходон*). Организация имела закрытый характер и занималась в первую очередь внутренней деятельностью, поиском единомышленников и распространением среди населения образовательной информации о профилактике венерических заболеваний и др [11; 4, с. 98].

Начиная с 2000-х гг. проблема прав ЛГБТ-сообщества становится достоянием широкой общественности вместе с выходом сообществ в публичное пространство, проведением публичных акций.

В 2000 г. проводится первый фестиваль квир-культуры, первоначальной задачей которого было изменение представления населения о нетрадиционной сексуальной ориентации. В первом фестивале приняло участие около 50 человек [7; 4, с. 98].

Фестивали квир-культуры имели исключительно мирный характер, правительство Сеула ежегодно разрешало проводить их на улицах города. Постепенно география фестивалей квир-культуры расширялась. Число участников Сеульского фестиваля также увеличивалось и достигло в 2019 г. 150 тыс. человек [7; 12, с. 257-259].

Ситуация вокруг фестивалей квир-культуры начала меняться в 2015 г., когда гражданское объединение христиан против гомосексуалов (*кор. пантонсонэ кидок симин ёндэ*) подало в суд ходатайство на запрет проведения фестиваля в Сеуле [6]. Ходатайство было отклонено, и с тех пор фестивали квир-культуры сопровождаются анти-митингами христиански настроенных организаций [6; 12, с. 257].

Корейские политики практически обходят стороной фестиваль, но его активно поддерживают иностранные дипломаты. С 2015 г. в фестивале участвуют представители посольств 13 стран [3, с. 40-43].

Участие иностранных дипломатов обеспечивает мероприятию дополнительную защиту со стороны полиции, а также помогает обратить внимание местного правительства на проблемы ЛГБТ-сообщества [3, с. 41]. С другой стороны, участие дипломатов привлекает корейских анти-американских активистов, выступающих против военного контингента США на Корейском полуострове [3, с. 46-47].

Антидискриминационное законодательство

Во второй половине 2000-х гг. разными членами правительства страны начинает продвигаться идея принятия антидискриминационного законодательства. Первую попытку принятия подобного закона предприняло Министерство юстиции в 2007 г. Данное законодательство могло бы послужить началом для крупных изменений в правовом положении ЛГБТ-представителей Республики Корея. Изначально законопроект, представленный Министерством юстиций предусматривал защиту людей от дискриминации по следующим признакам: страна происхождения, язык, брачное положение, судимость, сексуальная ориентация, уровень образования и инвалидность. Наличие в законопроекте критерия «сексуальная ориентация» вызвало негативную реакцию среди христианского населения страны. В результате в 2008 г. был предложен законопроект о борьбе с дискриминацией, в котором уже не было пункта «сексуальная ориентация». Такой законопроект не удовлетворял население, в том числе членов правительства [4, с. 99].

Проект антидискриминационного законодательства 2020 г. был предложен членом «Партии справедливости». В этот раз законопроект подразумевает защиту граждан от дискриминации по признаку пола, возраста, инвалидности, национальности, языка, сексуальной ориентации [1]. Отличительной особенностью данной попытки принятия подобного закона является активная поддержка со стороны населения. Объединением за принятие антидискриминационного законодательства (*кор. чхабёль кымджипон чжэчжон ёндэ*) были организованы протестные общественные мероприятия перед зданием Национального Собрания, а также была проведена кампания «Автобусы равенства» (*кор. пхёндынбосы*), которые представляли собой передвижные митинги. За август и сентябрь 2020 г. «Автобусы равенства» успели побывать во всех крупных городах страны [8].

За тринадцатилетний период ни одна из производимых попыток принять антидискриминационное законодательство не увенчалась успехом. Анализируя данные попытки, стоит заметить то, что они производились партиями с минимальным представительством в Национальном Собрании как и в 2012 г., 2013 г., так и в 2020 г.

Права трансгендеров

Самое значительное изменение в вопросе прав ЛГБТ в Республике Корея касается людей, идентифицирующих себя как трансгендеры. До 2006 г. права трансгендеров не были закреплены законодательно, правительство не имело официальной позиции, поэтому не принимало ни карательных, ни поддерживающих мер. Так трансгендеры не имели официального права на смену документов. Однако несмотря на это суды иногда одобряли подобные заявления, в 2002 г. информацию о поле в документах изменили 2 человека, в 2005 г. 15 человек [5].

В 2006 г. Верховный Суд Республики Корея в ответ на растущее число заявлений на разрешение официальной смены юридического пола создал директиву, регулирующую данный процесс.

В первоначальной редакции директивы заявитель должен был соответствовать следующим требованиям: быть старше 19 лет, не состоять в браке, не иметь ребенка, не иметь судимости; и иметь справки от психиатра, от хирурга, справку о том, что заявитель лишен репродуктивной способности, письменное разрешение от родителей.

Несмотря на то, что одним из главных требований к транс-персонам являлась именно хирургическая смена пола, с 2013 г. некоторые суды Республики Корея стали разрешать смену документов транс-мужчинам, не прошедшим операцию. Так в марте 2013 г. Окружной суд г. Сеул подтвердил смену юридического пола 5 транс-мужчинам, не прошедших операцию по реконструкции гениталий. Суд заявил, что требование реконструкции внешних половых органов при определении юридического пола транс-персон является нарушением достоинства и конституционного права на счастье. Но для транс-женщин данное требование все еще оставалось обязательным [9]. Однако в 2017 г. отделение Окружного Суда г. Чхонджу разрешило транс-женщине, не прошедшей реконструкцию половых органов, изменить свой юридический пол с мужского на женский. Официально директива все еще требует хирургического изменения пола транс-персон [9].

Директива подверглась поправке в 2019 г.: Верховный Суд внес изменения, благодаря которому у трансгендеров появилась возможность менять свой юридический пол без письменного подтверждения от родителей. Данная поправка вызвала положительную реакцию ЛГБТ-сообщества [10].

Заключение

Несмотря на общественную деятельность ЛГБТ организаций, существующих уже более тридцати лет, и попытки некоторых политических сил осуществить принятие антидискриминационного законодательства, вопрос прав ЛГБТ в Республике Корея все еще остаётся незамеченным для правительства страны. Произошедшие изменения незначительны и затрагивают в основном права трансгендеров, которые получили официальное право на смену пола в документах, при этом с большим количеством условий и ограничений.

Говоря о нынешней попытке принять антидискриминационное законодательство несмотря на то, что она сопровождалась большой общественной активностью, вероятность того, что законопроект будет принят невелика, так как большая часть Национального Собрания и населения не поддерживают законопроект.

Список литературы

1. Anti-discrimination law back on table at National Assembly // The Korean Times [Электронный ресурс]. – URL https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/07/356_292216.html/ (дата обращения: 03.11.2020).
2. Bong, Y. D. The Gay Rights Movement in Democratizing Korea / Y. D. Bong // Korean Studies. – 2008. – № 32. – P. 86-103.
3. Han, W. Proud of Myself as LGBTQ: The Seoul Pride Parade, Homonationalism, and Queer Developmental Citizenship / W. Han // Korean Journal. – 2018. – № 58(2). – P. 27-57.
4. 김수경 소수자 정책과 인권담론 고용허가제와 차별금지법 사례 분석 / 김수경 // 사회과학담론과 정책. – 2019. – № 12(1). – 쪽. 85-110. = Ким С. Анализ политики в отношении социальных меньшинств и дискурса о правах человека: на примере антидискриминационного законодательства / С. Ким // Социальный дискурс и политика. – 2019. – № 12(1). – С. 85-110.
5. 대법, 성전환자 성별 정정 사고 18 일 첫 심리 // 동아일보 [Электронный документ]. – URL <https://www.donga.com/news/Society/article/all/20060512/8306140/1/> (Дата обращения: 09.11.2020 г.). = 18 сентября 2009 слушание в Верховном Суде по делу официальной смены пола // Официальный сайт газеты «Дона ильбо».
6. 사상 최대규모 '퀴어축제' 앞두고 들끓은 성소수자-기독교단체 갈등 // 한국경제 [Электронный ресурс]. – URL <https://www.hankyung.com/society/article/201905315025i/> (Дата обращения: 12.11.2020 г.). = Конфликт религиозных организаций и сексуальных меньшинств подвергает опасности проведение квир-фестиваля // Официальный сайт газеты «экономика Кореи».
7. 서울퀴어문화축제 연혁// SQCF [Электронный ресурс]. – URL https://sqcf.org/2000_2017?category=8kS5286753/ (Дата обращения: 14.11.2020 г.). = История Сеульского фестиваля квир-культуры // SQCF.

8. 전국순회 평등버스 // 차별금지법제정연대 [Электронный ресурс]. – URL <https://equalityact.kr/전국순회-평등버스/> (Дата обращения: 18.09.2021 г.). = «Автобусы равенства» расписание // Сайт объединения за принятие антидискриминационного законодательства.
9. 한국 LGBTI 인권현황 2017 년 // 한국 LGBTI 인권현황 성적지향 성별정체성 법정책연구회 연간보고서 [Электронный ресурс]. – URL http://annual.sogilaw.org/review/review_2017_ko/ (Дата обращения: 05.12.2020 г.). = Статус ЛГБТИ-прав в Корее 2017 г. // Ежегодные доклады центра исследований гендерной политики и политики сексуальных меньшинств в Корее.
10. 한국 LGBTI 인권현황 2018 년 // 한국 LGBTI 인권현황 성적지향 성별정체성 법정책연구회 연간보고서 [Электронный ресурс]. – URL http://annual.sogilaw.org/review/board_Ucna00/ (Дата обращения: 10.12.2020 г.). = Статус ЛГБТИ-прав в Корее 2018 г. // Ежегодные доклады центра исследований гендерной политики и политики сексуальных меньшинств в Корее.
11. 한국 최초의 성소수자 소식지 // 퀴어락 Korean Queer Archive [Электронный ресурс]. – URL <https://queerarchive.org/exhibits/show/ex-01/ex-01-p1/> (Дата обращения: 01.10.2021 г.). = Журнал первой ЛГБТ-организации Кореи // Кивр архив Кореи.
12. 허윤 87 년 이후 광장의 젠더와 계보 — 한국여성대회, 장애여성운동, 퀴어문화축제를 중심으로 / 허윤 // 여성문학연구. – 2020. – № 49. – 쪽. 232-264. = Хо Ю. Тема гендера в истории общественных выступлений после 1987 г. – на примере деятельности конгресса женщин Кореи, движения женщин инвалидов и фестиваля квир-культуры / Ю. Хо // Исследования женской литературы. – 2020. – № 49. – С. 232-264.

УДК 304

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ: АНАЛИЗ КОРЕЙСКОГО МЕДИА-ПРОСТРАНСТВА¹

Ксения Александровна Комарова
г. Новосибирск, НГТУ НЭТИ

В настоящем исследовании особое внимание уделяется стереотипам в профессиональной сфере, собранных в корейском медиа-пространстве. Предлагается использовать междисциплинарный метод дискурс-анализа для отображения гендерных ролей в рассматриваемой сфере. Исследование призвано осмыслить основные проблемы, с которыми сталкивается корейское общество.

Ключевые слова: Республика Корея, гендерное равенство, гендерный дискурс, стереотипы, профессиональная деятельность.

Исторически положение мужчин и женщин в Южной Корее регулировалось конфуцианской идеологией, также определялись их роли в семье и обществе. Однако быстрая модернизация корейского общества сопровождалась освоением новых гендерных ролей, которые основаны на равенстве полов. Столкновение традиционных гендерных установок и интернализация западных по происхождению идей гендерного равенства является важной философской проблемой, обсуждение которой ведётся не только в корейском научном сообществе, но и в онлайн-пространстве. Ак-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С21-29

туальным также представляется вопрос о том, какое влияние оказывают стереотипы, сложившиеся в патриархальной культуре, на профессиональную сферу.

Начиная с 90-х гг. положение женщин в профессиональной сфере заметно улучшилось. Принятие закона о «Равноправии полов в профессиональной сфере» (Sexual Equality Employment Act) расширило возможности женщин в построении карьеры. Закон урегулировал многие важные для профессиональной деятельности аспекты, такие как установление декретного отпуска, меры по предотвращению сексуальных домогательств, положения по охране труда [5].

Однако, существует мнение, что интерес корейских компаний к женским кадрам обуславливался не столько стремлением к реализации гендерного равенства, сколько примером иностранных фирм, которые брали на работу талантливых выпускниц университетов, тем самым повышая эффективность компании [3, с.338]. В перспективе участие женщин в экономике представляется важным, поскольку к 2026 г. в стране ожидается тяжелая демографическая ситуация, когда количество пожилых людей в разы превышает трудоспособное население. Практика трудового участия женщин помогла бы наполнить активы национального пенсионного фонда. Однако в сознании корейцев сохраняется консервативная идея о том, что женщина обязана нести ответственность за быт и лишь те деньги, которые именно мужчина приносит в семью, что затрудняет продвижение женщин в сферу профессиональной занятости.

Как следует из анализа корейского онлайн пространства, для молодых корейцев и кореянок вопрос трудоустройства является самой острой социальной проблемой: до сих пор в корейском пространстве существует термин «Hell Joseon» (Ад Чосон), используемый для критики социальной ситуации в Южной Корее. Особенно данный термин активно используется пользователями социальных сетей. Адам корейцы называют не только конкуренцию, в которой они воспитываются с самого детства, но и постоянное давление со стороны семьи и общества. Успешное трудоустройство (что для корейцев старшего поколения значит «работать в большой компании») и продвижение по карьерной лестнице является основной жизненной целью. В частности, проблема гендерного равенства в профессиональной сфере является одной из граней так называемого «Ада на Земле». Для корейских женщин проблема трудоустройства двоякая: с одной стороны не все работодатели готовы нанимать на работу женщин, если есть кандидат-мужчина, с другой – общество, которое диктует формат постоянной конкуренции как друг с другом, так и с мужчинами.

Главное проблемой по словам корейских девушек (в возрасте примерно от 18 до 30 лет), которые принимали участие в опросах YouTube канала Asian Boss, считается, что несмотря на большой выбор подработок, женщине труднее получить должность в хорошей компании, чем мужчине. Основное препятствие со стороны работодателя – возможное рождение ребенка, которое может оборвать карьеру женщины. Причиной этому – слабая культура отпуска по уходу за детьми в Южной Корее, не позволяющая женщине чувствовать себя в финансовой безопасности. После того как дети достигнут определенного возраста, женщина может вернуться на работу в прошлую компанию, но на самую низкооплачиваемую должность. Пользовательницы социальных сетей определяют это как одну из самых главных проблем, из которой и возникает стереотипное представление о том, что корейские женщины сами не стремятся к высоким должностям. В связи с этим появляется и проблема нежелания женщин заводить семью в ущерб хорошей работе.

Стремясь решить проблему декретного отпуска, в 2009 г. Министерство труда Республики Корея постановило, что мужчины также имеют право на десятидневный отпуск по уходу за ребенком, а также возможность сокращения рабочего дня в течение двух лет [6]. Однако т.н. отцовский декрет также подвержен влиянию гендерных стереотипов. В кинофильме «Ким Джиён, рождённая в 1982 году» (2019), который вызвал огромный резонанс в сети как самый «феминистский корейский фильм», показано как муж главной героини подвергается насмешкам со стороны коллег, а его мать запрещает брать сын отпуск по уходу за ребёнком, так как это может «уничтожить его карьеру» [2].

Проблема сексуального харассмента порождает стереотип о том, что на рабочем месте женщины могут с легкостью воспользоваться положением «слабого», чтобы преследовать личные интересы: от увольнения коллеги до начальника. Подобные проблемы обсуждаются не только в сети, но и часто транслируются с экранов через телесериалы и кинофильмы, что также является частью медиа-пространства. Как пример приведём сцену из телесериала «Уважаемый судья», где главной

героиней является студентка юридического ВУЗа, которая проходит стажировку сначала у известного прокурора, затем – у судьи. С одной стороны, наблюдаем рост персонажа в профессиональном плане – девушка показана как трудолюбивая и целеустремленная героиня. С другой стороны, с самого начала сериала зрителю показывают важную проблему корейского общества – возможное отношение к молодым девушкам на рабочем месте. Мужчина-прокурор приставал к девушке, а жалоба начальству привела лишь к фразе «принимай это как комплимент». На протяжении сериала также присутствует линия старшей сестры героини, которая подверглась изнасилованию, но её насильник был оправдан. Конечно, ситуация несет негативную коннотацию – главные герои (и женщина, и мужчина) порицают подобное поведение и стремятся найти пути её решения. Данная картина не только иллюстрирует проблему сексуального насилия в корейском обществе, но и обращает внимание зрителей на систему решения данной проблемы.

В социальных сетях и роликах на хостинге Youtube многие корейки предполагают, что более 90% корейских девушек когда-либо подвергались сексуальному насилию [4]. Публичные личности (участник группы Big Bang Чхве Сынири, актёр О Дальсу, бывший мэр. г. Сеула Пак Вонсун и другие) повсеместно обвиняются в преступлениях сексуального характера. Эти факты, как и сообщения о насильственных случаях на рабочем месте вызывают огромный резонанс в сети.

До сих пор стереотипизации подвергаются такие сферы как служба в полиции. Анализируя опрос, проведенный Youtube-каналом Asian Boss, можно сделать вывод о том, что участие женщин в профессиональной деятельности, требующей физической подготовки и выносливости вызывает споры: может ли женщина справиться с подобной работой? С одной стороны, респонденты отмечают, что сдача одинаковых физических нормативов способна решить ситуацию, однако у мужчин до сих пор нет полного доверия к женщинам-полицейским как более «слабым» [1].

Несмотря на то, что правительство Республики Корея оказывает поддержку гражданам, а Министерство труда РК помогает в осуществлении гендерного равенства, в корейском обществе до сих пор сильны представления о традиционных гендерных ролях мужчин и женщин. На митинги профсоюзов, где работники требуют улучшение условий труда также выходят представители обоих полов. В настоящее время проблемы в профессиональной сфере (как в контексте борьбы за гендерное равенство, так и в целом) широко транслируются в корейском медиа-пространстве через социальные сети, видеоролики, сериалы, кинофильмы и информационные порталы. Именно реакция граждан Южной Кореи показывает какие проблемы острее всего стоят перед корейским обществом и то, каким образом население видит их решение.

Список литературы

1. Боятся ли корейцы женщин-полицейских? // YouTube-канал Asian Boss [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/rTZwAYruuS8> (Дата обращения 05.10.2021).
2. Ким Джиён 1982 года рождения [2019]: драма по мотивам романа «Ким Джиён, рожденная в 1982 году» Чо Намджу / Сценарий и постановка: Ю Ёна, Чо Намджу; оператор: Ли Сондэ; композитор: Ким Тхэсон; в главных ролях: Чон Юми, Кон Ю, Ким Мигён. Электронные видео данные (1 файл: 01:58:00). [Электронный ресурс] URL <https://dorama.club/15785-kim-dzhi-yon-1982-goda-rozhdeniya.html> (Дата обращения: 20.08.2021).
3. Тюдор Д. Невозможная Корея: К-POP и экономическое чудо, дорамы и культура на экспорт, феминизм по-азиатски и гендерные роли Дальнего Востока / перевод с английского В.А. Самохи. М.: Изд-во АСТ, 2020. 352 с.
4. Что корейцы думают о сексуальном насилии: видеоматериал // YouTube-канал Asian Boss [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T-CL1IXbRfo> (Дата обращения 05.10.2021).
5. Enforcement decree of the act on equal employment and support for work-family reconciliation // Ministry of Employment and Labor [Электронный ресурс]. –URL <https://www.ilo.org/dyn/travail/docs/1597/Enforcement%20Decree%20of%20the%20Act%20on%20Equal%20Employment%20and%20Support%20for%20Work-Family.pdf> (Дата обращения: 15.10.2021).
6. Male employees will be allowed to take up to 10-day paid paternity leave after their child's birth from Oct. 1st // Ministry of Employment and Labor [Электронный ресурс]. – URL https://www.moel.go.kr/english/poli/poliNewsnews_view.jsp?idx=1532 (Дата обращения: 15.10.2021).

ВОСПРИЯТИЕ И ТРАКТОВКА КОНФУЦИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РАБОТАХ РЕЖИССЕРА ПАК ЧХАНУКА

Владимир Андреевич Михеев
г. Санкт-Петербург, СПбГУ

Конфуцианство, которое является одной из основ корейской культуры (в том числе, культуры Республики Корея), воспринимает сам феномен мести в негативном ключе. По конфуцианским представлениям, она – вредна. Мэн-цзы (372 до н. э.–289 до н. э.) – конфуцианский философ – говорил о том, что подобное деяние представляет собой замкнутый круг, конфуцианцы призывали к отказу от насилия.

На данный момент кинематограф – один из наиболее влиятельных видов искусства в мире. Пак Чханук же, в свою очередь, является одним из наиболее известных южнокорейских режиссеров на настоящий момент.

Его авторству принадлежит знаменитая «Трилогия мести», состоящая из трех фильмов: «Сочувствие господину Местъ», «Олдбой», «Сочувствие госпоже Местъ». Также в разбор будут включены другие известные его произведения: «Объединенная зона безопасности», «Жажда».

Целью данного доклада является анализ данной трилогии с перспективы того, как в ней воспринимается традиционная конфуцианская мораль – вступает ли автор в полемику с ней или же наоборот, высказывает свое согласие?

Для получения ответа на данный вопрос в данном докладе проводится анализ вышеупомянутых кинопроизведений как с сюжетной точки зрения, так и с точки зрения предкамерного пространства, работы камеры и других технических деталей, а также их культурологический анализ.

Прежде чем перейти к основной теме данного доклада, следует вкратце описать, что из себя представляют т.н. конфуцианские ценности в их традиционном понимании.

Ключевые слова: киноискусство, корееведение, кинематограф Кореи, культура Кореи, конфуцианство.

В первую очередь, стоит сказать о том, что само по себе конфуцианство – крайне патриархальная идеология, основанная на беспрекословном подчинении «младших» членов общества «старшим», где каждому человеку отведена определенная роль, что также будет более подробно рассмотрено ниже [1, с. 3].

Следует отметить, что сам по себе термин «конфуцианство» был придуман на Западе, в самом же восточноазиатском регионе данное учение известно как «школа учёных книжников» [2, с. 450]. Сам конфуцианский канон, с течением времени, распался на «Четверокнижие» и «Пятикнижие», а также на другие труды.

Вообще, несмотря на обилие канонических книг, можно выделить пять основных «столпов» конфуцианства:

- Жэнь (仁) – «человеческое начало», «любовь к людям», «человеколюбие», «милосердие», «гуманность» (по-корейски читается как «ин» – 인, записывается тем же иероглифом).
- И (义 [義]) – «правда», «справедливость».
- Ли (礼 [禮]) – «обычай», «обряд», «ритуал». Верность обычаям, соблюдение обрядов, например почтение к родителям.
- Чжи (智) – здравый смысл, благоразумие, «мудрость», рассудительность – умение просчитать следствия своих действий, посмотреть на них со стороны, в перспективе.
- Синь (信) – искренность, «доброе намерение», непринуждённость и добросовестность.

Все они входят в содержание категории «вэнь», которую можно истолковать как воспитанность человека, культурное значение самого его существования. Это своего рода органический сплав различных «деталей», представленных выше.

Конфуцианство – один из столпов восточноазиатской культуры в целом. В Корею оно попадает в виде классической китайской литературы во времена Трёх Государств [3, с. 35]. Далее оно проходит достаточно долгий путь развития, но имеет смысл, в связи с темой доклада, осветить именно современный этап его развития, начиная с двадцатого века.

После падения государства Чосон конфуцианство (на тот момент, уже нео-конфуцианство) утратило большую часть своего влияния. В современной же Южной Корее лишь немногие люди называют себя конфуцианцами, когда их спрашивают об религиозной принадлежности – хотя, конфуцианство, скорее, философия [4, с. 40]. Хотя его популярность как доминирующей идеологии исчезла, существует множество конфуцианских идей и практик, которые все еще пропитывают южнокорейскую культуру и повседневную жизнь.

Традиционное конфуцианское уважение к образованию остается жизненно важной частью южнокорейской культуры. Экзамены на государственную службу были своего рода воротами к престижу и власти для последователя конфуцианства из династии Чосон. Сегодня экзамены по-прежнему являются важным аспектом жизни Южной Кореи. Содержание изучаемого с годами менялось. На смену конфуцианскому учению пришли другие темы, такие как иностранные языки, современная история, экономика, наука и математика. Как и в конфуцианстве прошлого, большое внимание уделяется способности учиться и запоминать. Поскольку экзамены так важны для поступления в лучшие школы и на работу, вся жизнь типичного студента направлена на подготовку к сдаче необходимых экзаменов [5, с. 25].

Возможно, одни из самых ярких свидетельств продолжающегося конфуцианского влияния можно найти в семейной жизни Южной Кореи. Это видно не только в акценте Южной Кореи на семейном и групповом образе жизни, но и в конфуцианских ритуалах, которые все еще широко выполняются сегодня, – поминальных службах предков. Это способ проявить уважение к умершим родителям, бабушкам и дедушкам и предкам, а также способ продемонстрировать конфуцианское сыновнее почтение. В некоторых случаях поминальные службы были изменены в соответствии с религиозными взглядами. Это пример того, как конфуцианство слилось с религией в Южной Корее, а не конкурировало с ней.

В 1980 году было издано «Руководство по семейным ритуалам». Он объявил, что обряды предков могут проводиться только для родителей, бабушек и дедушек, упростил похоронные церемонии и сократил разрешенный период траура.

Таким образом, конфуцианство в современной Республике Корея вовсе не утратило своей силы полностью, оно, скорее, видоизменилось. Оно также нашло отражение и в творчестве, в том числе, и в кино, о чем и пойдет речь в докладе.

Пак Чханук является одним из наиболее известных южнокорейских режиссеров на данный момент. В связи с этим, основной целью данного доклада является рассмотрение того, как трактуются конфуцианские ценности в работах кинотворца.

Начать разбор имеет смысл с одного из самых знаменитых его «произведений», точнее, даже с трилогии произведений – неофициально называемой «трилогии мести», главной в которой является фильм «Олдбой» (2003) [6, с. 10]. Также в данную трилогию входят фильмы «Сочувствие господину Месть» (2002) и «Сочувствие госпоже Месть» (2005).

Все три кинокартины рассуждают о мести, о ее правильности. Но финал рассуждений в каждой картине различен. Если в «Сочувствии господину Месть» и «Олдбое», по итогам, она заставляет лишь страдать каждого из участников событий, то вот в «Сочувствии госпоже Месть» она, наоборот, смотрится довольно уместно и будто бы даже поощряется режиссером.

В этом уже состоит одно из главных противоречий конфуцианству, где месть, особенно настолько жестокая, является глубоко осуждаемым действием, что было свойственно, к примеру, традиционной корейской литературе, например, роману Ким Манчжуна «Скитания госпожи Са по югу», где главные герои являлись сугубо пассивными действующими лицами и никак не пытались бороться со злодеями – за них это словно бы делали обстоятельства.

В первых двух случаях, режиссер не вступает в противоречие с конфуцианством. В фильмах нет как героев, так и злодеев – в итоге, каждый из них оказывается виноват в произошедшем. Тем не менее, третий фильм трилогии вступает в полемику с конфуцианством о допустимости мести и жестокости.

Следует отметить, что прямо Пак Чханук никогда не выражал своего отношения к конфуцианству, разве что, однажды им было сказано, что он бы хотел создать «сильного женского персонажа». Что, опять же, тоже противоречит традиционному конфуцианству, где женщина находилась на втором плане и должна была заниматься домашними делами.

В этом плане желания Пак Чханука несколько пересекаются с желаниями режиссера Ким Киёна, у которого тема «роковой женщины» была одной из главенствующих в фильмах. Эта же линия продолжается еще в одном фильме режиссера – «Служанке» 2016 года, где месть и жестокость также оказываются вполне допустимыми и уместными вещами [7, с.20].

«Объединенная зона безопасности» (2000) же рассказывает об инциденте, случившемся на границе КНДР и Республики Корея. В данном случае, впрочем, конфуцианские ценности (точнее, отношение к ним режиссера) разглядеть сложнее, речь идет, скорее, о самой трагедии разделения Кореи на два враждующих лагеря. Фильм носит сугубо развлекательный характер.

Последний же рассматриваемый фильм – «Жажда» (2010). В нем режиссер, скорее, соглашается с конфуцианской этикой – так, главный герой, священник по имени Санхён, оказывается «обращен» в монстра, которому, чтобы выжить, нужно пить человеческую кровь. Однако в конце фильма он решает уничтожить себя, дабы не продолжать вереницу жестоких событий, которая следом тянулась за ним.

Можно говорить о том, что в части фильмов режиссер прямо вступает в полемику с конфуцианством, но в части из них он демонстрирует нам полное согласие с этой идеологией. Основные темы, которые исследует Пак Чханук в своих работах – месть и жестокость.

Если мнение автора (о чем было написано выше) выражается в том, что месть, в некоторых ситуациях, может быть вполне допустима, а женщина может выступать в роли «сильного персонажа», то речи о согласии с конфуцианством не идет.

Список литературы

Интервью:

1. Park Chan-Wook interview about “The Handmaiden” film. URL: <https://www.filmcomment.com/blog/interview-park-chan-wook/>

Кинематограф:

1. «Объединенная зона безопасности», реж. Пак Чханук, 2000 год.
2. «Сочувствие господину Месть», реж. Пак Чханук, 2002 год.
3. «Олдбой», реж. Пак Чханук, 2003 год.
4. «Сочувствие госпоже Месть», реж. Пак Чханук, 2005 год.
5. «Жажда», реж. Пак Чханук, 2010 год.
6. «Служанка», реж. Пак Чханук, 2016 год.

Литература:

1. Lauren J. Littlejohn. Confucianism: How Analects Promoted Patriarchy and Influenced the Subordination of Women in East Asia. Young Historians Conference, 2017. 17 pp.
2. Ames Roger., Tu Weiming. Confucianism // Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica Online. Encyclopædia Britannica Inc., 2012
3. Chung Y.J. Edward. Korean Confucianism. The Academy of Korean Studies Press, 2015
4. Donald Baker. “The Transformation of Confucianism in 20th-century Korea: How it has lost most of its metaphysical underpinnings and survives today primarily as ethical rhetoric and heritage rituals” 한국학연구원 학술대회.
5. 유석춘, 최우영, 왕혜숙. 유교윤리와 한국 자본주의 정신 효(孝)를 중심으로. 한국사회학회 2005. [Ю Сокчхун, Чхве Уён, Ван Хесук. Конфуцианская этика и дух корейского капитализма – с основанием в виде сыновней почтительности. Хангугсахвехакхве, 2005]
6. 량릉. 네오 누아르 (Neo-Noir) : 박찬욱 감독의 복수 3 부작 스타일 연구. 청주 : 청주대학교 대학원, 2021
7. 손숙함. 영화감독 박찬욱의 작품 속 공간 의식 연구 : <올드보이>, <스토커>, <아가씨>를 중심으로 . 서울 : 동국대학교, 2021

КАУЗАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТОКОВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН В РЕСПУБЛИКУ КОРЕЯ

Максим Леонидович Ни
г. Санкт-Петербург, СПбГУ

В докладе делается попытка описания механизмов, объясняющих формирование потоков низкоквалифицированной трудовой миграции из постсоветского пространства в Южную Корею. В качестве эмпирической основы мы используем данные полевого наблюдения в двух городах Республики Корея (Ансан и Чансу), проведённого в начале 2019 года.

Ключевые слова: Транснациональная миграция, Южная Корея, Россия, Казахстан, Узбекистан.

В данной работе мы представляем результаты исследования процессов низкоквалифицированной трудовой миграции из России и Казахстана в Республику Корея (РК). Результаты сторонних исследований [1, 2] позволяют нам сформулировать следующие предпосылки для конкретного анализа. Во-первых, интенсивные темпы социально-экономического развития Республики Корея (РК) с 1970-ых годов привели к тому, что в настоящее время страна представляет собой мощнейшую точку притяжения для потоков низкоквалифицированной рабочей силы.

Во-вторых, традиционно, внимание исследовательского сообщества привлекают миграционные процессы, связывающие РК с Китаем (Янбанский АО) [4], Филиппинами и Таиландом [6], однако за последние 15 лет можно наблюдать расширение фокуса на, как минимум три постсоветских государства: Российскую Федерацию, Казахстан и Узбекистан. При этом право на легальное трудоустройство в рыночных нишах не требующих высокой квалификации могут лишь граждане Узбекистана (действует договор о приёме иностранной рабочей силы по дифференцированным квотам), а также этнические корейцы вне зависимости от гражданства. Кроме того, начиная с 2014 года между Республикой Корея, Казахстаном и Россией действует безвизовый режим для въезда с туристическими целями. Эта особенность открывает институциональную нишу для нелегальной трудовой миграции.

Учитывая представленную информацию, мы сформулировали базовый исследовательский вопрос: каким образом поддерживается поток низкоквалифицированной миграции из России и Казахстана?

Отталкиваясь от основных положений транснационального подхода [3] и синтетической теории международной миграции [5] мы сформулировали следующие гипотезы:

1) миграционные потоки с неизбежностью укоренены в сетях социальных отношений, как в стране исхода, так и в стране прибытия;

2) важнейшую роль в формировании социального капитала мигрантов играет наследие советской институциональной системы, в частности русский язык, как медиатор межнационального общения;

3) дополнительно миграционные потоки стабилизируются организационными акторами, которые предоставляют информацию для принятия решения о миграции.

Для проверки представленных гипотез был организован двухэтапный сбор данных. На первом этапе мы проводили интервью с лицами, имеющими опыт трудовой миграции в РК. На втором этапе была организована полевая экспедиция в изучаемый регион. На протяжении трёх месяцев с февраля по май 2019 г. мы провели включённое наблюдение в смешанной среде легальных и нелегальных трудовых мигрантов в двух городах: Ансан (пригород Сеула) и Чансу (провинция Чолла-Пукто).

Результаты проведённой нами работы позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, решение о миграции среди корейцев из Казахстана и России фундируется участием в жизни этнических сообществ. Речь идёт как о дружеских или семейных сетях, так и о формальных организациях вроде Национально-Культурных Автономий. Собственно, последние выполняют функцию источника информации о возможности получения трудовой визы.

Во-вторых, решение о нелегальной миграции имеет более сложную структуру. Так в России и Казахстане функцию первичного источника информации, чаще всего, играют организации, предлагающие посредничество в трудоустройстве на территории РК. При этом в случае Казахстана такого рода услуги пользуются популярностью во всех регионах страны. В России же, наоборот – наблюдается ярко выраженная региональная специфика. Организации-посредники в большей степени распространены на территориях Дальневосточного и Сибирского Федеральных округов.

В-третьих, уже на территории Южной Кореи трудовые мигранты активно формируют социальные сети среди выходцев из постсоветских стран. В этом процессе важнейшую роль играет знание русского языка и общий социальный статус. Связи, накопленные в процессе совместной работы, позволяет отказаться в дальнейшем от услуг организаций-посредников, и перейти к самостоятельным поискам вакансий. В этом отношении контакты с этническими корейцами из СНГ и гражданами Узбекистана приобретают дополнительную ценность, так как последние могут обеспечить доступ к более «престижной» работе.

Таким образом, полученные данные полностью подтверждают сформулированные нами гипотезы, и позволяют описать условия формирования и стабилизации потоков легальной и нелегальной трудовой миграции из России и Казахстана в Республику Корея.

Список литературы

1. Ким Г.Н. Трудовая миграция из постсоветской Центральной Азии в Южную Корею: этапы, проблемы и перспективы // Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса: Материалы VII Ежегод. Алмат. конф. (г. Алматы, 9 июня 2009 г.), 2009. С. 286–296.
2. Тен В.А. Миграция в России и Стран Средней Азии в Республику Корея в 1990-е – 2000е гг. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2014. – №5.
3. Basch, L., Glick Schiller, N. & Szanton Blanc, C. Nations Unbound: Transnational Projects, Post-colonial Predicaments, and Deterritorialized Nation States. New York, Gordon and Breach, 1994. – 352 P.
4. Kwon J.H. The Work of Waiting: Love and Money in Korean Chinese Transnational Migration // Cultural Anthropology. 2015. № 3.
5. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, J.E. Worlds in motion. Understanding international migration at the end of the millennium. Clarendon Press Oxford, 1998. – 376 P.
6. Yamashita S. Transnational Migration in East Asia: Japan in a Comparative Focus // Senri Ethnological Reports. – 2008. № 77. pp. 3-13.

УДК 94

КОНФЕРЕНЦИЯ СВОБОДЫ 1942 Г. И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ КОРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Виктория Васильевна Хатанзейская
г. Архангельск, САФУ

В исследовании анализируется вклад работы Корейской конференции свободы в освободительное движение Кореи, определяются основные её цели и задачи. Для обретения независимости, правительству Кореи требовалось всеобщее признание корейского Временного правительства, для достижения данной цели была проведена Корейская конференция свободы, которая проходила в Вашингтоне, США с 27 февраля по 1 марта 1942 года.

Ключевые слова: движение за независимость, Корейское Временное правительство, Ли Сынман, корейско-американские отношения, Корея под властью Японии, Корейская конференция свободы.

Одной из главных задач лидеров корейского освободительного движения, базировавшихся в Америке, было установление контактов с американскими правительственными чиновниками и другими союзными державами об освобождении Кореи, и убедить их признать Временное правительство Кореи.

В 1941 году Ким Гу, президент корейского Временного правительства направил письмо президенту Рузвельту с просьбой о помощи США, о признании Временного правительства. В том же году Хаан Гильсу, глава Сино-Корейской народной лиги, писал Рузвельту, призывая его действовать более агрессивно против Японии [3, с.2]. В 1941 году корейские патриоты наконец-то получили ответ от исполняющего обязанности министра обороны. Джозеф Грю опубликовал официальный отчет, в котором говорилось: «Корейское временное правительство никогда не осуществляло административной власти над какой-либо частью Кореи, можно ли считать его представителем современного корейского народа?» [1, с.177].

По состоянию на начало 1942 г. Временное правительство было признано только некоторыми непризнанными правительствами в изгнании. Китаем, на территории которого базировалось, оно также официально не признавалось, однако поддерживалось.

Важную роль в организации контактов Правительства с Соединенными Штатами играл Ли Сынман. Одиннадцатого февраля 1942 года Ли издал открытое письмо корейской общине в Америке, радуящейся тому, что Америка будет воевать на стороне Кореи против Японии. «Мы больше не сражаемся в одиночку. Мы боремся Япония с союзными державами и за них» [6, с.1]. Ли успокоил своих товарищей, корейских иммигрантов, что есть перспектива официального признания Америкой корейского Временного правительства как уполномоченного правительственного органа Кореи.

В рамках усилий по признанию Временного правительства Кореи, в Вашингтоне, округ Колумбия, была проведена Конференция Свободы. Новость о предстоящей конференции, Ли Сынман изложил в своем письме от 11 февраля 1942г. В этом письме он призывал все своих соотечественников, которые проживали на территории Америки объединиться в борьбе против японских оккупантов [6, с.1]. Сотрудничая с Объединенным корейским комитетом, Ли Сынман созвал конференцию в Вашингтоне, которая была намечена на 27 февраля по 1 марта 1942г. Также здесь была намечена одна из важнейших задач, которая должна была быть решена в ходе данного мероприятия – добиться признания Временного правительства от Соединенных Штатов. Стоит добавить, что корейцы также ставили цель подтвердить принципы, воплощенные в Декларации независимости, подписанной 43 представителями в Сеуле 1 марта 1919 года, и в резолюциях, принятых на Всекорейской конференции, состоявшейся в Гонолулу в апреле 1941 года.

Корейцы до последнего надеялись на помощь американцев, так как появилась большая для этого предпосылка – нападение на Пёрл-Харбор, разразившаяся японо-китайская война. Поэтому готовящееся конференция представляла огромный шанс напомнить американским властям о готовности корейцев вести борьбу вместе с ними, взамен официального признания. Ли Сынман надеялся на участие и сотрудничество делегатов с Гавайев и Чунцина.

Новость о предстоящей конференции быстро разлетелась по Вашингтону. За несколько дней до начала мероприятия, появились заголовки в вашингтонских газетах «Ивнинг Стар» (*The Evening Star*) и «Вашингтон Ньюс» (*The Washington's News*) [5,6]. Как было указано выше, конференция начиналась 27 февраля и заканчивалась 1 марта, что было очень символическим, так как 1 марта была 23 годовщина Первомартовского движения в Корею.

В течении трёх дней Конференции обсуждались разнообразные вопросы, касающиеся признания ВПК. Примечательным является выступление Ли Сынмана. В своей речи он обозначил цели данной конференции, главной из которых была просьба к США признать Временное правительство в Чунцине. Ли Сынман, как и другие корейцы, видели в американцах отцов демократии и свободы.

Также на одном из заседаний Конференции было представлено несколько резолюций, содержащих в себе требования признать ВПК, и, затем были направлены телеграммы с такой же целью руководителям важнейших правительств [4, 37].

Спикеры подняли важные темы для корейского народа. Однако, хоть и выступающие и признали необходимость признания Временного правительства, действительных решений принято не было.

Представители Госдепартамента США высказали мнение о некомпетентности корейских активистов после наблюдения за Корейской конференцией свободы. Департамент видел, что Конференция в какой-то степени помогла привлечь внимание общественности к вопросу о признании корейского Правительства, но вряд ли что-то большее. У Уильяма Лэнгдона, из Госдепа сложилось следующее впечатление: «Корейцы в зале произвели благоприятное впечатление с точки зрения телосложения, настороженности и осанки. Однако за пределами этой функции на встрече было мало что, что могло бы вселить надежду на независимость Кореи. На обсуждаемой встрече не было сказано ни слова о планах или организации сопротивления Японии или независимости. На встрече присутствовало много профессиональных публицистов и представителей прессы, и она произвела впечатление как рекламный трюк» [2, с.120].

Однако, данная Конференция безусловна имела сильное моральное воздействие не только на корейцев, но и на американскую общественность. Она выявила реальные проблемы корейской трагедии, в этом и заключалось ее значение. Проведение мероприятия именно на американской земле показала миру, что корейцы полагаются на помощь Америки, и первым, чем они могут помочь – это признать Временное правительство. Конференция свободы преследовала именно эту цель. На ней присутствовали делегаты, приближенные Правительству США, которые не единожды обращались с данным вопросом, но власти так и не осуществили мечту корейского народа.

Но стоит отметить, что Америка все же рассматривала корейцев в качестве солдат на Тихоокеанском плацдарме Второй мировой войны. Однако правительство США также сохраняло свою позицию непризнания какой-либо группы, включая ВПК, представляющее корейцев.

Организованная Ли Сынманом Конференция свободы является доказательством стремления корейцев к своей независимости, которое оказало влияние на изменение американского взгляда на Корею. Именно в этом и заключался ее вклад в освободительное движение за независимость. Хотя была не решена главная цель Конференции – получить признания Временного правительства Кореи, многие американские интеллигенты после завершения Конференции стали рассуждать о будущем Корейского полуострова. Более того, непрекращающиеся взаимодействия, включая как общие цели, так и разрывы, между американскими наблюдателями и корейскими активистами на протяжении всего колониального периода Кореи определили направление принятия правительством США решений о постколониальной Кореи после 1945 года.

Список литературы

1. Choy, Bong Youn. Koreans in America / Bong Youn Choy. Chicago: Nelson-Hall, 1979. 371p. // Internet Archive [Electronic resource] – URL <https://archive.org/details/koreansinamerica0000choy/mode/2up> , (07.10.2021).
2. Fields, David P. Foreign Friends: Syngman Rhee, American Exceptionalism, and the Division of Korea /David P. Fields. N.p., University Press of Kentucky, 2019. 264p. // Google Books [Electronic resource] – URL https://www.google.ru/books/edition/Foreign_Friends/ZNaFDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 , (07.10.2021).
3. Haan, Kilsoo. New release of evidence of disloyalties. Recommendations of the Commission on wartime internment and relocation of citizens, 1941 / Kilsoo Haan // Internet Archive [Electronic resource] – URL <https://archive.org/details/new-release-of-evidence-of-disloyalties-kilsoo-haan-letter-recommendations-of-th/mode/2up> , (19.10.2021).
4. Korean Liberty Conference, Washington, D.C. 27 Feb – 1 Mar., 1942. 103p. [Electronic resource] / The United Korean committee in America: Los Angeles, Honolulu //Internet Archive – URL <https://archive.org/details/koreanlibertycon0000kore> , (07.10.2021).
5. Korean-American Council opens Conference on Friday / Evening star. [volume] (Washington, D.C.), 23 Feb., 1942. P. A-3 // Chronicling America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress [Electronic resource] – URL <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83045462/1942-02-23/ed-1/seq-3/>, (07.10.2021).
6. Recognition. Koreans meet here Friday / The Washington News // Seoul: National Library of Korea [Electronic resource] – URL <https://goo.su/8jJm> , (07.10.2021).
7. Rhee Syngman's letter, Washington, D.C. 11 Feb., 1942 / Rhee Syngman // Seoul: National Library of Korea [Electronic resource] – URL <https://goo.su/8JJK>, (07.10.2021).

Специальная секция
Problems of distortion of history
and nationalism in the ROK and the DPRK

**THE FUNCTION OF PSEUDOHISTORY
AND PSEUDO-ARCHAEOLOGICAL INTERPRETATION
IN SOUTH KOREAN MILLENARIAN RELIGION**

Logie Andrew Miles
Finland, University of Helsinki

In this paper, I premise that Korean new religions currently, or recently, active in South Korea face three challenges in attracting and maintaining followers: 1) their perceived national-level “Koreanness” on which they base their distinction from mainstream organized religions, 2) their perceived historicity that influences their perceived authenticity and connectedness to Korean identity, and 3) their perceived progressiveness or doctrinal attraction to women, who constitute a significant demographic of potential religious practitioners. While many new religions that were founded in the twentieth century have since waned through marginalization by mainstream religion and secular culture, several new religions currently thrive. Among them is the millenarian movement of Chŭngsando (est. 1974) that now operates under further brandings of Sangsaeng and Kaebyŏk.

Based on the teachings of self-proclaimed messiah and historical person, Chŭngsan Kang Il-sun (1871-1909), the original Chŭngsan doctrine, from which Chŭngsando takes its name and millenarian aspect, would fail in the current-day South Korean religious market across the above three categories for the following reasons. First, the Chŭngsan millenarian doctrine is a variant of pan-East Asian Maitreya Buddhism and vernacular Taoism, homologous to Chinese sectarian religions, that was localized to the context of northern Chŏlla. It is thus at once trans-East Asian and provincial, but lacks a sufficiently strong national-level framing that could appeal to Koreans seeking a distinctly Korea religion in place of international religions. Second, the Chŭngsan movement has limited claim to represent an authentic tradition deeper than the early twentieth century. The deeper, authentic claim would be to the historical tradition of Maitreya Buddhism present in Korea, but to overly foreground Maitreya Buddhism would risk the Chŭngsan movement losing its claim of being a distinct, native religion in its own right. Third, like most organized Korean religions, past and present, the Chŭngsan movement was founded by a male leader, patriarchally organized, and principally worships a male supreme diety, Sangje-nim.

In the twenty first century, most Chŭngsan sects founded post-1945 as revivals to the original movement seem to be waning or fully moribund. I contend this is due to their failure to address these issues, or to develop alternative strategies of social engagement or doctrinal framings. By contrast, I argue, Chŭngsando is currently enjoying more success – or at least sustaining itself – through the specific manner in which it has remedied the three potential weaknesses. First, while maintaining the provincial and trans-Asian aspects, it foregrounds its millenarian message at a national-level by claiming that South Korea will become the centre of a post-apocalyptic golden age of world harmony, that will begin with unification of the Korean peninsula. The broader branding of Kaebyŏk, a term denoting the coming apocalyptic transition that only believers will survive, reduces the provincial northern Chŏlla associations of the original Chŭngsan movement. Second, the Kaebyŏk-branded doctrine asserts itself to have been the religio-philosophy of ancient Korea that has been transmitted to the present through diachronic traditions of vernacular Korean religious belief and cultural practice, initially re-constituting itself as an organized religion with the appearance of the Tonghak religion in the mid-nineteenth century. Third, alongside the supreme diety of Sangje-nim, Chŭngsando has elevated a corresponding supreme earth-mother goddess, T’aemo-nim, whom they locate in Chŭngsan tradition through deification of Kang Il-sung’s third wife and historical person, Ko Pallye (1880-

1935). Chŭngsando further emphasizes a millenarian promise that the future golden-age of “cosmic autumn” will be characterized by gender equality centered on the female yin aspect.

Chŭngsando is currently led by second generation patriarch, An Kyŏngjŏn, who since the 1980s has been active in augmenting original Chŭngsan scripture, and authoring Chŭngsando/Kaebyŏk exegeses. The doctrinal innovations of Chŭngsando/Kaebyŏk, that function in the above manner to remedy the three concerns, are either aided or fully realized through An Kyŏngjŏn’s wholesale incorporation of the content of Korean pseudohistory of ancient northern East Asia. Korean pseudohistory is a systematized and currently flourishing phenomenon – to the detriment of critical scholarship of early Korea – that has its own recent history running parallel and partially convergent with twentieth-century Korean new religion. An Kyŏngjŏn has incorporated pseudohistory through two means: by appropriating the religio-nationalist doctrine and historiography of Taejonggyo, a separate new religious movement founded in the early twentieth century that innovated pseudohistory as its core doctrine; and through publishing a heavily annotated edition of the Hwandan kogi (2012 [1979]), an apocryphal work demonstrably forged/authored in the 1970s, that claims to transmit the history of ancient Korea, scaled up to encompass Transeurasia, and that has driven the popular Korean pseudohistory boom of the 1980s onwards.

The phenomenon of pseudohistory of ancient Korea is premised on an aggrandizement of the early state of Old Chosŏn (trad. 2333-108 BCE), and, both religious and secular, elaborations of the thirteenth-century Old Chosŏn foundation story of mythical demigod, Tan’gun. In contrast to the Chŭngsan movement, from its foundation, Taejonggyo framed itself as a revival of supposed ancient Korean religio-philosophy of Old Chosŏn with its theology centering on the worship of the Hwan’in-Hwan’ung-Tan’gun trinity of the foundation story. Through the efforts of Taejonggyo propagation and lobbying during the mid-twentieth century, Tan’gun and Old Chosŏn have been established as key national-level symbols of both Koreas.

Chŭngsan and Kaebyŏk doctrines are autonomous millenarian systems that could function without reference to twentieth-century Korean pseudohistory. There appear to be three reasons for An’s active incorporation of Taejonggyo and secular pseudohistory: principally to enhance the national-level Korean aspect of Kaebyŏk content; potentially to exploit the lucrative domestic market for Hwandan kogi and popular pseudohistory book sales; and because An himself is a Hwandan kogi aficionado.

The principal doctrinal explanation by which An incorporates Korean pseudohistory into Kaebyŏk is through the following assertions: 1) that the knowledge and method of practice to survive the apocalyptic kaebyŏk transition was known and practiced in the golden-age early period of ancient civilization; 2) that Hwandan kogi provides attestation of this ancient history, and itself transmits key elements of the knowledge; and 3) that the knowledge and practice to survive kaebyŏk has separately also been encoded and transmitted within diachronic traditions of Korean religion (culminating with Tonghak), and vernacular Korean folk practices.

An Kyŏngjŏn’s incorporation of Taejonggyo-inflected Korean pseudohistory into Kaebyŏk millenarianism collectively serves four functions. First, it activates the Old Chosŏn and Tan’gun discourses that resonate with national identity discourse, thus bolstering Kaebyŏk’s previously weak national-level framing. Second, Chŭngsando and Kaebyŏk’s preexisting doctrinal premise of cyclic time enables pseudo-historical descriptions of the ancient past to serve as a mirror, or (pseudo)historical precedent, for the promised future. Third, pseudo-archaeological interpretations that, according to advocates, support the contentions of pseudohistory, provide a materiality to the ancient past that, in turn – with the past as a mirror to the future – strengthens the seeming credibility of millenarian predictions about the future. Fourth, the connection of Kaebyŏk to the supposed ancient past functions to furnish Kaebyŏk with an antiquity and sense of historical lineage; this counteracts the historical characterization of Chŭngsando and Kaebyŏk as “new religions” of the twentieth century.

Three key elements of Korean pseudohistory are pertinent to its incorporation into An Kyŏngjŏn’s Kaebyŏk doctrine. First, a three part periodization comprising, in reverse chronological order: Old Chosŏn (2333 – 237 BCE) conceptualized as an expansive ancient empire encompassing Korea and continental Manchuria; Paedal (3897-2333 BCE) as a rediscovered “lost” charter civilization of northern East Asia, centered on the Liaoxi-Liaodong region of northern China; and Hwan’guk (7198-3301 BCE) as a proto-civilization giving rise to all ancient civilizations of the northern hemisphere, centered on Central Asia. The second element is the pseudo-archaeological interpretation of prehistorical artefacts and sites

that exhibit a ritual aspect and that may therefore be asserted as evidence for the practice of an early religio-philosophy subsequently transmitted within Korean cultural practices. In particular, Korean pseudo-historians take the Neolithic-period material archaeology of the Liaoxi region as evidence for Paedal and therein emphasize the ritual sites and jade artefacts associated with the Hongshan Culture (4500-3000 BCE) as evidence of religious practice.

The third element is a premise that ancient society was constituted as a matriarchal social structure. This notion was adopted into both South Korean pseudohistory from Marxist periodization. For An's Ka-byōk, the assertion of the ancient golden age having been a matriarchal society functions to mirror, and consequently strengthen, the Chūngsando teaching that future Cosmic Autumn will be characterized by gender equality (in contrast to current patriarchy), led by women. It is seemingly substantiated through pseudo-archaeological interpretation of the Hongshan Culture "goddess temple" site at Niuheliang (southeastern Inner Mongolia), named for an enigmatic clay mask that appears to have been part of a near life-sized statue, commonly interpreted as a female idol.

The fourth element are narratives of diachronic continuity of ancient religio-philosophical practice having been encoded into later historical traditions and folk memory. Such narratives were first authored prior to the adoption of pseudo-archaeological interpretation, and served to establish a sense of connection between conceptualizations of the ancient past that, through their exaggerated claims, became spatially and temporally distant from historical identity of peninsular Korea. These narratives contended transmission of two intangible elements: ethno-linguistic identity premised on the Ural-Altaic language hypothesis, and a religio-philosophical doctrine encoded into Korean cultural and spiritual practice.

УДК 94(519):39:001.891(519)

ETHNO-NATIONAL ORIGINS DISCOURSE IN SOUTH AND NORTH KOREA

Vadim Sergeevich Akulenko
Vladivostok, FEFU

The historical transformation of the Ethno-National Origins Discourse in the DPRK is a great example of gradual distortion of Korean History made by North Korean scholars, who strives to follow the orders of the Great Leader and the Workers' Party of Korea. On the other hand, South Korea Academia experienced a great influence from Japanese and American scholars, while developing its own view on the History of the ethno-national origins.

Keywords: Ethno-National Origins, Ethnogenesis, South Korea, North Korea, Korean people.

Understanding of the ethno-national origins in the ROK and the DPRK underwent a gradual transformation from the time of the division of Korea into two states in 1948. This paper will describe the stages and the background of the development of the ethno-national origins' theories in the countries, as well as the current views on this issue in the South and the North, which is completely different.

Historiography of the ethno-national origins discourse, developed by the North Korea scholars, who strives to follow the orders of the Great Leader and the Workers' Party of Korea, is a great example of gradual distortion of the National History.

On the other hand, South Korea Academia experienced a great influence from Japanese and American scholars, while developing its own view on the History of the ethno-national origins. The parallel development of alternative theories of the ethno-national origins built by the pseudo-historians is another interesting phenomena, triggered both by the democratization of the South Korean society and the so-called Chinese North-East Project.

At the early stage of the formation of Korean Ethno-National Origins Discourse (until the 1960s) there was convergence of views of scientists in the ROK and the DPRK on the allocation of geographical and temporal framework of the process (ethnogenesis); and the divergence in the understanding of period-

ization (the difference in the allocation of internal stages of the process of ethnogenesis) and the allocation of elements of ethnogenesis.

The 1960s were a turning point in the development of Korean Ethno-National Origins Discourse both if the ROK and the DPRK, since then there was a split in the Discourse between scientists of two states, the origins of which should be found in political and ideological reasons.

The theory of migration and multicomponent ethnogenesis of Koreans was finally established in the ROK and the idea of the autochthonous nature of the Korean ethnogenesis and the exceptional importance of the Northern part of the country for the entire historical development of Korea and national ethnogenesis is beginning to form in the DPRK

During the 1970s and 1980s, the ROK and the DPRK experienced rapid development in the Korean Ethno-National Origins Discourse thanks to the interdisciplinary approach based on a whole set of new data obtained in the archaeological, anthropological, paleolinguistic, ethnographic and other studies. The theory of origin from the Paleolithic inhabitants of the Peninsula was developed in the DPRK, and the theory of two-component ethnogenesis was developed in the ROK.

At the present stage, the DPRK has its own unique “Juche” theory of ethnogenesis, which explains the formation of a nation based on four communities: genetic, linguistic, cultural and territorial. There is no time limit for the formation of a nation. It can be classified as primordialistic (sociobiological – importance of “blood relationship”).

In the ROK the main theory of ethnogenesis is the theory of heterogeneous migration ethnogenesis, which has become a logical result of the evolution of the previously established theory of two-component ethnogenesis of Koreans in the light of new data obtained through archaeological and genetic research.

Bibliography

1. 김원룡. 한국 고고학 개설. 서울: 일지사, 1986.
2. 김원룡. 한국 문화의 고고학적 연구//한국문화사 대계. 1 권. 서울: 고려대학교 민족문화연구원, 1964.
3. 김상기. 동반사논총. 서울: 서울대학교 출판부, 1974.
4. 김정배. 한국 고대사 입문. 1 권. 서울: 신서원, 2006.
5. 김정배. 한국 민족 문화의 시원. 서울: 고려대 출판사, 1973.
6. 김정학. 한국민족 형성사//한국문화사대계. 1 권. 서울: 고려대학교 민족 문화연구원, 1964.
7. 김정학. 한국상고사연구. 서울: 보무사, 1990.
8. 이병도. 한국사: 고대편. 서울: 을서문화사, 1959.
9. 이병도. 한국상고사입문. 서울: 고려원, 1989.
10. 이기문. 한국어 형성사//한국문화사대계.5 권. 서울:고려대학교 문화연구소, 1967.
11. 나세진. 한국민족의 체질일류학적 연구//한국문화사대계.1 권. 서울: 고려대학교 문화연구소, 1964.
12. 류렬. 조선말
13. 조선 역사 교과서 용어 해설. 평양: 교육 도서 출판사, 1956.
14. 조선역사 (상). 동경: 학우서방, 1963.
15. 조선역사상식. 평양: 과학백과사전종합출판사, 1991.
16. 조선에서의 부르조아 민족 형성에 관한 토론회 // 역사과학. 제 5 권. 1957.
17. 조선의 구석기시대. 평양: 사회과학출판사, 1984.
18. 조선통사 (상). 평양 :조선 민주주의 인민 공화국 과학원,1956.

19. 조선통사 (상). 평양: 과학, 백과사전출판사, 1977.
20. 조선통사 (상). 평양: 과학원출판사, 1962.
21. 조선통사 (상). 평양: 사회과학출판사, 1987.
22. 조선통사 (상). 평양: 사회과학출판사, 2009.
23. 지화산, 서국태. 대동강문화. 평양: 조선민주주의인민공화국 외국문출판사, 2011
24. 최희열. 주체의 민족리론연구 // 조선사회과학학술집. 철학편. 평양: 사회과학출판사, 2014.
25. 정희영. 조선에서 첫 국가 형성의 삼국의 형성으로부터 시작된 것이 아니다 // 역사논문집. № 1. 1957.
26. 김원룡. 삼국시대의 고시대 관한 일고찰. 동아문화. № 7. 1967.

21세기 한국민족주의의 방향 전환: 종족적 민족주의에서 문화적 민족주의로

김원일
모스크바, 루데엔 대학교

한국의 민족주의는 서양, 일본과 다른 역사적 배경을 가지고 발전했다. 씨앗의 형태로 존재했던 한국 민족주의는 식민지시기를 거치면서 본격적으로 종족적 민족주의로 발전하게 된다. 이후 한국민족주의는 국가주의와 결합해 해방 후 한국현대사에서 큰 영향력을 발휘한다. 종족적 민족주의 형태를 가졌던 한국 민족주의는 21세기 새로운 시대를 맞이하여 새로운 방향 정립을 요구 받고 있다. 한국 민족주의는 종족적 성격을 벗어나 문화적 민족주의로 발전해 나가고 있다. 문화적 민족주의는 한국어와 ‘한’문화를 중심으로 남북한을 아우르고 재외동포사회와 한국 내 다른 민족이나 국가 출신의 한국인들까지 포괄하는 다양성과 포용력을 가진 새로운 민족주의의 모습을 가질 것이다.

키워드: 종족적 민족주의, 문화적 민족주의, 세계화 시대, 재외동포, 한국문화, 한민족

서론

역사상 존재했던 민족주의들은 시대별 지역별로 매우 다양한 모습들을 가지고 있다. 민족주의를 체계적으로 규명해내고 유형화 한다는 것은 쉽지 않은 것이 작업이다. 그리고 대부분의 민족주의 안에는 매우 다양한 각종 이데올로기들이 섞여 들어가 있는 경우가 많다. 민족주의는 무엇보다도 사회적 존재인 인간이 태어나면서 어쩔 수 없이 가지게 되는 혈연과 지역의 공통성을 기반으로 형성되는 원초적인 감정에 기원을 두고 있다.

근대적 의미에서 민족주의는 맨 먼저 유럽에서부터 사회의 정치적 지배집단에 의해서 국가형성과 통치, 그리고 사회통합을 위한 이데올로기로서의 성격을 가지고 체계적으로

구체화되어 자신의 모습을 드러내었다. 유럽의 민족주의 형성은 전근대적 공동체 (종족)를 근대적으로 되살려 국민통합과 국민국가 형성이라는 민족주의 목표를 달성하려는 시도로 일반적으로 이해 된다. 즉 근대 유럽에서 민족주의가 국가주의로 전환되면서 개인을 국가로 통합시키기 위한 노력들이 민족주의라는 개념으로 구체화되었던 것이다

한국에서도 민족주의는 역사적으로 많이 논의되어 왔다. 한국에서 민족주의는 구한말, 일제강점기, 분단시기, 산업화와 민주화시대, 그리고 세계화시대에 이르기까지 지난 약 100년 동안 숨가쁘게 진행된 한국근현대사에 걸맞게 다양한 모습을 가져왔다. 하지만 그 속에 공통적으로 면면히 이어져 온 한국 민족주의의 기본 의식은 자신이 속한 민족 (한민족)의 이익과 입장을 다른 어떤 것보다 옹호하고 앞세우려는 것에 기반을 두고 있다고 할 수 있다.

한국민족주의 역사적 특징

여러 모습의 한국민족주의가 가지는 공통적인 특징은 무엇보다도 우선은 한민족이 비교적 단일한 혈통을 가지고, 같은 언어를 쓰는 종족으로서 한반도라는 공통된 지역에서 단일 문화권을 형성해 적어도 천년 이상 존재해 왔다는 것을 강조한다는 사실이다. 이러한 사실은 조선시대 기록에 이미 아족, 족류, 동포 등의 표현이 쓰인 것을 통해서도 확인할 수 있다(박찬승, 민족 민족주의, 2010). 이 시대에 이미 조선인은 중국인이나 일본인 등과는 다른 종족으로서 구별되어진다고 스스로를 인식했던 것이다. 조선(한국)은 근대화의 지체로 해서 이러한 동포의식이 근대적인 민족의식과 민족주의 이념으로 발전하지 못했다. 그리고 뒤늦게 일본을 통해서 유럽식 민족주의 사상을 받아들인다. 비로소 자신의 민족의식과 민족적 정체성, 민족주의를 갖추어 나가게 된다. 한국은 일제 강점기 식민지시기를 통해서 민족의식과 민족주의 이념이 본격적으로 발전하게 되었다.

한국민족주의의 또 하나의 공통적인 특징은 민족의식, 국가의식 등이 자주 민족주의로 포장되고 왜곡된다는 사실이다. 한국에선 서구민족주의와 다르게 민족주의가 주로 민족의식에 기반을 둔 일종의 감정의 형태로 존재하고 있다. 민족주의로서의 구체적인 사상이나 이론, 구체적 정책이라고 할 만한 것이 존재했다는 것을 찾아보기가 쉽지 않다는 사실이다. 안타깝게도 한국에선 정치 지배집단이 민족적 감정에 호소하여 자신의 정치적 목적을 달성하고자 하는 정치적 선전의 형태로 민족주의가 소비되는 경우가 많은 것이 현실이다.

민족주의는 유럽에서 양면성을 가지면서 발전했다. 민족주의는 유럽의 근대국가 성립과 자유주의, 민주주의, 개인주의 발전에 기여한 바가 많다. 하지만 동시에 유럽의 민족주의는 자국 문화중심주의, 폭력적 분리주의, 다른 문화와 민족에 대한 공격성들은 초래하기도 했다. 식민지 시기에 발전한 한국의 민족주의는 민족자결, 민족국가수립, 민족적 정체성 등에서 민족주의가 매우 적합한 이념적 틀과 힘을 제공했다. 뿐만 아니라 분단 이후 산업화 시기에는 대중들의 노력 동원을 위한 강력한 정치적 힘을 발휘했고 민주화시기에도 민주세력이 집권세력에 대해 민족주의적 시각을 기반으로 비판하는 등 반체제 민주화 운동 이데올로기의 한 축을 담당하기도 했다.

한국의 종족적 민족주의

일제강점기를 거치면서 민족주의는 한국 내에서 매우 다양한 이념적 스펙트럼을 드러내게 된다. 그리고 민족주의는 그 어떤 이념보다도 가장 강력한 상위 이데올로기로 지배층과 일반민중들 사이에 깊이 뿌리내리고 광범위하게 확산하게 된다. 민족주의 계열이나 사회주의 계열을 떠나서 자신들의 이념이나 사상을 설파할 때 거의 대부분이 민족주의를 앞세워야만 대중적 설득력을 가질 수 있었다. 일제강점기에 주로 발전한 민족주의는 식민지를 극복하고 독립을 이루기 위한 종족적 민족주의 (한민족으로서의 종족성을 기반으로 하는) 성향을 강하게 가지는 것은 피할 수 없는 현실이었다.

식민지시기 각종 이데올로기를 압도하고 독립된 민족국가 수립을 목표로 했던 민족주의는 해방이 후에 한반도에 단일한 민족국가 형성에 실패한다. 한반도 남과 북에 각기 다른 두 개의 국가가 성립하게 된다. 이후 민족주의는 남과 북에 각각 국가주의와 결합해서 발전하게 되는 모습을 보이게 된다. 국가주의는 민족주의로 포장되고 남과 북의 정부는 서로에 대해서 자신이 정통 민족주의를 대표한다며 상대방을 민족의 배신자, 민족의 반역자로 낙인 찍고 없애야 할 존재로 여기게 되었다. 민족을 통합하고 단일한 민족국가 형성으로 나아가야 할 민족주의가 오히려 상대방을 배척하는 수단으로 전략한 것이다.

이와 같이 한국의 민족주의는 출발 때부터 일본제국주의에 저항하며 강한 종족적 민족주의 성격을 가지고 있었다. 그리고 이러한 경향은 현재까지도 계속 이어져 오고 있다. 독립 후 약 70년이 흐른 지금까지도 종족적 민족주의에 기반해 때로는 반미, 반중, 반일주의로 발현되어 한국 정치권과 국민들 사이에 강한 영향력을 끼치는 것을 보아도 확인할 수 있다.

변화된 시대와 문화적 민족주의

19세기 말부터 21세기 초인 지금에 이르기까지 한민족의 역사는 분산의 역사라고 부를 수 있다. 구한말 과 일제시대까지는 중국, 러시아, 일본, 등을 중심으로 그리고 대한민국수립 이후에는 북한과 분단을 겪었다. 1960년대 이후에는 미국과 유럽 등지로 그리고 1990년대 이후 이른바 세계화 시대엔 전 세계각지로 한민족이 활발히 진출하여 정착하여 생활하고 있다.

또한 한국 내에는 결혼한 10쌍 중에 1쌍이 다문화가정일 정도로 국제결혼이 매우 빈번하며 한국에서 일하는 외국인노동자수가 200만 명을 웃도는 실정이다. 이와 같이 한국 출신 국민들의 외국에 진출해 현지 정착하는 경우가 늘고 있고, 대한민국 내에도 이미 외국인의 유입이 상당한 규모이며 앞으로도 더 확대될 것이 자명한 사실이다. 변화된 환경은 한국의 기존 종족적 민족주의에 변화를 요구하고 있다. 새롭게 한민족의 범위에 포함되었거나 포함될 수 있는 이들도 포괄할 수 있는 새로운 민족주의가 필요하다. 기존의 종족적 민족주의의 지속은 한민족의 범위를 한국 중심으로 바로 보게 하며 변화된 현실을 놓치고 한민족의 범위를 지나치게 협소하게 해석하게 만들 위험이 존재한다.

민족주의는 다른 어떤 이념보다 더 큰 범위에서 민족공동체의 통합과 유지에 적합성에 부여한다는 의미에서 한국에게 여전히 매우 유효한 이념이다. 남과 북이 갈라져있는 상황에서 평화적인 관계를 이루고 언젠가는 통일을 이루어야 한다는 입장에서 더욱 그렇다고 할 수 있다.

다만 단일민족설을 중심으로 혈통을 강조하는 종족적 민족주의는 변화된 시대 상황을 담아낼 수 없는 것이 현실이다.

남과 북 그리고 재외동포와 한국 내에 정착하고 있는 다른 국가와 민족을 통합하고 아우를 수 있는 새로운 형태의 민족주의가 확산되어야 한다. 이것은 한국어와 한민족문화를 중심 개념으로 하는 문화적 민족주의의 모양을 띠게 될 것이다.

결론

북한을 포괄하고 국내의 외국인과 많은 다문화 가정들, 그리고 세계각국의 재외동포들을 함께 아우를 수 있는 열린 문화공동체로서의 문화적 민족주의가 나아갈 방향이다. 남북간의 통일국가의 창설, 해외에 흩어진 한민족을 아우르는 연결망을 구축하여 새로운 형태의 한민족 공동체를 형성하는 것이 문화적 민족주의의 나아갈 방향이 되어야 한다.

문화적 민족주의는 한국어와 한국문화를 중심으로 세계각지에 다양하게 분포하여 생활하는 한민족 계통의 사람들을 포괄할 수 있는 ‘한’문화공동체를 목표로 해야 한다. 그것은 이미 현지화되어 다양한 모습을 띠는 고려인문화, 조선족문화, 재일동포문화와 재미동포문화등과 더불어 북한문화까지 아우를 수 있는 한민족문화의 다양성을 인정하며 조화롭게 공존하는 그런 형태가 될 것으로 예상된다. 다행히 현대사회의 교통과 통신의 발달, 인터넷중심의 문화교류 등은 문화적 민족주의의 발달에 매우 유리한 환경을 제공하고 있다.

참고 서적

1. 김계르만. 한인이주의 역사. 박영사, 2005.
2. 김봉섭. 재외동포가 희망이다. 엠에드, 2009.
3. 겔너 어네스트. 민족과 민족주의. 이재석 옮김, 예하, 1988.
4. 박호성. 남북한 민족주의 비교연구-‘한반도 민족주의’를 위하여. 당대, 1997.
5. 박찬승. 민족.민족주의. 한림과학원, 2008.
6. 서중석. 한국 현대민족운동연구. 역사비평사, 1991.
7. 신기욱. 한국 민족주의의 계보와 정치. 창비, 2009.
8. 신용하. 한국 원민족 형성과 역사적 전통. 나남출판, 2005.
9. 허성태. 임영언. 글로벌 디아스포라와 세계의 한민족. 북코리아, 2014.
10. 이광규. 신민족주의 세기. 서울대하교출판부, 2006.
11. 예동근. 조선족 3세들의 서울이야기. 백산서당, 2011.

Summary

Panel I. China's factor in the international relations of the countries of the Korean Peninsula

Border checkpoints with the DPRK as a Chinese instrument for strengthening economic and political cooperation with North Korea

Roman Tarantul

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

In this article, the author explores the activities of China in the development of checkpoints on the border with the DPRK in 2001-2020, correlating it with a gradual increase in freight turnover between countries in the time period and increase in China's share in North Korea's foreign trade. The result of the research work is the conclusion that during the period of deterioration of the economic and political relations of the DPRK with Russia, South Korea and Japan, China intensively modernized its border checkpoints with North Korea along the all border line, which largely determined the formation of China as a main foreign trade partner of the DPRK.

Keywords: China, North Korea, checkpoint, freight turnover.

The future of US-ROK alliance and the Chinese factor

Valentin Voloshchak

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The alliance between the US and Republic of Korea is today at one of its turning points. This is due to the number of reasons: the change of administration in the US in 2021 and forthcoming change of administration in ROK in 2022; the lack of progress of inter-Korean dialogue and the process of settlement of nuclear problem on the Korean Peninsula; the growth of global military and political influence of China and the US' attempts to maintain the balance of power in the region; global challenges posed by the spread of COVID-19. The successful reaching of SMA agreement (regulating the issue of cost-sharing arrangements for stationing the US troops in South Korea) in March 2021 after long period of negotiation, as well as the adoption of broad program of economic and technology cooperation following the results of Moon-Biden summit in May 2021 both demonstrate the transition to more flexible model of relations between Seoul and Washington. The present paper attempts to estimate the future trajectories of US-ROK relations and the role of Chinese factor in the dialogue between allies.

Keywords: security, alliance, USA, Republic of Korea, PRC.

The Evolution of Relations Between the People's Republic of China and the Republic of Korea: The Quantitative Assessment. (Updated data from Tsinghua University's research on the state of China's relations with major powers)

Anna Voloshina

(The RAS Institute of Far Eastern Studies, Moscow)

Developing relations with South Korea ranks at the top of the People's Republic of China's foreign policy priorities. The author applies the research methodology on the quantitative assessment of China's relations with major powers, developed at the Institute of Modern International Relations of Tsinghua University, to trace the evolution of China-South Korea relations and offer her vision of current problems and the future prospects of these ties.

Keywords: PRC, Republic of Korea, bilateral relations, quantitative assessment, problems, United States.

Prospects for relations between China and the Republic of Korea in the 21st century

Alexey Dyshin

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

For a long time (1392-1895), relations between the Korean state and the Chinese empire were characterized by the principle of "Sadae" ("service to the great"), which implied a certain vassal relationship. After the "liberation" of the southern part of the country by the United States during the Second World War, this principle was extended to the United States. The transformation of China into a world power and the strengthening of its economic power require adjustments in the policy of the Republic of Korea. On the one hand, the United States requires the implementation of certain allied actions, which is related to the deployment of US missiles on the territory of the Republic of Korea within the framework of the THAAD missile defense program. On the other hand, the strengthening of China's economic power contributes to the growth of nationalism in the country. In China, more and more people are reminded of the country's "golden age", as well as the "peculiar" relationship between the Joseon kingdom and medieval China. The leadership of the Republic of Korea will have to make a difficult choice between the two hegemons, given the importance of China as an economic partner for the Republic of Korea, making this choice will be doubly difficult.

Keywords: Korea, China, USA, world power, economic power, choice.

Panel II. Politics and Society of South Korea

Border regions of the Republic of Korea: specifics of development and relations with the center

Leonid Kozlov

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

Our report asks whether the border region phenomenon exists in the Republic of Korea. We analyzed the development of Gyeonggi, Gangwon, and Jeju provinces, as well as Ulleung County of Northern Gyeongsang. Despite the small territory of RoK, the specificity of the border regions is quite noticeable here. It manifests itself in the importance of security issues, in the influence of militaries, and business restrictions, but also in hopes for the contact potential of the border if inter-Korean relations improve.

Keywords: border region, regional development, center-periphery relations, Republic of Korea.

Institutes of Trade Policy and Diplomacy of the Republic of Korea

Marina Kukla

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The trade policy of the Republic of Korea is based on the need to synchronize the interests of the state, conglomerates and small and medium-sized businesses. For this purpose, a system of institutions has been created, which has proven to be very effective. The article examines the features of the activities of the institutions of trade policy and trade diplomacy of the Republic of Korea.

Keywords: Republic of Korea, trade policy, economic diplomacy, institutions.

Appointments of South Koreans within the UN System

Konstantin Chikhramov

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

This paper is devoted to the problem of appointments of South Koreans within the UN System. It investigates South Koreans appointed to high position within the UN system. The highest positions South Koreans have held are analyzed but a few other examples of people who have led the UN in specific fields are also recorded.

Most attention is given to Han Seung-soo as president of the UN General Assembly from 2001 to 2002 and Secretary-General Ban Ki-moon who was appointed in 2006. Their work in the UN system is presented and its evaluations are also recorded.

Keywords: UN, Security Council, General Assembly, «soft power», Secretary-General of the UN, global issues.

The impact of online technologies on the fight against the COVID-19 pandemic in South Korea

Pavel Lisitsyn, PhD

(Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg)

Natalya Orlova

(Saint-Petersburg State University of economics, Saint-Petersburg)

The text is based on the materials of the conducted research «A comparative analysis of the COVID-19 development into a pandemic and subsequent dissipation in Russia, South Korea, Sweden, and the United States»¹.

The team constructed ideal types of nation-states "entering" into the state of a pandemic. The Russian and the US cases have been combined under one ideal type – the "lockdown" model, which is the typical response of nation-states to the pandemic of COVID-19. Within the framework of this model, the main means of regulating socio-economic interactions is the strict social distancing of own population, combined with the closure of national borders. Sweden and South Korea represent "deviant cases" in relation to this model, and for them, the key problem is trust in the state, both on the part of their own populations and on the part of the international organizations and other states.

In this text, the authors focus on the case of South Korea. South Korea presents a model of "preventive surveillance", in which the basis for the regulation of socio-economic interactions is widespread testing and tracing of contacts of population, while social distancing is an additional measure. These policies are based on the experience of South Korea's struggle with previous pandemics and on the use of new technologies, including online apps.

Keywords: artificial intelligence, comparative analysis, regulations of socio-economic interactions, epidemic crisis, online culture, STS, models of epidemiological threats.

Panel III. Current problems of the DPRK

Assessment of the new arguments of the politicians of the Republic of Korea on the denuclearization of the DPRK

Kim En Un

(IFES RAS, HSE, Moscow)

The subject of the study is the evolution of the arguments of the Republic of Korea for the denuclearization of the DPRK on the example of the examples put forward in the last two years of the voluntary refusal of Kazakhstan, Belarus and Ukraine from the nuclear weapons inherited from the USSR, which allegedly provided them with security and success in economic development.

Keywords: denuclearization, North Korea, Kazakhstan, Belarus, Ukraine.

An overview of the efforts in the Republic of Korea to establish dialogue and cooperation with the DPRK during the Covid-19 Pandemic

Alina Sharafetdinova

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow)

Against the background of the stalled negotiation process between the DPRK and the United States after the progress achieved in 2018 on the issue of normalizing relations, and at the same time, the complete self-isolation of

---

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60033

the DPRK from the outside world due to the adoption of measures against the penetration of coronavirus infection, the Republic of Korea is consistently striving to restore contacts with the DPRK. As a confidence-building measure, the President of the Republic of Korea at the 76th session of the UN General Assembly proposed to conclude a Declaration on the end of the Korean War 1950-53.

Today the proposal has met with support both from the allies United States and Japan, and from the DPRK and China, which gives it a chance to become realizable in the nearest future. As an incentive, several measures of humanitarian support to the DPRK were agreed upon. Taking into account the indifferent, even negative attitude of the North Korean authorities, the big question is whether the DPRK authorities will agree to accept this support.

It is also incomprehensible here the role of Japan in resolving the Korean question, which the North Koreans prefer to see on the outskirts of the negotiations since the Japanese are actively exaggerating the problem of the Japanese citizens abducted by the North Korean intelligence service. In my opinion, the issue of humanitarian aid is a double-edged sword, and North Korean opponents will think very well before accepting any proposals from the alliance.

At the same time, both Koreas should join their efforts in the fight against coronavirus infection. In this light, Moon Jae-in's proposal to launch a Northeast Asia Cooperation Initiative for Infectious Disease Control and Public Health with the participation of countries in the Northeast Asian region, including South Korea, China, Japan, Mongolia, Russia, the United States, as well as the DPRK is the most relevant.

Both countries are coping with the new challenge with dignity, and interaction on this aspect would contribute to the normalization of relations. Through the Initiative, the ROK can help to improve the quality of North Korea's health care system. As President Moon Jae In suggested, "Korea in these circumstances should become a bridge between developed and developing countries".

The election of Moon Jae-in as president of the Republic of Korea in 2017 led to significant activation in inter-Korean relations. During a pandemic, when integration and interaction on a peaceful basis is more important than ever, the end of the Korean War by adopting a relevant document would become a reliable foundation for building trusting relations between the ROK and the DPRK. During this period, close cooperation in the field of health care, as well as in the sphere of humanitarian cooperation, could become an important help in relations between the two countries.

In this context, the speaker pays attention to the intensified activities of the Ministry of Unification of the Republic of Korea in the current period, outlines the prospects for inter-Korean cooperation in the face of the new challenges.

Keywords: the ROK, the DRPK, Moon Jae-in, declaration, Korean war, inter-Korean relations, humanitarian aid.

DPRK's opportunities for creating an asymmetric response to perspective programs of the US military

Vladimir Khrustalev

(Northeast Asian Military Studies project, Vladivostok)

In light of the development of American perspective military programs and the objective possibilities created by modern and expected perspective programs, Pyongyang faces some issues.

First of all, if there exists the opportunity of ensuring full capacity of national nuclear arsenal against the American threat. Both speaking of the ability to survive after the first strike (modern and perspective DPRK territory monitoring tools) and making a nuclear strike with missiles in conditions of hypothetical perspective defense systems existence (boost-phase missile defense system, space-based interceptors, new interceptor missile and etc).

The analysis of technological stock that DPRK is having, and also the range available for different small-tonnage purchases through third hands shows – there is some base for solving the problem. Such solutions include missiles with ultrashort boost phase, missiles with multiple re-entry vehicle (MRV) and penetration aid systems, missiles with fractional orbital bombardment system, decoy missile, anti-satellite missiles, nuclear explosions in upper layers of the Earth's atmosphere and in outer space and many other decisions. Basically by 2030-2035 Phonyang is able to create such models, in case of making a political decision.

Keywords: nuclear strike, missile defense, boost-phase missile defense system, missiles with ultrashort boost phase, missiles with multiple re-entry vehicle (MRV), missiles with fractional orbital bombardment system, decoy missile, anti-satellite missiles, nuclear explosions.

Panel IV. Economic cooperation and Russian-Korean relations

Cooperation between the Republic of Korea and the Far Eastern regions of Russia: the economic aspect

Victoria Denisenko

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The article examines special aspects of Russian – South Korean economic cooperation within the territories of the Russian Far East. The author analyses the level of economic interrelations reached between the Russian Federation and Republic of Korea in the Russian Far East; deterrents to such cooperation are given accent to; data, specifying peculiar qualities of the Russian – South Korean foreign trade turnover, is provided.

Keywords. Russian – South Korean cooperation on the Russia’s Far East; Russian – South Korean foreign trade turnover; Far East; Russian – South Korean relations; Republic of Korea.

Russian-South Korean relations on the eve of the presidential elections in the Republic of Korea: problems and prospects¹

Konstantin Ivanov

(Irkutsk State University, Irkutsk)

This article provides an assessment of the implementation of plans for Russian-Korean cooperation in the framework of the New Northern Policy of the President of the Republic of Korea Moon Jae-in and, in particular, in the framework of the 9-BRIDGE 2.0 plan. In connection with the imminent end of Moon Jae-in's presidential term in the spring of 2022, the readiness of the new South Korean president and his government to come to terms with the known risks of doing business with Russia and the ability to find a balance between cooperation with Russia and the need to preserve allied relations with the United States.

Keywords: Russian-Korean cooperation, 9-BRIDGE Strategy, New Northern Policy, presidential elections in the Republic of Korea.

Irkutsk region and the Republic of Korea: the realities of foreign economic cooperation at the beginning of the third decade of the XXI century

Ilya Oleynikov

(Irkutsk State University, Irkutsk)

The dynamics of foreign economic cooperation between the Irkutsk region and the Republic of Korea at the beginning of third decade of the XXI century is revealed, an analysis of trade statistics is presented, scenarios for the development of foreign economic relations are considered, aspects of trade of goods, services and investments are considered. There are trends of “conservation strategy”, external investments are insignificant, the fuel and raw materials orientation of the region’s enterprises’s exports to South Korean markets prevails.

Keywords: Irkutsk region, Republic of Korea, trade, investments, international cooperation.

Food service features of Korean tourists in Khabarovsk

Larisa Demina

(Independent scholar, Khabarovsk)

In this paper there are the results of written and oral poll of managers and specialists of Khabarovsk public catering service establishments dealing with Korean tourists and survey of food service consumers from South Korea – Korean tourists.

---

¹This work was supported by the Korea Foundation under the project “Russian-Korean relations in the context of new socio-economic challenges in the post-COVID era: restoration of economic ties and problem of cross-border migration”.

Analysis of study result revealed food service needs of Korean tourism customers and accordance them with the provided food service of Khabarovsk establishments, showed the main problems of food service organizing for Korean tourists and outline the ways of their solutions.

Key words: Republic of Korea, tourists, service, food, public catering service, tourism industry, inbound.

Restoration of Trans-Korean transportation: a view from Russia. Experience of 'Rajin – Khasan' railway project

Nikolai Pereslavl'tsev

(Admiral Nevel'skoy Maritime State University, Vladivostok)

The author considers in his article the essence and prospects for construction of the Trans-Korean railway (TKR) through the North and the South of the Korean Peninsula with final access to the Russian transport networks and further, to the European Continent. According to main idea, goods or passengers from Korea and the Asia-Pacific countries, departing from Busan in the Republic of Korea, would reach directly the major economic centers of North-Eastern China, the Far Eastern, Siberian and European regions of Russia, as well as Western Europe without transit stops or reloading on other means of transportation. The use of several routes to connect the Asia-Pacific region and Europe (including the TKR and the Northern Sea Route), in addition to the only one currently operating, through the Indian Ocean and the Suez Canal, could build global logistics ties in a completely different way. As well, it may give an additional impetus to the economic development of all interested countries, and help to solve many political regional problems. It seems that the main obstacle for the implementation of the TKR plan is the lack of stable mutual understanding between the two Korean states, which, for various reasons, cannot find yet a common ground on many important issues for Seoul or Pyongyang. In this regard, there is still a long way to go before the construction of the Trans-Korean Railway begins. The project contains many obstacle issues that need to be solved one way or another, and we can focus our efforts on solving them for the benefit of all partners. In addition, Russia proposes to intensify the use of the finished section of the TKR from Khasan to the North Korean port of Rason through joint cargo transportation.

Keywords: Trans-Korean Railway, Korean Peninsula, Trans-Siberian Railway, DPRK, Rason, COVID-19 pandemic.

Russian and Korean business interaction: regional trust networks formation

Darya Sokolova

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

Tatyana Selivanova

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

Business is human interactions and human networks. It is particularly true in the era of the 4th industrial revolution. Nowadays business keywords are 'externalities' and 'ecosystem' where human interactions and trust networks are of ultimate value. No collaboration and interactions, no survival in the highly competitive business world of today.

The Russian Federation is highly interested in fruitful economic cooperation with one of the world's leading powers – the Republic of Korea in the territories of the Far East.

Key words: Far East of Russia, ROK, economic actor, network.

Formation and Modern Content of South Korean National Policy on Development of Entry Cultural Tourism

Han Jihee,

Igor Tolstokulakov

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

This article determines the basic principles of South Korean national policy in the sphere of entry cultural tourism. The authors have defined the formation stages and contemporary contents of this policy, devoting the primary attention to contents of South Korean authorities' policy for stimulation of modern tourist programs and objects. The tourist programs mostly demanded by foreign visitors had been distinguished in the paper as well as bu-

reaucratic accountability of South Korean touristic sphere or modern positions of the cultural tourism and its promoting policies are determined among the general cultural policy of the Republic of Korea. Also, the authors have described the cultural policy correlation with South Korean foreign and domestic national policy. The South Korean authorities define a cultural tourism as highly integrated element of the national and regional cultural policy. The national policy in the field of tourism is directed to the wide usage of cultural traditions as well as present-day cultural achievements with goals to preserve, to popularize and to utilize actively national heritage on behalf of all Korean population and state. The most significant achievements of the South Korean state policy in the touristic sphere are the followings: forming of country's positive image abroad and increasing the popularity of South Korean producer's brands on international stage and markets.

Keywords: cultural tourism; entry tourism; the Republic of Korea; cultural heritage; national policy.

The main directions of trade and economic cooperation between the Republic of Korea and Mongolia in the late XX – early XXI century

Valentin Khrenov, Maria Kavun

(Ural Federal University, Ekaterinburg)

The article presents the main directions of trade and economic cooperation between the Republic of Korea and Mongolia in the late XX – early XXI century. Special attention is paid to the role of South Korea in the formation and effective development of the trade and economic complex of Mongolia.

Keywords: Republic of Korea, Mongolia, economic relations, export, import, investment.

Panel V. Issues in Korean Search for Sovereignty: With a Focus on the March First Movement and the Early Liberation Periods

Panel VI. Korean Diaspora in Russia and abroad.

Russian-speaking diaspora in the Republic of Korea at the present stage

Janna Ballod

(Seokyeong University, ROK)

The paper traces recent developments in the Russian speaking diasporic community in South Korea with a focus on institutionalization of Russian diaspora networks. For this in the historical and demographic overview statistical data will be utilized to investigate formation and current dynamics in Russian speaking community in the Republic of Korea. Importantly, Russian Diaspora in South Korea is not limited to citizens of Russian Federation only but rather it is comprised of “Russian world” (Russkiy Mir) community represented by “compatriots” – citizens of ex-Soviet territories share collective memories of Soviet legacies, food culture, some festive traditions, religions.

Key words: Russian-speaking diaspora, culture reproduction, public diplomacy, soft power, Russia and Korea.

Ethnocultural identity of Koreans in Kazakhstan (based on the results of the sociological survey)

Yefrem Yefremov

(Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan)

In this paper an analysis of the results of a sociological survey aimed at identifying the degree of ethnic, diasporic and cultural identity of Koreans in Kazakhstan was carried out. As part of the survey, the factors influencing ethnic and diaspora identity, interethnic tolerance of Koryo Saram and the degree of integration of Koryo Saram into the society of Kazakhstan were studied.

As part of this work, an analysis of the results of a sociological survey aimed at identifying the degree of ethnic, diasporic and cultural identity of Koreans in Kazakhstan was carried out. As part of the survey, the factors

influencing ethnic and diaspora identity, interethnic tolerance of Koryo Saram and the degree of integration of Koryo Saram into the society of Kazakhstan were studied. It is concluded that the preservation of “Koreanness” in the multiethnic society in Kazakhstan occurs on the basis of genetic factors, as well as due to the preservation of ritual and everyday culture.

Keywords: diaspora, Koryo Saram, Koreans of Kazakhstan, ethnic identity, diasporic identity.

LA Uprising as a Factor in Korean American Political Formation

Artem Oparin

(Independent scholar, Vladivostok)

Mass migration in the late 20th century leads to political incorporation of immigrant communities in destination countries. The report illustrates how social conflict is becoming a factor fueling the political formation of Korean American racial identity.

Keywords: LA uprising, riots, Koreatown, looting, Roof Koreans, Korean Americans, political formation.

The role of the Korean Diaspora in the development of cooperation between the Republic of Korea and Uzbekistan

Marina Dmitrieva

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

Relations between Uzbekistan and the Republic of Korea are multifaceted and stable, justifying the status of a strategic partnership. Since Uzbekistan's declaration of independence, its relations with the Republic of Korea have been developing consistently and in an upward direction. An important factor strengthening cooperation between the two countries is the presence of the Korean diaspora in Uzbekistan.

Panel VII. The history of Korea in the XX century

The Situation of the Sino-Korean Border in the Period of 1906-1945.

Larisa Zabrovskaya

(Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok)

The article analyzes the state of the Sino-Korean border after the announcement of a Japanese protectorate, and then the annexation of Korea to Japan. According to the Japanese-Chinese border treaty of 1909, the parties recognized the border along the border rivers Yalujiang and Tumangan. However, the question of the upper reaches of these rivers, as well as the territory of Jiandao (Korean Kando), inhabited by ethnic Koreans who migrated to these lands in the middle of the 19th century, remained unclear. Chinese Koreans considered by the king of Korea as their subjects. This fact caused controversy and misunderstanding in the following decades. After 1945, the Korean population of Jiandao (Korean Kando) intended to declare independence, but was not supported either in China or in the USSR. After the Sino-North Korean border negotiations, this area became a part of the PRC and ethnic Koreans obtained Chinese citizenship.

Keywords: Korea, Japan, China, Manzhou-go, Jiandao, Korean immigrants.

The Soviet – North Korean economic relations (1945–1953) as part of Soviet geopolitical strategy at the Far East

Yekaterina Nacharova
(IRH RAS, Moscow)

The report examines the evolution of the Soviet economic strategy towards North Korea at the onset of the Cold War. An analysis of the materials of the Soviet departments reveals that, given the preponderance of the geopolitical interests of the USSR in the region, the economic problems of both countries also strongly influenced the formation of the Soviet position on the Korean question.

Keywords: USSR, North Korea, Cold War, Soviet specialists, SCA in Korea.

Historical narrative about the Second World War in the Republic of Korea

Natalia Kim
(National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The article analyzes the historical narrative about the Second World War in the Republic of Korea. Based on a study of Korean history textbooks, a series of materials of national funds and museums created in memory of the Japanese colonialism, the author concluded that World War II is described as a secondary historical event while the focus is on the national liberation movement and the exploitative policy of the Japanese Empire throughout the war.

Keywords: historical narrative, Republic of Korea, World War II, Japanese colonialism, forced mobilization.

Panel VIII. The History of Korea: A New Time

National Liberation Movement for the Independence of Korea in the Russian Far East (1905-1919)

Alexander Ivanov
(Pacific State University, Khabarovsk)

The report deals with the problem of the Koreans national liberation struggle on the Russian Far East in 1905 – 1919 years. After the establishment of the Japanese protection under Korea, Korean immigrants started the active anti-japanese activity. Groups of guerilla formed on the territory of the Russian Far East, took part in the fightings against colonial Japanese troops and police in the northern part of Korea. On the Russian Far East there were formed Korean national organizations, which played a great role in the uniting of patriotic forces abroad.

Keywords: Korea, Russian Far East, anti-Japanese movement, Korean migrants.

Implementation of the gubon sincham concept in the reconstruction of the Gyeongungung Palace in the Korean Empire (1897-1910)

Nina Finko
(Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg)

At the turn of 20th century the government of the Korean Empire carried out a series of modernization reforms that were aimed at strengthening the sovereignty of the state. The concept kubon sincham (구본신참, 舊本新參) “preserving the old and accepting the new” was a key principle in the reform process and was supposed to help to implement Western system of political and public life with the existing traditional Korean.

In this research the reconstruction of the Gyeongung Palace and introduction of Western-style buildings (양관 / 洋館) inside of the Palace after promulgation of the Korean Empire are considered as an example of one of the manifestations of the kubon sincham concept.

Keywords: kubon sincham, the Korean Empire, Gyeongung Palace, Seoul, modernization, reforms.

Marie Antoinette Sontag (1838-1922) and her role in establishing cultural dialogue between Korea and Western countries at the turn of the XIX-XX centuries.

Irina Musinova

(Ural Federal University, Ekaterinburg)

Marie Antoinette Sontag (1838-1922) is one of the most prominent personalities of the early period of German-Korean relations. The most vivid pages of her life are connected with the Korean court, as well as with the opening of the famous residence (Sontag Hotel) in Seoul. Official meetings held at Sontag residence had a serious impact on the modernization of Korean elite. Representatives of Korean intellectual and political elite got acquainted with Western culture (coffee, camera, billiards, Western music, etc.), which subsequently entered the daily life of the Korean capital.

Keywords: Marie-Antoinette Sontag, German-Korean relations, Sontag residence, modernization, Modern History of Korea.

Panel IX. History and Culture of Korea

Peter the Great in South Korean research publications¹

Anastasia Guryeva

(Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg)

The paper aims at the thematic classification of the research publications: articles and monographs by South Korean scholars, in which the name of Peter the Great is used, and at tracing some of the tendencies in addressing it. Peter the Great's name is a part of multiple researches on Russia, dealing also with wider topics, Russian identity, politics etc. Peter the Great can also serve a link between the centuries, including contemporary times. It largely reflects general perception of contemporary Russia in South Korea nowadays and is connected by the authors with the necessity to study one of the mighty neighbouring countries and the origins the position it holds.

Keywords: Peter the Great, Peter the Great in Korea, Russia and Korea, Russia in South Korean research, Russian studies in South Korea.

Science versus mysticism: Korean, Japan and Russian Experience during the First Smallpox Vaccination in the 18th-19th Centuries

Nataliya Chesnokova

(National Research University Higher School of Economics)

The study focuses on the features of smallpox vaccination in the Russian Empire, the Korean state of Joseon and Japan in the 18th-19th centuries. The research attempts to present a comparative approach to dealing with the smallpox in these three countries. The three-staged analysis follows such research questions, as: What kind of vaccination was carried out? Who initiated the vaccination? What obstacles were met in the initial period of the vaccination?

Key words: vaccination, mysticism, Korea, Japan, Russia.

---

¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42018.

"Kuhwan-sinmul", replacing plants during periods of hunger

Andrey Zagorulko

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

In the Middle Ages in Korea, the government formed and published kuhwangban (구황방), special guides on replacing edible plants (mainly wild plants) in case of hunger, crop failure, as well as during the spring food difficulties, recipes for cooking were also published in these collections.

After 1430, at the direction of King Sejong, simultaneously with Nonsa Chixol (a treatise on agriculture), the Kuhwan pökkikpan (구 황 벽 곡 방) treatise was published, which collected information from the old Kuhwan'ban and made additions from Chinese sources. The treatise was written in Hanmun and is not available to the general public. In 1554, under Myeongjonwang, it was partially translated into Hangul and distributed to the provincial agricultural authorities. Until now, the treatise has not survived, only copies of its parts in Kuhwan-chhvaryo (구황 찰요). In subsequent years, until 1939, guides on the use of wild plants in the event of famine were republished on its basis. In the treatises, 851 species were mentioned, of which 304 were used until recently.

Parts from these treatises have been cited in medical encyclopedias and works on agriculture. During periods of food crises and natural disasters, information from them was actively used to save people from hunger. Currently, many of the recipes from these works are used in publications devoted to healthy eating.

Keywords: Kuhwangsinmul wild plants hunger treatises Kuhwanchkhvaryo agriculture.

Modern and Contemporary Architectural Heritage in Changwon-si, the Sister City of Ussuriysk

Oh Donggeon

(Independent scholar, ROK)

The work examines the state and use of modern and contemporary architectural heritage in Changwon-si, Gyeongsangnam-do. Well preserved, these monuments with unique characteristics can contribute to the promotion of cultural and historical tourism and shape the future value of the city through local content.

Keywords: Changwon, Masan, Jinhae, Masanpo, architectural heritage, Modern History and Culture District, Jinhae.

Practices of Immortality in South Korea: Is Unscientific Good or Bad?

Victoria Ten

(Independent Scholar, UK)

Industrial growth and the development of a new middle class in South Korea of the 1980s went together with increased consumption and leisure culture, causing growing concerns with health and personal self-cultivation. Accordingly, *sōngin undong* (成人運動 sports for adults), mountain hiking and *ki suryōn* (氣修練 training related to *ki* – “life energy”) were on the rise.

Ki suryōn are contemporary practices of self-cultivation in South Korea, reinvented in modernity, similar to Indian *yoga* and Chinese *qigong*. They are also referred to as *sōndo suryōn* (仙道修練 learning the way of immortality). People of older generations lived through Korea's dramatic transformation from a mostly rural agrarian society to an industrial one. Their yearning for the past, in which the “past” is idealized and imagined anew, is directly connected to the old Korean mountain culture of immortality, a touchstone of cultural authenticity. Together with the image of rural “old Korea” in the minds of contemporary people, it becomes a source of inspiration in re-inventing traditions in the spirit of nationalism. This tendency is expressed in new religious and spiritual movements that matured towards the 1980s. *Ki suryōn* is an important part of these spiritual-social phenomena.

This paper focuses on an interview with Mr. Ch'oe Hyōngsu, a trainee of GiCheon (氣天), one of these *ki suryōn* practices. He, and other practitioners of older generations, connect GiCheon to an idealized image of “old Korea”, associated with childhood fairy tales and traditional images of mountain immortals. This paper analyses

how Mr. Ch'oe understands the term *pigwahakchŏk* (비과학적 unscientific), which he uses in a positive sense. In his narrative, a term *pigwahakchŏk* embodies conflict between Korea of old and new, where “Korea old” indicates the way of life gone forever, yet reconstructed and idealized within contemporary discourse, while “Korea new” means modernity, associated with Westernization, globalization and science.

Key words: GiCheon, *ki suryŏn*, *sŏndo*, Pak Chŏnghŭi, *pigwahakchŏk*, *yangsaeng*, tanjŏn.

Panel X. Literature of Korea

”A Lucky Day” in the History of Korean Literature of the 20th Century

Maria Soldatova

(Military University of the Ministry of Defense of RF, Russian State University for the Humanities, Moscow)

Xenya Park

(Far Eastern National University, Vladivostok)

Among the works of modern Korean literature, there are two stories that share a common name. These are the story “A Lucky Day” (“운수 좋은 날”) by Hyeon Jingeon, which was published in 1924, and the story of the same name by Lee Munyeol, written more than half a century later, in 1987.

The report examines the influence of Russian literature, in particular the texts of A. P. Chekhov’s “Misery” and M. P. Artsybashev’s “Happiness”, on the work of Hyeon Jingeon, studies the intertextual interaction of the story “A Lucky Day” by Hyeon Jingeon and the story of the same name by Lee Munyeol. It also highlights the contribution of the two writers to the development of the short story genre in Korean literature.

Summing up the comparative analysis of three stories by Korean writers and two stories by Russian writers, the authors note the following:

1) Although it is generally believed that Hyeon Jingeon wrote the story “A Lucky Day” under the impression of A. P. Chekhov’s story “Misery”, this work of Hyeon Jingeon in many ways echoes the story of M. P. Artsybashev “Happiness”, which he translated into Korean.

2) Hyeon Jingeon’s story “A Lucky Day” (1924) should be better compared in terms of tragedy with Ju Yo-seop’s story “Rickshaw” (1925) published a year later, but not with Lee Munyeol’s story “A Lucky Day” (1987), which belongs to the postmodern era.

3) The nature of Lee Munyeol’s story, which alludes to Hyeon Jingeon’s story, is not tragic, but ironic. Comparing the two stories, we get the opportunity to compare life in colonial, still unified Korea and life in the Republic of Korea during the period of rapid economic growth and to see how the Korean society, its needs and mores have changed.

Keywords: Lee Munyeol, Hyeon Jingeon, “A Lucky Day”, intertextuality.

«Moral dichotomy in the characterology of Jeong Yujong's novel "Seven Years' Night"»

Valentina Tikhonenko

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The article analyzes Jeong You Jeong's novel "Seven years of Night" and proposes to identify the dichotomy of the images of the main characters in the aspect ratio of "external-internal", "moral-immoral", which allows us to comprehensively study the complex structure of the characters of the novel.

Keywords: multidimensional human nature, dichotomy, moral threshold, immoral act, personal responsibility.

The concept "food" and its lexico-semantic field in the collection of stories by Son Sokche "Picnic"

Valeriia Kuryzhko

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The article examines one of the main concepts of the collection of stories "Picnic" ("Sophun", 2006) by the South Korean author Son Sokche "food" and its lexical and semantic field. A continuous sampling of the frequency vocabulary was made to determine the keywords, and then the vocabulary associated with them was selected.

The results showed that the core of the concept includes the concepts of "life", "journey" (path, road, adventure) and "memories". The following concepts are directly related to them: dish, memories, taste, smell, travel, person, unusual, atmosphere, calmness, silence, price, adventure, feeling, time, season, holiday.

Thus, food is equated in the understanding of Koreans with life itself, an incentive to move forward (road, path) and a source of joy (adventure), and is also a keeper of memories.

Key words: Korean literature, Korean non-fiction, the concept, food.

Interpretation of the image of the father-giraffe in stories by Park Mingyu (b. 1968) and Cho Gyeongnan (b. 1969)

Inna Tsoy

(Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg)

The author will present two stories written by contemporary South Korean writers – Park Mingyu's "Really? I am a Giraffe" (2005) and Cho Gyeongnan's "Because I am a Giraffe" (2004). The author will analyze the image of the father in Park Mingyu's story, when father really turned into a giraffe, with the image of the father, which Jo Gyeongnan writes about, also mentally imagining her father as a giraffe. At the same time, it will be interesting to see if there is any reference to animal imagery in traditional Korean literature in general, and to the giraffe in particular. In other words, isn't it the image of a unicorn, a qilin hiding behind the giraffe in these stories?

Keywords: Park Mingyu, Cho Gyeongnan, contemporary South Korean prose, short story, father image, giraffe, unicorn, qilin

Connotations of ornithological mythologists in the story of S.-M. Salinsky «Birds come back to dreams»: Udegean-Korean-Japanese

Elena Kirillova

(Far Eastern Federal University, Institute of History, Archaeology and Ethnography
of Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok)

The theme continues the author's research of literary works belonging to the Russian-Polish writer S.-M. Salinsky (1902, Kraskino, Khasansky district, Primorsky Krai, the Russian Empire – 1969, Warsaw, Poland), who is quite unknown in Russia. The research object is S.-M. Salinsky's autobiographical story «Birds come back to dreams» (Vladivostok, 2015), which is based on the Far Eastern material. The main goal of the article is the study of mythopoeitics as the leading semantic basis of the work, namely: an attempt is made to explore the story from the perspective of oriental and regional mythopoeitics. Research methodology: to do this, an approach is applied to analyzing the writer's text as a bearer of frontier, or foreign, mentality. This happens when the picture of the world was formed in the conditions of ethnomigration, ethnosocial and ethno-religious transformations of the mid-XIX – early XX centuries. The subject of study is a list of various techniques based on the next approval: It has been proved that the artistic world of S.-M. Salinsky demonstrates the «implementation» of the culture of the Far Eastern frontier. This occurs when the author's consciousness expresses the results of close inter-ethnic interactions in the contact zone between countries, peoples and cultures. We come to the statement of the following fact: in the conditions of the Far Eastern cross-border, the use of fronted mythology creatively generated the writer's worldview. The result of the study is the following conclusion. Incarnation or mythorestitution of S.-M. Salinsky images of birds and related motives is a reflection of various spiritual and religious ideas and beliefs. In this case, the syncretism of folklore components of foreigners of the South Ussuri Territory is considered: Udegeans, Koreans, Japanese.

Key words: S.-M. Salinsky; «Birds come back to dreams»; mythopoeitic images of birds; ethno-cultural and inter-ethnic interactions; Far Eastern literature.

Panel XI. Philology of Korea

The consistency and dynamism of Korean business discourse

Evgeniia Kolodina

(Irkutsk State University, Irkutsk)

The purpose of this article is to analyze Korean business communication from the point of view of highlighting a systemic and at the same time dynamic nature of it, based on a functional and synergistic interpretation of discourse. Business discourse is viewed as a self-regulating system of pragma-semantic properties of speech, which is influenced by the external surrounding (the communicative situation and the consciousness of the communicants). The main characteristics of business discourse are corporatism, conventionality, formality and ritual.

Keywords: Korean business discourse, business communication, functional linguosynergetics, nonlinearity of discourse.

Russian loanwords in the Korean language

Elena Kondratyeva

(Moscow State University, NRU Higher School of Economics, Moscow)

The purpose of this work is to present the results of a systematic study of the loanwords from the Russian language into the Korean language of the DPRK.

Author analyzed North Korean dictionary in 6 vol. and made complete list of loanwords. The paper concentrates on the phonetic transformations (vocalization in the final syllable, in clusters, replacement of sounds, etc.), as well as on the features of graphic transformation of Russian loanwords into North Korean.

Keywords: Korean language, DPRK, Russian Loanwords, adaptation of the loanword.

Reflection of the linguistic worldview in North and South Korean National Culture & Languages

Zhanna Nee

(Vladivostok State University of Economics & Service, Vladivostok)

The article highlights the problem of linguistic worldview as a historically determined mode of world modelling in its semiotic aspect. The problem under study touches upon the aspect of linguistic worldview reflection in the languages of North and South Korea. Subject of research is comparative analysis of the linguistic worldview in North and South Korean National Culture & Languages. Research methodology papers of Russian and Foreign linguists and Korean studies devoted to the analysis of the linguistic worldview. The results of research is compilation of a glossary of commonly used terms based on the analysis of the linguistic worldview and its reflection in North and South Korean National Culture & Languages.

Key words: linguistic world, linguistic culture, reflection in language and culture, semiotic understanding.

On one Feature of the Morphosyntax of the Copula in the Kyōngsang Dialect of the Korean Language

Evgeniya Brechalova

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

A study based on the transcription of "The Little Prince" by A. de Saint-Exupery into the Kyōngsang dialect of the Korean language showed that the choice of the alloform of the final ending (-*ta* ~ -*la*) of the copula depends on the syntactic context as follows: if the copula is included in the so-called formal predicate, then the allomorph -*la* is used as its finite ending, otherwise — the alloform -*ta/-teyi*. A formal predicate here means a predicate of the form "participle + auxiliary noun 'fact/thing' + copula" (Seoul. -*nun/-u(n)/-(u)l kes i-ta*).

Study of Differences of North Korean and South Korean Vocabulary

Kim Hye Ran

(Russian State University for the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow)

This article highlights the differences between North Korean and South Korean vocabulary in terms of language and meaning. The author highlights the reasons for the emergence of linguistic differences, considers the most important reason for the language policy of North Korea, aimed at cultivating differences for ideological reasons. The author considers it necessary to create a single standard for the two North Korean and South Korean versions of the language of the Korean peninsula for the soonest unification of the people.

The creation of a common standard for the two dialectal languages could contribute to a unified international Korean education along with the soft power culture of Hallyu, and it could be the likelihood that Korean will be included in the six official languages of the United Nations.

Keywords: the language differences, North Korean vocabulary, South Korean vocabulary.

Panel XII. The Young wave of Russian Korean Studies

The Use of Historical Cinematography in Education in the Republic of Korea

Sofya Stroykina

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The report examines the use of historical films in the teaching of history in the Republic of Korea: its frequency, specificity and correlation with the established curriculum. **Key words:** history education, history cinematography, curriculum, educational methods, trends in education.

Transformation of the legal status of LGBT persons in the Republic of Korea

Lina Shikhova

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The report is a result of research on legal status of sexual minorities in The Republic of Korea. It notes that progress in the development of legal protection sexual minorities is slow, and currently only the rights to freedom of assembly are protected and fully realized. A feature of the anti-LGBT movement in the Republic of Korea is the active opposition of Christian organizations, which believe that sexual minorities threaten family values.

Keywords: sexual minorities, human rights, LGBT, social movements, discrimination.

Gender stereotypes in the sphere of employment and labor: analysis of the Korean media

Kseniia Komarova

(Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk)

After the liberation from Japanese imperialism (1945) the status of women on the Korean peninsula began to improve. But traditional gender roles still exist. The stereotypes in Korean corporate culture in media discourse have been analyzed in this re-search. It is proposed to use an interdisciplinary method of discourse analysis to reflect gender roles in the professional sphere. The main purpose of this research is figuring out the main challenges Korean society have to face.

Key words: Republic of Korea, gender equality, gender discourse, stereotypes, professional activity.

Perception and interpretation of Confucian values in the works of director Park Chang Wook

Vladimir Mikheev

(Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg)

Confucianism, which is one of the foundations of Korean culture (including the culture of the Republic of Korea), perceives the phenomenon of revenge itself in a negative way. According to Confucian views, it is harmful. Mencius (372 BC – 289 BC) – Confucian philosopher – said that such an act is a vicious circle, the Confucians called for the rejection of violence.

At the moment, cinema is one of the most influential art forms in the world. Park Changuk, in turn, is one of the most famous South Korean directors at the moment.

His authorship belongs to the famous "Trilogy of Revenge", consisting of three films: "Sympathy for Mr. Revenge", "Oldboy", "Sympathy for Mrs. Revenge". Also, the analysis will include his other famous works: "Joint Security Area", "Thirst".

The purpose of this report is to analyze this trilogy from the perspective of how traditional Confucian morality is perceived in it – does the author enter into polemics with it, or, on the contrary, expresses his consent?

To get an answer to this question, this report analyzes the aforementioned films both from a plot point of view and from the point of view of the pre-chamber space, camera work and other technical details, as well as their cultural analysis.

Key words: cinematography, Korean studies, cinema of Korea, culture of Korea, Confucianism.

Causal mechanism of the transnational labour migration flows post-Soviet countries to the Republic of Korea

Maxim Nee

(Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg).

Abstract

The report attempts to describe the mechanisms that explain the formation of low-skilled labor migration flows from the post-Soviet space to South Korea. As an empirical basis, we use data from field observations in two cities of the Republic of Korea (Ansan and Changsu), conducted in early 2019.

Key words: Transnational migration, South Korea, Russia, Kazakhstan, Uzbekistan.

Special Panel: "Problems of distortion of history and nationalism in the ROK and the DPRK"

Ethno-National Origins Discourse in South and North Korea

Vadim Akulenko

(Far Eastern Federal University, Vladivostok)

The historical transformation of the Ethno-National Origins Discourse in the DPRK is a great example of gradual distortion of Korean History made by North Korean scholars, who strives to follow the orders of the Great Leader and the Workers' Party of Korea. The newest theory of Korean People's Ethnogenesis in the DPRK declares Korean People as the oldest genetically homogeneous nation on Earth and makes a significant contribution to the formation of a unique collective consciousness of North Korea. On the other hand, South Korea Academia experienced a great influence from Japanese and American scholars, while developing its own view on the History of the ethno-national origins.

Keywords: Ethno-National Origins, Ethnogenesis, South Korea, North Korea, Korean people.

The evolution of Korean nationalism in the 21st century: from ethnic nationalism to cultural nationalism

Kim Won Il,
(RUDN University, Moscow)

The historical background of the evolution of Korean nationalism was different from that of the West and Japan. Korean nationalism, which existed in an immature form before the annexation of Korea, developed into ethnic nationalism throughout the colonial period. In the 21st century Korean nationalism evolved from ethnic nationalism into so called cultural nationalism. Cultural nationalism implies ethnic diversity and inclusiveness that encompasses both South and North Korea focusing on the Korean language and 'Korean' culture. Moreover, cultural nationalism encompasses the overseas Korean community and former foreign citizens naturalized in the Republic of Korea.

Keywords: ethnic nationalism, cultural nationalism, globalization, overseas Koreans, Korean culture.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ КОРЕЕВЕДЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ДВФУ**

Владивосток
5–6 ноября 2021 г.

Подписано в печать 6.12.2021 г.
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 24,18.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–113). Заказ 261.

Дальневосточный федеральный университет
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.
(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)